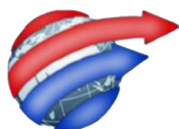

Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации

Курск 2018

КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации

*Сборник статей по материалам V международной
научно-практической конференции*

Курск 2018

УДК 911.3
ББК 65.04
С83

Рецензенты:

Сысоева Наталья Михайловна – док. геогр. наук, профессор, завотделом региональных экономических и социальных проблем Иркутского научного центра СО РАН;

Герасименко Татьяна Ильинична – док. геогр. наук, профессор, завкафедрой географии и регионоведения Оренбургского государственного университета

С83 Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации [Текст]: сборник статей по материалам научно-практической конференции. Под ред. Л.И. Попковой, Цезары Мадры, Л.Б. Вардомского; Курск. гос. ун-т. – Курск, 2018. – 362 с.

Сборник статей по материалам научно-практической конференции «Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации» освещает результаты исследований, проведенных в СНГ и ближнем Зарубежье по проблемам приграничного сотрудничества.

Материалы сборника будут интересны экономико-географам, экономистам, экологам, специалистам по региональной политике и территориальному проектированию, учителям географии, аспирантам, студентам.

УДК 911.3
ББК 65.04

**Издание осуществляется при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований**

(проект 18-05-20106-г)

© Курский государственный университет, 2018

© Коллектив авторов, 2018

*Посвящается кафедре экономической и социальной географии
Курского государственного университета
(1965–2018 гг.)*

Содержание

Раздел 1. Социально-экономическое развитие приграничных регионов

Бледнова Е.М. Малый бизнес в аграрной сфере Курской области в конце XX- начале XXI веков	11
Даньшин А.И. Эффект границы в формировании сельскохозяйственной специализации регионов России	16
Долганова М.В. Территориальные различия в эффективности использования сельскохозяйственных земель Брянской области	25
Зотова М.В. Адаптация экономики республики Крым к новым геополитическим условиям	31
Зотова О.А. Социально-экономический потенциал приграничных регионов (на примере Оренбургской и Западно-Казахстанской областей)	39
Игонин А.И. Геоинформационный анализ финансовых результатов деятельности предприятий приграничных районов Курской области	46
Катровский А.П. Высшая школа как фактор экономического развития приграничных с Белоруссией российских регионов	55
Коломейцева А.В., Яковенко Н.В. Приоритетные направления социальной политики Воронежской области	62
Крылов П.М. К вопросу о территориальном планировании транспортной инфраструктуры приграничных регионов РФ	66
Попкова Л.И., Овсянников А.С. Основы пространственно-координатного анализа активности населения в аграрном секторе экономики регионов	71
Сушкова О.Ю. Некоторые современные тенденции развития рынка труда Воронежской области	80
Сушкова О.Ю., Недодин К.К., Зарочинцева М.В. Актуальные проблемы безработицы приграничного региона на примере городского округа г. Воронеж и Воронежской области	84
Требушкова И.Е. Основные направления развития пищевой	91

промышленности курского приграничья

Халил М.Р. Социально-экономическое развитие приграничных регионов (на примере Палестины)	98
Чаплыгина О.Г., Чаплыгина Т.А. Экспорт продукции как перспективное направление развития АПК	105
Шадраков А.В. Региональные тенденции и факторы развития промышленного комплекса сопредельных территорий белорусско-российского приграничья	112
Яковенко Н.В., Комов И.В. АПК приграничного региона: проблемы и тенденции в развитии	119
Яськова Т.И. Основные направления реализации инвестиционных проектов как фактор социально-экономической модернизации Смоленской области	123
Раздел 2. Современные проблемы структуры и расселения населения приграничных территорий	
Антипова Е.А. Демографическое старение приграничных регионов Беларуси и использование его потенциала	131
Астрелин А.М., Еремин А.А. Сравнительно-демографический анализ приграничных регионов России	135
Гагауз О.Е., Табак Т.В. Социально-экономическое развитие республики Молдова в контексте современных демографических вызовов	141
Гостеева Ю.А., Яковенко Н.В. Трудовые ресурсы Воронежской области: современные тренды	147
Дюканова Е.Н. Динамика сальдо миграций в Курской области на постсоветском пространстве	152
Крупко А.Э., Пошвин О.В. Устойчивое развитие системы населения и расселения Каширского муниципального района Воронежской области	155
Малышко Я.О. Влияние политического кризиса на Украине 2013-2014 года на приток мигрантов в Курскую область	161

Панков С.В. Основные подходы к реализации региональной руральной политики	163
Проскурина Н.В. Экистические особенности ландшафтов малых «исторических» городов Воронежской области	169
Разенков П.И. Влияние социально-экономических условий на демографические процессы в республике Беларусь и ЦФО (России)	173
Разенков П.И. Влияние экономического кризиса на демографические процессы в республике Казахстан	179
Сарбаз А.А., Яковенко Н.В. Демографический фактор в мировом развитии	187
Терещенко Т.А., Акжигитова Ж.М. Тенденции демографического развития в приграничных территориях Казахстана	190
Уставщикова С.В. Этно-демографические особенности населения приграничных районов Саратовской области	196
Ушакова В.Л. Миграционный фактор в социально-демографическом развитии приграничных муниципальных образований Приморского края	199
Чугунова Н.В., Полякова Т.А., Комкова А.И. Сельское расселение Белгородской области: результаты, тенденции изменений	206
Шаблинская В.П., Яковенко Н.В., Диденко О.В. Динамика численности сельского населения в межпереписной период (на примере Воронежской области)	213
Яковенко Н.В., Комов И.В., Диденко О.В., Сафонова И.В. Демографическое развитие региона в современных условиях (Воронежская область)	218

Раздел 3. Приграничное взаимодействие теория и практика

Блажко В. Еврорегион как форма трансграничного сотрудничества (на примере еврорегиона «Нижний Дунай» Республики Молдова)	223
Зорин В.Н. Наш китайский «шаман – камень»	228
Иванов М.Ф., Литвинов Р.В. Возможности трансграничного	232

сотрудничества республик Донбасса и регионов России в инвестиционно - строительной сфере	
Ильинова А.И. Социальное предпринимательство в системе приграничного сотрудничества Курской области в конце XX-начале XXI веков	237
Третьяков А.В. Формирование законодательства о приграничном сотрудничестве в России на рубеже XX-XXI веков	243
Шлапеко Е.А., Степанова С.В. Проблематика формирования трансграничного социокультурного пространства в российско-финляндском приграничье	249
Раздел 4. Туристско-рекреационные кластеры как драйверы развития приграничья	
Агасиева Р.К. Использование новых возможностей развития нетрадиционных видов туризма в Азербайджане (на примере приграничных районов Большого Кавказа)	255
Азизова С.С. Потенциальные возможности развития туризма в приграничных районах Азербайджана (на примере Бейляганского, Имишлинского и Билясуварского районов)	261
Алгафри М.А., Моханнад М.А. Актуальные проблемы управления культурным наследием и развития туризма в Сирии	267
Бондарева М.С., Конорева Д.М., Нелепина Е.А. Футурология развития гостиничной индустрии для людей с ограниченными возможностями	272
Воинова Н.Е., Арцыбашев Д.В., Алюшин Р.Е., Малина В.В. Сельский туризм как фактор развития приграничья (на примере Курской области)	274
Конорева Д.М., Бондарева М.С., Воинова Н.Е. Пропаганда здорового образа жизни на территории гостиничного комплекса «аквамарин» курского порубежья	281
Степанов М.А. Нематериальное культурное наследие и его значение в туризме (на примере Курской области)	283
Степанов М.А. Скансены как туристский ресурс Центрального Черноземья	288

Филиппова С.И., Сенькина А.А., Киреева-Гененко И.А. Общественное природопользование сельских населенных пунктов, как рекреационный аспект (на примере села Шляхово Корочанского района Белгородской области)	294
Худякова Г.М., Воинова Н.Е. Возможности развития туризма приграничных территорий (на примере Курской области)	297
Шакле С.А. Принципы интегрального рекреационного районирования территории	300
Alghafri, M.A., Mohammad M.A. The Future Investment of Cultural Heritage in Syria	302
Shomul S.Y., Alghafri M. A. The impact of terrorism on tourism and hospitality sector	308
 Раздел 5. Экологические проблемы приграничного пространства	
Батраченко Е.А., Полякова Н.О. Особенности формирования и функционального зонирования культурных ландшафтов Суджанского района	315
Гонеев И.А. Возможности формирования устойчивого ландшафтно- экологического каркаса на приграничных территориях	318
Горин В.Б., Харченко С.В. Подходы к созданию опорной сети по наблюдению за динамикой развития оврагов в курском приграничье	322
Дьяченко В.В., Матасова И.Ю. О Влиянии трансграничного аэрального переноса веществ на формирование геохимического спектра почв	327
Лукашова О.П. Опасные природные явления как фактор риска климатического природопользования (на примере Курской и Сумской областей)	333
Мустафаева Н.А. Экологические проблемы загрязнения трансграничных рек Азербайджана	337
Сапронова С.Г., Балабина И.П. Подходы к экологическому анализу степных травянистых сообществ курского приграничья	342

Семенова И.С. Основные факторы природной и социально-экономической среды, негативно влияющие на здоровье населения Мурманской области	344
Сошникова И.Ю. Особенности уникальных природных территорий в приграничном регионе (на примере Курской области)	348
Чернышев А.А., Казаков С.Г. Экологические проблемы на административных границах субъектов РФ (на примере Курской и Белгородской областей)	353

РАЗДЕЛ 1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

МАЛЫЙ БИЗНЕС В АГРАРНОЙ СФЕРЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XX- НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ

Е.М. Бледнова

Курский государственный университет, Россия

e-mail: kbcbxrf046@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению процесса развития малого бизнеса в аграрной сфере приграничной Курской области в условиях реализации радикальных аграрных реформ в конце XX-начале XXI веков и обострения геополитической ситуации. Изменение форм земельной собственности и землепользования стимулировали формирование фермерского уклада в аграрной сфере Курской области, что способствовало сближению экономического взаимодействия хозяйствующих субъектов приграничных территорий.

Ключевые слова: малый бизнес, предпринимательство, аграрная сфера, закон, экономическое взаимодействие, приграничное сотрудничество, народно-хозяйственная дипломатия.

В истории России конец XX- начало XXI веков период особенный. В исторической науке и обыденной жизни это время получило название переходного периода от плановой или директивной экономики к рыночному хозяйствованию во всех сферах жизнедеятельности. Естественно то, что более чем тридцатилетний период реализации социально-экономических реформ показал состоятельность и не состоятельность определённой части реформ, предложенных теоретиками реформ. Однако фактом истории остаётся то, что Курская область вновь стала приграничной территорией, на которой весьма устойчиво, хотя и неравномерно развиваются предпринимательские отношения. Бесспорно и то, что в аграрной сфере региона малый бизнес получил развитие в виде фермерского движения. Однако в области, как и в России, фермеры не стали основными сельхозтоваропроизводителями, но как экономический уклад успешно действуют.

Анализ источников и историографии проблемы свидетельствует о том, что конец XX века в России проходил под знаком или лозунгом, что «вольный хлебопашец», ставший хозяином на земле всецело накормит Россию. Реалии повседневной жизни показали, что идеология реформ и обоснование их необходимости это было важно и нужно, но любая идеология должна основываться на знании положения дел в реальной сфере жизнедеятельности. С этим оказалось сложнее.

Реальные замыслы радикальных аграрных реформ и особенно ликвидации колхозно-совхозной системы хозяйствования предстоит выяснить, хотя многие аспекты понятны уже сейчас. Вместе с тем на базе дискредитированных и развалившихся крупных сельхозпредприятий стали

возникать фермерские хозяйства. Анализ источников показывают, что данный процесс в большей степени развивался под административно-командным нажимом, особенно после 1991 года.

Дело в том, что в Курской области в период с 1985 по 1991 г. партийно-государственное руководство региона формировало систему хозяйственно-правовых основ, стимулировавших развитие новых рыночных форм хозяйствования. Из справки Курского обкома КПСС видно, что в 1990 г. в области работали 133 крестьянские (фермерские) хозяйства. В пользовании новых хозяев находилось 6945 га земли. В среднем на одно хозяйство приходилось по 52,2 га земли [Подсчитано по: 2, Л. 66]. В марте 1991 года для поддержки развития фермерского движения в регионе была учреждена областная ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов [13]. Однако эволюционное развитие было прервано.

Начиная с 1991 года, тенденция на ускоренное развитие фермерского движения, обрела устойчивый характер. Если в 1990 году в области было 133 фермерских хозяйств, то уже в 1992 году их было 1532, а в 1993 году стало 2044 хозяйства [8, с. 26]. Начиная с 1994 года численность крестьянских (фермерских) хозяйств в регионе начинает заметно сокращаться. Так только, начиная с 1 января 1992 года, количество действовавших хозяйств сократилось на 99 единиц. В дальнейшем сокращение продолжалось. В 1993 году сеть фермерских хозяйств сократилась на 250 единиц, в 1994 на 609, в 1995 на 804, и в 1996 году на 1003 хозяйства соответственно [8, с. 28]. По нашему мнению это свидетельствовало о начале численной стабилизации фермерских хозяйств в области и окончании периода фермерского «романтизма». У населения, а от части, и у руководства всех уровней постепенно утрачивались иллюзии о том, что любой желающий может заниматься «вольным хлебопашеством».

Из нижеследующей таблицы видно, что в начале XXI века сеть крестьянских (фермерских) хозяйств в Курской области стабилизировалась, а сами фермеры как хозяйствующие субъекты заняли устойчивые позиции среди сельхозтоваропроизводителей. Уменьшение числа фермеров это, прежде всего результат укрупнения фермерских хозяйств, как результат выявления практическим путём, что малоземелье не только сдерживает, но и ведёт к утрате конкурентоспособности новых хозяев.

Историографический и источниковый анализ показывают, что процесс уменьшения численности крестьянских (фермерских) хозяйств в Курской области стал также результатом практического развития идеи фермерской сельскохозяйственной кооперации. В условиях малоземелья, слабой финансово-хозяйственной базы фактически всех фермеров их кооперация стала рассматриваться как условие устойчивого развития и повышения конкурентоспособности, особенно при реализации произведённой продукции.

Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на политику властных структур области, нацеленную на создание режима наибольшего благоприятствования для развития крестьянских (фермерских) хозяйств в регионе фермерам в большей своей части доставались заброшенные земли

развалившихся колхозов. Дело в том, что паевой земли для эффективного хозяйствования было недостаточно. В силу этого фермерам приходилось заниматься восстановлением земель сельскохозяйственного назначения. Это естественно отвлекло и время и финансово-материальные средства от основной деятельности.

Таблица

Число крестьянских (фермерских) хозяйств в Курской области
в конце XX- начале XXI вв.

	Годы					
	1990	1995	2000	2005	2010	2016
Число КФХ	133	1775	1333	1343	1372	1333
Средний Размер земельного надела (га)	52,2	56	84	128	186	214

Составлено автором по: [2, Л. 66; 9, с.32; 10, с.35; 11, с. 30; 12, с. 181]

Это типичная проблема для России и Курской области. О ней достаточно полно говорил фермер из Хомутовки Г. Н. Захаров. «- В прошлом году(2006 Е.Б.), – говорил он, – из 900 гектаров земли, которые мы засеяли, две трети составляли залежи. Подняли целину. В этом году посевные площади планируем увеличить почти до 3000 гектаров. Может, и животноводством придется заняться.., – говорит фермер и вдруг переходит на минорный лад:

- А иногда проснусь и думаю: а зачем мне это нужно...

Поймите, я не меркантильный человек, мне хватает... Но! За те же поднятые залежные земли я не получил ни рубля, а ведь столько принято программ по развитию фермерских хозяйств и даже по развитию ландшафтного земледелия»[3].

Можно согласиться с выводом, сделанным в газете: «Фермеры области подняли нынче немало залежных земель, в том же Хомутовском районе они пустовали с 90-годов. Но за счет энтузиазма, чисто по крестьянской привычке: весна пришла – надо работать в поле. Областная Дума должна услышать фермеров и ответить им конкретно направленными средствами для конкретных земледельцев, которым почести и комплименты не очень-то и нужны. Фермер-передовик Захаров в Курской области ведь не один...» [3].

Вместе с тем, преодолевая разнообразные трудности, а самыми основными были недостаток финансово-материальных средств, малоземелье, отсутствие надлежащего законодательства, особенно в правоприменительной части фермеры весьма успешно работали. Тот же Г.Н. Захаров в 2006 году получил 630 центнеров сахарной свёклы с гектара, зерновые «местами дали по 50 центнеров на круг» [3]. Глава крестьянского (фермерского) хозяйства «Ферхофан» из Рыльского района А.Н. Фролов, имея пашни «всего 173 гектара». занимается «исключительно зерновыми культурами», возделывая озимую и яровую пшеницу, ячмень. «Урожай в «Ферхофане» хорошие, не

каждому фермеру удастся получать такие. Например, гектар озимой пшеницы в прошлом году (2017 Е.Б.) дал по 50 центнеров зерна, ячменя - по 35».[6]

Естественно, что не следует абсолютизировать материально-техническую базу крестьянских (фермерских) хозяйств региона. Однако следует признать, что она у фермеров «первой волны», прошедших все трудности становления и развития становилась надлежащей, что позволяло вести полноценный производственный цикл. К примеру, 9 сентября 1991 года в Тимском районе было создано фермерское хозяйство В.В. Шашкова. Фермер имел 137 га пашни. Из них 120 предназначалось под зерновые и 17 га под кормовые культуры. Для производства зерновых фермер имел в собственности: комбайн Дон- 1500, грузовые автомобили Зил -130, Газ- 53, трактор ДТ- 75, два трактора МТЗ- 80 и 4 навесных плуга [1, Л.215].

Системная и целеустремлённая работа позволила В.В. Шашкову развить и укрепить материальную базу. Уже в 2007 году его хозяйство имело «почти пять тысяч гектаров, и специализируется оно на выращивании зерновых и технических культур, сахарной свёклы, разведении крупного рогатого скота» [7]. «Увеличивающаяся в размерах пашня,- читаем в газете,- позволила выращивать не только пшеницу и ячмень, как прежде, но и подсолнечник, кукурузу, горох...Спустя время Василий Егорович пришёл к выводу, что надо ввести в севооборот и сахарную свёклу. Он вообще не привык работать на «холостых оборотах». Прежде купил необходимый сельхозинвентарь, свеклоуборочный комбайн «Ропа» и в нынешнем году посеял 400 гектаров свёклы. На будущий год планирует расширить площадь до 800- 1000гектаров» [4].

Анализ источников показывает, что, несмотря на объективные и субъективные трудности материально-техническая база малых и средних предпринимателей в регионе в начале XXI века противоречиво, но устойчиво продолжала развиваться и совершенствоваться. При этом важно подчеркнуть, что наиболее стабильно шёл процесс формирования фермерскими хозяйствами собственного земельного фонда. На наш взгляд это было вызвано последовательной политикой властных структур Курской области по формированию нормативно-правовой базы стимулировавшей развитие предпринимательства в регионе.

Трудности с получением банковских кредитов сдерживали процесс формирования технической базы малого и среднего бизнеса в аграрной сфере области. Дело в том, что банки, предоставляя кредит, прежде всего, исходят из собственных бизнес-интересов и не учитывают специфику кредитуемого производства. О типичной ситуации рассказывает один из фермеров региона. « - В прошлом году во втором квартале я допустил снижение выручки на полтора миллиона рублей и меня оштрафовали на 28 тысяч. Хотя по году я с гаком все перекрыл. У нас же сезонная работа и реализация зерна. Этого в договоре ни банк не учел, ни я. И вообще, договор же заранее не дают читать – его подписываешь в последние минуты. Я всегда считал, что мое дело – вовремя платить долг и проценты. А если еще что-то нужно – так укажите

мне на это. В общем, сняли деньги – и все тут. Кроме того, пакет документов, на сбор которых уходит немало времени, «действителен» только месяц. Если за это время не получаешь кредит, собирай бумаги снова – прежние «устарели». Более того, в прошлом году нам кредит одобрили в апреле, а начали выплачивать в мае, когда он нам уже не особенно был нужен.

В первых числах января подали заявку. Время, как всегда, тянулось. В конце концов, в марте нам кредит одобрили. Звонят из банка, сообщают, что сегодня будут выдавать кредит. Я как человек, уже имеющий горький опыт, прошу сначала дать мне почитать договор. Мне заявляют, что я должен получить кредит до 18 часов. А я в ответ говорю, что, не почитав договор, не буду его подписывать! Словом, настоял на своем.

Приезжаю, беру договор, читаю. И что же вы думаете? Уже не помню точно, 23 или 28 пунктов насчитал я, по которым банк имеет право меня оштрафовать! Это при том, что я буду своевременно выплачивать и долг, и проценты! Кроме того, кредитор имеет право увеличить банковскую ставку, если что-то с моей стороны посчитает нарушением. Нет, меня такая «льгота» совершенно не устраивает. Я отказался от кредита»[5].

Вместе с тем, преодолевая объективные трудности и субъективные факторы сельское население Курской области в рыночной повседневности, активно втягивалось в предпринимательскую деятельность по производству товаров народного потребления и совершенствования социокультурной сферы села. В настоящее время малый бизнес в сельском хозяйстве региона устойчиво развивается. Так доля крестьянских (фермерских) хозяйств в структуре продукции сельского хозяйства увеличилась с 3,9% в 2006 году до 8,7 % в 2016, а доля хозяйств населения в 2016 году составила 18,6 % [12, с.176].

Из вышеизложенного материала следует, что преодолевая трудности, фермерство в Курской области стало экономическим укладом, занявшим важное место в производстве сельскохозяйственной продукции. Личные подсобные хозяйства населения в рыночной повседневности всё активнее стали входить в рынок. Успехи предпринимателей в сельском хозяйстве стимулируют деятельность властных структур по развитию приграничного сотрудничества в экономической и социально-культурной сферах. Вместе с тем достижение устойчивости в трансграничном сотрудничестве требуют совершенствования нормативно-правовой базы приграничных государств и их субъектов.

Литература

1. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р- 3168. Оп.3. Д.2090.Л.215.
2. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп.87. Д.1733. Л.66.
3. Багликов О.«Зачем мне орден?» Почему так говорит хомутовский фермер Геннадий Захаров // Курская правда.– 2007.– 18 мая
4. Белунова А. Запасной аэродром фермера Шашкова // Курская правда. – 2010. – 30 сентября.

5. Белунова А. Фермер отказался... от льготного кредита //Курская правда1. – 2018. – 10 июля
6. Козлов Ю. Фермер без поддержки не останется // Курская правда. – 2018. – 12 января
7. Русанова Н. Составляющие успеха фермера Шашкова // Комсомольская правда.– 2007.– 28 апреля.
8. Сельское хозяйство Курской области. 1997: Статистический сборник / Курский областной комитет государственной статистики.– Курск,1997. – 185 с.
9. Сельское хозяйство Курской области. (2000-2004): Статистический сборник / Курский областной комитет государственной статистики. – Курск,2005. – 212 с.
10. Сельское хозяйство Курской области. (2003-2007): Статистический сборник / Курский областной комитет государственной статистики.– Курск, 2008. – 214 с.
11. Сельское хозяйство Курской области (2009-2013). 2014. Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. – Курск, 2014. – 200с.
12. Статистический ежегодник Курской области. 2017: Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. – Курск, 2017.– 436 с.
- 13 Учредительное собрание крестьян // Курская правда. – 1991. – 7 марта

ЭФФЕКТ ГРАНИЦЫ В ФОРМИРОВАНИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ

А.И. Даньшин

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
географический факультет, Россия
e-mail: alivda@yandex.ru*

Аннотация: В работе рассматривается изменение сельскохозяйственной специализации в связи с разными факторами. Предполагается, что в рамках циклично-генетической динамики региональные специализации, в том числе и сельскохозяйственная, находятся под перманентным воздействием полициклизма, проходят стадии, свойственным всем экономическим объектам. Определяется важнейшее значение природной компоненты и ее роль в формировании ареалов устойчивой специализации сельского хозяйства. Рассматривается неустойчивость и мерцательность границ специализации сельского хозяйства как ответ на экономические вызовы времени. Даются примеры трансграничного и барьерного влияния границ на аграрное производство.

Ключевые слова: специализация сельского хозяйства, эффект границы, цикличность, агроклиматический потенциал, природообусловленные границы, рыночный фактор.

В данной работе мы будем понимать под границей любую пространственную черту (в некоторых случаях переходную зону), отделяющую одну территорию с определенной сельскохозяйственной специализацией от другой.

В настоящее время мировая экономика вступила в фазу повышенной волатильности, когда процессы, происходящие на глобальных рынках, ведут к существенным деформациям на локальных и региональных рынках. Сформировавшиеся в предшествующие периоды территориальное разделение труда и производные от него (специализация регионов и межрайонный обмен) оказываются в ситуации повышенной неустойчивости, когда циклы конъюнктуры дестабилизируют ценовое пространство, резко меняя стоимость выпуска, при относительно стабильных затратах.

Специализация сельскохозяйственного производства, как одного из важных элементов экономики, имеет свои отличительные черты, обусловленные особенностями отрасли.

В сельском хозяйстве переплетаются множество факторов, влияющих на специализацию. В первую очередь, это действие биологических законов воспроизводства, но при существенной значимости экономических процессов. В сельском хозяйстве ярко выражена сезонность, причем уменьшение коэффициента сезонности не всегда оправдывается экономической эффективностью. В сельском хозяйстве производится довольно много скоропортящейся продукции, что требует организации ее переработки или потребления в кратчайшие сроки. Эти особенности оказывают большое влияние на формы, темпы и в целом на весь процесс специализации производства. Поэтому специализация сельского хозяйства есть результат наилучшего решения вопросов размещения сельского хозяйства на основе понимания действия объективных условий, от которых это размещение зависит [8].

В рамках циклично-генетической динамики (Ю. Яковец [11] и др.) как составной части эволюционной парадигмы региональные специализации, в том числе и сельскохозяйственная, находятся под перманентным воздействием полициклизма (циклы Кондратьева – Шумпетера, Кузнецца, Джуглара – Маркса и т.д.). В результате в зависимости от благоприятности факторов размещения производства можно говорить об устойчивых, неустойчивых и мерцающих специализациях. В отличие от других отраслей на сельское хозяйство дополнительно накладывается природная компонента самостоятельно определяющая благоприятность в размещении тех или иных направлений сельскохозяйственного производства. Природная компонента выступает в двух важнейших аспектах: влияние на территорию при процессах длительного изменения (климат и климатические флуктуации, в том числе глобальное потепление, а также длинновременная трансформация почвенного покрова при вовлечении его в аграрное производство) и процессах ежегодных изменений погоды, определяющих настоящее состояние сельского хозяйства, и влияющее на эффективность производства отрасли в данный конкретный год. Сложности прогноза погодных условий на сельскохозяйственный сезон приводят к тому, что отрасли (сложившаяся специализация) существуют в тех условиях, которые в данное время имеют место в каждом конкретном районе.

В сельском хозяйстве, как отрасли, мы можем говорить об устойчивой специализации, определяемой агроклиматическим и почвенным потенциалом территории. Данная специализация в наименьшей степени подвержена значительным изменениям в течение длительного периода, так как базируется на природообусловленных биологических особенностях сельскохозяйственных культур и сельскохозяйственных животных. Поэтому ареалы специализации формируются в пределах природных границ, где условия производства оказываются оптимальными при современном состоянии технического вооружения отрасли и экономической эффективности производства. В данных ареалах специализация по структуре отраслей может различаться, но в содержании по максимуму она не может выходить за границы, определенные природной компонентой, если мы не предполагаем создание искусственных условий для развития каких-то отраслей.

Эта устойчивая специализация всё же может меняться на протяжении длительного времени чаще всего в соответствии с изменением климатической составляющей развития сельского хозяйства.

О влиянии природной компоненты мы уже писали [4]. Климатообусловленное увеличение урожая культур явно было доказано рядом исследователей, например, О.Д. Сиротенко и В.Н. Павлова [9] определили, что в 1975-2008 гг. в России оно отмечено повсеместно за исключением Центра, где наблюдались малые разнонаправленные изменения урожайности. Особенно быстро увеличивалась климатообусловленная урожайность озимых зерновых культур. В отдельных районах Северного Кавказа и Поволжья вследствие изменений климата урожайность озимой пшеницы за последние 30 лет возросла со скоростью примерно 10-15% за 10 лет. Но наши расчеты показывают, что именно в южных районах страны роль климатического фактора в увеличении урожайности озимой пшеницы меньше, чем в других. На урожайность яровой пшеницы наиболее существенно климатический фактор влияет в районах дефицита влаги.

В целом производство растениеводческой продукции где-то в пределах 2/3 зависит от климатического фактора. Важно понимание того, что процесс потепления присутствует. Для России в целом это показатели, определенные в Докладе об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2016 год [5]. Отсюда, поиск зависимости сельского хозяйства от данного природного тренда есть важная задача агрогеографии. Неустойчивость специализации в этот период формирует неустойчивость границ сельскохозяйственных районов.

Рассчитанный коэффициент корреляции между средними годовыми аномалиями температуры приземного воздуха, осредненными по территории России и российской валовой продукцией сельского хозяйства в сопоставимых ценах, оказался не очень значимым – 0,394. Конечно, это приблизительно, но он всё же показывает уровень зависимости отрасли в целом от климатического фактора. Если взять более климатозависимую (погодозависимую) отрасль – зерновое хозяйство – показатели зависимости окажутся другими. При этом отклонения от средних значений в

максимальной степени (по модулю) будут определять в обоих случаях негативный процесс (рис. 1). Начиная с 2006 г. на общий положительный тренд производства достаточно серьезно влияют существенные инвестиции в отрасль.

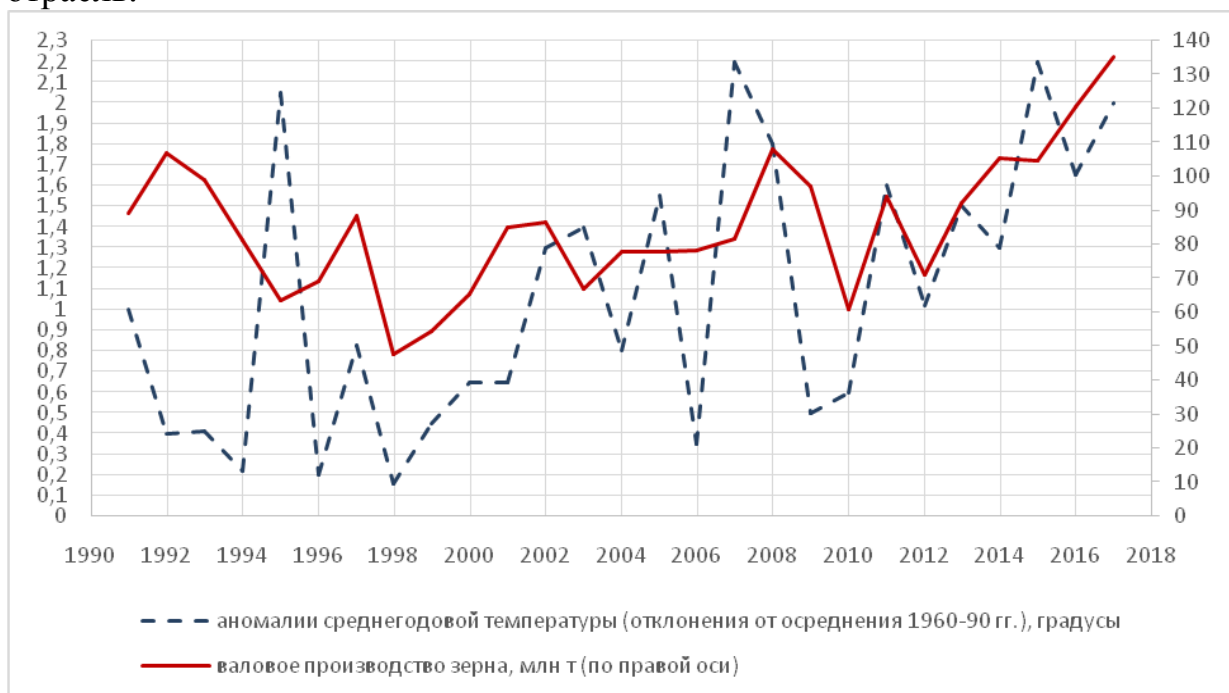

Рис. 1. Соотношение аномалий температуры и валового производства зерновых культур

Если климатическая составляющая меняется при длительных циклах развития, то погода, определяет ежегодное состояние производства. Причем в данном случае уже гораздо сложнее говорить о специализации страны в целом, возникает необходимость исследования производства товарной продукции в более крупном масштабе. Понимая, что сельское хозяйство – отрасль площадная, имеющая в своем пользовании в целом в России более 220 млн га, это приводит к необходимости перехода исследований на уровень регионов, а правильнее даже на уровень муниципальных образований. Протяженность нашей страны с севера на юг и с востока на запад так велика, а погодные условия так различны, что даже при одинаковой специализации сельского хозяйства регионы в данный год могут получать очень разный доход. При выходе исследований на более крупный уровень для определения специализации в качестве индикаторов следует использовать другие природные факторы, влияющие на развитие сельскохозяйственных отраслей. Как правило, они формируют ареалы с достаточно однородными природными характеристиками в рамках сложившихся природных границ.

Сложность заключается в том, что в настоящее время границы административные очень редко совпадают с границами природными, вследствие этого в пределах одной административной единицы могут встречаться территории различающиеся и по погодным условиям, и по условиям рельефа, и по почвенным характеристикам.

Таким образом, устойчивая специализация в сельском хозяйстве – это элемент производства, отзывающийся на влияние природных факторов и формирующийся в границах экологического ареала растения или животного. В данном случае границы одинаковой специализации будут связаны с одинаковыми природными условиями.

Следует заметить, что в сельском хозяйстве существование двух мегаотраслей – растениеводства и животноводства, – формирует два разных подхода к специализации сельского хозяйства. Если растениеводство пока еще в значительной степени не готово «оторваться от земли» и достаточно четко вписывается в границы ареала возможного выращивания тех или иных культур даже с учетом некоторых изменений свойств окружающей среды (интенсификация производства для корректировки неблагоприятного состояния некоторых факторов, определяющих жизнь растений, – мелиорация, химизация, создание теплиц и т.п.), то животноводство, особенно в настоящее время за счет увеличения затрат на производство, в первую очередь на транспортировку кормов, способно легко выходить за границы естественного ареала развития отрасли. Для некоторых отраслей (свиноводство, птицеводство) сельскохозяйственная территория сейчас уже выступает не как необходимый элемент аграрного кластера (производство кормов), а только лишь как участок земли, на котором возможно построить сельскохозяйственное здание для производства продукции. При этом в учет берутся не природообусловленные границы производства, а административные, в которых созданы экономические преференции для развития отрасли.

Сельское хозяйство в отличие от промышленного производства при необходимости может менять набор отраслей в одном предприятии, особенно в растениеводстве, практически каждый год, то есть специализация становится мерцающей, подтверждая особенности современной конъюнктуры рынка. При этом мерцательность будет больше в период неустойчивого состояния экономики страны в целом или региона. В качестве примера можно привести колебания в посевных площадях подсолнечника в период начального этапа использования биодизельного топлива: рост цены – рост посевных площадей – затоваренность – резкое падение цены – резкое снижение производства (посевных площадей).

Неустойчивая специализация в России наблюдалась в период экономического кризиса 1990-х гг., когда плановое формирование специализации региона сменилось рыночным поиском тех отраслей, которые за счет преимуществ физико-географического положения (природная компонента) позволяли получать продукцию с наибольшей рентабельностью.

В советский период институциональный фактор формирования специализации сельского хозяйства предполагал четкую организацию производства на основе локальных агропромышленных комплексов [1, 2, 10]. То есть, приказом по областному управлению сельского хозяйства закреплялись поставщики сырья всех перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию предприятий. Для мелких предприятий – в

пределах границ административных районов (например, для молокозаводов), для крупных – в пределах нескольких административных районов (например, для сахарных заводов). Эти поставщики не имели права вывезти свою продукцию за пределы установленных границ. При этом плечо доставки до назначенного завода иногда оказывалось гораздо больше, чем до соседнего. Необходимость отчета по иерархическому принципу заставляло вписывать специализацию четко в границы административных образований.

Невозможность пересечения продукцией административных границ часто приводила к обособлению специализации сельского хозяйства внутри этой территории, особенно в жизненно важных отраслях. Впоследствии данная специализация могла остаться в виде регионального компонента, хотя границы стали более прозрачные и уже нет замкнутости внутри региона. Так произошло в 1990-х гг. со многими регионами при дефиците сахара. Например, Ростовская область в советский период в связи со сложностями природной составляющей не выращивала сахарной свеклы. Кризисные явления в экономике привели к распространению толлинговой системы в сахарной отрасли, то есть, производство сахара на основе давальческого сырья. Уже к 1995 г. область расширила посевы данной культуры до 14 тыс. га, правда, к 2000 г. резко сократила до 3,8 тыс. га. Сейчас площади, занятые сахарной свёклой в области колеблются в пределах 15-20 тыс. га.

Современное состояние экономики и открытость границ привели к возникновению некоторых новых направлений специализации регионов России, формируемой в рамках международного разделения труда.

Вопрос о том, как экономическая интеграция влияет на специализацию регионов и размещение производства, разделяет современную теорию международной торговли на три направления. Но по всем трем позициям новая специализация есть результат либерализации торговли и усиления экономической интеграции, при открытых границах. Неоклассическая теория торговли (модель Хекшера – Олина – Самуэльсона) объясняет специализацию различиями между регионами в производительности и сравнительном богатстве ресурсами [3]. Новая теория торговли, а в последнее время и новая экономическая география (П. Кругман, М. Фуджита [12]), выводят сосредоточение производства в известных районах из выгод большего выпуска и сосредоточения производителей в одном месте, а также из кумулятивных процессов.

Неоклассическая теория предсказывает, что либерализация торговли и экономическая интеграция вызовут перемещение производства и рост специализации согласно сравнительным преимуществам.

В нашем случае открытость границ после распада СССР привела к бурному всплеску отраслей на основе учета мировой конъюнктуры производства. Если на начальном этапе постсоветского развития это было хаотичный поиск в каждом регионе тех отраслей, которые давали бы максимальные показатели прибыли (рентабельность по зерну из-за инфляции составляла до 300-500% в год), то потом встроенность в рынок привела к развитию отраслей в начале востребованных на мировом рынке, а уже затем

обеспечивающих собственную продовольственную безопасность. Незначительные посевы рапса и сои в советский период резко увеличиваются после возрастания потребностей в биодизеле в Европе (рис. 2).

Рис. 2. Посевные площади важнейших рыночных культур по России и миру, млн га

Даже по подсолнечнику, имевшему до 15% всех мировых посевов в начале 1990 гг. виден явный рост – до 28%. Зерновые, чаще всего не участвующие в мировом буме по органическому топливу, и более распространенные в районах с экстремальными условиями, демонстрируют уменьшение площадей, но имеет место рост валовых сборов за счет роста урожайности, обусловленной использованием новых высокоурожайных сортов элитной репродукции.

Большинство экспортоориентированных культур при высокоинтенсивной проницаемости границ будут четко ориентированы на мировую конъюнктуру спроса и поэтому цена на их товарную продукцию будет привязана к экспортным ценам, что может создавать нестабильность для устойчивости специализации.

Эффект «закрытия» границы для многих видов сельскохозяйственной продукции после антисанкционных мероприятий 2014 г. привел к ускоренному развитию тех направлений сельского хозяйства, которые

оказались в санкционном списке. Территории оказавшиеся в сфере влияния России, например, Белоруссия, так же скорректировала свое производство в связи с российскими действиями против санкций. Достаточно подробно по молочной отрасли такие тенденции рассмотрены в работе Морачевской К.А., Довгалюк М.В., Зиновьева А.С., Краснова А.И., где авторы показывают рост производства молока и сыров в приграничных районах России и Белоруссии [7]. Общие тенденции изменений по этой территории, но уже на более продолжительном отрезке времени освещены в работе Катровского А.П. и Ридевского Г.В. [6]. Они отмечают, что эффект государственной границы прослеживается даже в развитии отдельных категории хозяйств. В российской части всё больше появляется крупных игроков с локальной концентрацией производства, тогда как в белорусской части специализация не меняется, при незначительном ее углублении.

С 2014 г. достаточно интенсивно растет производство фруктов и овощей, в том числе овощей закрытого грунта. Только за последние 4 года введено 710 га теплиц, в 2018 г. ожидается еще 230 га [13]. Но для полного удовлетворения потребностей в тепличной продукции дефицит площадей закрытого грунта составляет примерно 1800 га. То есть при современных темпах развития это примерно еще до 10 лет антисанкционных мероприятий.

Сейчас в плодоносящем возрасте во всех регионах России находится 350 тыс. га плодово-ягодных насаждений, еще 20% дадут урожай в ближайшие 2-3 года, что позволит приблизиться к сорокапроцентному обеспечению этим видом продукции, произведенной в России.

Существенная помощь российскому сельскому хозяйству приводит к тому, что институциональный фактор серьезным образом определяет формирование общероссийских тенденций развития сельского хозяйства, изменения специализации каждого конкретного региона в зависимости от протекционизма региональных властей и желания крупных агроигроков прийти на данную территорию.

Сравнение хотя бы по одному результирующему показателю некоторых пограничных российских, украинских и белорусских территорий в советский период и в современности показывает влияние институционального фактора в пределах каждого административного образования. Для примера взята нагрузка скота на 100 га территории области (рис. 3). Явно видно серьезное снижение потенциала по всем областям за постсоветский период, за исключением Белгородской, в которой существенно возросло поголовье свиней (более чем в 4 раза по сравнению с советским периодом). Чуть ниже значения в лесной зоне (Гомельская и Брянская области). Но для Белоруссии Гомельская область с природной точки зрения – лучшая, поэтому и показатели превышают индексы в Брянской. К тому же Брянская область всё более и более становится территорией мясного скотоводства, причем за счет именно институционального фактора. Пришедший инвестор, в данном случае «Мираторг», сформировав идею, воплощает ее не только за счет какой-то одной области, а вовлекает в этот процесс все окружающие регионы,

используя преимущества агроклиматического потенциала территории (например, Брянская и Смоленская области – пастбища и пастбищное мясное скотоводство, Белгородская и Курская области – пашня (зерновые) и высокоинтенсивные свиноводство и птицеводство) на основе достаточно жесткой экспансии.

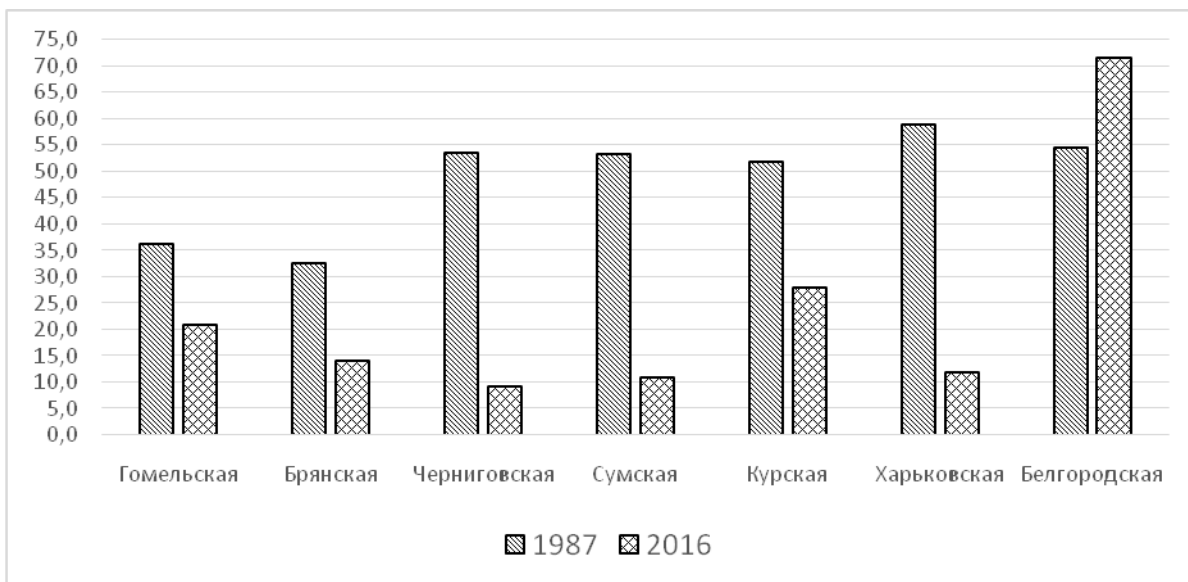

Рис. 3. Нагрузка скота на 100 га территории области, голов

Диаграмма показывает значительное снижение показателей в областях Украины, и что важно, по всем группам животных.

Институциональный фактор в период постсоветского развития во многих случаях оказывается определяющим в формировании специализации территории, но роль внутренних границ в связи со становлением рыночных отношений уменьшается, иногда уничтожаясь полностью, если на данную территорию приходит крупный агроинвестор, обеспечивающий вовлечение в производство земель на значительных пространствах нескольких субъектов Федерации. В определенный период времени при мощном развитии агроинвестора производственный фактор (необходимость расширения территории по мере роста производства и собственно холдинга) становится единственным, тем самым подавляя институциональный фактор в рамках границ региона. Эффект границы становится значимым только на рубежах страны.

Благодарности. Исследование выполнено за счет средств гранта РФФИ (договор 18-05-01106 А).

Литература

1. Богачев Д.В. Территориальные особенности агропромышленной интеграции в Центральной России: от локальных АПК к трансрегионализации агробизнеса // Региональные исследования. – №4(38), 2012. – С. 64-71.
2. Вермель Д.Ф. Специализация и концентрация сельскохозяйственного производства [Текст]: [для руководящих кадров в колхозах и совхозах и специалистов сельского хозяйства] / Д.Ф. Вермель. – Москва: Колос, 1982. – 136 с.

3. Вехи экономической мысли. Т.6. Международная экономика / под общ. ред. А.П. Киреева; Гос. ун-т – Высшая школа экономики, Институт «Экономическая школа». – М.: ТЕИС, 2006. – 720 с.
4. Даньшин А.И. Динамика и основные факторы развития сельскохозяйственной отрасли в регионах России в постсоветский период // Региональные исследования. – 2017. – № 4. – С. 46–55.
5. Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2016 год. – М.: Росгидромет, 2017. – 70 с.
6. Катровский А.П., Ридевский Г.В. Сельское хозяйство российско-белорусского приграничья: тенденции развития и трансформация отраслевой и территориальной структуры // Региональные исследования. 2017. №4 (58). С. 105-115.
7. Морачевская К.А., Довгалюк М.В., Зиновьев А.С., Краснов А.И. Адаптация молочной отрасли регионов российско- белорусского приграничья к политическим и экономическим изменениям 2010-х годов // Региональные исследования. 2017. №4 (58). С. 115-125.
8. Ракитников А.Н. Избранные труды. / Под. ред. В.Г. Крючкова. – Смоленск: Ойкумена, 2003. – С. 287.
9. Сиротенко О.Д., Павлова В.Н. Методы оценки влияния изменений климата на продуктивность сельского хозяйства // Методы оценки последствий изменения климата для физических и биологических систем. – М.: Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (РОСГИДРОМЕТ), 2012. – С.165-189.
10. Сонько С.П. Продовольственный территориальный комплекс административной области // Вестник Харьковского университета, №238, 1986. – С.68-73.
11. Яковец Ю.В. Циклы, кризисы, прогнозы. – М.: Экономика, 1999 – 448 с.
12. Fujita M., Krugman P. The New Economic Geography: Past, Present and the Future // Papers in Regional Science. – Wiley-Blackwell, 2004. – Vol. 83. – P. 139-164.
13. <http://kvedomosti.ru/news/kommentarij-teplichnoe-proizvodstvo-v-rossii-nuzhdaetsya-v-stimulyatorax-rosta.html>

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ*

М.В. Долганова

*Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского,
Россия*

E-mail: dolganova0801@yandex.ru

Аннотация: В статье проведен анализ и дана оценка степени использования земель сельскохозяйственного назначения в муниципальных районах Брянской области, рассчитаны уровень освоенности земель, распаханности и экономической эффективности сельскохозяйственного землепользования

Ключевые слова: земельные ресурсы, сельское хозяйство, землепользование, эффективность, Брянская область

К числу наиболее актуальных и практически востребованных проблем прикладных географических исследований относятся выявление, оценка, установление степени различия и эффективности использования земельно-ресурсного потенциала на отдельных иерархически организованных

территориальных уровнях. Среди всего разнообразия природных ресурсов земельные отличаются своей многофункциональностью, являются главным и незаменимым средством производства и предметом приложения труда в сельском хозяйстве. В связи с чем данной отрасли очень важно, чтобы земли сельскохозяйственного назначения были использованы в производстве по возможности максимально.

За период с 2000 по 2016 гг. произошли достаточно существенные изменения в структуре земель сельскохозяйственного назначения Брянской области. Их площадь сократилась на 346,8 тыс. гектар, что объясняется не только их переводом в категории земель населенных пунктов, промышленности и иного специального назначения, но и ухудшением их качественного состояния, усилением загрязнения отходами производства, действием водной эрозии, дефляции, заболачивания и других факторов. Сократилась и площадь сельскохозяйственных угодий на 20,7 тыс. га. К положительным изменениям в структуре сельхозугодий за анализируемый период можно отнести увеличение площади пашни на 16,6 тыс. га, к отрицательным – уменьшение площадей залежи (на 8,8 тыс. га), многолетних насаждений (на 0,6 тыс. га), сенокосов (на 0,3 тыс. га) и пастбищ (на 2,4 тыс. га) [1, 2, 3].

Среднеобластной показатель освоенности земель за анализируемый период уменьшился незначительно (на 0,7 %) и составил в 2016 г. 53,7 %. 17 районов из 27 (62,9 %) имели процент освоенности более 55. Практически во всех районах (за исключением Дубровского) данный показатель вырос. Более чем на 5 % – в Выгоничском (с 45,9 до 54,9 %), Злынковском (с 43,0 до 49,2 %), Карачевском (с 43,3 до 52,8 %), Мглинском (с 56,9 до 61,8 %), Погарском (с 71,2 до 76,5 %), Почепском (с 59,6 до 65,1 %), Рогнединском (с 55,1 до 60,1 %) и Унечском (с 52,5 до 57,7 %) районах.

Показатель распаханности также вырос незначительно (с 61,4 до 61,8 %), и только в Дубровском районе более 5 % (с 52,5 до 61,7 %). Уменьшение распаханности более 3 % произошло в Дятьковском (с 64,0 до 55,4 %), Климовском (с 72,1 до 66,4 %) и Выгоничском (с 69,0 до 65,6 %) районах.

Уровень освоенности пашни по области составил в 2016 г. 73,6 % (в 2000 г. – 71,5 %). Но, если в 2000 г. по освоенности преобладали районы с показателем более 70 % (21 район), то в 2016 г. районов с таким показателем осталось 14. Из 27 районов только 8 увеличили данный показатель. Существенно сократился уровень освоенности пашни (более 20 %) в Жуковском (с 82,3 до 62,3 %), Дятьковском (с 92,2 до 44,6 %), Злынковском (с 73,1 до 52,5 %), Клетнянском (с 75,6 до 43,1 %) и Красногорском (с 81,7 до 65,9 %) районах, что объясняется как сокращением посевных площадей, так и растущей интенсификацией животноводства.

Наблюдается положительная динамика развития отраслей сельского хозяйства Брянской области. Прирост производства продукции отрасли в действующих ценах в целом составил 6,9 раза и достиг в 2016 г. 78,3 млрд рублей. Производственную деятельность в отрасли ведут более 700 сельскохозяйственных товаропроизводителей [4].

Несмотря на сокращение посевных площадей сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий области (с 882,4 тыс. до 853,2 тыс. га), существенно выросли валовые сборы зерна (в 3,2 раза и составили в 2016 г. 1439 тыс. т) и картофеля (в 2,1 раза (1380,2 тыс. т), что объясняется ростом их урожайности (зерновых с 14,0 до 39,3 ц/га, картофеля с 113 до 237 ц/га). Выросло поголовье КРС, свиней, увеличились объемы производства мяса (в 5,4 раза). Однако, по итогам ранее проведенного анализа пространственно-структурных сдвигов в производстве сельскохозяйственной продукции, можно сделать вывод об усилении концентрации и поляризации сельского хозяйства Брянской области, повышение роли районов-лидеров и усугубление положения отстающих. Прослеживаются процессы перемещения производства в районы с более благоприятными не только агроклиматическими, но и, в первую очередь, социально-экономическими условиями. Свыше 50% областного объема производства сельскохозяйственной продукции дают Выгоничский (17,9%), Почепский (14,3%), Стародубский (8,7%), Брянский (6,3%) и Жирятинский (5,1%) районы. Пять районов-лидеров производили в 2016 г. половину картофеля и зерна области, более 80 % мяса, два района давали 68% яиц, т. е. концентрация производства весьма велика [4, 5, 6].

Устойчивая динамика к сокращению производства наблюдается в северо-западных (Рогнединский, Дубровский, Клетнянский) и юго-западных (Клинцовский, Новозыбковский, Гордеевский, Злынковский, Климовский, Красногорский) районах, т.е. в районах имеющих неблагоприятное экологическое (радиоактивная загрязненность в юго-западных) и экономическое положение (удаленность от рынков, неразвитость инфраструктуры и т.д.). Особую озабоченность вызывает сокращение объемов производства в юго-восточных районах (Севский, Суземский, Брасовский, Комаричский), где почвенно-климатические и экономические условия являются весьма благоприятными для ведения животноводства и земледелия [5, 6].

Результат территориальных изменений в сельском хозяйстве Брянской области – возрастание контрастности в продуктивности и эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения, что подтверждает расчет и анализ натуральных показателей эффективности землепользования (производство основных видов продукции растениеводства и животноводства в расчете на 100 га пашни и (или) сельскохозяйственных угодий) (рис. 1-4).

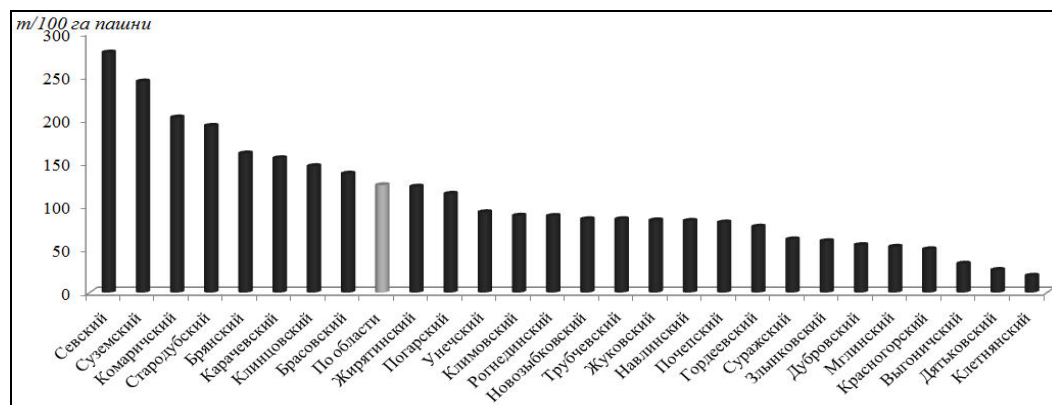

Рис. 1. Производство зерна (в весе после доработки) в хозяйствах всех категорий в разрезе административных районов Брянской области, т/100 га пашни (2016 г.) [рассчитано автором на основании данных 1, 4]

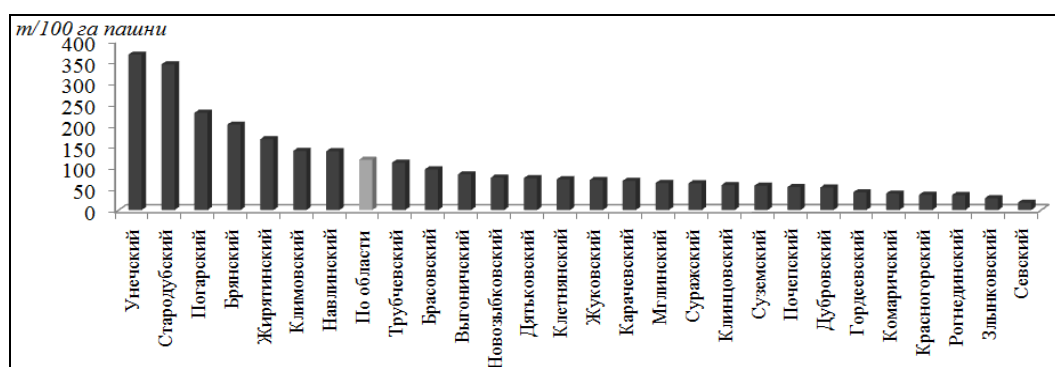

Рис. 2. Производство картофеля в хозяйствах всех категорий в разрезе административных районов Брянской области, т/100 га пашни (2016 г.) [рассчитано автором на основании данных 1, 4]

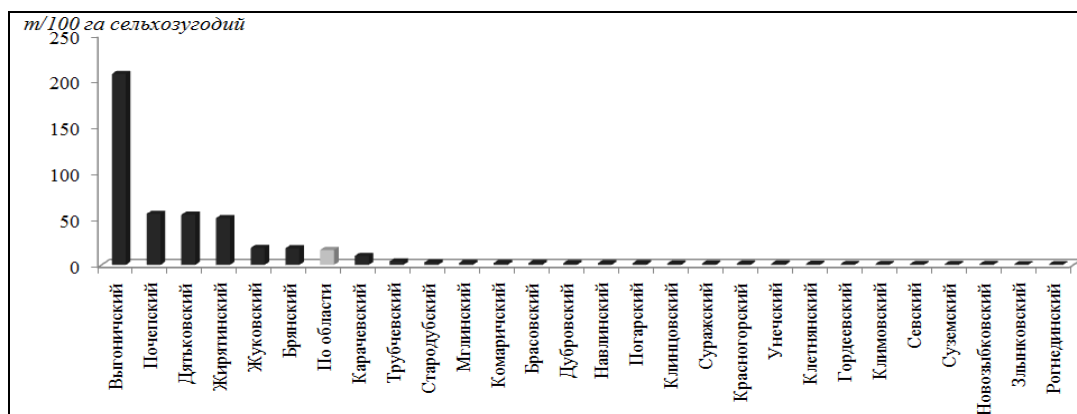

Рис. 3. Производство мяса в хозяйствах всех категорий в разрезе административных районов Брянской области, т/100 га сельскохозяйственных угодий (2016 г.) [рассчитано автором на основании данных 1, 4]

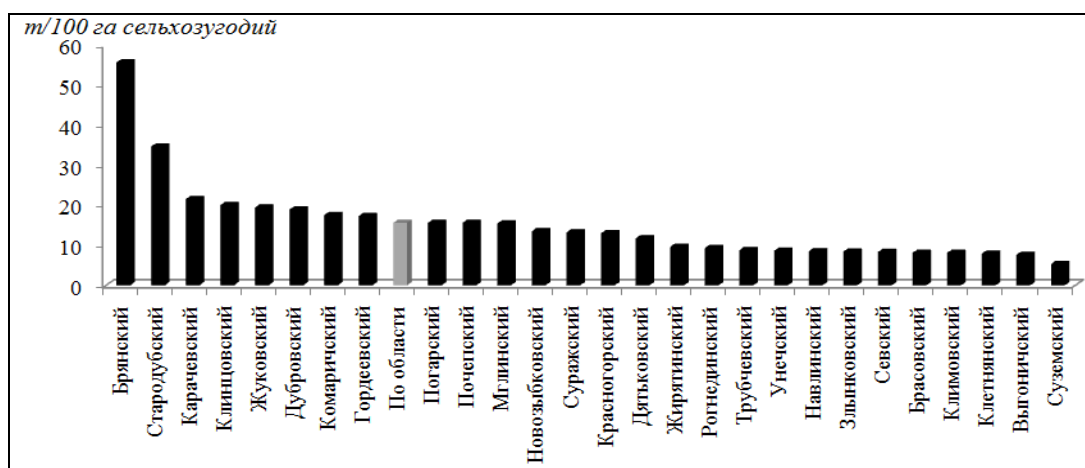

Рис. 4. Производство молока в хозяйствах всех категорий в разрезе административных районов Брянской области, т/100 га сельскохозяйственных угодий (2016 г.) [рассчитано автором на основании данных 1, 4]

Объем производства продукции сельского хозяйства в среднем по области в 2016 г. составил 41,8 тыс. руб. на гектар сельскохозяйственных угодий. Выше среднеобластного показателя имели только 7 районов. Лидировал Выгоничский район с показателем 278,3 тыс. руб./га 11 районов имели показатель менее 25 тыс. руб./га. Минимальный показатель у Злынковского района – 11,4 тыс. руб./га (рис. 5).

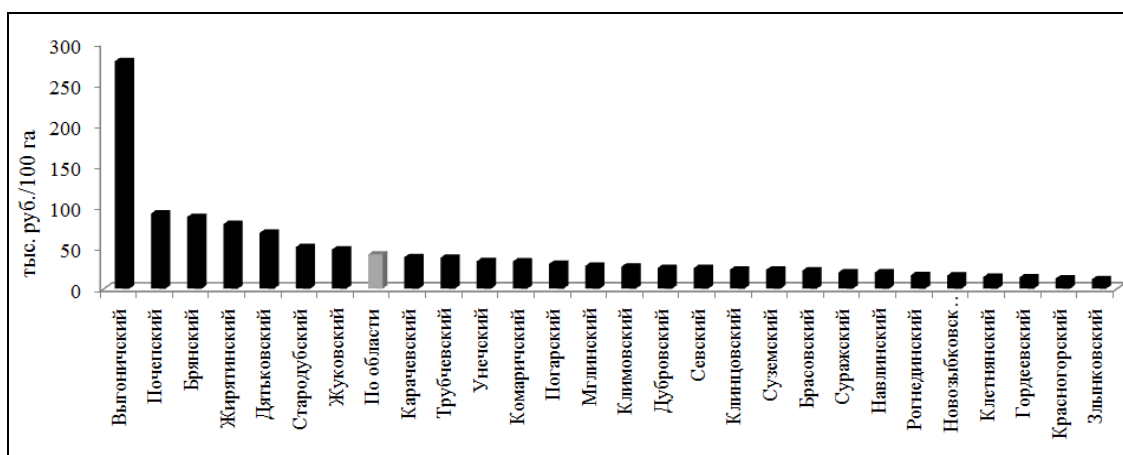

Рис. 5. Экономическая эффективность использования сельскохозяйственных угодий в разрезе административных районов Брянской области, тыс. руб./100 га сельскохозяйственных угодий (2016 г.) [рассчитано автором на основании данных 1, 4]

Как показывает анализ, успешное функционирование АПК определяется не только земельно-ресурсным потенциалом, но и наличием трудовых, материальных и энергетических ресурсов, в процессе взаимодействия которых реализуется их интегральная способность производить адекватные объемы и виды сельскохозяйственной продукции. Пример этому, Дятьковский район, который занимает по уровню распаханности 22 место, освоенности 26, а по объему производства

продукции сельского хозяйства в расчете на гектар сельхозугодий 5 место, Жирятинский – 15, 20 и 4 места соответственно, Жуковский – 14, 23 и 7; противоположны им: Комаричский (9, 1, 11), Севский (3, 6, 16) и Новозыбковский (16, 4, 23) районы.

Для дифференциации административных районов по эффективности сельскохозяйственного землепользования было проведено их ранжирования по интегральному показателю с выделением нескольких групп по близким величинам рейтинга. Можно констатировать, что высокоэффективно используют имеющийся земельно-ресурсный потенциал в аграрном производстве Брянский, Выгоничский, Дятьковский, Жирятинский, Почепский и Стародубский районы. Низкоэффективное сельскохозяйственное землепользование характерно в основном для Гордеевского, Злынковского, Клетнянского, Красногорского, Навлинского, Новозыбковского, Рогнединского и Суражского районов. Оставшиеся 13 районов относятся к группе среднеэффективного землепользования.

В целом, анализ интенсивности использования сельхозугодий через показатели распаханности и освоенности позволяет сделать вывод о довольно высокой степени их вовлечения в состав обрабатываемой земли и использования пахотных земель под посевы. Но, их размер и структура говорят о наличии существенного резерва для роста производства сельскохозяйственной продукции в регионе.

Вовлеченность земель в сельскохозяйственное использование характеризуется выраженной пространственной неоднородностью, что обусловлено, не только природными, но и, в первую очередь, социально-экономическими факторами.

В Брянской области, располагающей значительными площадями сельскохозяйственных угодий и пашни, сельскохозяйственные земли используются недостаточно эффективно. Ведение сельского хозяйства можно охарактеризовать как экстенсивное – задействовано большое количество ресурсов, при этом отдача от каждой единицы ресурса низкая (значительно ниже потенциально возможного уровня) [3].

Для более полного и максимально экономически эффективного сельскохозяйственного землепользования необходимо включать в производственное использование каждый гектар земли, повышать и рационально использовать плодородие почв. Существенна роль организационных и экономических мероприятий, направленных на совершенствование структуры посевных площадей с учетом конъюнктуры рынка, углубление специализации, совершенствование форм хозяйствования.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Брянской области в рамках научного проекта № 17-12-32003-ОГН

Литература

1. Доклад о состоянии и использовании земель Брянской области в 2016 году. [Электронный ресурс]. URL: http://www.to32.rosreestr.ru/kadastr/gos_mon_zem/isp_zemel/

2. Доклад «Об использовании природных ресурсов и состоянии окружающей среды Брянской области в 2001 году». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.priroda.ru/lib/detail.php?ID=4730>

3. Долганова М.В. Эколого-экономическая эффективность использования земли в сельском хозяйстве Брянской области в новых социально-экономических условиях// Научно-технический вестник Брянского государственного университета. 2015. №1. С. 65–70.

4. Сельское хозяйство Брянской области: Стат. сб./ Брянкстат. Брянск, 2016. 224 с.

5. Долганова М.В. Анализ развития отраслей и структуры животноводства Брянской области// Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. Краснодар: КубГАУ, №131 (07). 2017 С. 807-819. [Электронный ресурс]. URL: <http://ej.kubagro.ru/2017/07/pdf/68.pdf>

6. Долганова М.В. Экономико-географический анализ развития основных отраслей растениеводства Брянской области//Вестник аграрной науки. 2017. №5 (68). С. 122-132.

АДАПТАЦИЯ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ К НОВЫМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИМ УСЛОВИЯМ

М.В.Зотова

Институт географии РАН, Россия

E-mail: zotova@igras.ru

Аннотация: В статье на основе серии экспертных интервью и фокус-групп, проведенных осенью 2017 г. в Республике Крым, а также анализа стратегических документов регионального и городского развития рассматриваются последствия присоединения Республики Крым к России. Проведен анализ трансформации транспортных коммуникаций и хозяйственного комплекса республики под влиянием резкого ограничения трансграничных взаимодействий с Украиной. Выделены основные факторы, определяющие экономическое развитие полуострова после 2014 г., а также основные пути его адаптации к новым реалиям. Установлено, что к 2018 г. в регионе практически прошла переориентация торговых и производственных связей после полного их разрыва с Украиной. Ряд отраслей в той или иной мере адаптировались к новым условиям (торговля, судостроение, транспорт, санаторно-курортный комплекс), в других же создались значительные риски (химическая промышленность). Выявлено, что российское государство проявляет в новой ситуации чрезвычайную гибкость решений.

Ключевые слова: Крым, Россия, Украина, экономическое развитие, транспорт, хозяйство.

Тема крымской интеграции до сих пор занимает важное место в информационном пространстве России. События, связанные с присоединением Крыма к России, вплоть до настоящего времени остаются предметом острых споров в международном экспертном сообществе, а также неэкспертных кругах. В политическом дискурсе вхождение Крыма в состав России концептуализируется в зависимости от одобрения/неодобрения данного события [6]. Экспертное сообщество разделилось на две группы, которые можно с определенной долей условности назвать группами «критиков» и «сторонников». Одна из них подвергает категорическому

сомнению оправданность вхождения Крыма в состав России [1; 2]. Другая группа, наоборот, склонна оправдывать это, видя в этом политику России по отстаиванию собственных национальных интересов [3].

По мнению директора «Левада-центра» Льва Гудкова, в российском обществе постепенно спадает патриотическая эйфория и нарастает понимание реальных последствий присоединения, измеряющихся в экономическом, политическом, экономическом и правовом контексте [3]. По данным опросов 55% респондентов считают неправильным, что средства на развитие полуострова в условиях общего сокращения расходов на образование, здравоохранение, индексацию зарплат и пенсий идут преимущественно из государственного бюджета [5]. Между тем, результаты социологических опросов одновременно подтверждают, что для местных жителей возможность присоединения к России оказалась важнее «цены» экономического кризиса и сложностей вхождения в российское экономическое и правовое пространство [4]. Для многих жителей Крыма метафорическое «возвращение домой» стало избавлением от негативных последствий политического и социального кризиса, охватившего Украину [6].

Методы исследования. В статье рассматриваются трансформация транспортных коммуникаций и хозяйственного комплекса республики Крым после присоединения к России под влиянием резкого ограничения трансграничных взаимодействий с Украиной. Особое внимание уделено анализу путей адаптации северных районов Крыма к почти полному разрыву исторически сложившихся хозяйственных и транспортных связей, а также и повседневных взаимодействий с Украиной.

Информационной базой исследования стали материалы полевых экспедиций, включающих визуальные наблюдения и серию (более 20) экспертных интервью, проведенных с республиканскими и местными властями, СМИ, социальными службами и представителями бизнеса в октябре – ноябре 2017 года в Республике Крым, программные и стратегические документы регионального и городского развития, статистические и социологические данные (результаты 6 фокус-групп в Армянске и Джанкое).

Результаты исследования и их обсуждение. Можно выделить следующие вызовы развитию республики после ее вхождения в состав России: 1) появление барьерной границы с Украиной; 2) транспортная, энергетическая и сырьевая блокада региона; 3) потеря традиционных рынков сбыта; 4) острая нехватка воды в связи с перекрытием украинской стороной Северо-Крымского канала; 5) международная изоляция и санкции (в первую очередь, запрет экспорта и импорта продукции из США и стран ЕС, низкая доступность кредитных ресурсов); 6) введение новых, более жестких условий и правил ведения бизнеса, рост налогов и цен; 7) правовой и хозяйственный вакуум на фоне роста административных полномочий и финансовых возможностей.

Периферийное положение Республики Крым усугубилось драматическим изменением соседского положения региона и сложностями его включения в общероссийское экономическое и политическое пространства. С одной стороны, прежняя морская государственная граница Украины превратилась в административную границу между двумя субъектами Федерации, с другой – на Перекопском перешейке вместо прежней административной границы возникла новая российско-украинская государственная граница. Несмотря на то, что Украина считает Крым временно оккупированной территорией, многочисленные поправки, принятые в украинское законодательство, де-факто сделали новую границу межгосударственной и барьерной. Ее пересечение возможно только по украинским паспортам и на автомобилях с украинскими номерами через три сухопутных пункта пропуска (ПП): «Перекоп» - «Чаплинка», «Армянск» - «Каланчак», «Джанкой» – «Чонгар». Работа этих пограничных переходов нестабильна, так как Госпогранслужба Украины в одностороннем порядке периодически закрывает некоторые из них. Так, вначале сентября 2018 г. на неопределенное время был остановлен пропуск транспортных средств на ПП «Чаплинка» и «Каланчак» после химических выбросов на заводе «Крымский титан» в Армянске с целью ограничения поездок украинцев на полуостров. Более того, украинская сторона выступает с инициативой закрыть ПП «Чаплинка» как наименее загруженный пункт пропуска на границе между Крымом и Украиной, ссылаясь на высокие коррупционные риски и необходимость его модернизации.

Все регулярное авиационное, железнодорожное и автобусное транспортное сообщение со стороны Украины на полуостров было прекращено с конца декабря 2014 г., что привело в первую очередь к росту экономических и временных затрат на поездки в соседние области Украины. Пригородное сообщение от узловой станции Джанкой до станции Новоалексеевка и далее на Мелитополь полностью прекращено, хотя ранее в сезон здесь курсировало около 8 пар электричек в день. Из десятка пассажирских поездов дальнего следования, следующих за пределы республики, остался лишь один – №561/562 (Симферополь – Ростов – Москва), проходящий через паромную переправу Керченского пролива. Маршрут следования увеличился с 1464 км до 2032 км, время в пути – с 24 до 47 часов. Таким образом, конфигурация единой транспортной системы, соединяющей Украину и Россию, деформирована, изменен характер движения, нарушены прямые связи. Железная дорога на территории крымского полуострова пока представляет собой изолированную сеть. Запуск поездов по мостовой части железнодорожного Крымского моста пока планируется к концу 2019 г.

Связь с материковой Россией с начала 2015 г. осуществлялась через Керченскую переправу в обход украинских автомобильных и железных дорог, что значительно увеличило финансовые и временные затраты на транспортировку грузов и пассажиров. По мнению экспертов, введение в эксплуатацию Крымского моста в мае 2018 г. увеличит товарооборот

региона, сократит расходы на логистику, улучшит транспортную доступность региона, повысит инвестиционную привлекательность и придаст импульс развитию Республики Крым. Однако, запуск моста пока только привел к росту цен на аренду недвижимости, на проживание в пансионатах и отелях, на бензин и на минимальный набор продуктов питания (на 8-10% по сравнению с показателем прошлого года).

Несмотря на существенное упрощение логистики после открытия движения по Крымскому мосту, транспортные проблемы региона пока не решены. Автодорожная инфраструктура полуострова оказалась не готова к увеличившемуся на 20-25% потоку автомобилей (за июль 2018 г. по 19-километровому мосту проехало около 800 тысяч транспортных средств). До планируемого запуска в 2020 г. федеральной трассы «Таврида» в районе Феодосии в сторону Симферополя, Евпатории и других курортных городов образуются многокилометровые пробки.

Таким образом, после 2014 г. произошла трансформация сложившейся территориальной структуры Крыма: транзитные районы превратились в периферийные (гг. Красноперекоск, Джанкой), а периферийные – приобрели центральные функции (г. Керчь). Пространственная ориентация транспортной системы полуострова изменилась с субмеридиональной на субширотную. До кризиса 2014 г. основные транспортные потоки шли с юга на север по железнодорожной и автомобильной магистралям Симферополь – Харьков. Ныне основные коммуникации ориентированы с запада на восток (Черноморское – Евпатория – Симферополь – Феодосия – Керчь; Армянск – Красноперекоск – Джанкой - Керчь).

Тем не менее, по данным Государственной пограничной службы Украины в 2017 г. российско-украинскую границу через пункты пропуска в северном Крыму пересекли почти 2,5 млн человек (на 200 тыс. меньше чем в 2016 г.), и 406 тыс. легковых автомобилей. Основной целью поездок остается посещение родственников. По оценкам местных властей, порядка 550 тыс. украинцев приехало в 2016 г. в Крым с туристическими целями. Кроме того, у многих украинцев на полуострове остался бизнес или недвижимость.

Учитывая заметный объем трансграничных поездок, транспортный бизнес довольно быстро адаптировался к новым условиям. Широкое распространение получила следующая схема: рейс до российской границы крымского перевозчика, пешее пересечение российской и украинской границ, затем рейс до ближайшей станции украинского перевозчика. Так небольшая станция Новоалексеевка Херсонской области превратилась в крупный железнодорожный узел. С 2015 г. со станции стали отправляться поезда во многие крупные украинские города (Киев, Харьков, Днепр, Полтава, Сумы, Кременчуг, Львов и др.) В 2017 г. было налажено прямое автобусное сообщение между рядом крымских и украинских городов, которое осуществляется российско-украинскими негласно аффилированными компаниями. Но если в 2013 г. города Крыма с материковой частью Украины связывало 63 ежедневных рейса, то к 2017 г. число таких рейсов сократилось вдвое. Изменилась и их сеть. Если раньше из

крымских городов автобусы направлялись в большинство региональных центров Украины (Киев, Днепропетровск, Харьков, Кировоград, Черновцы, Николаев и др.), то в 2017 г. – в Донецк, Луганск, Мариуполь, Одессу и Херсон.

С 2015 г. на полуостров с Украины фактически прекратились поставки продуктов. С одной стороны, это сильно ударило по домохозяйствам, так как после вхождения в российское экономическое пространство цены на территории Крыма значительно выросли. С другой стороны, украинская блокада и сложности с доставкой товара с материковой России стимулировало местных производителей продуктов питания (Джанкойский завод молочной продукции «Новатор», мясокомбинат «Дружба народов», Мясоперерабатывающий комплекс «Скворцово» и др.). В то же время, если на локальном рынке крымские производители конкурентоспособны, благодаря низкой стоимости рабочей силы и небольшому транспортному плечу, то на общефедеральном рынке они проигрывают конкурентам и по качеству, и по цене. Выход крымской продукции на федеральный уровень усложняется не только логистикой, но отсутствием опыта работы у местных компаний в российском правовом поле в целом и в федеральных сетях в частности. Кроме того, местный агропромышленный бизнес опасается неустойчивости роста из-за рисков, связанных с завозом дешевой продукции из южных регионов (в первую очередь из Краснодарского и Ставропольского краев) после открытия движения грузовых автомобилей по Крымскому мосту.

Кроме сложностей с логистикой крымские промышленные предприятия испытывают трудности в связи с потерей традиционных рынков сбыта и нарушением привычных производственных связей. Экономическая блокада полуострова и санкции негативно сказались на работе машиностроительных предприятия (Завод «Фиолент», судостроительный завод «Залив», Керченская морская верфь «Фрегат», судостроительный завод «Море»), на которых произошло существенно сокращение производства. Ситуация усугубляется недостаточной модернизацией и существенным технологическим отставанием от материковой России. Продукция была ориентирована на Украину и на экспорт, на российском рынке она не конкурентоспособна. На сегодняшний день загрузка на уровне 50-60% обеспечивается благодаря заказам Минобороны РФ.

Прекращение поставок сырья и отгрузки готовой продукции на территорию Украины ударило и по предприятиям химической промышленности, расположенных в приграничных городах Армянск и Краснопереконск, значительная доля продукции которых поставлялась на Украину (до 80% продукции «Крымского содового завода»). Особенно пострадало градообразующее предприятие Армянска – «Крымский титан» – крупнейший производитель диоксида титана в Восточной Европе (1/3 российского и 2% мирового рынка), 75% его продукции шло на экспорт. Сейчас сырье (ильменит) для производства соединений титана на завод поступает со Шри-Ланки, Индии, Норвегии и Бразилии, а также из Украины,

но через территорию России, что приводит к удорожанию продукции. В перевозке сырья часто участвуют европейские компании, чьи корабли не заходят в крымские порты и формально не нарушают антикрымских санкций. После закрытия в 2015 г. железнодорожной ветки, связывающей завод с основной железной дорогой и проходящей по территории Украины, сырье и готовая продукция доставляется автотранспортом. Введение в эксплуатацию новой железнодорожной ветки в обход Украины планируется только в 2019 г.

Усугубило положение предприятия и перекрытие украинской стороной Северо-Крымского канала весной 2014 г., что привело к критическому понижению уровня воды в отстойниках завода, и выбросам в атмосферу ядовитых отходов в августе – сентябре 2018 г. В качестве вариантов решения сложившейся ситуации разрабатываются варианты строительства комплекса по опреснению морской воды или строительство трубопровода длиной 9,4 километра для переброски воды из Каркинитского залива в кислотонакопитель завода. С начала сентября 2018 г. работа предприятия, где занято около 4 тыс. жителей монопрофильного Армянска, временно приостановлена.

Перекрытие канала вызвало значительные сложности и в сфере сельского хозяйства, кардинально изменив структуру сельскохозяйственного производства. Площадь орошаемых угодий на полуострове сократилась в 10 раз, водоемкие влагозависимые культуры (соя, кукуруза, рис и бахчевые) были заменены на засухоустойчивые (пшеницу и подсолнечник). Сельскохозяйственные товаропроизводители вынуждены использовать внутренние источники орошения (подземные и надземные) и внедрять ресурсосберегающие технологии производства. Частично проблема с нехваткой воды была решена бурением скважин и использованием подземных вод, но это вызывает риски засоления и деградации почв. В рамках долгосрочной схемы водоснабжения обсуждается несколько вариантов решения проблемы, среди которых обеспечение Крыма водой из Краснодарского края и опреснение воды на полуострове. Но эти проекты дорогостоящи (40-50 млрд рублей) и неоднозначны. Кроме сокращения кормовой базы по причине недостаточного орошения рост стоимости сельскохозяйственной продукции вызван и необходимостью заводить с материковой России саженцы, семена, племенной материал из-за нарушения налаженных с Украиной связей.

Характерной особенностью агропромышленного комплекса в Крыму последних 20 лет стало кардинальное повышение роли хозяйств населения, которые с середины 1990-х годов производят большую долю сельскохозяйственной продукции, по сравнению с крупными коллективными или частными предприятиями. После исчезновения крупных сельскохозяйственных предприятий социалистического типа в Крыму не появилось достаточного количества крупных частных или коллективных рыночных хозяйств. В рамках украинского законодательства, которое значительно мягче российского, значительную долю сельскохозяйственной

продукции обеспечивали личные подсобные хозяйства населения (94% производства молока, 98% поголовья овец), работающие в тени. С переходом в российское правовое поле местные сельхозпроизводители были вынуждены выводить свой бизнес из тени и регистрировать крестьянско-фермерские хозяйства. Ввиду отсутствия в крымском сообществе опыта кооперирования локомотивом развития сельскохозяйственного комплекса будут скорее малые семейные фермы. Тем не менее, значительная роль в госпрограмме развития АПК Республики Крым в 2015-2020 гг. отводится и крупным агрокомплексам, развитие которых не всегда соотносится с интересами небольших производителей и часто приводит к конфликтам.

Интеграция Крыма в состав России имела и правовые последствия. Находясь в составе Украины, Крым был частью иной политической и правовой реальности. Проблема адаптации к новым «правилам игры» в другом правовом поле заняла определенное время. Уровень политической конкуренции в Украине несколько выше, чем в России, поэтому конфликты, являющиеся некоей закономерностью украинского политического процесса, выглядят странно для России, где действует более жесткая вертикаль власти. Присоединение Крыма к России кроме политических решений и экономических расчетов потребовало и разработки правового инструментария вхождения Крыма и Севастополя в правовое пространство РФ. По оценкам экспертов, потребовалось подготовить и принять около 300 законодательных актов. Довольно трудным процесс адаптации оказался в сфере бизнеса, вызванный необходимостью перерегистрации предприятий и их встраивания в новую экономическую реальность. Значительные трудности были связаны также с правами собственности предприятий, окончанием срока действия разрешительных документов или лицензий, переоформлением договоров аренды земельных участков и т.д. Принимая во внимание трудности правовой адаптации Крыма в сфере земельно-имущественных отношений, для подготовки соответствующих нормативных правовых документов был установлен переходный период сроком до 1 января 2020 г.

Отсутствие практики госуправления на муниципальном уровне усложнило адаптацию к радикальному изменению законодательной и нормативно-правовой базы при резком расширении компетенций и полномочий местных властей. По сравнению с ситуацией в России, в Украине региональная и местная власти не имели существенных полномочий. Все решения принимались в Киеве, на местах только выполнялись распоряжения. По словам сотрудников муниципальных администраций, в период развития в составе независимой Украины Крыму приходилось ощущать себя территорией, на которую государство не обращало внимания, что выражалось не столько в политической, сколько в экономической сфере.

Выводы. К 2018 г. в республике Крым практически прошла переориентация торговых и производственных связей после полного их разрыва с Украиной, которой ранее была основным экономическим

партнером региона. Наиболее гибкие сферы экономики в той или иной мере адаптировались к новым условиям (торговля, судостроение, транспорт, санаторно-курортный комплекс), в других же возникли значительные риски (химическая промышленность). Проблемы большинства отраслей региона вызваны в первую очередь, хроническим недофинансированием в украинский период, что привело к развалу существующей советской инфраструктуры и заметной деградации экономики, отсутствию квалифицированных кадров. Низкий уровень экономического развития и благосостояния населения республики усугубляется действиями Украины: перекрытие водоканала, отключение от ресурсов обеспечения энергоносителями, блокада дорог и прекращение авиационного и железнодорожного сообщения. Решение же большинства трудностей с помощью выхода на внешние рынки и получения современных технологий, оборудования и инвестиций усложняется применением санкций, оттоком капитала и высокими транспортными издержками. Из-за санкционного режима не приходится рассчитывать на активное участие иностранного бизнеса на полуострова. Пока в регион вкладываются преимущественно государственные средства.

Тем не менее, несмотря на кризис экономика региона показала высокую степень адаптивности. Российское государство проявило чрезвычайную гибкость решений в новых условиях, позволяя, разрешать спорные ситуации, не нарушая правила. Отсутствие жестких установок и желание найти выход проявляется на разных уровнях. В регионе отмечается лояльное отношение к украинской политике, отсутствие зеркальных мер (разрешение движения автомобилям с украинскими номерами, присвоение всем перевозчикам статуса международных, сохранение в полном объеме работников узловой железнодорожной станции Джанкой с расчетом на восстановления связей).

Введенные ограничения часто обходятся в рамках существующего правового поля, в том числе с помощью аффилированности крымских компаний с украинскими. Большинство крымских предприятий стали филиалами московских компаний, через которые осуществляется экспорт товаров с полуострова (зерно, вино). Многие экспортные и импортные товары и сырье поступают на полуостров через материковую часть России (т.н. двойная перевалка). Отправка грузов часто оформляется через Порт Кавказ, Новороссийск или Анапу.

Предприятия Крыма довольно быстро переориентировали свои рынки сбыта. Так, основная масса химической продукции теперь отправляется через контрагентов в Россию, а затем в Европу, а также в Казахстан и Белоруссию. Нарощен экспорт зерна в Сирию (за последний год поставлено 170 тыс. тонн зерна). Для стимулирования экономики региона на его территории введено действие Свободной Экономической Зоны (ОЭЗ), реализуется программа ФЦП «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополь до 2020 года», для улучшения делового климата создана «Корпорация развития Республики Крым», на руководящие должности

назначены квалифицированные управленцы из материковой России. Таким образом, в условиях всех трудностей и противоречий вхождения Крыма в российское политическое пространство, возникающая новая экономическая интеграция становится аргументом в пользу легитимации его присоединения.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Государственного задания №01201356200 (0148-2014-0014) «Пространственная динамика, градиенты и территориальные конфликты в современной России», полевые работы в Крыму проведены при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант №14-18-03621, «Российское пограничье: вызовы соседства»).

Литература

1. Eckert D. L'Ukraine ou les contours incertains d'un Etat européen // L'Espace Politique [En ligne], 33 | 2017, No 3, Access mode: <http://journals.openedition.org/espacepolitique/4411>
2. Svyatets, E. Energy Security and Cooperation in Eurasia: Power, Profits and Politics. New York, 2016. P. 62
3. Горбачев А. Сомневающимся в пользу Крыма стало больше // Независимая газета 23.03.2015 Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2015-03-23/3_crimea.html
4. Михеева И.В., Логинова А.С., Скиперских А.В. Интеграция Крыма в состав России: «цена» вопроса // Сравнительная политика. 2017. № 4. С. 83–94.
5. Мухаметшина Е. Чрезмерные затраты на Крым из госбюджета нежелательны, считают россияне // Ведомости, 17 апреля 2017 Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/04/18/686092-zatrati-na-krim-nezhelatelni>
6. Серегина И.А., Чудинов А.П. Метафорические слоганы в дискурсе референдума о статусе Крыма // Политическая лингвистика, 2014, №2, с. 89–94

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ И ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

О.А. Зотова

*Западно-Казахстанский инновационно-технологический университет,
Казахстан*

e-mail: jubanova@mail.ru

Аннотация: В статье проведен сравнительный анализ социально-демографической ситуации в приграничных Оренбургской области Российской Федерации и Западно-Казахстанской области Республики Казахстан. Анализ демографической ситуации, отраслевой структуры и объемов валового регионального продукта позволили предложить вариант активизации использования потенциала приграничной территории путем создания трансрегиона. Приводятся причины целесообразности создания трансрегиона на анализируемой территории.

Ключевые слова: социально-экономический потенциал; демографическая ситуация; отраслевая структура; валовый региональный продукт; еврорегион; трансрегион; приграничный регион.

Изучение социально-экономического потенциала приграничных регионов, возможности управления им, понимание характера происходящих изменений на территориальном уровне, факторов и перспектив их развития представляют актуальную задачу, как с теоретических, так и с практических позиций. Для приграничных регионов, таких как Оренбургская и Западно-Казахстанская области, расположенных в стороне от основных международных транзитных коридоров, развитие взаимных внешнеэкономических связей компенсирует их удаленность от основных мировых рынков. Анализируемая территория с 1991 года является приграничной, которая до этого рассматривалась и развивалась как единое целое, так как входила в состав одного государства. После распада СССР приграничные территории стали тесно связаны между собой этнокультурными, социально-экономическими и геополитическими связями. Эти факторы отразились на демографических особенностях территории.

Нами был проведен сравнительный анализ социально-демографической ситуации в приграничных Оренбургской области Российской Федерации и Западно-Казахстанской области (ЗКО) Республики Казахстан.

Анализ показал, что численность населения в обеих областях невысокая. Если сравнивать области между собой только по абсолютной величине численности населения, то в Оренбуржье проживает в 3,2 раза больше жителей, чем в ЗКО, хотя площадь Оренбургской области на 18% меньше площади ЗКО. Анализируя численность населения в масштабах стран, то мы видим, что в Оренбургской области проживает 1,5% всех жителей Российской Федерации, а в ЗКО – 3,6% всех жителей Республик Казахстан.

В начале 90-х годов XX в. темпы роста характеризовались положительной динамикой численности населения, но затем наступил период снижения численности населения в обеих областях (табл.1). Особенно ярко это выражено в снижении численности населения в Западно-Казахстанской области в период с 1995 по 2000 год, когда население области сократилось на 43544 человек, или на 6,7%. Затем демографическая ситуация в области стала улучшаться преимущественно за счет увеличения естественного прироста, который привел в настоящее время к положительной динамике темпов роста численности населения. Тем не менее, за 25 лет население еще не достигло численности населения области в 1990 году и составляет 98,1% от уровня того периода. В Оренбургской области максимальное снижение темпов прироста населения пришлось на период с 2005 по 2010 годы. В это время численность населения сократилась на 89359 человек, или на 4,2%. Затем темпы роста населения немного увеличились, но область продолжает «терять» население, прежде всего за счет межобластной миграции и низкого естественного прироста. Темпы роста населения за 25 лет показывают значительное сокращение темпов роста, и в настоящее время составляет всего 92,2% от численности населения, которое проживало в области в начале 90-х годов [1, 2].

Плотность населения Оренбургской области (16,4 чел./км²) превышает плотность населения ЗКО (4,06 чел./км²) в 4 раза. Плотность населения Оренбургской области в 2 раза больше, чем средняя плотность в РФ, а в пределах ПФО занимает 13-е место (из 14-ти). Плотность населения ЗКО в 1,5 раза меньше средней плотности в РК, а в пределах регионов Западного Казахстана область занимает 2 место.

Таблица 1

Темпы роста численности населения в Оренбургской и Западно-Казахстанской области в 1990-2015 гг.

	1995 г. к 1990 г.	2000 г. к 1995 г.	2005 г. к 2000 г.	2010 г. к 2005 г.	2015 г. к 2010 г.	2015 г. к 1990 г.
Оренбургская область	102,0 %	99,9 %	96%	95,8%	98,4%	92,2%
Западно-Казахстанская область	101,6%	93,3%	99,6%	99,6%	104,3%	98,1%

Проблема занятости населения является одной из важнейших социально-экономических проблем на территории Оренбургской области и ЗКО.

Численность экономически активного населения (ЭАН) Оренбургской области по итогам обследования по проблемам занятости в сентябре 2015 года составила 1021,5 тыс. человек, в их числе 975,2 тыс. человек, или 95,5% ЭАН были заняты в экономике и 46,3 тыс. человек (4,5%) не имели занятия.

Доля ЭАН в ЗКО, занятого в экономике, за последние 15 лет имела тенденцию к росту, что повлияло на снижение доли безработного населения. Численность ЭАН в ЗКО в 2015 году составила 334915 человек, из них занятых в экономике – 95,2%, безработного населения – 4,8% [1,2].

Таким образом, доля ЭАН Оренбургской и ЗКО находятся примерно на одном уровне – 95% занятого в экономике и 5% безработного населения. С каждым годом происходит увеличение доли населения, занятого в экономике и снижение уровня безработицы, что говорит о благоприятной экономической ситуации в рассматриваемом регионе. Наибольшая доля ЭАН Оренбургской и ЗКО занята в идентичных сферах экономической деятельности, таких как: промышленности; оптовой и розничной торговле; строительстве; транспорте и связи; сельском и лесном хозяйстве; образовании и здравоохранении.

В основе разделения общественного труда, как известно, лежат природный, трудовой и экономический факторы. Степень их влияния зависит от величины этих трех факторов, которые формируют отраслевую специализацию в регионах различного уровня. Значимость той или иной отрасли в отраслевой структуре хозяйства региона определяются через коэффициенты локализации (сосредоточения).

В пределах Оренбургской области и ЗКО залегают исключительно богатые и разнообразные минерально-сырьевые ресурсы. Эксплуатация некоторых из них осуществляется длительное время, что привело к их

истощению. Для добывающих и обрабатывающих предприятий характерна приуроченность определенных видов полезных ископаемых к особенностям геологического строения территории. В пределах исследуемых областей имеются крупные месторождения нефти и газа, угля, железных руд, а также разрабатываются многочисленные месторождения неметаллических полезных ископаемых; ведется добыча разнообразного минерального строительного сырья – облицовочного мрамора, бута, щебня, песчано-гравийных материалов.

В целом, для обеих исследуемых областей главной отраслью специализации является топливная промышленность, представленная добычей нефти и газа. Характерной особенностью для ЗКО является то, что добываемые виды топлива не перерабатываются в стране, а реализуются за ее пределами преимущественно в Российской Федерации, что в определенной мере оказывает влияние на экологическое состояние этих регионов. Эта проблема характерна и для ряда других направлений добывающих и обрабатывающих предприятий.

В Оренбургской области помимо нефтяных и газовых месторождений, распространены месторождения бурого и каменного угля, железной руды, каменной соли, горючих сланцев, а также месторождения яшмы, мрамора, золота. В ЗКО такие месторождения отсутствуют. На территории области преимущественно ведется разработка карьеров по добыче мела, известняка, строительного камня, цементного сырья [3, 4].

Основной отраслью специализации химической промышленности в обеих областях является производство минеральных удобрений. Промышленность строительных материалов специализируется на выпуске цемента, стекла, железобетонных изделий, кирпича. Природные богатства, имеющиеся в исследуемых областях, создают базу для разработки и реализации инвестиционных проектов и благоприятно отражаются на экономическом развитии областей.

Отраслевая специализация исследуемых субъектов формирует величину валового регионального продукта. На уровне регионов информационным источником анализа может быть подсистема региональных счетов, в которой центральное место занимает такой показатель, как валовый региональный продукт (ВРП).

В таблице 2 представлена динамика ВРП в основных ценах и на душу населения по статистическим данным 2005, 2010 и 2015 годов.

Таблица 2

Динамика ВРП в основных ценах и на душу населения

	2005 г.		2010 г.		Темп роста а к 2005 г. в %	2015 г.		Темп роста к 2010 г. в %
	в осн.ценах млрд руб/млн тг	на д.н. тыс.руб/млн тг	в осн.ценах млрд руб/млн тг	на д.н. тыс.руб/млн тг		в ценах млрд руб/млн тг	на д.н. тыс.руб/млн тг	
Оренбур	213138,2	99,4	458145,4	224,9	214,6	715 000,0	357,3	156,1

гская область								
Западно-Казахстанская область	401105,5	659,8	1048779,5	1730,4	261,5	1237035,7	1957,2	118,0

Из таблицы 2 видно, что в целом отмечается положительная динамика роста ВРП в анализируемых областях, но темпы роста значительно замедлились в период с 2010 по 2015 годы. На наш взгляд, это снижение связано с мировым финансовым кризисом, обусловленное снижением показателей социально-экономического развития по большинству видов экономической деятельности. Снижение ВРП также связано с тем, что финансовый кризис приостановил работу некоторых инвестиционных проектов, реализация которых уже началась, ввиду невозможности привлечения кредитных ресурсов. Некоторые инвесторы перенесли реализацию своих проектов на более благоприятные периоды. Тем не менее за анализируемый период в исследуемых областях произошло увеличение объемов ВРП, что свидетельствует о стабилизации развития хозяйственных комплексов субъектов; в свою очередь это гарант стабильности в области занятости трудоспособного населения, повышения уровня жизни населения.

Таким образом, наибольший удельный вес в ВРП исследуемой территории занимают производство отдельных видов наиболее значимой продукции: нефти, газа, производства строительных материалов, сбора зерна, других видов сельскохозяйственной продукции и т. д. Эти отрасли определяют не только величину ВРП, но и эффективность деятельности предприятий этих отраслей. Многообразие различных видов полезных ископаемых и разработки месторождений выше в Оренбургской области, что объясняется особенностями геологического строения территории области. В Западно-Казахстанской области такого разнообразия типов месторождений не имеется, тем не менее имеющиеся запасы всех видов полезных ископаемых области позволяют вести их промышленную разработку и использование на длительный период.

В целом приграничные Оренбургская и Западно-Казахстанская области представляют сложную территорию периферийного типа. После превращения региональной границы в государственную начался процесс межнациональных миграций, государственная граница нарушила многие связи социального, экономического и культурного характера. В результате разрыва многих связей в процессе политического разделения и усложнения процедуры взаимодействия изменилось восприятие пространства. Население этой территории постепенно стало ощущать себя жителями приграничья. Приграничный статус не способствовал развитию территорий. Несколько изменило положение создание Единого экономического пространства, которое дало возможность получить приграничным территориям географическое преимущество для развития внешнеторговых связей,

межкультурных обменов, реализации межгосударственных социально-экономических проектов.

Одним из средств преодоления недостатков периферийного положения регионов и получения конкурентных экономических преимуществ перед другими регионами, на наш взгляд, является создание «трансрегионов» по аналогии функционирующих еврорегионов в странах Европейского союза.

Для Оренбургской области и Западно-Казахстанской области – приграничных регионов, расположенных в стороне от основных международных транзитных коридоров, развитие взаимных внешнеэкономических связей будет компенсировать их удаленность от основных мировых рынков [5].

Между Россией и Казахстаном исторически налажены устойчивые связи – политические, экономические, социальные, исторические, культурные. Между странами заключен договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи; подписано множество соглашений между высшими административными органами России и областными акиматами Казахстана. Важнейшим шагом в сотрудничестве является кооперация между приграничными регионами. Так, добыча казахстанских полезных ископаемых ведется с использованием российского оборудования с последующей поставкой сырья на российские предприятия и в некоторых случаях возвратом готовой продукции (полуфабрикатов) на территорию Казахстана. Поставки угля из Казахстана в Россию для нужд промышленности и энергетики приводят к встречным поставкам электроэнергии в Казахстан. Наличие в Оренбургской области самого крупного в Европе уникального газоконденсатного месторождения способствовало основанию крупнейшего газоперерабатывающего комплекса, основные объекты которого – газоперерабатывающий и гелиевый заводы. На этих заводах перерабатывается в том числе и сырье, добытое на территории Казахстана, и в частности, Западно-Казахстанской области.

Стратегическое планирование в трансграничных регионах может способствовать формированию новых промышленных кластеров, основанных на кооперации производителей соседних государств. Создание так называемых «трансрегионов» имеет значение в силу ряда причин. Во-первых, трансрегионы укрепляют практики делегирования ответственности и полномочий местным органам, способствуют экономическому развитию. Во-вторых, трансрегион представляет собой инновационную структуру в области управления региональным развитием, одновременно образуя базу для создания и развития инновационных структур внутри себя. Кроме того, трансрегион выступает как площадка по привлечению инвестиций и центры развития. Здесь срабатывает система двусторонних инвестиционных гарантий, на их территориях часто образуются свободные экономические зоны. Деятельность трансрегионов направлена на развитие приграничного сотрудничества, особенно в сферах производственной и социальной инфраструктуры, экономического и экологического партнерства.

На наш взгляд, на территории приграничных Оренбургской и ЗКО было бы целесообразно также создание трансрегиона в отрасли нефте- и газопереработки. В областях есть все необходимые сырьевые ресурсы, а также значительный трудовые ресурсы потенциал.

Следует выделить несколько причин целесообразности создания трансрегиона:

- Это самый протяжённый участок российско-казахстанской границы - 1 876 километров;

- На долю приграничных территорий региона приходится около 35% промышленного и сельскохозяйственного производства Оренбургской области;

- Регион обладает богатой ресурсной базой для нефтехимической промышленности;

- В рамках межправительственного соглашения, подписанного на российско-казахстанском форуме приграничных территорий, создается совместное российско-казахстанское предприятие на базе Оренбургского газоперерабатывающего завода.

- В 2012 г. совместное казахстанско-российское предприятие ТОО «КазРосГаз», образованное на паритетной основе казахстанской национальной нефтегазовой компанией «КазМунайГаз» и российским газовым концерном «Газпром», приступило к разработке и реализации инвестиционного проекта по созданию в Оренбургской области производства гранулированной серы мощностью до 500 тыс. тонн в год.

- В июле 2015 г. между холдингом «Союз» из Оренбурга и Торгово-промышленной палатой Западно-Казахстанской области был подписан меморандум, предусматривающий сотрудничество в целях укрепления деловых связей между предпринимателями двух соседних регионов;

- В регионе оказывается серьезная поддержка со стороны региональных властей на всех уровнях, нацеленная на стимулирование иностранных инвестиций и оказания содействия иностранным инвесторам.

- Между исследуемыми областями уже подписано множество договоров о сотрудничестве и кооперациях, что облегчит и ускорит создание трансрегиона.

- Населенные пункты Оренбургской и Западно-Казахстанской областей связывают 8 мест упрощенного пересечения границы;

- Оренбургская и Западно-Казахстанская области выступают инициаторами крупного совместного российско-казахстанского проекта по сохранению и оздоровлению экосистемы бассейна трансграничной реки Урал;

- В регионе функционирует мощная образовательная система, способная подготовить высококвалифицированных специалистов в области добычи и переработки нефти и газа;

– Приграничные взаимодействия в научно-образовательной сфере в рамках академической мобильности, обмена студентами, магистрантами, аспирантами; участие в совместных научных разработках по повышению эффективности производства.

Таким образом, социально-экономический потенциал приграничных Оренбургской и Западно-Казахстанской областей, создает предпосылки для развития на этой территории нового пространства, способствующего развитию трансграничного сотрудничества; сглаживанию различий в социальной, экономической и демографической ситуациях приграничного региона; преодолению дисбаланса в вопросах занятости населения. Улучшение демографических показателей сократит нагрузку на трудоспособное население и облегчит проблемы количества и качества рабочей силы. При создании трансрегиона у приграничных Оренбургской и Западно-Казахстанской областей есть все шансы при рациональном использовании своего пространственного ресурса, превратиться из депрессивных районов в точки экономического роста.

Литература

1. Департамент статистики Западно-Казахстанской области. URL: http://stat.gov.kz/faces/zko/reg_main/regDinamo?_afzLoop=3233272189341510#%40%3F_afzLoop%3D3233272189341510%26_adf.ctrlState%3Dj77ujs2he_21 (дата обращения: 25.09.2016).
2. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2015: Стат.сб.// Росстат. М., 2015. – 672 с. ISBN 978-5-89476-417-7.
3. Официальный интернет-ресурс Акимата Западно-Казахстанской области. – <http://bko.gov.kz/ru/economics-and-finance/infrastructure/road.html>.
4. Российско-Казахстанский трансграничный регион: история, геоэкология и устойчивое развитие. – Екатеринбург : УрО РАН, 2011. – 216 с.
5. Федоров Г., Корневеев В. Еврорегионы – новый формат взаимодействия // Космополис. – 2008. – №2(21). – С. 78–86.

ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ФИНАНСОВЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

А.И. Игонин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия
e-mail: geoigonin@gmail.com

Аннотаци: В рамках исследования социально-экономических процессов Брянско-Белгородского участка российского приграничья сформирована база данных финансовых результатов деятельности предприятий территории. Разработан раздел ГИС, создана серия картографических сюжетов, основным объектом которых являются приграничные районы Курской области. Геоинформационный анализ позволил представить комплексную сравнительно-географическую характеристику приграничья по выручке предприятий. Дана оценка места районов Курской области среди всех районов участка приграничья. Представлены результаты рассмотрения среднечеловеческих индикаторов, а также отраслевой

состав предприятий. Использование ключевых показателей финансовых результатов деятельности позволило сформировать представление о территориальной организации ключевых предприятий региона и заложить основы справочно-аналитической системы и инструментарий мониторинга экономических процессов.

Ключевые слова: приграничье, ГИС, геоинформационный анализ, выручка, прибыль, финансовый результат

Регионы российско-украинского приграничья переживают нелегкие времена, в том числе и в связи с дезинтеграционными процессами между двумя странами. Обнаруживаются серьезные проблемы социально-экономического развития приграничных территорий, трансформация экономических и миграционных связей [3]. Выявлена заметная дифференциация демографического развития районов Брянско-Белгородского участка российского приграничья [1]. По характеру и особенностям развития процессов рождаемости и смертности территории формируют консолидированные участки с тем или иным набором показателей. Таким образом, исследование демографической композиции позволяет расширить представление о географии населения территории. Работа над анализом причинно-следственных связей в социально-экономических процессах требует перманентного обновления методов и подходов. С точки зрения оценки экономического развития территории важным индикатором может служить показатель выручки предприятий. Это ключевой показатель деятельности экономических агентов, позволяющий оценивать оборот, уровень экономической активности и динамику экономических процессов. В современных условиях постоянной трансформации системы экономического взаимодействия агентов, формирования новых и реорганизации сложившихся связей, оценка динамики и мониторинг финансовых результатов деятельности предприятий в пространственном аспекте позволит по-новому взглянуть на возможности развития территорий.

Исследование проводится в рамках создания комплексной ГИС «Брянско-Белгородского участка российского приграничья». Основные задачи данного этапа – сформировать базу данных по результатам деятельности предприятий приграничья за период с 2012 по 2016 годы, создать серию справочно-аналитических сюжетов, проанализировать динамику корпоративных процессов приграничья, обновить базу данных за 2017 год, провести мониторинг и пространственный анализ. В настоящей работе представлены первые результаты анализа справочно-аналитических сюжетов ГИС, а также подробно рассмотрены финансовые результаты деятельности крупнейших предприятий приграничных районов Курской области и их территориальная организация.

Методика исследований основана на рассмотрении субъектов малого, среднего и крупного предпринимательства, а также их совокупностей сформированных по отраслевому и территориальному признакам [5]. В процессе работы использовались данные, характеризующие выручку, прибыль и стоимость основных фондов предприятий [4]. Выручка

определяется исходя из всех поступлений в денежной и натуральной формах, связанных с расчетами за реализованные товары, работы и услуги [2].

Выручка предприятий по Курской области за рассматриваемый пятилетний период с 2012 по 2016 гг. постоянно увеличивалась. Здесь следует сделать ремарку, о том, что данные предоставляются в реальном ценовом выражении, без пересчета на инфляцию, то есть темпы роста объема выручки не дают представление о развитии экономики, а только указывают на существующие тренды и позволяют сравнивать динамику выручки по территориям, что позволяет оперировать сравнительно-географическими методами исследования. По объему выручки юридических лиц - 481276 млн руб. в 2012 году Курская область находилась на 42 месте в России с долей 0,21 %. К 2016 году, обогнав Тверскую область, Курская расположилась на 41 месте с выручкой 682426 млн руб., доля в выручке всех предприятий страны увеличилась до 0,3 %. Что косвенно свидетельствует о некоторой децентрализации оборота компаний, но скорее подтверждает тот факт, что гипертрофированное развитие федерального центра и сосредоточение в нем финансовых потоков дает широкие возможности для роста периферии в перспективе.

Лидером по выручке в Курской области, впрочем, как и по численности населения является город Курск. Доля его резко выросла с 40 % в 2012 году до 55 % в 2016 году. Неизменно на втором месте город Железногорск, его доля в областной выручке изменялась с 14 до 20 %, причем в 2013-2014 годах было снижение, что связано со снижением цен на продукцию Михайловского ГОКа. Третье место до 2016 года занимал Курский район, но в 2016 году его обогнал Горшеченский район, что стало возможным благодаря открытию в 2015 году и резкому росту выручки предприятия ООО "Белая Птица-Курск" (7-е место по выручке в Курской области). По показателю прибыли ситуация несколько иная, третье место занимает Пристенский район. Из приграничных районов области наибольшей выручкой выделяется Суджанский район – 12718 млн руб., с долей 1,86 %, шестое место в регионе. Причем в 2012 году этот район занимал четвертое место, с долей 1,09 %. Наименьшие значения объема выручки отмечаются в Хомутовском районе – 929 млн руб. Доля за последние пять лет выросла, но по-прежнему ничтожно мала – 0,14 %. В целом шесть приграничных районов консолидируют 5,5 % выручки предприятий области, при этом проживает здесь более 10,5 % населения области – 119,2 тысяч человек по состоянию на 2016 год.

Рассмотрим место районов Курской области в Брянско-Белгородском участке российского приграничья по значениям выручки и сельскому показателю выручки на душу населения, который позволит провести межрайонные сравнения. Крупнейшим муниципальным образованием, как по численности населения, так и по объему выручки является город Белгород. Все остальные города в базе данных включены в состав муниципальных районов, отдельных данных по выручке всех предприятий города Стародуб нет, хотя он является самостоятельным городским округом. Крупнейшими после Белгорода по объему выручки в 2016 году стали Белгородский и

Валуийский районы Белгородской области. Менее 1 млрд руб. выручки в год генерируют предприятия в Хомутовском и в Суземском районах.

Сравнительно-географическая характеристика территорий по сделным индикаторам финансовой деятельности предприятий на душу населения муниципалитетов, а в частности выручки предприятий, позволит провести экспериментальную экономико-географическую оценку территории. Объем выручки на душу населения в районе косвенно показывает уровень развития экономики в целом и предпринимательской активности в частности. Кроме того рассмотрение таких показателей в динамике позволяет обнаружить и оценить тренды экономических процессов, в том числе и в контексте уровня жизни населения. В 2016 году самый высокий показатель зафиксирован в городе Белгород – 1466 тыс. руб. на 1 человека в год [7], при среднем по России – 1536 тыс. руб. (Рисунок 1) Выручка чуть менее 1 млн руб. на человека отмечена в Краснояружском и Волоконовском районах Белгородской области.

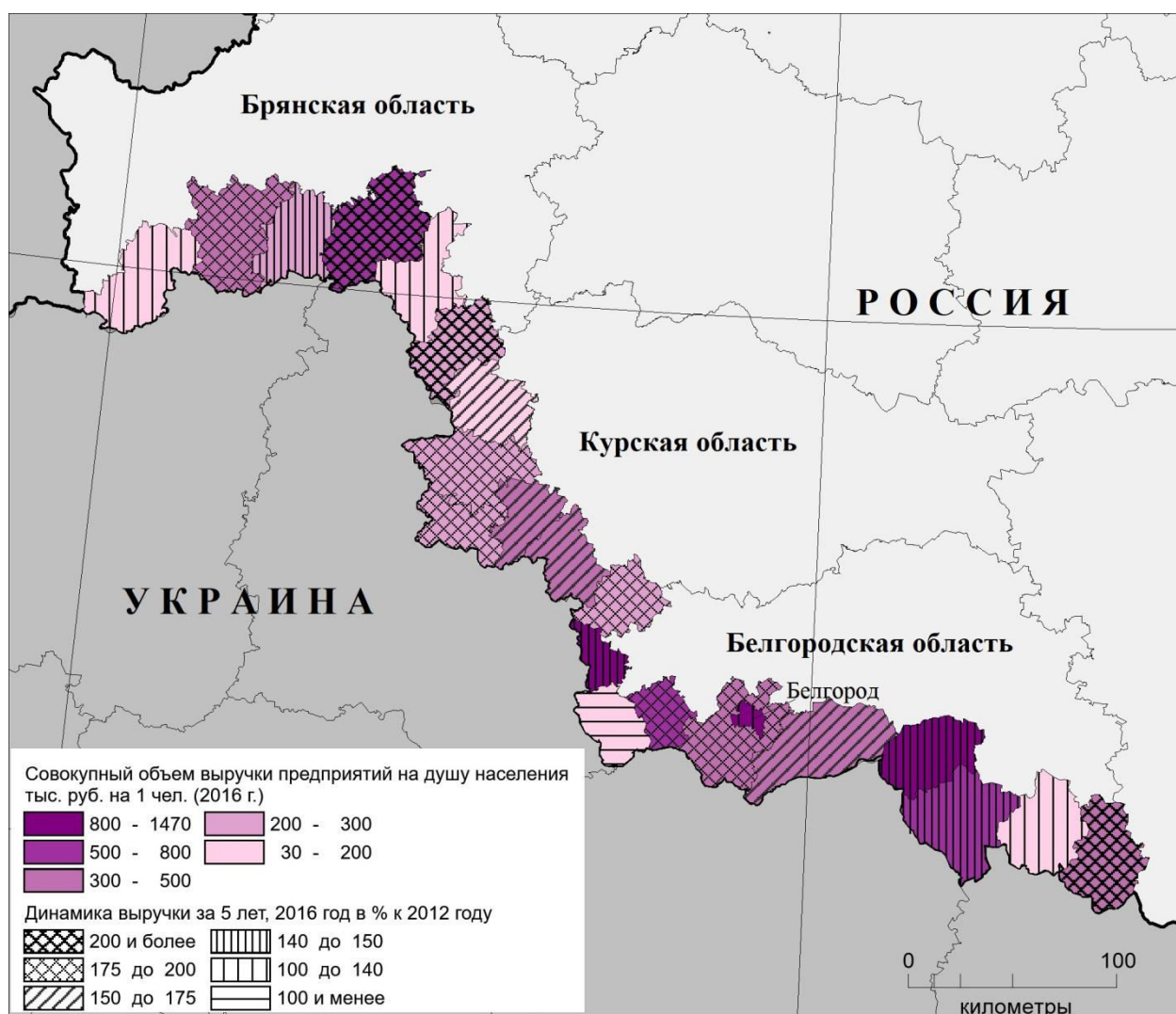

Рис. 1. Выручка предприятий Брянско-Белгородского участка российского приграничья

Показатель выше 0,5 млн руб. на человека зафиксирован в двух районах Белгородской области и в Трубчевском районе Брянской области. Во всех приграничных районах Курской области выручка предприятий зарегистрированных в районе меньше 0,5 млн руб. на душу населения. В Суджанском и Кореневском районах значения показателя средние по Брянско-Белгородскому приграничью. В Хомутовском районе на 1 человека приходится всего 99 тыс. руб. выручки предприятий в год, что в 15 раз меньше чем по стране в целом. Хуже дела обстоят только в Климовском и Суземском районах брянского участка приграничья, 48 и 36 тыс. руб. соответственно.

Высокие показатели выручки характерны для инвестиционно-привлекательных районов и городов Белгородской области. Также повышенные значения выявлены в районах с городами, где расположены сколько-нибудь крупные предприятия и организации – Валуйский, Трубчевский (ООО «Брянская мясная компания», подконтрольная структурам АО «Мираторг», третье место по выручке в Брянской области) районы. Минимальная выручка зафиксирована в сельских и слаборазвитых районах, где нет крупных сельскохозяйственных и тем более промышленных предприятий, яркий пример – Хомутовский район Курской области.

Динамика объемов выручки за период с 2012 по 2016 годы практически во всех районах и городах приграничья положительная. Причем в большинстве районов рост превысил 50 %. Здесь стоит сделать важную ремарку, о том, что совокупная инфляция за этот период составила по официальным данным 50,32 % [6], а это в свою очередь означает, что реальный рост выручки произошел только в тех районах, где этот показатель выше 50 %. Во всех приграничных районах Курской области темпы роста выручки превысили темпы инфляции. Интересно, что минимальный рост показал отстающий Хомутовский район и относительно благополучные в контексте среднедушевого показателя выручки Кореневский и Суджанский районы. «Середняки» показали самый высокий рост в 75-100%, без учета инфляции за пять лет. Среди всей территории Брянско-Белгородского участка приграничья Курские районы, несмотря на то, что имеют заметную дифференциацию, в масштабах всей территории выглядят консолидировано, в сравнении с белгородскими и брянскими. Неравномерность развития экономики приграничных территорий связана с активным притоком инвестиций в одни районы, закрытие и банкротство ряда предприятий в других. Так, резкий рост выручки в Ровеньском районе Белгородской области обусловлен регистрацией и развитием ООО «Сырный мир» занимающимся оптовыми поставками молочной продукции произведенной, в том числе, ООО «Ровеньки-Маслосырзавод», выручка которого за пять лет немного упала. Общество зарегистрировано в конце 2014 года, а уже в 2016 году его оборот превысил 3 млрд руб. (1-е место в районе) – это более 30 % выручки предприятий района. Похожая картина сложилась в Трубчевском районе Брянской области. В 2014 году здесь запущен ряд предприятий компании «Мираторг» и выручка ООО «Брянская мясная компания»

превысила 14 млрд руб., что обеспечивает 70 % выручки всех предприятий района. Все приграничные районы с темпами роста ниже совокупной инфляции находятся в Брянской и Белгородской областях. В Грайворонском районе Белгородской области даже обнаружилось незначительное снижение суммы выручки, что связано с банкротством в 2013-2014 годы крупнейшего в районе предприятия ООО «Почаево-Агро» дочки «Группы «Разгуляй»», которое в 2012 году показало более 50 % выручки предприятий района. Геоинформационный анализ позволил выявить специфику территориальной дифференциации районов приграничья по динамике совокупной выручки предприятий и сдельному показателю выручки в 2016 году.

В рамках раздела ГИС «Предприятия Брянско-Белгородского приграничья» создан блок по шести районам Курской области. Заполняется база данных финансовых показателей деятельности предприятий, ключевые из которых – годовая выручка, прибыль и стоимость основных фондов. На данном этапе основным результатом работы стал комплексный геоинформационный анализ финансовых показателей деятельности крупнейших предприятий курского приграничья. Создана серия карт динамики экономических процессов районов в целом и предприятий в частности.

Крупнейшее предприятие Курского участка приграничья по выручке за 2016 год АО «Надежда» Суджанского района, специализируется на свиноводстве. Организация занимает 29 место в области по рассматриваемому показателю. Второе в приграничье и 31-е место в области заняло ООО «Атлас», также Суджанского района. В тройке крупнейших оказалось предприятие из Рыльского района – ООО «Промсахар», расположенное в поселке имени Куйбышева, но по области у него только 51-е место. Таким образом, в приграничье по данным за 2016 год расположены лишь два предприятия из первых пятидесяти по выручке в области. Из первой сотни здесь находится десять предприятий, причем четыре из них в Суджанском и три в Рыльском районах. Ни одно из предприятий Кореневского и Хомутовского районов не входит в первую сотню области. А первое предприятие Хомутовского района – ООО «Сапфир Агро», расположенное в селе Калиновка, занимает только 310 место. Четко выделяется лидирующее среди приграничных районов положение Суджанского района по общему объему выручки предприятий, второе место занимает самый населенный Рыльский район, на третьем временно Глушковский, но разница между третьим-пятым районами незначительная. Чего не скажешь о показателях Хомутовского района, здесь выручка в 2016 году в пять раз меньше, чем у предпоследнего Беловского района.

Территориальная организация предприятий региона имеет следующие особенности. Самой высокой концентрацией выручки на одном предприятии выделяется Беловский район, где ООО «Псельское» обеспечивает более 38 % совокупной выручки (рис. 2). Наименьшая концентрация характерна для Кореневского района, где у крупнейшего ЗАО «АФ Любимовская» чуть более 16 %, поскольку есть ряд сопоставимых по выручке предприятий с

долей более 10 % – АО «НВА» и АО «Толпино». Причем, в Корневском районе первые три предприятия по выручке размещены в разных населенных пунктах, а крупнейшее ЗАО «АФ Любимовская» не в районном центре, а в селе Благодатное на севере района. Похожая картина в Хомутовском, Рыльском и Глушковском районах, но если в Рыльском в поселке имени Куйбышева расположен сахарный завод, а остальные крупнейшие предприятия в городе Рыльске, то в селе Тёткино сразу два крупнейших предприятия Глушковского района. В Суджанском районе, наоборот, самая высокая концентрация предприятий, все три крупнейших находятся в городе Суджа.

Рис. 2. Финансовые показатели деятельности предприятий приграничных районов Курской области, отраслевой состав, 2016 г.

Отраслевой состав флагманов районных экономик достаточно пестрый, но все же основные отрасли это сельское хозяйство и переработка сельскохозяйственного сырья, пищевая промышленность. Во всех районах в тройку ведущих по выручке входят предприятия с сельскохозяйственным профилем. Выделяются крупные животноводческие комплексы Корневского, Суджанского и Беловского районов. В Рыльском,

Глушковском и Беловском районах высокие показатели у сахарных заводов. Также среди крупных ООО «КУРСКПРОДУКТ» – производство пищевого спирта в селе Теткино, ООО «Курск-молоко» – производство молочных продуктов в городе Рыльск. Торговая организация ООО «Атлас» занимает второе место по выручке в Суджанском районе. Единственное действующее предприятие из машиностроительной отрасли расположено в поселке Коренево – АО «НВА», специализируется на производстве электрической аппаратуры. Строительная отрасль представлена крупным в Суджанском районе и небольшим в Хомутовском предприятиями по части строительства и эксплуатации автомобильных дорог.

Максимальную прибыль среди всех предприятий рассматриваемой территории в 2016 году показало четвертое по выручке предприятие Суджанского района ООО «Агросил» – 711 млн руб., совсем немного уступающее по стоимости лидеру. Следует отметить, что «Агросил» является основным учредителем АО «Надежда». Эти предприятия являются крупнейшими по стоимости основных фондов вместе с ООО «Псельское» (Беловский район, слобода Белая).

Расчет прибыли предприятий на душу населения выявил низкие показатели, значительно меньше 100 тыс. руб. на 1 человека. Следует отметить четкую дифференциацию по районам и повышение значений показателя с севера на юг, с максимумом в Суджанском районе в 58 тыс. руб. на 1 человека.

В результате проведенной исследовательской работы сформирована экспериментальная платформа «Предприятия Брянско-Белгородского приграничья» в рамках ГИС «Брянско-Белгородский участок российского приграничья». Геоинформационный анализ основных показателей финансовой деятельности предприятий позволил выявить ряд закономерностей территориальной организации предприятий приграничья. По общему объему выручки районы курского участка заметно отстают от ряда белгородских и, даже брянских, передовой Суджанский район занимает седьмое место среди рассматриваемых территорий. Остальные районы показывают значения ниже средних по приграничью. Сравнительно-географическая характеристика по среднедушевой выручке подтверждает невысокий уровень показателей региона, приближающихся к средним значениям. Ключевая особенность – невысокий разброс значений по курским районам, которые выглядят консолидировано в сравнении с соседними областями, в особенности по характеру динамики финансовых показателей. Что свидетельствует об относительной стабильности и отсутствии серьезных корпоративных изменений, крупных банкротств за последние пять лет и в то же время невысокой инвестиционной привлекательности. Поскольку большинство показателей невысоки, такую динамику нельзя отнести к определенно положительным тенденциям, тем более что превышение темпов роста выручки над темпами инфляции незначительны.

Проработан рейтинг и географические особенности размещения предприятий курского приграничья. Выявлена высокая концентрация

выручки у передового предприятия в Беловском районе. В передовом Суджанском районе большая часть выручки консолидирована в городе Суджа. Таким образом, относительная финансовая благополучность районов достигнута за счет крупных участников рынка. Особняком стоит Кореневский район с наименьшей концентрацией выручки у лидирующего предприятия, причем оно находится не в районном центре, а ведущие предприятия рассредоточены по району. Кроме того, район показывает стабильную динамику выручки и относительно высокий среднедушевой показатель. Для остальных приграничных районов области характерна децентрализация расположения крупнейших предприятий. Отраслевой состав и специфика территориальной организации крупнейших предприятий подтверждает сложившийся в последние годы вектор стабильного роста сельскохозяйственной отрасли и сопутствующей отрасли пищевой промышленности в Курской области.

Сформирован экспериментальный инструментарий анализа и поиска причинно-следственных связей изменений основных показателей экономической деятельности территорий. Работа над собранным материалом позволит сформировать методику оценки финансовых результатов деятельности предприятий для экономико-географических изысканий. Перманентное обновление баз данных сделает возможным мониторинг финансового благополучия предприятий на различном территориальном уровне.

Литература

1. Игонин А.И. Геодемографические процессы Брянско-Белгородского участка российского приграничья // ИнтерКарто/ИнтерГИС 24. Материалы Международной конференции. Т. 24. КарНЦ РАН Петрозаводск, 2018. С. 148–157.
2. Пиньковецкая Ю.С. Анализ выручки малых и средних предприятий в России: управленческий аспект // Вопросы управления. 2017. №2 (45). С. 187–194.
3. Попкова Л. И. Географические аспекты устойчивого развития приграничного пространства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. 2013. №2. С. 684–687.
4. <https://www.rusprofile.ru/codes/> (дата обращения: 05.09.2018).
5. <http://www.spark-interfax.ru/ru/statistics/region/38000000000> (дата обращения: 05.09.2018)
6. http://www.cbr.ru/statistics/?PrId=macro_sub (дата обращения: 03.09.2018).
7. <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 10.07.2018).

ВЫСШАЯ ШКОЛА КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ С БЕЛОРУССИЕЙ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

А.П. Катровский

Смоленский государственный университет, Россия
e-mail: alexkatrovsky@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены особенности экономического развития приграничных с Республикой Беларусь регионов России, отмечается усиление периферийности данного региона. Отмечается, что одной из причин экономического отставания областей данного региона является невысокий уровень развития высшей школы, отсутствие высших учебных заведений с высокой репутацией и значимой ролью в подготовке высококвалифицированных кадров для национальной экономики. Университеты приграничных с Республикой Беларусь регионов России имеют невысокий интегральный и инновационный рейтинг. Для преодоления периферийности, повышения конкурентоспособности, осуществления модернизации экономики необходима модернизация системы высшего образования. Система высшего образования должна в большей степени ориентирована на перспективные отрасли специализации регионов. В качестве драйверов экономического развития могут выступить региональные опорные университеты при условии ориентации их на подготовку кадров высшей квалификации, научные исследования и разработки, инновационную деятельность в регионах их локализации

Ключевые слова: российско-белорусское приграничье, высшая школа, экономическое развитие, инновационное развитие, модернизация экономики, Смоленская область

Введение и постановка проблемы. Российская Федерация находится на пороге глубоких трансформаций, вызванных вступлением общества в стадию постиндустриального развития. Изменения ожидают все регионы вне зависимости от географического положения, отраслевой и территориальной структур их экономик. Однако наибольшие трансформации, не всегда позитивные, могут произойти в приграничных регионах, которые в условиях экономической турбулентности, в наибольшей степени подвержены внешним шокам. Экономическое развитие российских регионов в постсоветский период носило разноскоростной характер. За четверть века в Европейской части России в связи с разными условиями и факторами усилилась экономическая поляризация. Одним из отстающих в социально-экономическом отношении регионов России являются приграничье с Беларуссией. Данный регион в составе трёх областей: Брянской, Смоленской и Псковской так и не смог преодолеть периферийность, инновационное отставание, социально-демографическую напряженность и социально-экономическую депрессивность.

Почему, несмотря на последовательное снятие барьеров экономического взаимодействия двух стран, российские регионы, которые в конце 1990-х годов считались одними из успешных, с высокой долей высокотехнологичных производств оказались среди аутсайдеров? Почему среди всех регионов западного порубежья Брянская, Смоленская и Псковская области оказались «слабым звеном»?

Почему эти регионы не входят в число лидеров российской экономики, хотя именно они должны были первыми получить преимущество в своем развитии от создания единого таможенного пространства? Но этого не произошло, и в настоящее время приграничные с Беларуссией регионы России являются одними из наиболее проблемных и по большинству параметров развития уступают средним показателям по стране. Здесь выше

безработица, хуже экономическая динамика, более сложная социальная ситуация.

Методологические основы и состояние изученности. Вопросам социально-экономического развития как российско-белорусского приграничья, так и приграничных с Республикой Беларусь регионов России посвящены многочисленные публикации белорусских и российских географов, экономистов, социологов. Среди наиболее интересных можно назвать работы петербургских географов и экономистов [9,10,11,12], белорусского географа Г.В. Ридевского [5,6,14], смоленских географов [5,6,7,8] и др. Российскому приграничью поставили диагноз – «усиливающаяся периферийность и депрессивность». Выявив такие тенденции трансформации как деиндустриализация, «примитивизация», обострение социальной и экономической обстановки, было отмечено, что подобная ситуация в значительной степени детерминирована политикой в структуре ВВП, когда на смену высокотехнологичным отраслям промышленности приходит сельское хозяйство и отрасли по переработке сельскохозяйственной продукции. По мнению известного норвежского экономиста и яркого представителя эволюционной экономики Эрика Райнерта в последнее время «ни одна страна в мире еще не разбогатела на поставках продовольствия» [13, с.198]. Тот же, кто идет таким путем, обречен на цепочку: «деиндустриализация, затем деагрикультурализация и депопуляция» [13, С.183]. Выход из ситуации видится в развитии новых технологий, смене технико-экономической парадигмы.

Полученные результаты. Публикация в начале XX века фундаментального труда Йозефа Шумпетера привела к глубоким изменениям в теории и практике экономического развития, которое стало рассматриваться как часть мирового инновационного процесса. Одним из важнейших положений этой работы стало учение о «разрушающем созидании», смысл которого применительно к региональному экономическому развитию можно интерпретировать как необходимость в отказе от сложившейся специализации на «устаревших» отраслях и переход к модернизации отраслевой, а порой, и территориальной структур общественного производства [16]. Потребность в «разрушающем созидании» особо остро возникает в депрессивных или отставших в своем развитии регионах. Без модернизации сложившегося хозяйственного комплекса целые отрасли промышленности и сельского хозяйства могут утратить свою жизнеспособность.

Оценивая ситуацию с развитием экономики бедных стран, известный профессор Калифорнийского университета Роберт Бреннер отмечал: «Единственный путь к выживанию и безопасности состоит в том, чтобы идти на риск, вкладывая капиталы в новые, более передовые средства производства [2, С.72]. По его мнению существует три основных направлений модернизации экономики страны или региона «Во-первых, устремиться вверх по продуктовой цепочке (move up the product cycle) с тем, чтобы начать выпуск новых, более высокотехнологичных промышленных

товаров, степень интенсивности в производстве которых была ниже, чем в стандартизированных и трудоинтенсивных отраслях, составлявших до сих пор основной профиль. Во-вторых, необходима радикальная трансформация производственных методов в стандартизированных и трудоинтенсивных отраслях. Наконец, третий путь – расширение сектора услуг» [2, С. 289].

В 2006 году вышел фундаментальный труд коллектива авторов под руководством А.Г. Гранберга, в котором отмечалась необходимость приоритетного движения российских регионов к инновационной экономике. По мнению авторов «в современном мире конкурентоспособность национальных экономик зависит не только от развитости рыночных отношений, не только от того, насколько национальные экономики способны воспринимать отдельные инновационные проекты, а могут ли обеспечить их системное освоение.» [3, С.5]

Модернизация, повышение конкурентоспособности и инновационное развитие – триединая задача, стоящая перед страной и регионами на современном этапе. Без инновационного развития нельзя модернизировать экономику, сделать её конкурентоспособной.

Вместе с тем, для отказа от сложившейся специализации, выхода из колеи традиционного развития мало одного желания, необходимы объективные и субъективные предпосылки, среди которых институциональные, инфраструктурные и ряд иных изменений.

Одна из ключевых ролей в решении триединой задачи принадлежит высшей школе.

Приграничные с Белоруссией субъекты Российской Федерации не располагают ни значительным минерально-сырьевым потенциалом, ни уникальным человеческим капиталом. По уровню развития инфраструктуры они уступают не только белорусским соседям, но и другим регионам Центральной России. Инфраструктурное отставание, незначительный природный и социально-экономический потенциал снижают инвестиционную привлекательность Брянской, Смоленской и Псковской областей. Единственным ресурсом, на который могут рассчитывать регионы, это человеческий капитал. Однако количество и качество человеческого капитала становится сдерживающим фактором развития этих областей. Необходима модернизация системы воспроизводства человеческого капитала.

В недавно опубликованной монографии В.Л. Бабурина и С.П. Земцова три приграничных региона России вошли в наименее развитый кластер по эффективности региональных систем. У всех трех регионов невысокий потенциал развития региональных инновационных систем. В типологии регионов России на основе интегрального индекса инновационного потенциала Псковская и Брянская область входят в тип регионов с низким потенциалом, Смоленская область в средненизкий потенциал [1, С.322].

Низкий инновационный потенциал российского приграничья обусловлен отсутствием сильных научных учреждений, невысоким уровнем развития аграрной науки, малой продуктивностью отраслевых научных

учреждений и современным состоянием системы высшего образования. В регионе нет собственных национальных исследовательских и федеральных университетов. В отличие от белорусских областей здесь нет сильных аграрных вузов, технических и классических университетов с высокой общероссийской репутацией. В национальном интегральном рейтинге классических университетов России в 2018 учебном году Брянский государственный университет занимал наиболее высокое 138 место, Псковский – 173, Смоленский – 265 место из 288, представленных в рейтинге.

По инновационному потенциалу университеты приграничных с Белоруссией регионов России занимали еще более низкие позиции: Брянский госуниверситет – 181, Псковский – 198, Смоленский – 217 место [18, 19].

В 2018 году ни один из вузов трех приграничных с Белоруссией регионов России не оказался среди ведущих отечественных вузов согласно рейтингу Эксперт РА. Уникальность ситуации состоит и в том, что три приграничные области оказались единственными в Западном порубежье России, в которых отсутствовали вузы, входящие в ТОП-100. [20], тогда как Курская и Белгородская области были представлены двумя вузами, Воронежская тремя, Санкт-Петербург десятью, Калининградская область и Карелия каждая одним. Не это ли ответ на вопрос о причинах отставания трех приграничных с Белоруссией областей? Отсутствие вузов, обладающих хорошей репутацией, высоким научным и инновационным потенциалом, является одной из причин социально-экономического отставания областей приграничья.

Роль «драйверов» инновационного развития должны взять на себя региональные классические и технические университеты, которые лишь относительно недавно обрели данный статус, после преобразования из педагогических и отраслевых технических вузов. Однако за последнее десятилетие большинство из них так и не смогло занять достойное место среди вузов России.

Одним из основных направлений модернизации российского образовательного пространства на ближайшее время является курс на создание опорных региональных университетов. Достижение этой цели предполагает не только существенное укрупнение имеющихся вузов, значительные финансовые вливания как со стороны федеральных органов власти, так и со стороны местного бизнеса, но и существенную реорганизацию самих вузов, которые должны стать носителями креативного образования. Современная социально-экономическая ситуация в приграничных регионах России требует от федеральных властей особого отношения к идее создания здесь данного типа высших учебных заведений. В 2018 г. статус регионального опорного университета получил Псковский государственный университет. В Брянской и Смоленской области пока не созданы высшие учебные заведения подобного типа. Однако практика их создания показала, что реорганизация должна сопровождаться глубокими

изменениями, что происходит крайне редко. Смена вывески не делает вуз опорой регионального развития.

Невысокий инновационный потенциал, отсутствие университетов национального значения препятствуют подъему российских приграничных регионов по «технологической лестнице», активному освоению и внедрению новых технологических укладов. Важнейшим направлением модернизации должно стать развитие высокотехнологичных отраслей с высокой добавочной стоимостью.

Модернизации экономики регионов должна предшествовать модернизация региональных систем образования, особенно высшего. Важность пространственных трансформаций в сфере высшего образования обусловлена еще и тем, что с одной стороны, значительная часть инновационных кластеров формируется на базе ведущих университетов, с другой стороны, наличие университетов, дающих качественное образование, является одним из конкурентных преимуществ регионов в борьбе за мобильные факторы: капитал и труд [4].

В этой связи для российских регионов, приграничных с Белоруссией, важное значение приобретает наращивание вузовского потенциала и политика по поддержке региональных университетов. Серьезной проблемой высшей школы российского приграничья стала излишняя филиализация и коммерциализация. Вместе с тем, нельзя сводить роль университетов только к подготовке кадров, обеспечивающих экономический рост и повышение региональной конкурентоспособности.

Серьезной проблемой для модернизации приграничных с Белоруссией регионов России, является их невысокий инновационный потенциал. В опубликованном в 2017 г. Высшей школой экономики рейтинге качества инновационной политики регионов все приграничные с Белоруссией области российской Федерации занимали места аутсайдеров: Брянская – 56, Псковская – 76, Смоленская – 78 место [17]. В другом рейтинге ВШЭ 2017 г., названном «Готовность регионов к будущему» и дающем оценку политики властей с точки зрения модернизации, показатели были также самыми низкими среди субъектов Западного порубежья России: Брянская – 50 место, Смоленская – 79, Псковская область – 81 место [17].

Поскольку основным потенциалом регионального развития российско-белорусского трансграничного региона является человеческий капитал, то актуальной и практически значимой может стать идея создания опорного каркаса единого образовательного пространства российско-белорусского приграничья, где в качестве узлов могли бы выступить опорные региональные университеты и ведущие отраслевые вузы.

В настоящее время в приграничных с Белоруссией регионах России Стратегия развития приграничных с Белоруссией областей России не должна сводиться к «классической» схеме, построенной на реиндустриализации и приоритетном развитии аграрного сектора экономики. В современных условиях особое внимание должно быть уделено «креативным» отраслям экономики. Однако развитие «креативной экономики» невозможно без

«креативной» системы образования. Только через качественное развитие высшей школы можно значительно повысить человеческий капитал данного региона.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного побережья России в условиях геополитической турбулентности»)

Литература

1. Бабурин В.Л., Земцов С.П. Инновационный потенциал регионов России.- М.: «КДУ», «Университетская книга», 2017, – 358 с.
2. Бреннер Р. Экономика глобальной турбулентности. М. ВШЭ. 2014. 552 с.
3. Движение регионов России к инновационной экономике/Под ред. А.Г. Гранберга, С.Д. Валентя; Ин-т экономики РАН. – М.: Наука, 2006. – 402 с.
4. Земцов С.П. Опыт выявления и оценки потенциала инновационных кластеров (на примере отрасли «рациональное природопользование»). Региональные исследования. 2013. №2, с.12–19
5. Катровский А.П., Ридевский Г.В. Сельское хозяйство российско-белорусского приграничья: тенденции развития и трансформация отраслевой и территориальной структуры.– Региональные исследования. 2017. № 4. С. 105–115
6. Катровский А.П., Ридевский Г.В. Пространственная экономическая асимметрия как фактор развития российско-белорусского приграничья.– Региональные исследования. 2013. №3 . С. 128–136
7. Катровский А.П. Высшая школа как фактор инновационного регионального развития России//Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2016. № 5. С. 248–254.
8. Катровский А.П. Смоленское приграничье: в поисках антидепрессантов // Социально-экономическое развитие регионов России: проблемы теории и практики. Смоленск 2010. С. 48–54
9. Межевич Н.М., Болотов Д.А., Сазанович Л.С. Анализ интеграционного потенциала малых и средних городов России и Белоруссии. – Псковский регионологический журнал. 2017. №2. С. 12–21.
10. Межевич Н.М., Болотов Д.А. Вопросы пространственной поляризации систем расселения в приграничных регионах России и Беларуси.- Экономика и предпринимательство. 2015. № 11–2. С. 403–407
11. Морачевская К.А. Приграничность и периферийность как факторы социально-экономического развития приграничных с Белоруссией районов России.- Региональные исследования. – 2010, №4. С.61–69.
12. Морачевская К. А. Институциональные барьеры трансграничного сотрудничества в российско-белорусском приграничье //Российско-белорусское приграничье: проблемы и перспективы развития. Смоленск, 2016. С. 37–44
13. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны останутся бедными. М. ВШЭ, 2017. 384 с.

14. Ридевский Г.В. Процессы регионополизации, структурная неоднородность и социальное расслоение российско-белорусского приграничья. – Региональные исследования. 2011. № 4, С. 127–133
15. Человеческий капитал и социально-экономическое развитие регионов российско-белорусского приграничья: монография /под ред. А.П. Катровского и Ю.П. Ковалева. Изд. 2-е, – Смоленск: Универсум, 2017, 364 с.
16. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: «Эксмо», 2007.
17. <https://issek.hse.ru/data/2017/06/09/1170533818/RIR2017.pdf>
18. http://www.univer-rating.ru/rating_common.asp?per=11&p=9
19. <http://www.univer-rating.ru/txt.asp?rbr=39&txt=Rbr39Text4005&lng=0>
20. https://raexpert.ru/rankings/vuz/vuz_2018#part2

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Коломейцева А.В., Яковенко Н.В.

Воронежский государственный университет, Россия
e-mail: n.v.yakovenko71@gmail.com

Аннотация: В статье показаны основные проблемы развития социальной сферы Воронежской области. Определены ключевые направления ее развития

Ключевые слова: социальная сфера, проблемы, направления развития.

Успешно развивающаяся и функционирующая система отраслей социальной сферы является основной компонентой социально-ориентированной экономики, в рамках которой реализуется множество социальных интересов населения любого региона. Социальная сфера выступает гарантом и источником социально-экономического роста социально-экономической системы региона. Ключевую основу региональной социальной политики представляет наличие инновационных механизмов социального взаимодействия и партнерства государства и общества. Субъектом социальной политики выступает государство, но необходимо учитывать и воздействие на нее субъектов политического процесса (общественные, политические, религиозные организации) и субъектов политической жизни – людей, граждан, так же выражающих свои социальные интересы через политические предпочтения.

Все сферы жизнедеятельности человека имеют общую социальную природу и связаны на онтогенетическом уровне. Это обуславливает их совмещенность в едином пространстве социального бытия. Но это определяет и их общее положение, и объектность в системе отношений «общество – государство». Поэтому все они являются объектами социальной политики и социального управления, которые и выражают на субъектном уровне организационную силу общественной системы [1,3].

Рассмотрим основные ключевые вопросы слабых позиций социального развития Воронежской области:

1. Депопуляция населения, обусловленная высокой смертностью. 25 лет регион находится в состоянии депопуляции, наступившей много ранее чем в других субъектах РФ. В отличие от других субъектов РФ в Воронежской области нет ни одного муниципального района и городского округа с естественным приростом населения. Несмотря на некоторое улучшение в последние годы параметров естественного движения населения, значительного прорыва в решении проблемы достичь не удалось. В течение 5-летнего периода естественная убыль населения составляет 10 – 12000 чел/год. Сохранение такого крайне низкого уровня рождаемости неизбежно приведет к продолжающемуся процессу естественной убыли населения. Суммарный коэффициент рождаемости (2016 г. – 1,484) в 1,5 раза ниже уровня, который обеспечивает простое воспроизводство населения. Особенностью ближайших 15 лет будет то, что в эти годы на возрастную структуру населения будет оказывать влияние демографическая волна, возникшая в 80-90 годы XX века. Основными рисками, препятствующими устойчивому демографическому развитию региона, станут: сокращение численности женщин детородного возраста; продолжающееся снижение репродуктивных установок молодых людей; старение населения и усиление демографической нагрузки; крайне неравномерное развитие демографической ситуации в муниципальных районах и городских округах [2].

2. Относительно низкий уровень производительности труда в промышленности (7-е место в ЦФО). Достигнутый уровень производительности труда в обрабатывающей промышленности составляет 70,8% от среднероссийского уровня. Основная причина этого - сохранение и доминирование традиционных производств, которые основаны на четвертом технологическом укладе, а также высокий износ основных фондов (7е место в ЦФО и 33– в Российской Федерации (1-ое место – наименьшее значение показателя, последнее место – наибольшее значение). Эта сторона свидетельствует о наличии условий воспроизводства значительных объемов продукции, неконкурентоспособной на национальном, тем более, на мировом рынках; действии значимого фактора, ограничивающего рост доходов промышленного персонала; пониженной инвестиционной привлекательности значительного числа производств, ограничивающей возможности расширения финансовой базы их инновационного обновления; консервации условий труда.

3. Низкая восприимчивость производственной системы региона к внедрению инноваций. Имея лидирующее позиции в ЦФО по основным характеристикам образовательного и инновационного потенциалов, регион отстает по уровню его использования: 11-е место – по удельному весу инновационной продукции, 5-е место показатель инновационной активности организаций, 10-е место – по числу используемых передовых производственных технологий.

4. Пониженная доля занятого населения, которые имеют высшее и среднее профессиональное образование. Среди занятого населения, имеющих

высшее и среднее профессиональное образование, доля работников составляла 69,5 %, в РФ – 78,6 %, в ЦФО – 83,9%. Так, по удельному весу занятых, имеющих высшее образование Воронежская область занимала 5-е место в ЦФО, по удельному весу занятых, имеющих среднее профессиональное образование – последнее место.

5. Имеется относительно высокая степень зависимости доходов регионального бюджета от внешних источников. В период 2010-2016 гг. удалось снизить зависимость финансовой основы органов государственной власти Воронежской области, обеспечивающей управление социально-экономическим развитием региона, от поддержки Федерального центра. Доля безвозмездных поступлений из федерального бюджета за этот период сократилась с 33,3% до 20,9% [2].

6. Относительно низкий уровень качества предоставления жилищно-коммунальных услуг населению. Основные проблемы жилищно-коммунального комплекса Воронежской области связаны с высоким износом основных фондов (более 70%), частыми перерывами в предоставлении коммунальных услуг из-за аварийных ситуаций на сетях и сооружениях и низким качеством коммунальных ресурсов, недостаточной освещенностью муниципальной уличной сети. В среднем доля комплексно благоустроенного жилья составляет 65,7%. Доля проб питьевой воды из источников централизованного водоснабжения, не отвечающих гигиеническим нормативам по санитарно-химическим показателям, составила 32,3% в 2016 г. Техническое состояние водопроводных и канализационных сетей области остается неудовлетворительным. На конец 2016 г. доля ветхих водопроводных сетей составила 26%, доля ветхих канализационных сетей – 30% от их общей протяженности.

7. Наличие высокого уровня социально-экономической асимметрии в пространственном развитии региона. Проведенный анализ выявил следующие характеристики пространственной экономики региона: – сосредоточение промышленного производства в ограниченном количестве муниципальных образований, преимущественно, в Воронежской агломерации; – ограниченная включенность промышленных предприятий муниципальных районов в кластерные образования; – дисбаланс в обеспечении муниципальных образований транспортной инфраструктурой; – неравномерность расселения населения по территории региона, его сосредоточение преимущественно в крупных и средних городах. В составе значимых характеристик социальной асимметрии: – превышение гигиенических нормативов проб воды из источников централизованного водоснабжения по санитарно-химическим показателям (выше среднеобластного значения) установлено в 18-ти муниципальных районах; – в 10 муниципальных районах области обеспеченность централизованным водоснабжением составляет менее 50% (в среднем по области – 90,2%); – доля ветхих водопроводных сетей в ряде районных центров значительно выше среднеобластного значения (в городе Эртиль она составляет 100%, в городе Новохоперск – 86,9%, в городе Поворино – 69,5%); – уличное

освещение отсутствует в 75 населенных пунктах, в иных населенных пунктах 1548 улиц полностью не освещены.

8. Низкая эффективность использования туристско-рекреационного потенциала. В настоящее время доля туризма в ВРП Воронежской составляет менее 1%, тогда как доля туризма в мировом валовом продукте составляет 3,6%, в экономике России – 2,5%.

Кроме этого, в сфере социального развития Воронежской области можно выделить наиболее актуальные проблемы (рис. 1).

Для решения представленной группы проблем можно определить следующие направления (рис.2).

Рис. 1. Проблемы социального развития Воронежской области

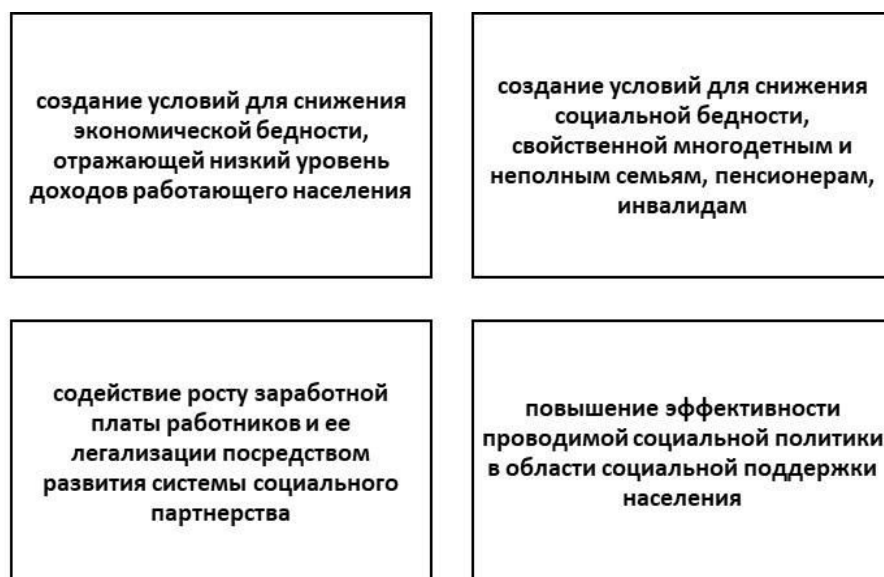

Рис.2. Направления решения ключевых проблем социального развития Воронежской области

Таким образом, социальные проблемы должны решаться главным образом, используя механизмы социального гранта, социального заказа, конкурсов социальных проектов и гражданских инициатив. Главную цель

управления социальной сферы региона можно определить, как повышение степени удовлетворения потребностей населения региона в социальном обслуживании.

Исследование выполнено при поддержке Гранта РФФИ 16-46-360686 p_a «Информационно-аналитическая система прогнозирования социально-экономического развития Воронежской области»

Литература

1. Флоря В.М. Социальная сфера как объект социальной политики и социального управления//Современные научные исследования: теория и практика// Материалы Междунар. (заочной) науч.-пр. конф. /под общ. ред. А.И. Вострецова. 2017. – Изд-во: Научно-издательский центр «Мир науки», 2017. – С.523–530.
2. Яковенко Н.В. Социально-экономическая устойчивость депрессивного региона//Вестник Тамбовского университета. Серия Естественные и технические науки. 2013, Т.18, Вып. 2, С. 731–735.
3. Яковенко Н.В., Комов И.В., Диденко О.В. Стратегическая конкурентоспособность региона: теоретические аспекты исследования//Наука Красноярья. 2017. Т. 6.№ 1–3. С. 93–96.

К ВОПРОСУ О ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ПЛАНИРОВАНИИ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РФ

П.М. Крылов

Московский государственный областной университет;

ОАО «Гипрогор», Россия

e-mail: pmkrylov@yandex.ru

Аннотация: Рассматриваются вопросы территориального планирования транспортной инфраструктуры приграничных регионов России. Дается оценка государственной региональной политике в области территориального планирования транспорта приграничных регионов. Оценивается обоснованность предлагаемых к реализации трансграничных проектов в области развития транспортной инфраструктуры.

Ключевые слова: приграничные регионы России, приграничное сотрудничество, территориальное планирование, региональная транспортная система, транспорт России.

Развитие транспортной инфраструктуры приграничных регионов России – важная задача государственной региональной политика в области транспорта. Однако с позиций территориального планирования транспортной инфраструктуры приграничные регионы (субъекты РФ) ничем не выделяются на фоне других регионов России. Развитие приграничного и трансграничного сотрудничества способствует появлению новых отдельных проектов в сфере территориального планирования транспортной инфраструктуры на уровне схем территориального планирования (СТП) субъектов РФ и отдельных муниципальных районов, а также на уровне

генеральных планов сельских и городских поселений, а также городских округов [1].

Действующие в России региональные и местные (муниципальные) нормативы градостроительного проектирования также не учитывают приграничного положения региона, муниципального образования.

Необходимо разделять две не всегда взаимосвязанные проблемы: территориальное планирование транспорта приграничных регионов и планирование создания трансграничных объектов капитального строительства в области транспортной инфраструктуры. Во втором случае основой для появления и реализации подобных проектов служат международные договоры РФ с сопредельными государствами.

Важнейшие действующие стратегические документы России в области развития транспортной инфраструктуры, в частности, Транспортная стратегия России до 2030 г., схема территориального планирования транспорта федерального значения и иные документы рассматривают развитие приграничной и трансграничной транспортной инфраструктуры в качестве второстепенной задачи.

Необходимо отметить, что мероприятия по развитию инфраструктуры обустройства государственных границ сейчас относятся к компетенции Министерства транспорта РФ. Предложения по развитию транспортной инфраструктуры приграничных регионов разделены между региональными и федеральными органами исполнительной власти, интересы которых часто противоречат друг другу. Например, перенос инфраструктуры каспийской флотилии из Астраханской области в район города Каспийск будет ограничивать развитие гражданской портовой инфраструктуры в Дагестане.

Проведение в России в 2018 году чемпионата мира по футболу показало частичную неподготовленность России в плане развития наиболее востребованных трансграничных объектов транспортной инфраструктуры и в первую очередь, низкую пропускную способность пунктов пропуска через государственную границу. Огромные очереди наблюдались на многих пунктах пропуска российско-польской и российско-финской участках границы (вблизи городов – мест проведения футбольных матчей (Калининграда и Санкт-Петербурга)). Одна из причин подобных ситуаций – ограниченность земельных и финансовых ресурсов, недостаточный уровень инвестиционной активности бизнес-структур, противоречия в законодательной базе разного уровня и разных видов деятельности.

Приоритетность развития автодорожной и иной транспортной инфраструктуры вдоль государственной границы России для нужд пограничной службы в настоящее время не отражается в документах территориального планирования. Одна из причин – создаваемая транспортная инфраструктура не всегда становится общедоступной для населения и хозяйствующих субъектов – она не будет считаться инфраструктурой общего пользования.

Государственная политика России в области приграничного и трансграничного сотрудничества носит двоякий характер. С одной стороны,

планируются и реализуются крупные проекты на границы с КНР, включая мостовые переходы через Амур, новые пункты пропуска через границы. Транспортный коридор «Приморье-2» ориентирован в первую очередь на обеспечение кратчайшего доступа КНР к Японскому морю путём строительства транспортной инфраструктуры (включая создание нового морского порта в районе посёлка Славянка) в юго-западной части Приморского края, вблизи границы России с КНР и КНДР. С другой стороны – вводятся ограничения по использованию приграничной транспортной инфраструктуры. Так, предполагается ограничить судоходство иностранным морским судам по Северному морскому пути с января 2019 г. Основная цель данного ограничения – загрузка мощностей российских судостроительных заводов, верфей, которые и будут в перспективе использоваться для морских грузоперевозок в арктических районах России.

Часть приграничных регионов Дальнего Востока, например, Сахалинская область, не упоминаются в действующей редакции «Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона».

Геополитическая трансформация России, переориентация её внешних связей с Запада на Восток, а также попытки активизировать социально-экономическое развитие российского Дальнего Востока привели к созданию и реализации множества проектов в области развития транспортной инфраструктура российских дальневосточных регионов, а также небольшого числа трансграничных транспортных проектов. Закрытость КНДР и её внешнеэкономических связей препятствует созданию перспективной транскорейской железнодорожной магистрали – одного из перспективных проектов на территории восточной Азии. Поэтому большинство проектов связано с активизации российского экспорта из портов Дальнего Востока (в первую очередь, Приморского края), а также с ростом внешнеторговых связей с КНР.

Из крупных проектов приграничного, в т.ч. трансграничного сотрудничества со странами Европы можно выделить мероприятия, указанные в соглашении о финансировании и реализации программы приграничного сотрудничества «Россия – Юго-Восточная Финляндия» на период 2014-2020 годов», оформленное в 2018 г. в виде соответствующего федерального закона (№ 285-ФЗ «О ратификации Соглашения о финансировании и реализации программы приграничного сотрудничества «Россия – Юго-Восточная Финляндия» на период 2014 - 2020 годов») [8]. К сожалению, данный документ не включает мероприятий по развитию портовой и в целом транспортной инфраструктуры арктической зоны: Финляндия с помощью России или Норвегии стремится получить в будущем «опорную точку» в Баренцевом море для роста своей внешней торговли путём увеличения грузооборота морского транспорта портов соседних государств, имеющих выход к Северному ледовитому океану.

В стратегических документах РФ содержится широкий набор мероприятий в области развития транспортной инфраструктуры Дальнего Востока, в т.ч. в распоряжении Правительства РФ от 28.10.2015 № 2193-р (ред. от 28.12.2016) «Об утверждении Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона».

На дальневосточных приграничных территориях расположено 25 пунктов пропуска, в том числе 2 воздушных пункта пропуска и 2 морских пункта пропуска (Посыет и Зарубино). При этом 20 пунктов пропуска расположено на российско-китайской государственной границе (10 смешанных пунктов пропуска, 5 автомобильных пунктов пропуска, 3 железнодорожных пункта пропуска, 1 речной пункт пропуска, 1 временный пункт пропуска Кани-Курган – Чанфатунь) и 1 железнодорожный пункт пропуска – на российско-северокорейской государственной границе [7].

Из-за недостаточности инфраструктурного оснащения либо отсутствия заинтересованности перевозчиков пассажиров и грузов, в том числе из-за слаборазвитой прилегающей транспортно-дорожной инфраструктуры, не функционируют такие смешанные пункты пропуска, как Константиновка – Сунью, Ушаково – Хума, Джалинда – Мохэ, Пашково – Цзяинь.

В неудовлетворительном состоянии находятся автомобильные дороги в приграничных населённых пунктах. Ряд сельских населённых пунктов не имеет подъездных путей по автодорогам с твёрдым покрытием, также в ряде населённых пунктов требуют ремонта автомобильные дороги, являющиеся их центральными улицами. Отсутствие современной инфраструктуры пунктов пропуска и прилегающих к ним приграничных автомобильных дорог не позволяет в полной мере реализовать туристский и транзитный транспортный потенциал дальневосточных приграничных территорий [7].

Программа сотрудничества между регионами российского Дальнего Востока и Восточной Сибири и Северо-Востока КНР (2009-2018 гг.) предполагает реализацию множества мероприятий в области развития приграничной и трансграничной транспортной инфраструктуры с российской стороны. К подобным мероприятиям можно отнести [2] возобновление железнодорожного сообщения на участке Зарубино – Ханчунь, использование портовых мощностей российского Дальнего Востока в интересах китайских грузоотправителей (в т.ч. выделяется проект порта Зарубино, расположенного непосредственно вблизи российско-китайской границы). Данная программа также включает в себя активизацию международных авиамаршрутов между российскими региональными центрами на Дальнем Востоке (Хабаровск, Благовещенск, Владивосток, Южно-Сахалинск) и городами КНР (Пекином, Харбином и др. городами). К сожалению, на середину 2018 года многие из указанных в программе проектов так и не были реализованы из-за финансовых сложностей российской стороны.

Стратегия развития Северо-Западного федерального округа до 2020 года [6] акцентирует внимание на проблему труднодоступности в

приграничных регионов России в транспортном отношении в качестве причины недостаточного уровня развития приграничных и трансграничных связей с сопредельными государствами. Приграничная часть российских регионов часто имеет ограничения по пребыванию как иностранных, так и российских граждан, что делает подобные регионы менее привлекательными для туризма, торговли и иных целей временного пребывания и постоянного проживания.

Стратегия социально-экономического развития Центрального федерального округа отмечает необходимость создания таможенных терминалов и сопутствующей транспортной инфраструктуры в пределах тридцатикилометровой приграничной зоны, в том числе на территории Воронежской, Брянской, Курской, Белгородской и Смоленской областях [4].

Несколько регионов Приволжского округа выходят к российско-казахстанской границе. Устоявшиеся отношения с республикой, наличие множества пунктов пропуска через государственную границу не предполагают существенного развития приграничной транспортной инфраструктуры [5].

Развитие транспортной приграничной инфраструктуры в регионах Сибирского федерального округа носит неоднозначный характер. Обширные приграничные территории большинства субъектов РФ данного округа имеют множество пунктов пропуска через государственную границу (на территорию Монголии и Казахстана) [3]. Однако их пропускная способность уровень технической оснащённости находится на недостаточном уровне. При том, что именно приграничные районы сибирских регионов имеют большие предпосылки трансграничного сотрудничества по сравнению с субъектами Европейской части России.

Государственная политика приграничных по отношению к России государств в части развития транспортной инфраструктуры и объектов в области пограничного и таможенного контроля часто носит противоречивый характер. В силу политических причин Польша и Литва усложнили въезд жителям России (Калининградской области) на свою территорию, фактически полностью отменив режим малого приграничного движения. При этом, польская сторона предлагает построить новый пункт пропуска через государственную границу вблизи точки соприкосновения Польши, России и Литвы для активизации польско-российских приграничных связей.

Таким образом, территориальное планирование в области приграничного и трансграничного транспорта в новых российских условиях существенно отстаёт от потребностей России во внешней торговле. Российские приграничные регионы существенно отстают от сопредельных государств в области развития транспортной инфраструктуры и не готовы стать равновесными участниками внешнеэкономической деятельности.

Литература

1. Крылов П.М. Роль транспортной инфраструктуры в устойчивом развитии и территориальном планировании региона (транспортно-географический аспект) // Вестник

Московского государственного областного университета. Серия: Естественные науки. 2017, № 2. С. 50–58

2. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской народной республики (2009-2018 гг.).

3. Распоряжение Правительства РФ от 05.07.2010 N 1120-р (ред. от 26.12.2014) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года».

4. Распоряжение Правительства РФ от 06.09.2011 N 1540-р (ред. от 26.12.2014) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Центрального федерального округа до 2020 года».

5. Распоряжение Правительства РФ от 07.02.2011 N 165-р (ред. от 26.12.2014) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Приволжского федерального округа до 2020 года».

6. Распоряжение Правительства РФ от 18.11.2011 N 2074-р (ред. от 26.12.2014) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года».

7. Распоряжение Правительства РФ от 28.10.2015 N 2193-р (ред. от 28.12.2016) «Об утверждении Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона».

8. Федеральный закон № 285-ФЗ «О ратификации Соглашения о финансировании и реализации программы приграничного сотрудничества «Россия – Юго-Восточная Финляндия» на период 2014 – 2020 годов».

ОСНОВЫ ПРОСТРАНСТВЕННО-КООРДИНАТНОГО АНАЛИЗА АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ

Л.И. Попкова¹, А.С. Овсянников²

¹*Курский государственный университет, Россия*

²*ООО «ППФ Страхование Жизни», Россия*

E-mail: geopoli@mail.ru,

artem_ovsyannikov@mail.ru

Аннотация: На основе методов математической статистики предоставилась возможность показать в прямоугольной системе координат количественные и качественные изменения в аграрном секторе экономики областей Центрального Черноземья за период 2009-2014 гг.: выход муниципальных районов на новый уровень производительности труда на сельхозпредприятиях; изменения вектора развития сельхозпредприятий. Выполнен визуальный анализ результатов активности населения каждой области.

Ключевые слова: регион, муниципалитеты, корреляционно-регрессионный анализ, пространственно-координатный анализ, вектора развития.

Изменяющиеся условия развития Российской Федерации приводят к необходимости постоянного мониторинга функционирования хозяйства, социальной сферы и экологической ситуации. Это особенно важно для сельской местности, где происходит ускорение негативных процессов оттока населения в крупногородские агломерации и в местные центры (поселения) различного уровня. Сложившаяся ситуация требует поиска решений для

своевременной обработки информации и прогнозирования состояния и направленности развития основных сфер жизнедеятельности в системах расселения регионов, а также муниципальных районов. Для сельской местности важнейшее значение приобретает анализ активности населения, занятого в аграрном секторе экономики, что целесообразно осуществлять на основе методов математического моделирования.

Развитие информационных технологий привело к тому, что в экономических науках, социально-экономической географии в частности, применяется многофакторное моделирование, где, в том числе, оценивается зависимость объемов произведенной продукции аграрного сектора экономики от различных показателей, включая численность работников. Вместе с тем, визуального анализа геоданных активности сельского населения регионов с применением регрессионного анализа в прямоугольной системе координат не проводилось. Одной из причин этого является акцент на исследование множества факторов, которые иногда невозможно представить на диаграммах рассеяния.

Объектом исследования была выбрана территория Центрального Черноземья: Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая, Тамбовская области. Предмет исследования: процессы функционирования и развития систем сельского расселения в аграрном секторе экономики. Цель исследования: оценка изменений и различий в направленности развития регионов в аграрном секторе экономики на основе методов математической статистики (на примере деятельности сельхозпредприятий).

По периоду исследования и структуре исходных данных большинство линейных регрессионных моделей, где оценивается зависимость объемов производства аграрного сектора экономики от численности занятых условно можно отнести к двум типам:

- временные экономико-математические модели, оценивающие изменения взаимосвязанных показателей конкретной территории за многолетний период, используются для анализа прошлого состояния и прогнозирования развития обычно одного объекта: муниципального района, региона, федерального округа;

- территориальные экономико-математические модели, структура исходных данных которых представляет собой показатели нескольких единиц административно-территориального деления в границах конкретной территории (муниципального района, региона, групп регионов). Позволяют анализировать степень внутрорегиональных различий, но охватывают процессы за сравнительно короткий период времени: год, месяц, квартал.

К первому типу относится многофакторная корреляционно-регрессионная модель анализа сельскохозяйственного производства Приморского края Е. М. Дроздовой, где оценивается зависимость объемов производства сельского хозяйства в сопоставимых ценах за период 2005 – 2011 гг. от следующих показателей; численность занятых, производительность труда (выработка), посевная площадь, урожайность, объем используемых основных фондов, фондоотдача [1]. Эта модель в

определенной мере объясняет степень влияния некоторых факторов, но обладает рядом недостатков: результат применения относится лишь к одному региону; объем производства сельского хозяйства в сопоставимых ценах при изменении структуры производства не позволяет объективно оценивать развитие сельских территорий, которое зависит от деятельности различных организационно-правовых форм аграрного сектора экономики.

Примером второго типа моделей является корреляционно-регрессионная модель, оценивающая зависимость объема выпуска сельхозпродукции от различных факторов на территориях Центрального и Северо-Западного федеральных округов Л.В. Пронченко [2]. Ее преимуществом по сравнению с первым примером является структура исходных данных, которая представляет собой показатели регионов за год (семь факторных признаков и один результирующий показатель – объем произведенной продукции сельского хозяйства, млн руб.). Следует отметить, что на уровне конкретной области использовать модель, где показатели охватывают территорию площадью 2,3 млн кв. км невозможно.

Сегодня все больше возрастает необходимость экономико-географического моделирования, которое должно в определенной мере показывать различия в эффективности размещения хозяйства с целью конструирования схем рациональной организации геосистем [3]. Приведенные выше примеры не учитывают стратифицирующий фактор самой территории, когда охват групп регионов в разных федеральных округах не позволяет объективно применять конечные результаты для конкретной области, которые также имеют свои модели развития. Это можно видеть по дифференциации показателей муниципалитетов на примере областей Центрального Черноземья, где при схожих природных условиях имеются значительные различия по объемам производства сельхозпродукции в расчете на 1 га площади сельхозугодий.

Так, в муниципалитетах российско-украинского приграничья отмечается относительно высокая интенсивность производства сельхозпредприятий и плотность населения (юго-восток Курской Белгородской областей) [4, 5]. Значительное развитие аграрный сектор получил в крупногородских агломерациях. Например, в Белгородской, где объёмы производства сельхозпродукции в расчёте на 1 га сельхозугодий составляют свыше 80 тыс. руб. (рис. 1). В этом отношении выделяются и муниципальные районы, расположенные вдоль участков транспортных магистралей федерального значения: Курск – Белгород, Елец – Воронеж – Павловск, Тамбов – Борисоглебск.

Существенные различия наблюдаются и между регионами. Так, Воронежская область отличается наиболее благоприятным сочетанием агроклиматических ресурсов, но при этом в 2/3 её муниципальных районов в 2014 году отмечались сравнительно низкие значения объёмов произведенной продукции в расчёте на 1 га сельхозугодий (менее 20 тыс. руб./га). В Тамбовской области наблюдается аналогичная ситуация, но интенсивность производства на сельхозпредприятиях в южном и восточном направлениях от

областного центра несколько выше, чем в Воронежской области. На большей части Липецкой и Курской областей объёмы производства продукции в расчёте на 1 га превышают 20 тыс. руб., в которых пока сохраняются возможности для экстенсивного развития сельского хозяйства на территориях с низкой плотностью населения.

Основой предлагаемого мониторинга активности сельского населения является предположения об изменении тесноты взаимосвязи населения с результатами его деятельности, которая может различаться по регионам, так как они развиваются в постоянно меняющихся условиях [6]. В связи с этим моделирование целесообразно осуществлять не по всей генеральной совокупности, а по отдельным её частям (муниципальным районам, регионам) с учетом форм аграрного сектора экономики (сельхозпредприятия, крестьянские фермерские хозяйства и личные подсобные хозяйства), территориальной принадлежности объектов исследования, что требует другой схемы применения методов математической статистики. Практической задачей моделирования является сокращение времени на поиск муниципалитетов, для которых в первую очередь необходимо принятие управленческих решений по диверсификации аграрной экономики для вовлечения местных трудовых ресурсов в сельхозпроизводство на собственной территории. Поставленную задачу целесообразно решить на основе визуальной оценки степени отклонения и положения муниципалитетов относительно направления вектора развития региона, которое можно вычислить для каждой формы аграрного экономики регионов прямоугольной системе координат. Исходные данные включали следующие показатели деятельности сельхозпредприятий за 2009 и 2014 годы по всем 119 муниципальным районам в составе пяти областей ЦЧР: численность работников, чел.; произведено продукции в фактически действовавших ценах (далее объём производства) сельхозпредприятий, млн руб. Корреляционный анализ перечисленных показателей пяти областей показал наличие статистически значимой связи, что явилось основанием для регрессионного анализа в прямоугольной системе координат (ПСК).

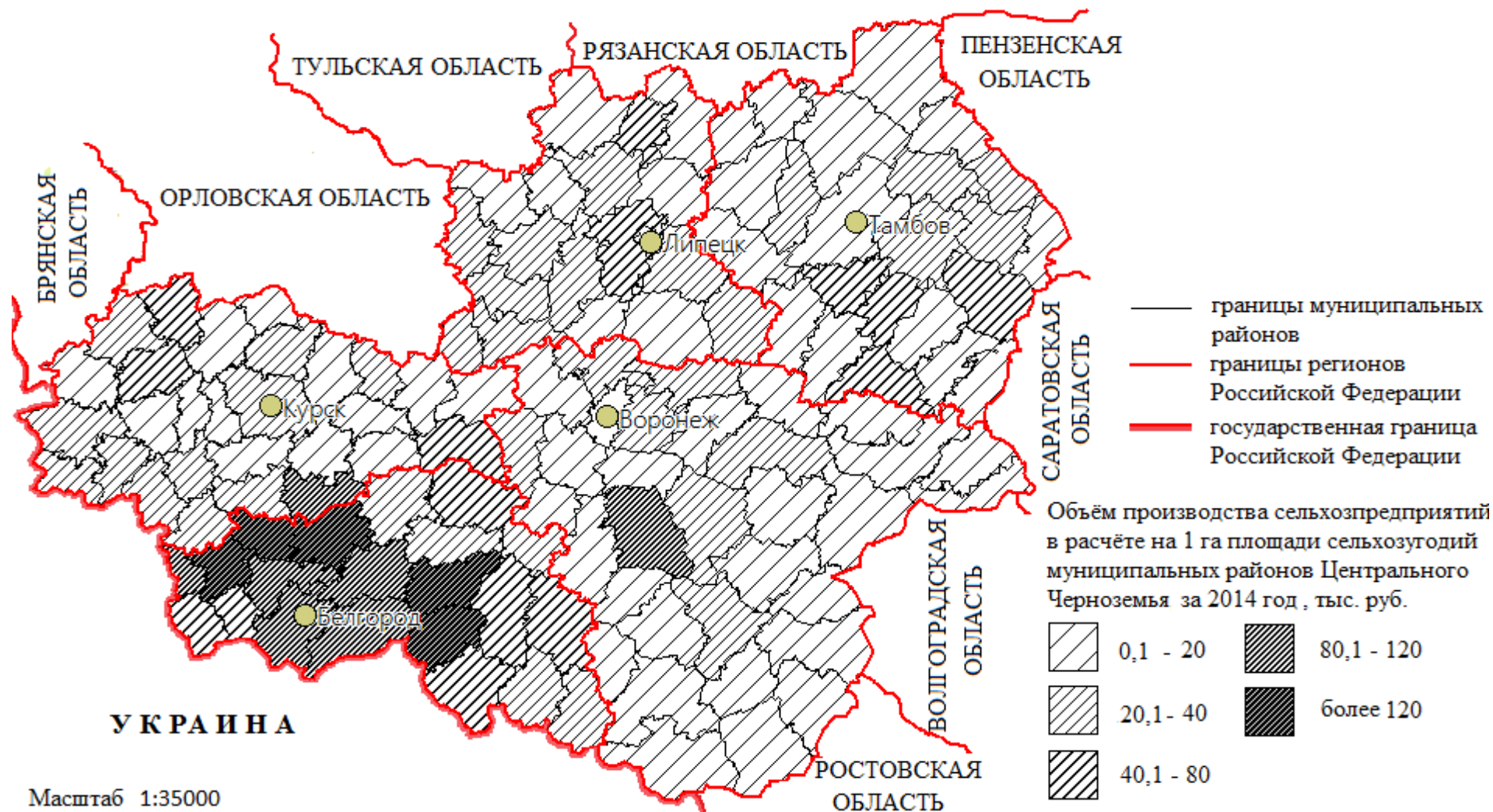
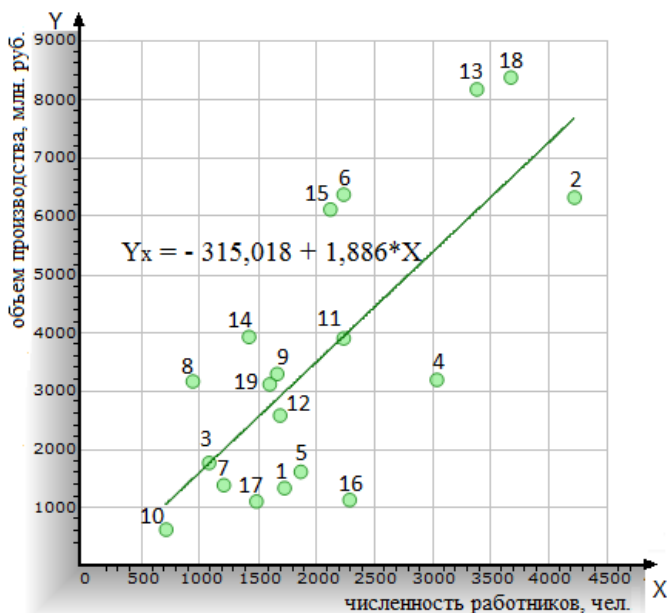

Рис. 1. Территориальные различия в объемах производства сельхозпредприятий муниципальных районов Центрального Черноземья в расчете на 1 га площади сельхозугодий за 2014 г.

Для сравнения распределений объектов исследования (муниципальных районов) каждой области для конкретной формы аграрного сектора экономики в определённом году было принято решение сделать так, чтобы прямоугольная система координат включала все точки рассеяния, т.е. все муниципалитеты (рис. 2). Для этого шкалы интервалов вариационных рядов по осям X и Y построены с учётом максимального и минимального значений показателей каждого из муниципалитетов всех исследуемых областей [6].

Информационное поле прямоугольной системы координат

I. Показатели

ось X - численность работников, чел.
 ось Y - объем произведенной продукции в фактически действовавших ценах (объем производства), млн. руб.

II. Шаги интервалов вариационных рядов

ось X = 500 работников
 ось Y = 1000 млн. руб.

- точки рассеяния (муниципальные районы Белгородской области)
- теоретическая линия регрессии $Y_x = a_0 + a_1 * X$ (вектор активности населения на сельхозпредприятиях системы сельского расселения региона)

Муниципальные районы Белгородской области

1 Алексеевский	6 Волоконовский	11 Красногвардейский	16 Ровенский
2 Белгородский	7 Грайворонский	12 Краснояружский	17 Чернянский
3 Борисовский	8 Ивнянский	13 Новооскольский	18 Шебекинский
4 Валуйский	9 Корочанский	14 Прохоровский	19 Яковлевский
5 Вейделевский	10 Красненский	15 Ракитянский	

*Шаги интервалов вариационных рядов определены с учётом максимальных и минимальных значений параметров за 2009 г. базы данных показателей муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики www.gks.ru по всем областям Центрального Черноземья

Рис. 2. Модель активности населения на сельхозпредприятиях системы сельского расселения Белгородской области

Дальнейшим этапом является анализ числовых характеристик регрессионной модели, которой в нашем исследовании является однофакторное уравнение линейной связи:

$$Y_x = a_0 + a_1 * X,$$

(1)

где a_0 – стартовое условие, млн руб.;

a_1 – коэффициент регрессии (прогрессии) – показывает, на сколько изменится величина результирующего признака (объем производства, млн руб.) при изменении значения факторного (численность работников, чел.) на единицу.

Результаты исследования показали, что распределения точек рассеяния в 2014 г. по сравнению с 2009 г. изменились (табл. 1), а векторы развития сельхозпредприятий муниципальных районов пяти областей выраженные теоретическими линиями регрессии поменяли свой угол наклона β относительно оси X (десять моделей активности населения на сельхозпредприятиях и их анализ представлены в предыдущей работе) [6]. Наиболее существенно диаграммы рассеяния 2009 и 2014 гг. отличаются по Белгородской области, что подтверждает усиление процессов диверсификации производства в областях Центрального Черноземья, выход некоторых муниципальных районов на новый уровень производительности труда на сельхозпредприятиях. В Курской и Тамбовской областях часть муниципалитетов (точек рассеяния) отделилась от основной группы, относительно рядом расположенной с теоретической линией регрессии, что отразилось на различиях в их углах наклона. Распределение муниципалитетов Воронежской области 2009 и 2014 гг. визуалью почти сходится. В настоящее время органы управления перегружены имеющимся объёмом информации и ограничены в возможностях контроля над территорией, что замедляет процесс принятия решений. Полученные результаты пространственно-координатного анализа активности населения на сельхозпредприятиях областей Центрального Черноземья подтверждают, что его применение в агропромышленных регионах даёт возможность:

- оперативно определять и сравнивать направленность развития форм аграрного сектора экономики регионов (по углу наклона β вектора развития);

- визуально оценивать степень диверсификации аграрной экономики по распределению точек рассеяния (муниципалитетов) относительно вектора развития, когда в районах с приблизительно одинаковой численностью занятых имеются существенные различия по объёмам производства сельхозпродукции;

- объективно определять муниципалитеты, для сохранения местного населения которых требуется разработка отдельных программ поддержки функционирования хозяйств населения, крестьянских (фермерских) хозяйств или развития несельскохозяйственных видов деятельности;

- выявлять районы проведения экспедиционных исследований, где возможно имеется необходимость увеличить или ограничить рост объёмов производства крупных сельхозпредприятий, например, из-за резкого ухудшения экологической ситуации до устранения причин последствий для окружающей среды;

Таблица 1

Пространственно-координатный анализ объектов исследования

№ п/п	Показатели	Регионы Центрального Черноземья									
		Белгородская		Воронежская		Курская		Липецкая		Тамбовская	
		2009 г.	2014 г.	2009 г.	2014 г.	2009 г.	2014 г.	2009 г.	2014 г.	2009 г.	2014 г.
1.	Количество муниципальных районов, ед.	19	19	31	31	28	28	18	18	23	23
2.	Количество муниципальных районов - объектов исследования (точек рассеивания) в прямоугольной системе координат (ПСК), ед.	19	19	31	29	27	27	18	18	23	22
3.	Анализ траектории в прямоугольной системе координат $Yx = a_0 + a_1 * X$										
3.1.	a_0 - стартовое условие, млн руб.	-315,018	1992,26	185,297	394,855	181,537	877,4	-103,473	1036,965	448,286	749,409
3.2.	a_1 (ДУ) - приращение объёмов производства, млн руб.	1,886	3,304	0,771	2,205	0,822	2,551	1,24	1,777	0,419	3,458
3.3.	Угол наклона траектории β относительно оси X, градусов	42	32	20	23	20,5	26	32	18,5	10,5	33
4.	Анализ распределения точек рассеяния относительно траектории										
4.1.	Стандартное отклонение по показателю «численность работников сельхозпредприятий» (ось X в ПСК), чел.	948,9	747,1	924,8	802,4	372,8	309,6	688,5	656,7	527,8	426,1
4.2.	Стандартное отклонение муниципальных районов по показателю «объём производства сельхозпредприятий» (ось Y в ПСК), млн руб.	2353,1	4672,0	914,4	2026,1	397,7	1887,1	1052,2	1490,4	299,9	2084,1
4.3.	количество точек рассеяния, находящихся за пределами линий стандартного отклонения, ед.	6	2	4	8	6	3	4	1	3	4
4.4.	в т.ч. выше траектории, ед.	4	2	1	5	2	3	2	1	2	3
4.5.	Количество точек рассеяния (муниципалитетов), находящихся выше траектории, ед.	8	6	10	10	9	4	4	5	8	7
4.6.	на (рядом) траектории, ед.	2	5	9	9	7	5	6	5	8	5
4.7.	ниже траектории, ед.	9	8	12	10	11	18	8	8	7	10

Составлено авторами на основе обработки исходных данных сайта www.gks.ru с применением компьютерной программы FindGraph

- спрогнозировать будущее состояние систем сельского расселения, если включить в модель целевые значения показателей по каждой форме аграрного сектора экономики.

Сегодня при анализе состояния экономики сельской местности в основном акцент делается на средние значения показателей (производительность труда, средняя зарплата), которые сглаживают реальную ситуацию. Вместе с тем, поставлены задачи сохранения освоенности земель сельхозназначения в отдаленных муниципалитетах, оптимизации размещения сельскохозяйственного производства, поддержки малых форм занятости [7]. Расширенное применение представленной методики в каждом муниципальном районе позволит объективно вести мониторинг активности населения в аграрном секторе экономики по всей территории любого агропромышленного региона. На основе пространственно-координатного анализа появилась возможность оценивать векторы развития и мелкотоварного сектора, что необходимо для сохранения и поддержки малого и среднего бизнеса на селе.

Литература

1. Дроздова Е.М. Корреляционно-регрессионный анализ показателей сельскохозяйственного производства Приморского края / «Дискуссия» Ежемесячный научный журнал. N 11. декабрь 2013. С. 55 – 59. ISSN 2077-7639. Интернет ресурс: <https://www.journal-discussion.ru/vypuski-zhurnala/vypusk-nomer-41-dekabr-2013>
2. Пронченко Л. В. Корреляционно-регрессионная модель зависимости объема выпуска продукции и факторов воздействующих на него / Вестник РГАЗУ (электронно-периодическое издание) 2012. Ч.2 Интернет ресурс: http://edu.rgazu.ru/file.php/1/vestnik_rgazu/index.html
3. Голубчик М.М., Файбусович Э. Л., Носонов А.М., Макар С.В. Экономическая и социальная география: Основы науки: Учеб. Для студ. Высш. Учеб. Заведений. М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 2004. 400 с.
4. Попкова Л.И. География населения российско-украинского приграничья / Л.И. Попкова. - Смоленск: Универсум, 2005. – 304 с.
5. Попкова Л.И. Проблемы развития Центрального Черноземья / Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России. М.: Издательский дом «Кодекс», 2016. С. 381–403.
6. Попкова Л.И., Овсянников А.С. Возможности экономико-географического исследования функций систем сельского расселения методом математического моделирования / Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. Воронеж: ВГУ, 2017. N 4. С. 48–59.
7. Стратегия развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2015 г. № 151-р

НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

О.Ю. Сушкова

Воронежский государственный университет, Россия

e-mail: olgaurevna36@mail.ru

Аннотация: В статье дается анализ отдельных вопросов современного состояния рынка труда Воронежской области. Представлен анализ безработицы, напряжённость рынка труда, особенности безработицы молодёжи, сделаны необходимые выводы.

Ключевые слова: рынок труда, Воронежская область, безработица, напряжённость рынка труда, молодёжная безработица.

Современный этап развития российской экономики характеризуется сложными процессами глобализации хозяйственного механизма, к которым можно отнести динамично развивающийся рынок рабочей силы отдельных регионов. Рынок труда, в связи с переходом экономического потенциала страны на рыночные рельсы, испытывает проблемы становления, развития своей структуры. С научной точки зрения он представляет собой быстро изменяющуюся сферу, в которой противостоят друг другу предложение рабочей силы, спрос на труд со стороны хозяйственных субъектов, устанавливается цена на труд, и совершаются сделки купли-продажи рабочей силы. Рынок труда является специфическим механизмом распределения и перераспределения трудоспособного населения по сферам и отраслям хозяйства, видам и формам деятельности [4].

Среди областей Центрального Черноземья Воронежская область отличается наибольшей площадью и населением. Кроме того она наиболее контрастна по уровню развития хозяйства, по специализации, особенностям расселения, по трудовресурсному потенциалу. В Воронежской области по данным 2018 г. проживает 2333,8 тыс. чел., из них 67,5% – городские жители, а 32,5% – сельские. Максимальное количество человек проживает в ГО г. Воронеж (1039,8 тыс. чел.), а также в Лискинском (100,1 тыс. чел.) и Россошанском (934 тыс. чел.) районах. Самое малое количество характерно для Репьёвского (15,8 тыс. чел.), Воробьёвского (16,3 тыс. чел.) и Петропавловского (17,5 тыс. чел.) районов области [1].

Для Воронежской области характерно ежегодное увеличение численности городского и уменьшение сельского населения, что неблагоприятно влияет на соотношение баланса трудовых ресурсов между городом и селом. По данным 2017 года численность городского населения 1576,4 тыс. чел., а сельского 757,4 тыс. человек. Средняя плотность населения по области составляет 44,5 чел/км². Начиная с 1997 года для области характерна устойчивая депопуляция (превышение смертей над рожденьями). Так в 2016 году коэффициент родившихся составил 15,2, а в 2017 этот показатель составил 9,6 [2].

Население Воронежской области растет за счёт устойчивого миграционного прироста, по данным 2017 г. в область приехали 10100 чел., из которых 8400 чел. городские жители, а 1700 – сельские. По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики в Воронежской области численность экономически активного населения (занятые и безработные) составила 11865 тыс. человек, число безработных на рынке труда в октябре 2017 года составило 49,7 тыс. чел., а уровень фактической безработицы – 4,2% [1]. По тем же данным органа областной службы статистики на начало 2017 г. за содействием в поисках работы обратились 67,5 тыс. граждан. Если население разделить по категории, то это 33,8 тыс. человек женщин; 2 тыс. человек – инвалидов; 15 тыс. человек – молодежь в возрасте 18-29 лет; 1052 человек выпускников образовательных учреждений; 6,9 тыс. человек – это родители, имеющие несовершеннолетних детей. Безработными были признаны 19,8 тыс. чел., причем каждый четвёртый безработный полного рынка труда обратился за содействием в трудоустройстве в государственную службу занятости, при содействии службы занятости были трудоустроены 53,1 тыс. человек находящихся в поисках работы [6].

По данным органов службы занятости населения Воронежской области уровень регистрируемой безработицы на 01.12.2017 г. составил 0,8%. Если посмотреть категории безработных, то первое место занимают женщины 55,4%; второе место – жители села 32,8%; третьи занимают граждане, которые испытывают трудности в поисках работы – 22%; четвёртое – это молодежь в возрасте 16-29 лет – 12,5%; пятое место – люди предпенсионного возраста – 13%; последнее место – это 8,7% инвалидов. По уровню образования среди безработных граждан выделились следующие категории: высшее профессиональное образование 35,8%; среднее профессиональное образование 38,1%; не имеющих основного общего образования – 0,3%.

По данным 2016 года численность трудовых ресурсов области составила 1390,7 тыс. человек, которая имеет тенденцию к уменьшению. Официальные показатели безработицы в области невысокие. Максимальные показатели характерны для Терновского (2,7%), Петропавловского (2,5%) районов, что объясняется окраинным положением, удалённостью транспортных магистралей, многофункциональных городов и слабой работой районных администраций по созданию новых рабочих мест. А самая низкая официальная безработица характерна для Лискинского района (0,4%), Бобровского (0,2%), Семилукского (0,3%), Россошанского (0,2%), Рамонского и ряда других районов области, где показатель варьирует от 0,2% до 0,9% [1, 2, 3].

Интересным показателем на рынке труда является напряженность рынка, который составляет 0,5 ед. (на 1.01.2017 г.). Данный показатель отражает соотношение спроса и предложения на рынке труда, что соответствует численности зарегистрированных незанятых в расчете на одно вакантное рабочее место. В различные органы службы занятости населения Воронежской области работодателями представлены вакантные рабочие

места на 25,4 тыс. человек (1.01.2018 г.), из которых 61% в ГО г. Воронеж. Особые потребности город и область испытывают в специалистах рабочих профессий (столяры, плотники, слесари и т.д.) различных категорий, которые составляют 60% вакантных рабочих мест.

Трудоресурсная обстановка напрямую зависит от экономической ситуации в области, сокращение численности или штата работников в связи с реорганизацией предприятий, неполной занятостью работников. По данным департамента труда и занятости населения Воронежской области на 28.11.2017 г. на сокращение численности работающих заявили 34 организации, с заявкой к высвобождению 338,3 человек. Из данного числа уволены с начала высвобождения 2413 человек, из которых 1793 человек трудоустроены, 209 человек назначена страховая пенсия по старости, 9 организаций ввели режим неполной занятости 1442 работников [2, 7].

Ситуация с напряжённостью на рынке труда Воронежской области во многом зависит от способности органов местного самоуправления находить новые вакансии для потенциальных работников, умело развивать средний и малый бизнес внутри районов, формировать структуру занятости отраслей специализации, правильно проводить молодёжную политику. Именно поэтому молодёжная безработица в районах области в 1,4-1,5 раз выше, чем в г. Воронеже.

Анализ данной ситуации показывает довольно высокий удельный вес (более 30%) безработных не имеющих профессии и не приступивших к трудовой деятельности (более 40%). Сохраняются диспропорции среди районов Воронежской области в формировании молодёжного рынка труда. По данным на 1.12.2017 увеличение численности безработных среди молодёжи было отмечено в Россошанском районе (46,6%) – в 1,2 раза; Борисоглебском – в 1,3 раза, Новохопёрском – в 1,4 раза, постоянно высокий уровень безработных среди молодёжи в Бутурлиновском, Павловском районах. Однако можно выделить районы, где отмечается явная положительная динамика данного показателя. В Лискинском, Богучарском, Каменском, Ольховатском, Подгоренском, Петропавловском районах уровень молодёжной безработицы существенно снизился в 2-2,5 раза, а в Новоусманском районе этот показатель в течение последних лет существенно не менялся (31-33%). Однако надо помнить, что молодые люди относятся к категории повышенного риска, именно поэтому их доля среди безработных всегда высока. Доля регистрирующейся молодёжи города ниже, поэтому общая безработица превышает общеобластную (в 2016 г. 2,5% против 1,9%), молодёжь не всегда обращается в службу занятости [1, 5].

Ежегодный мониторинг молодёжного рынка труда области позволяет более глубоко изучать прогноз, динамику, структуру безработицы, выявлять проблемы занятости. Данный анализ выявил следующие тенденции:

1. Среди молодёжи области ещё остаётся высоким уровень общей безработицы (до 25 лет), что указывает на необходимость кардинальных мероприятий областной и районной администраций по созданию привлекательных вакантных рабочих мест.

2. Молодёжь возрастной группы 25-29 лет, обладая повышенной экономической активностью, имея профессиональные навыки и определённый опыт работы явно находится в лучшем положении и пользуется большим спросом у работодателя.

3. Выпускники вузов и средних профессиональных учреждений не имеющие опыта работы отличаются более низким показателем трудовой активности.

Подводя итог выше сказанного можно сделать следующие выводы:

1. На рынке труда Воронежской области наблюдается значительная дифференциация состояния занятости и безработицы, что связано с внутрирайонными процессами экономического развития территории.

2. Города области, в том числе ГО г. Воронеж, обладают более выгодными условиями по формированию процессов занятости на рынке труда.

3. Острым вопросом остаются проблемы занятости молодёжи в области, которые требуют решения скоординированной политики областной и районной администраций.

Литература

1. Показатели экономического и социального развития районов Воронежской области: статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Воронежской области. – Воронеж, 2017. – 232 с.

2. Показатель экономического и социального развития городского округа и муниципальных районов Воронежской области. – Воронеж, 2017.

3. Сушкова О.Ю. Основные направления использования трудовых ресурсов потенциала сельских муниципальных поселений в староосвоенных районах России (на примере Воронежской области) / О.Ю. Сушкова // Муниципальные образования в регионах России (регионоведческий анализ), 15–16 ноября 2013 г., г. Воронеж: материалы II международной межведомственной научно-практической конференции. – Воронеж, 2014. – С. 170–174.

4. Сушкова О.Ю. Рынок труда и занятость населения / О.Ю. Сушкова. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008. – 52 с.

5. Сушкова О.Ю. Ситуация молодёжного рынка труда Воронежской области на современном этапе экономического развития / О.Ю. Сушкова, В.В. Сушков // Вестник Воронежского отделения русского географического общества. – 2013. – Т. 13. – С. 55–56.

6. Сушкова О.Ю. Современные особенности рынка труда и занятости населения России и Воронежской области / О.Ю. Сушкова. [Электронный ресурс] – 2017.

7. Сушкова О.Ю. Современные тенденции развития рынка труда и занятости населения Воронежской области / О.Ю. Сушкова // Муниципальные образования современных регионов: проблемы исследования, развития, 14–15 апреля 2016 г., г. Воронеж: материалы Первой международной научно-практической конференции. К 80-летию кафедры социально-экономической географии и регионоведения. – Воронеж: Научная книга, 2016. – С. 72–76.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗРАБОТИЦЫ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА НА ПРИМЕРЕ ГОРОДСКОГО ОКРУГА Г. ВОРОНЕЖ И ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

О.Ю. Сушкова, К.К. Недодин, М.В.Зарочинцева
Воронежский государственный университет, Россия
e-mail: olgaurevna36@mail.ru

Аннотация: В статье представлены теоретические подходы к изучению безработицы в Российской Федерации на примере Воронежской области. Выявлены тенденции развития, востребованность на рынке труда.

Ключевые слова: Рынок труда, безработица, вакансия, занятость.

На современном этапе рыночной экономики безработица представляет собой важную макроэкономическую проблему, т.к. она оказывает влияние на все структурные звенья народнохозяйственного комплекса России. Масштабы и уровень безработицы влияют на целый ряд экономических показателей, таких как: рентабельность, прибыль, объём ВВП, размер налогов, уровень инфляции, качество жизни населения и т.д. Поэтому, научное изучение безработицы, влияющее на эффективную работу, становится необходимым условием динамичной деятельности предприятий. Известный экономист Кашенов А.В. под безработицей понимает экономическое состояние, которое характеризуется тем, что часть взрослого трудоспособного населения не имеет работы и находится в её поиске. [4]

По данным Росстата на март 2018 года уровень безработицы в РФ составил 5,0%. 3,8 млн чел. являлись безработными с применением критериев МОТ (т.е. не имели работы или доходного занятия, искали работу и были готовы приступить к ней в обследуемую неделю). Критерии безработицы по Конвенции 1952 г. МОТ:

1. Вынужденный характер.
2. Пригодность к работе.
3. Желание получить работу.
4. Регистрация в службе занятости.
5. Временная утрата дохода.
6. Готовность пройти профессиональную подготовку или переподготовку.
7. Соблюдение норм регистрации.

Безработных можно классифицировать на четыре основных группы:

1. Впервые ищущие работу.
2. Вышедшие на рынок труда после перерыва.
3. Потерявшие работу после увольнения.
4. Добровольно оставившие работу [8,1].

Безработица характеризуется тем, что часть взрослого трудоспособного населения не имеет работы и находится в её поиске. По международному стандарту МОТ к категории безработных могут быть отнесены лица:

входящие в экономически активное население; проживающие на территории РФ не менее шести месяцев в году; не имеющие заработка; зарегистрированные в службе занятости; готовые приступить к работе, которую им предложат в службе занятости.

Интересным показателем на рынке труда является рабочая сила, которая составляет общую численность занятых и безработных. Баланса между этими показателями достичь практически невозможно, поэтому и существует безработица. Но в экономике есть понятие «полная занятость», которая представляет собой стопроцентную занятость экономически активного населения, не подтверждённую на практике, существующего рынка труда. Что бы понять, что представляет собой вышеизложенные показатели, рассмотрим вопросы теории виды безработицы [2,5].

Основоположником теории безработицы был Артур Пигу, профессор политической экономии Кембриджского университета (1908 по 1943 годы), известный авторитетным изложением «старой» теории экономического благосостояния. В 1933 году он пишет труд «Теория безработицы», где разделяет точку зрения о полной занятости. Он являлся сторонником неоклассической школы и выделял различные виды безработицы, характерные для рыночной экономики. С точки зрения данной теории, заработная плата зависит не только от стоимости рабочей силы, но и от эффективности труда. Данная теория позволяет определить рациональную занятость, используя предельные затраты труда, производительность труда и величину предельного продукта труда. По мнению А. Пигу и его последователя А. Маршала, важным регулятором спроса и предложения на рынке труда является механизм цен. Основной причиной безработицы может являться высокий уровень заработной платы, регулируемый профсоюзами [1,5].

Среди признанных теорий занятости максимальное признание получили классическая и кейнсианская теории. Классическая теория безработицы была заложена основоположниками экономической науки А. Смитом и Д. Рикардом, учёными-экономистами 18 века. Промышленный переворот в Англии в этот период времени только начинался, преобладала мануфактурная форма производства. Капиталистические отношения находились на таком этапе развития, когда не было массовой безработицы. Поэтому, можно было регулировать экономику на основе свободной конкуренции и рынок труда представлял собой саморегулирующуюся систему, способную поддерживать полную занятость населения. Однако мировой хозяйственный кризис 30-х годов 20 века показал всю глубину циклических спадов производства, что повлияло на разное повышение безработицы, которая в свою очередь, не поддавалась государственному балансированию [5,3].

Д.М. Кейнс, выдающийся английский экономист, конца 19 – начала 20 века создаёт свою кейнсианскую теорию безработицы, которая актуальна и на сегодняшний день. Данная научная теория утверждает, что совокупный спрос, порождает совокупное предложение на рынке труда, а равновесие на

рынке труда, способно поддерживать только государственное регулирование. Современная система рынка труда не создала механизма, гарантирующего полную занятость, а безработица не может носить добровольный характер. Неполная занятость обусловлена неэффективным спросом: спрос на труд определяется не ценой труда, а величиной эффективного спроса на товары и услуги. Рынок труда может находиться в состоянии равновесия не только при полной занятости, но и при определённом уровне вынужденной безработицы. Для того, чтобы обеспечить полную занятость, надо поддерживать пропорции между затратами на создание валового национального продукта (ВВП), его объёмом, сбережениями и инвестициями. Если затраты на производство ВВП недостаточны для того, чтобы обеспечить полную занятость, в обществе возникает безработица и инфляция. Поэтому, представители кейнсианства обосновывают идею необходимости вмешательства государства для повышения уровня занятости. Государство должно использовать фискальные инструменты – налоги и бюджетные расходы, влияющие на совокупный спрос и на уровень безработицы. Таким образом, безработица представляет собой сложное социально-экономическое явление, органически присущее обществу с рыночной экономикой, при котором та или иная часть трудоспособного населения не занята в производстве товаров и услуг, не может реализовать свою рабочую силу на рынке труда из-за отсутствия подходящих рабочих мест, в следствии чего лишаются заработной платы, как основного источника необходимых средств к жизни. Данные теории не исчерпывают всей совокупности изменений, происходящих на рынке труда. Для более полного анализа процессов происходящих с безработицей, необходимо изучение её разновидностей.

Безработица подразделяется на добровольную и вынужденную. Уровень регистрируемой безработицы по РФ составляет 1,1% (по данным Росстата на март 2018 года). Добровольная безработица возникает в результате увольнения работников по собственному желанию, по разным причинам, среди которых могут быть: низкая оплата труда, плохие условия работы, дополнительные доходы при которых можно не работать (доход от ренты, наследство, и т.д.). Такой вид безработицы усиливается во время роста спроса на рабочую силу и снижается при спаде, её масштабы и продолжительность разные у лиц различных профессий и уровня квалификации. Вынужденная безработица возникает тогда, когда предложение труда превышает спрос на него. В отличии от добровольной она резко возрастает при спаде, когда сокращаются объёмы производства и численность занятых [4, 8].

Среди категорий вынужденной безработицы различают: текущую (фрикционную), структурную, циклическую, институциональную, сезонную, застойную, хроническую. Фрикционная безработица (от лат. «frictio» – трение) – безработица связанная с затруднениями в трудоустройстве и ожиданием работы людьми, которые стремятся сменить место работы или профессию. Название говорит о том, что рынок труда функционирует с трением: кто-то ищет себе более интересную работу, кто-то наоборот, не

соответствует требованиям на своём рабочем месте и должен найти более простую работу. К фрикционным безработным относятся молодые люди, не имеющие квалификации и опыта. Данная безработица постоянно присутствует в экономике и способствует более эффективному использованию рабочей силы, её рациональному распределению.

Следующий тип безработицы называется структурной, она вызвана несоответствием профессиональной подготовки рабочей силы в структуре производства. Структура производства постоянно меняется под влиянием инновационных технологий, потребность в одних профессиях сокращается, появляется спрос на новые, ранее не существующие. Так по данным Департамента труда и занятости населения Воронежской области в 2018 году уходящими профессиями на рынке труда будут юристы, психологи, экономисты, бухгалтеры, диспетчеры и перевозчики (по прогнозу они исчезнут за ближайшие 10-15 лет). А востребованными профессиями будут: менеджеры социальных сетей, SEO-оптимизаторы, программисты различных направлений, и т.д. [6, 7, 4].

Структура рабочей силы меняется медленно, поэтому и возникает безработица, которая называется структурной и имеет место, как при спаде, так и при подъёме экономики. Фрикционная безработица от структурной отличаются двумя положениями:

1. Фрикционные безработные имеют профессиональные навыки и квалификацию, которую они могут продать на рынке труда, а структурные безработные не могут получить работу без подготовки и дополнительного обучения или смены места жительства.
2. И фрикционная, и структурная безработицы являются неизбежными и существуют на всех стадиях экономического цикла, даже на высшей точке подъёма экономики.

Третья форма безработицы – циклическая, которая вызвана сжатием производства во время повторяющихся спадов экономики. Она возникает тогда, когда количество рабочих, желающих получить работу больше, чем число рабочих мест. В фазах расширения и подъёма появляются новые рабочие места, и эта безработица уменьшается. Она обуславливается циклическим спадом производства товаров и отсутствием рыночного спроса на труд. При данном виде безработицы страдают больше всего молодые, пожилые и некоренное население [5,6].

Институциональная безработица связана с правовыми нормами, устройством рынка рабочей силы, факторами, влияющими на её спрос и предложение. Высокие социальные выплаты снижают предложение труда, способствуют увеличению уровня безработицы. Высокие ставки подоходного налогообложения делают их сопоставимыми с суммами выплат по социальным программам. Тогда ограничивается предложение рабочей силы и удлиняются сроки безработицы.

Сезонная безработица обусловлена колебаниями в объёме производства определённых отраслей в зависимости от времени года.

Застойная безработица включает самый устойчивый слой безработных, которые уже отчаялись найти работу и не делают попыток её поиска. В эту категорию входят лица уже фактически находящиеся за пределами рынка труда. Данный вид безработицы продолжается более 18 месяцев.

Очень близка к застойной, хроническая безработица – массовая и продолжающиеся длительный период времени, которая резко обостряет экономическое и социальное положение трудящихся, приводит к потере их навыков. При этом лица потерявшие веру в возможность трудоустройства попадают в орбиту застойной безработицы [1, 3, 5].

Существуют и другие виды безработицы: массовая, молодёжная, региональная, скрытая и т.д. Все эти виды, так или иначе, приводят к большим социально-экономическим и морально-психологическим проблемам общества [4, 6].

Таким образом, безработица является неотъемлемым элементом рынка труда, для балансирования которой необходимо использование широкого спектра мероприятий. К направлениям по сокращению безработицы можно отнести разработку и реализацию программ трудоустройства молодёжи по специальности; анализ возможностей повышения в проблемных отраслях; поддержка малого бизнеса для создания новых рабочих мест; разработка механизмов взаимодействия субъектов социального партнёрства, развитие социального планирования в организациях.

Городской округ г. Воронеж является самым большим, многофункциональным столичным центром Воронежской области, с населением на 1 января 2018 года 1047549 человек. Обладая высокой миграционной и трудовой привлекательностью, городской округ располагает разветвленной системой трудоустройства безработных граждан. В ГКУВО ЦЗН города Воронежа в 2017 году за содействие в поиске работы обратилось 31238 чел. Всем обратившемуся в органы занятости населения было оказано содействие в трудоустройстве. При содействии службы занятости было трудоустроено 26 тыс. граждан, что составляет 84,9% от численности обратившихся [6].

По состоянию на 01.05.2018 г. В качестве безработных было зарегистрировано 8446 человек, что соответствует уровню регистрируемой безработицы 0,8% и меньше показателя 2017 г. на 1,7 тыс. человек. Из числа безработных 54,7% приходится на женщин, 12,7% – это молодежь в возрасте 16 – 29 лет; 20,4% – граждане, испытывающие трудности в поисках работы; 12% граждане предпенсионного возраста; 8,3% относятся к категории инвалидов. Если смотреть уровень образования, то 35,3% безработных – граждане, имеющие высшее профессиональное образование, 37,4% – среднее профессиональное образование, 0,5% – не имеющие основного общего образования.

В органы служб занятости населения Воронежской области работодателями в 2018 году была заявлена потребность в работниках для замещения 55,9 тыс. вакантных рабочих мест, 74,7% всех заявленных вакансий были предназначены для замещения рабочих профессий. Довольно

высокий спрос на неквалифицированную рабочую силу (дворники, грузчики, рабочие, уборщики и др.), работников растениеводства и животноводства. Востребованы квалифицированные специалисты предприятий строительной отрасли (бетонщики, арматурщики, штукатуры, каменщики, маляры, монтажники, электрогазосварщики и др.). Устойчивый спрос существует в сферах торговли, транспорта, бытового обслуживания, медицины, рекламных и страховых агентств, менеджерах различных направлений, инженерных и социальных работников, воспитателях, учителях, ветеринарных врачах. На 01.05.2018г. в органы службы занятости населения области работодателями заявлены 9 тысяч вакантных рабочих мест, 65.7%- рабочие профессии. Показатель напряженности на рынке труда в настоящее время составляет 0,6 единиц, уровень регистрируемой безработицы 0,9%.

По данным мониторинга увольнения работников в связи с ликвидацией организаций или сокращений штата работников, неполной занятостью, которая проводилась Департаментом труда и занятости населения Воронежа (28.03.2018г.), сведения о предстоящем увольнении работников с ликвидацией организаций или сокращений штата заявили 18 организаций (1603 человека высвобождены). Из их числа уволены с начала высвобождения 723 человека, из них трудоустроены 505. Сведения о режиме неполной занятости заявили 9 организаций, в режиме неполной занятости трудятся 714 работников:

- из них заняты неполное рабочее время – 514 человек,
- находятся в простое по вине работодателя – 169 человек,
- в отпуске без сохранения заработной платы – 4 человека [2].

В городском округе город Воронеж требуется персонал для работы на пищевом, мебельном, строительном производстве, продавцы, водители, обслуживающий персонал, квалифицированные рабочие. Появляются новые профессии: «универсальный продавец», «семейный врач», врач-менеджер (врач с опытом в снабжении и сбыте).

Основная проблема при подборке персонала – это поиск высококвалифицированных, разносторонне образованных или подготовленных специалистов. Несколько месяцев занимает поиск специалистов в отдел продаж или снабжения, несколько недель – рядовых сотрудников. Для привлечения кандидатов, используются публикации, объявления в прессе, обращения в кадровые агентства, Службу занятости, поиск через своих сотрудников, рекомендации своих знакомых. На первом месте по степени отдачи:

- СМИ и рекомендации сотрудников фирмы,
- работа с кадровыми агентствами,
- хед-хантинг [3].

Взаимодействие работодателя и соискателя стали более упорядоченные. Среди основных требований работодателя можно отметить профессионализм, лояльность к компании, организованность, а среди мотивов поиска работы соискатель заявляет социальную защищенность и достойную официальную зарплату, а также профессиональный и карьерный

рост. В Воронеже за последний год появилось 6 новых кадровых агентств, теперь их всего 12. В целом, кадровым объединением в Воронеже предстоит конкурентная борьба и организация собственного профессионального пространства на рынке.

Среди средств массовой информации в Воронеже выпускаются специализированные газеты:

- «Работа для Вас»,
- «Работа. Бизнес. Учеба. Дело»,
- «Трудинформ»(издание Службы занятости),
- «Камелот»,
- «Из рук в руки»,
- «Ва-банк».

В заключении, можно сделать вывод, что в городе нет сбалансированного механизма мониторинга проблем рынка труда. Система мониторинга различных сфер занятости и видов безработицы, существовавшая до недавнего времени в Областной Службе занятости населения, по ряду причин прекратила существование. Результаты статистического обследования населения по проблемам населения не дают полной картины проблем и тенденций рынка труда, особенно по безработным. Нуждается в серьезном совершенствовании балансовая методика мониторинга рынка труда, которая на уровне города не работает.

Литература

1. Адамчук В.В. Экономика и социология труда: Учебник для вузов/ В.В. Адамчук, О.В. Романов, М.В. Сорокина – М.: ЮНИТН, 2005 – 736с.
2. Воронежстат / Информация о состоянии на рынке труда г. Воронежа. [Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.voronezhstat.gks.ru>] (дата обращения 21/03/2018).
3. Есиева И.В. Безработица как одна из глобальных проблем современного мира / И.В. Есиева // Экономика, управление, финансы: материалы III междунар. науч. конф., Пермь, 2014. – Пермь: Меркурий, 2014. – С. 124 – 126.
4. Кашенов А. Краткосрочные и долгосрочные прогнозы занятости и безработицы//Социальная политика и социальное партнёрство.-2010, №8. 7 – 16с.
5. Маслова Е.В. Рынок труда региона как отражение тенденций социально-экономического развития/Е.В. Маслова//Экономика импортозамещения: проблемы и перспективы развития/ матер. между. науч. конф., 2015г., 34 – 42с.
6. Статистический сборник «Показатели экономического и социального развития городского округов и муниципальных районов Воронежской области / Воронежстат. – Воронеж, 2017. – 84 с.
7. Сушкова О.Ю. «Современные тенденции развития рынка труда и занятости населения Воронежской области/О.Ю. Сушкова//Муниципальные образования современных регионов: проблемы исследования, развития и управления в условиях геополитической и политической нестабильности. – Воронеж, 2016г. – 72 – 76с.
8. Сушкова О.Ю. Рынок труда и занятость населения: Учебное пособие для студентов вузов – Воронеж, изд. Воронеж, 2008 – 49с.
9. Сушкова О.Ю. Современные особенности рынка труда и занятости населения России и Воронежской области. Учебно-методическое пособие для вузов. Электронный ресурс – 2017г. – 86с.

10. Сайт департамента труда и занятости населения Воронежской области <https://www.slzan36.ru>
11. Федеральная служба государственной статистики <https://www.gks.ru>

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КУРСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

И.Е. Требушкова

Курский государственный университет, Россия

e-mail: irinatrebushkova@ya.ru

Аннотация: В статье рассмотрены основные направления развития пищевой и перерабатывающей промышленности Курской области, как наиболее развитой и перспективной отрасли курского приграничья.

Ключевые слова: Курская область, приграничье, пищевая промышленность: мясная, молочная, сахарная, мукомольно-крупяная, макаронная, хлебопекарная.

Развитие пищевой промышленности является одной из важнейших сфер хозяйственной деятельности в Курской области и по объемам производимой продукции занимает важное место в экономике региона. За 2017 г. производство продукции сельскохозяйственного производства увеличилось на 12,1%. Ускоренное развитие основных направлений сельскохозяйственного производства способствовало развитию пищевой и перерабатывающей промышленности, занимающей в обрабатывающих производствах более 50%. Это помогло стать не только самодостаточным регионом в плане обеспечения продовольствием по многим группам товаров, но и поставлять продукцию за пределы региона до 60% производимой продукции.

Фактор приграничности для территории Курской области в различные периоды нередко выступал как значимый при развитии хозяйственного комплекса в целом и функционирования промышленности в частности. Особенно значительную роль для региона фактор приграничности приобрёл с начала 1990-х годов после распада Советского Союза и формирования независимого государства Российская Федерация и Республика Украины [4]. Фактор приграничности сыграл существенную роль в региональном развитии Курской области в целом.

В состав пищевой и перерабатывающей промышленности входит более 100 крупных и средних предприятий с численным персоналом работающих около 20 тыс. человек, она представлена почти полным спектром отраслевых производств. Вместе с тем, последствия мирового финансового и экономического кризиса 2008 г., засуха 2010 г., введение в 2014 г. в отношении России международных санкций негативно отразились на инвестиционном климате в агропромышленном комплексе, динамике развития сельскохозяйственного производства, балансе экспорта и импорта [3].

Успешное развитие пищевой и перерабатывающей промышленности, в первую очередь, обеспечено притоком инвестиций. Только за последние 3 года объем инвестиций составил около 22 млрд рублей. Создано более 3500 высокопроизводительных рабочих мест, в текущем году – около 900.

Наиболее существенный вклад в достижение данных показателей внесли предприятия, проводящие системную работу по техническому перевооружению производства и освоению новых видов продукции: «Агропромкомплектация – Курск», «КОНТИ-РУС», «Белая птица-Курск», Золотухинский и Олымский сахарные заводы, «Суджанский маслодельный комбинат», «Курский комбинат хлебопродуктов», «Курскхлеб», «Рыльский сыродел».

По итогам 2016 г. индекс промышленного производства пищевой и перерабатывающей промышленности составил 107,9% [8]. В отрасль инвестировано более 6 млрд рублей, освоено 300 новых видов продукции, создано свыше 1000 высокопроизводительных рабочих мест. Объем отгруженной продукции на 17,9% превысил уровень 2015 г. и составил 78,7 млрд рублей.

Крупные инвестиционные проекты реализуются в мясоперерабатывающей отрасли, занимающей в структуре производства пищевой и перерабатывающей промышленности около 40%.

Масштабный проект компании – «Курский мясоперерабатывающий завод», который входит в тройку крупнейших в Европе, вышел на полную мощность и сейчас производит 111 тыс. т продукции. Численность работающих увеличилась до 2 тыс. человек. С запуском этого завода компания вошла в десятку предприятий-лидеров перерабатывающей отрасли в стране. В 2018 г. запланирована дальнейшая модернизация завода [7]. Выход на полную проектную мощность в 2014 г. мясоптицекомбината «Курского Агрохолдинга», а также модернизация Курской и Краснополянской птицефабрик позволили в полном объеме обеспечить переработку производимой на убой птицы. В результате объем производства мяса птицы и субпродуктов 1 категории в 2016 г. увеличился в 2,4 раза в сравнении с 2013 г.

Выход на полную проектную мощность в 2014 г. мясоптицекомбината «Курского Агрохолдинга», а также модернизация Курской и Краснополянской птицефабрик позволили в полном объеме обеспечить переработку производимой на убой птицы. В результате объем производства мяса птицы и субпродуктов 1 категории в 2016 г. увеличился в 2,4 раза в сравнении с 2013 г.

С 2010 г. по 2016 г. рост производства мяса и субпродуктов увеличился в 6 раз, мясных полуфабрикатов – в 12 раз, колбасных изделий – на 17,6% (рис. 1). В конце 2016 г. компания «Агропромкомплектация» ввела в эксплуатацию мясоперерабатывающий комплекс в селе Линец Железногорского района мощностью по забою свиней 1 млн голов в год. Создано около 1000 новых высокопроизводительных рабочих мест. Инвестиции составили более 8 млрд рублей [2]. В 2017 г. завершено

строительство в регионе пяти свинокомплексов общей стоимостью более 12 млрд руб. На предприятиях создано 400 рабочих мест. В 2018 г. компания планирует построить еще два свинокомплекса и комбикормовый завод [1].

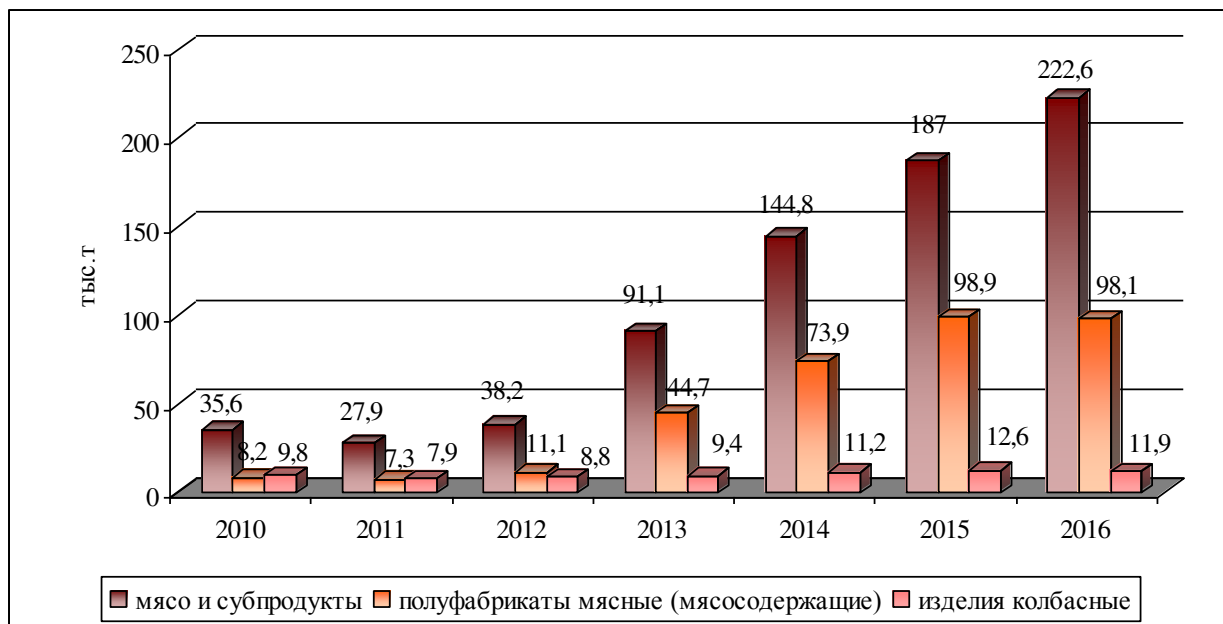

Рис. 1. Производство мясной промышленности в Курской области 2010-2016 гг., тыс. т*

*(составлено автором по данным [8])

Компания «ГлобалТрейд» (структура российско-финской «Глобал Эко») в первом полугодии 2017 г. завершила реконструкцию мясокомбината в Щиграх мощностью переработки 40 тыс. т свиней в год. объем инвестиций составил 600 млн рублей. Сырье на предприятие будут поставлять три свинокомплекса компании, расположенные в Мантуровском, Золотухинском и Кореневском районах [6]. Создано 70 новых рабочих мест.

В ОАО «Надежда» Суджанского района введен в эксплуатацию новый цех по переработке мяса мощностью 10 т готовой продукции в смену и линия по убою крупного рогатого скота производительностью 30 голов в смену.

Ввод новых хладобоев с учетом действующих 47 малых предприятий позволило довести мощности по переработке скота – до 230 тыс. т в год.

Стабильно с ростом производства работают «Белая птица-Курск», Курская и Железногорская птицефабрики, что позволяет в полном объеме обеспечить переработку выращенной на убой птицы в объеме 160 тыс. т в год.

Компания «Мираторг» продолжает строительство на территории Курской области мясоперерабатывающего комплекса по забою скота до 4,5 млн голов в год.

В Пристенском районе приступил к работе высокотехнологичный, соответствующий международным стандартам ветеринарно-санитарный утильзавод компании «Мираторг». Он перерабатывает сырьё до 120 т в сутки. Объем инвестиций составил порядка 1 млрд рублей.

Укреплению молочной промышленности и насыщению местных рынков молокопродуктами способствует поэтапная модернизация «Рыльского сырдела» компанией «Милкиленд», в результате которой производство сыров доведено до 400 т в месяц. В планах компании – строительство нового современного предприятия по переработке молока и производству сыров на территории действующего предприятия.

ООО «Сырная долина» (Курский район) введен в эксплуатацию новый цех по производству сыров мощностью до 2 тыс. т в год.

Компанией ООО «Курское молоко» в 2016 г. введена линия по производству творожных изделий [2].

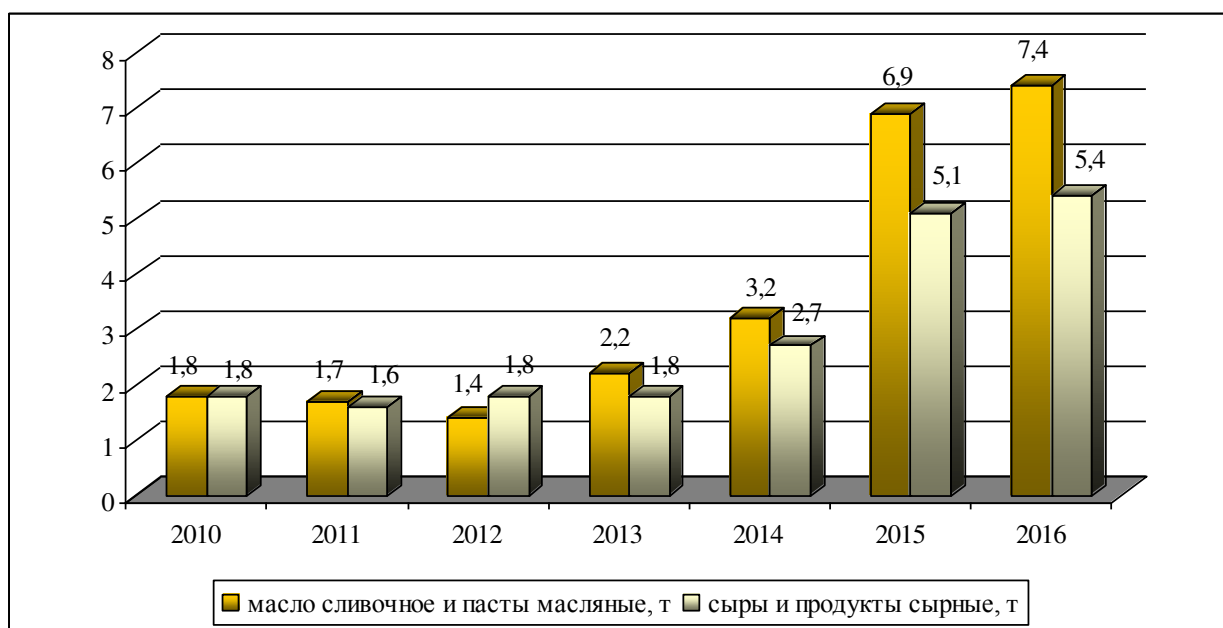

Рис. 2. Производство молочной промышленности в Курской области 2010-2016 гг., тыс. т*

(составлено автором по данным [8])

В целом проведенные мероприятия позволили предприятиям отрасли увеличить производство сыров на 5,6%, масла сливочного почти на 7% (рис. 2), творога на 20%.

ООО «Агропромкомплектация-Курск» направила 12 млрд рублей инвестиций на строительство высокотехнологичного современного молочного комплекса в с. Троицкое Железногорского района. Весной 2019 г. на комплекс будет завезено поголовье голштинской породы коров из Голландии [7].

Мукомольно-крупяная промышленность входит в число наиболее социально значимых отраслей агропромышленного комплекса. Мука является сырьем для хлебопекарной, кондитерской и макаронной промышленности. В области принимаются меры по дальнейшему развитию мукомольно-крупяной и комбикормовой промышленности. ООО «ПаритетИнвест» (Черемисиновский район) завершило строительство

мельничного комплекса мощностью по производству муки 40 тыс. т в год, объем инвестиций составил 400 млн рублей.

Стабильная работа хлебозаводов позволяет в полном объеме обеспечить потребности региона, а также отгружать продукцию за пределы области. Цены на хлеб в Курской области за счет действия социальной программы остаются одними из самых низких в Российской Федерации. В 2016 г. из областного бюджета на эти цели предоставлены субсидии в сумме 26,5 млн рублей.

В Черемисиновском районе начал производство современный крупозавод по производству гречневой крупы мощностью 12 тыс. т в год (ООО Курскзернопром).

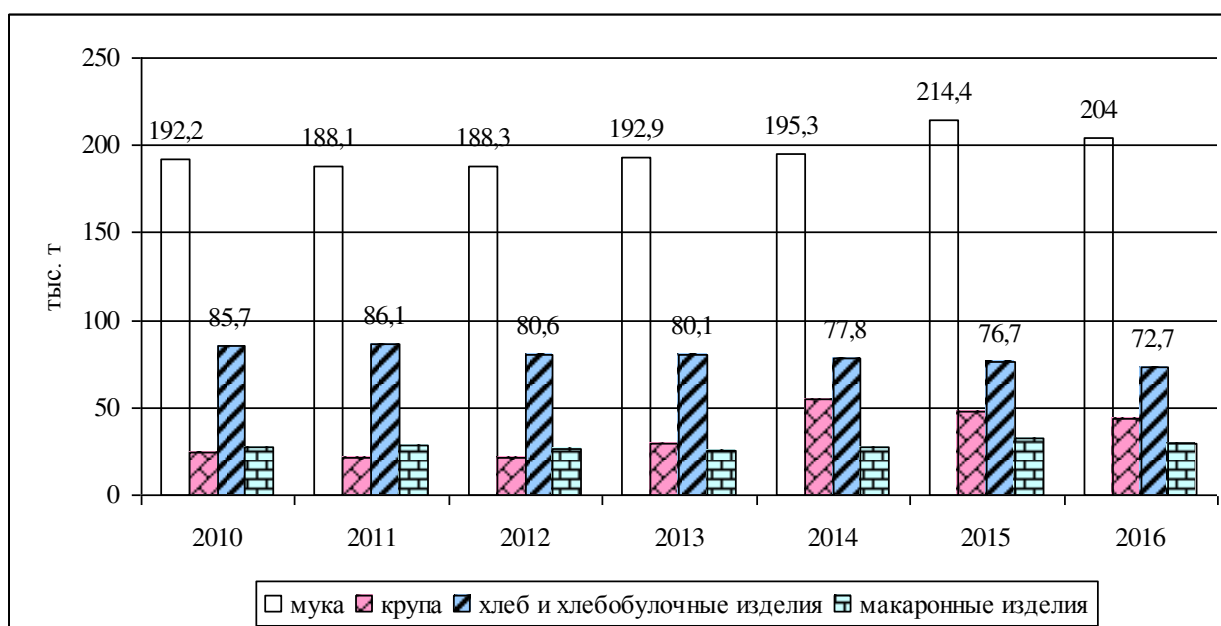

Рис. 3. Производство мукомольно-крупяной, хлебопекарной и макаронной промышленности Курской области в 2010-2016 гг., тыс. т*

*(составлено автором по данным [8])

За исследуемый период 2010-2016 гг. самый высокий показатель производства муки отмечен в 2015 г. (214,4 тыс. т), макаронных изделий – 32,9 тыс. т (2015 г.), крупы – 55,1 тыс. т (2014 г.) в дальнейшем наблюдаем снижение спроса на отдельные виды крупяных изделий, выпуск хлеба и хлебобулочных изделий сократился более чем на 15% [рис. 3].

Активно развиваются предприятия комбикормовой промышленности: ООО «Агропромкомплектация» (п. Конышевка), ОАО «Щигровский КХП», ОАО «Надежда».

Наращивают производство солода Кореневский солодовенный завод и Курский солод. Планируется увеличить производство солода в области до 49 тыс. т, или на 14%. В компании «Курский солод» увеличены мощности по производству солода с 70 до 85 тыс. т в год.

С 2017 г. «Агропромкомплектация-Курск» продолжает строительство комбикормового завода мощностью 216 тыс. т в год и элеватора на 120 тыс. т

единовременного хранения зерна, с объемом инвестиций 3,6 млрд рублей. Все это позволит в 2018 г. перерабатывать внутри области свыше 2 млн т зерна.

В Курской области особое место занимает сахарная отрасль. Её доля в общем объеме производства пищевых продуктов составляет около 20 %. В целях эффективной переработки сахарной свеклы на модернизацию и реконструкцию 9 сахарных заводов направлено более 2 млрд рублей.

В 2016-2017 гг. инвестиционными компаниями ПАО «Моснефтегазстройкомплект», ООО «Объединенные кондитеры», в том числе новыми собственниками (ООО «ХК «Продимекс», ООО ГК «Русагро», ООО «СК Конек – Горбунок») производится модернизация сахарных заводов и начат первый этап проведения реконструкции Теткинского, Рыльского, Золотухинского, Кшенского, Кривецкого и Беловского сахарных заводов.

Предусматривается выполнение мероприятий, направленных на уменьшение энерго- и водопотребления, снижение расходов условного топлива, вредных выбросов в окружающую среду, охрану поверхностных подземных вод от загрязнения и внедрение современных технологий по глубокой переработке побочной продукции (установка новых жомосушильных отделений) [2].

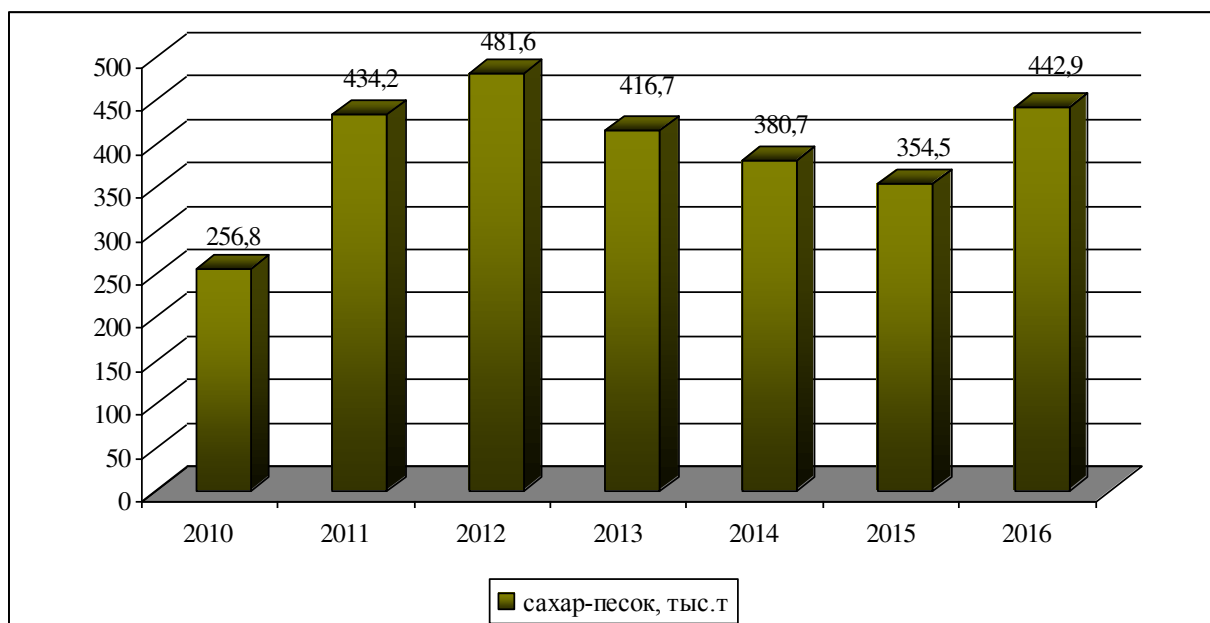

Рис. 4. Производство сахара-песка в Курской области 2010-2016 гг., тыс. т*

*(составлено автором по данным [8])

Обеспечена суточная производительность по переработке свеклы 30 тыс. т с ростом к уровню 2015 г. на 3,5 тыс. т. Выработано 442,9 тыс. т сахара, что на 20 % больше уровня 2015 г. (рис. 4).

В консервной отрасли на Экспериментальном комбинате детского питания запущена линия по розливу фруктово-овощного пюре мощностью 300 т в месяц.

В 2014 г. ЗАО «КОНТИ-РУС» продолжило реализацию проекта «Строительство нового производственно-логистического комплекса Курской кондитерской фабрики». Были введены в эксплуатацию 3 дополнительные линии с увеличением мощности по производству кондитерских изделий на 21,1 тыс. т в год и доведением их до 128 тыс. т в год. Объем инвестиций составил более 1,2 млрд рублей, создано дополнительно 517 высокопроизводительных рабочих мест.

В декабре 2014 г. состоялось подписание Соглашения о сотрудничестве между администрацией Курской области и ЗАО «КОНТИ-РУС» на 2015-2019 гг. Документом предусмотрена дальнейшая модернизация предприятия, установка новых производственных линий на новой кондитерской фабрике с целью расширения производственных возможностей по выпуску кондитерских изделий.

Продукция кондитерской фабрики реализуется как в России, так и в странах ближнего и дальнего зарубежья (Азербайджан, Туркменистан, Кыргызстан, Казахстан, Грузия, Молдова, Армения, Эстония, Монголия и др.). Одновременно АО «КОНТИ-РУС» выходит на новые перспективные рынки сбыта в такие страны, как Индия, Германия, Великобритания, Китай, США [2].

С 2015 г. в целях импортозамещения предприятиями пищевой и перерабатывающей промышленности продолжается модернизация производства, а также работа по увеличению объемов выпускаемой продукции, расширению ее ассортимента.

В 2016 г. в рамках подпрограммы «Развитие малого и среднего предпринимательства в Курской области» финансовую поддержку получили более 200 субъектов малого и среднего предпринимательства на общую сумму свыше 100 млн рублей. Более 40% направлены на содействие в реализации инвестиционных проектов по импортозамещению.

Высокое качество курской продукции подтвердили результаты всероссийской агропромышленной выставки «Золотая осень 2017»: продукция сельского хозяйства и пищевой и перерабатывающей промышленности завоевала 110 медалей: 74 золотых, 22 серебряных и 14 бронзовых медалей, а администрация области получила Гран-при за вклад в развитие агропромышленного комплекса [2].

Курская область сегодня не только входит в число самообеспеченных по основной группе продуктов собственного производства, но и стала крупным поставщиком в другие регионы.

Литература

1. «Агропромкомплектация» в 2017 году вложила в курские проекты 12 млрд рублей //Электрон. дан. Режим доступа URL: <http://www.apkholding.ru/news/3930> (дата обращения: 20.09.2018)

2. <http://adm.rkursk.ru>
3. <http://apk.rkursk.ru>
4. Барановский И.Ю. Трансформация промышленности в районах Смоленской области, приграничных с Республикой Беларусь, на протяжении 1990-2000-х годов // Проблемы и перспективы социально-экономической географии: (к 100-летию со дня рождения И. И. Трухана): материалы международной научно-практической конференции, 12-14 ноября 2015 г.; редкол.: Г. З. Озем (пред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2016. – С. 146 – 152
5. Курская область: Перспективы перерабатывающей отрасли – в развитии // Электрон. дан. Режим доступа URL:<http://www.dairynews.ru/dairyfarm/kurskaya-oblast-perspektivu-pererabatyvayushchey-o.html>(дата обращения: 23.09.2018)
6. ООО «ГлобалТрейд» завершило реконструкцию мясокомбината в Щиграх Курской области за 600 млн рублей // Электрон. дан. Режим доступа URL:<https://www.kommersant.ru/doc/3379307> (дата обращения: 23.09.2018)
7. Руководство компании «Агропромкомплектация» озвучило новые планы развития агропроизводства в Курской области // Электрон. дан. Режим доступа URL:<http://www.apkholding.ru/news/4501>(дата обращения: 25.09.2018)
8. Статистический ежегодник Курской области. 2017: Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. – Курск, 2017. – 436 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ ПАЛЕСТИНЫ)

М.Р. Халил

Юго- Западный Государственный Университет, Россия

E- mail: dr.musab1999@gmail.com

Аннотация: В документе показано, что экономический потенциал (Д И) в основном связан с сельским хозяйством, туризмом, природными ресурсами и легкой промышленностью. Реализация этого потенциала или, по крайней мере, его части, требует осуществления ряда мер, таких как обеспечение использования пахотных земель и выделение необходимого количества воды и энергии для производства и потребления. Чтобы изменить унылые условия, упомянутые выше, предлагается ряд конкретных политик. Эта политика основана на долгосрочном видении развития палестинской стороны долины реки Иордан и включает защиту экологических и культурных ресурсов Долины путем устойчивого экономического развития. Внедрение комплексной политики должно учитывать потребности населения.

Ключевые слова: экономическое развитие, туризм, устойчивое развитие, приграничный регион, социальное развитие, долина Иордана.

Введение. Долгосрочное видение развития палестинской стороны долины реки Иордан закреплено в интеграции экономических секторов с уделением особого внимания устойчивому развитию. Концепция включает защиту экологических и культурных ресурсов Долины с устойчивым экономическим развитием. Последнее должно быть сосредоточено на инфраструктуре, особенно для сельского хозяйства и туризма. Внедрение комплексной политики для промышленного сектора должно также учитывать потребности населения [4]. Центральная часть приоритетов экономического развития заключается в улучшении условий жизни путем реабилитации

городских центров (Д И) для поддержки продуктивной и коммерческой деятельности. Будучи частью общего экономического потенциала палестинской экономики, экономический потенциал (Д И) должен быть полностью использован во всех его измерениях. Сельское хозяйство, природные ресурсы, туризм, промышленность, услуги и жилье должны быть интегрированы для обеспечения того, чтобы регион занял свое место в качестве ключевого компонента общего экономического роста и развития в Палестине. Необходимо изменить политику и общий подход, которые привели к нынешнему негативному положению дел. Ясно, что аргументы в пользу безопасности не должны использоваться без разбора, чтобы оправдать отсутствие экономической деятельности палестинцев в (Д И) [15, 16].

Секторы планирования и строительства на Западном берегу. Палестинские рынки строительства и развития состоят из примерно 350 компаний в области строительных материалов, подрядных работ, инфраструктурных работ и проектов в области земли и воды [19]. В отчете Portland Trust от 2012 года говорится, что сектор развития составляет 14 процентов от палестинского ВВП. The Portland Trust (2012), p. 49. Согласно этому отчету, к 2030 году этот сектор может генерировать 65 000 новых рабочих мест и увеличиться на 2,8 млрд долл. США, однако проблемы, связанные с этим сектором, значительны, особенно в (Д И):

- Для создания достаточного количества жилых единиц, которые могут быть предоставлены палестинцами в Районе, существует настоятельная необходимость в крупномасштабных проектах. Они почти недоступны в долине реки Иордан, поскольку ВВП на душу населения в регионе является одним из самых низких на Западном берегу [1].

Сектор не регулируется или не координируется каким-либо государственным органом, поэтому не создается глубокое знакомство с тенденциями спроса и предложения. Интенсивная деятельность нерегулируемых участников сектора (частные подрядчики, незарегистрированные компании и самоподготовка) истощает большую часть усилий в области развития и ослабляет способность зарегистрированных компаний строить в больших количествах. Эта проблема также подрывает способность сектора привлекать и обучать квалифицированную рабочую силу и использовать передовые строительные технологии - это изменение, которое, по оценкам, сократит продолжительность проекта на 50 процентов.

Роль долины Иордана в ПНПП (Палестинский национальный пространственный план). С 2010 года Палестинская администрация при содействии ПРООН прилагает значительные усилия для разработки всеобъемлющего пространственного плана для Западного берега. Палестинский национальный пространственный план (ПНПП) нацелен на объединение планов планирования, развития, развития инфраструктуры, политики в области занятости, планирования земель, развития городов и жилищного строительства в один скоординированный национальный план.

Еще одним существенным фактором в ПНПП является сохранение сельскохозяйственных традиций в качестве одного из основных факторов

при разработке палестинского пространства [17]. Смысл этого принципа заключается в том, что особое внимание будет уделяться сохранению пахотных земель в их первоначальном обозначении зонирования, несмотря на попытку создать современную палестинскую экономику. Подход ПИШ подразумевает, что сельскохозяйственный ландшафт сельского палестинского пространства не только будет продолжать играть роль в общей палестинской экономике, но и будет иметь ценности культурного наследия. Этот подход также определяет, что будущие популяции, которые будут проживать в палестинском государстве (естественный рост, беженцы на возвращение домой и т. д.), Будут поселяться в городских районах Западного берега, основываясь на существующих городах, поселках и деревнях [22].

Политика в области сельского хозяйства. Развитие палестинского сельского хозяйства в (Д И), вероятно, является наиболее перспективной экономической деятельностью в краткосрочной перспективе. Как упоминалось ранее, (Д И) характеризуется значительными площадями пахотных земель, которые в значительной степени либо не используются, либо недостаточно используются. Новая политика потребует использования 40 000 дополнительных дунамов в краткосрочной и среднесрочной перспективе, что будет включать в себя помимо мелиоративных мероприятий, поставку достаточного количества воды, инвестиции соответствующего капитала в современное оборудование, использование обновленного производства технологий и наличия людских ресурсов. Новая политика может дать общую годовую добавленную стоимость в размере 200 млн Долл. США. Эта оценка основана на фактической производительности сельского хозяйства в (Д И) на Западном берегу [20].

В настоящее время только 42 000 дунамов из 163 000 дунамов, доступных (27%) в (Д И), орошаются. Следовательно, дополнительные орошаемые земли могут быть подвергнуты орошению, что приведет к лучшему палестинскому сельскохозяйственному сектору в будущем. Развитие сельского хозяйства в (Д И) требует значительного увеличения имеющихся водных ресурсов, поскольку в нем наблюдается серьезная нехватка (Д И), как и в других местах в палестинской экономике. Нынешнее состояние технологических изменений в производстве воды, в частности опресненной воды, приводит к нехватке от физического до политического вопроса, который необходимо решить. Поскольку Израиль и Палестина полагаются на одни и те же источники воды, они должны увеличить общее водоснабжение и как можно скорее достичь соглашения о распределении воды [19]. Сельское хозяйство должно внедрять передовые технологии, требующие капиталовложений, и может поддерживать фермеров с по крайней мере приемлемым уровнем жизни. Современное сельское хозяйство подразумевает интенсивное использование капитала, оборудования, технологий орошения, НИОКР и т. д., Чтобы обеспечить обильные урожаи высокого качества. Среди прочего, сельское хозяйство обеспечит вклад в будущую местную пищевую промышленность, а также будет выгодно

экспортировать товары в соседние страны, включая Израиль, что будет способствовать сокращению дефицита торгового баланса в Палестине. Создание аграрного сектора, усиливающего бедность, следует избегать и при использовании современных технологий [12].

Туризм. Туризм имеет большой потенциал благодаря важности культурных, религиозных и природных объектов. Тем не менее, чтобы использовать этот потенциал на устойчивой основе, следует поощрять более широкое видение, поскольку, несмотря на снижение тенденций, доступность воды по-прежнему выше, чем в других частях Западного берега. Эти возможности, если их не точно контролировать, могут превратиться в угрозы, поскольку давление со стороны крупных инвесторов может оказать негативное влияние на развитие (Д И) [8].

Непревзойденные возможности этого района повышают потенциал роста региона и его привлекательность для туристов и инвесторов. Кроме того, Мертвое море является самым низким и наиболее соленым телом воды в мире. Само море в изобилии минералов с терапевтической ценностью. Многие туристы, желающие лечить различные заболевания кожи, артерии и суставов, привлекают к себе регион. В целом в регионе имеется 81 туристический объект, в том числе имеющий значительную археологическую и природную ценность [23]. Кроме того, это старейшая постоянно населенная территория в мире. Река Иордан является одним из самых выдающихся символов «Святой Земли» и находится в умах и сердцах сотен миллионов людей во всем христианском мире [11].

Район обладает большим потенциалом для внутреннего и регионального туризма. Ежегодно около миллиона палестинских посетителей посещают регион, несмотря на ограничения, введенные Израилем. Развитие туристического сектора в регионе и создание инвестиционной стратегии для исторического и культурного наследия региона, а также его уникального климата считается одним из приоритетных и позволяет использовать большое количество инвестиционных возможностей. Развитие туризма будет включать Мертвое море, реки Иордан и склоны и горы долины Иордании, поскольку они предлагают уникальное сочетание оздоровительных, развлекательных, спортивных / приключенческих, экологических и религиозных туристических направлений в одном районе. Чтобы оживить местную экономическую деятельность, в том числе сектор туризма и гостеприимства, необходимы инвестиции в области новых отелей и курортов как в Иерихоне, так и в районе Мертвого моря [19].

Общая цель должна заключаться в разработке комплексной стратегии, которая связывает политику в области наследия с городским планированием, с секторами образования, с экономической и социальной политикой и с туристами. Вместо того, чтобы рассматривать их как отдельные сайты. Развитие должно стремиться к повышению туристической активности и повышению осведомленности местного сообщества о важности местного наследия. Совершенствование нормативной базы и рассмотрение наследия не как ограничение, [7] а как полезный элемент, который может помочь в

управлении процессом местного развития, также будет весьма полезным. Использование более широкой концепции наследия, которая не просто сосредоточена на археологических памятниках, но которая также включает в себя старую жизнь оазиса и другие «менее важные» объекты наследия, была бы ценной. Акцент на расширение масштабов действия, который учитывает все территориальные элементы, которые способствуют формированию местного наследия, имеет важное значение для успеха [5,6].

С положительной точки зрения, некоторые из археологических объектов все еще в хорошем состоянии. По-прежнему остается много остатков традиционных зданий (грязевые дома), все еще есть участки высокоценных сельскохозяйственных угодий и районов, богатых биоразнообразием, и система оазисов по-прежнему хорошо читаема в западной части города Иерихон, например, Кроме того, принимаются во внимание новые проекты по укреплению наследия, а не только сосредоточение внимания на его сохранении. Примером может служить создание туристических маршрутов, соединяющих разные места [2].

Долина Иордан – это уникальный регион, который привлекает посетителей со всего мира. Он имеет уникальные географические и экологические характеристики, не имеющие аналогов в других местах. Считается, что индустрия туризма идеально расположена на рынках религиозного и наследия туризма, где многочисленные религиозные объекты предоставляют стране сравнительные преимущества. Развитие этого сектора рынка открывает широкие возможности для Палестины. Существуют также возможности для развития новых туристических продуктов, таких как экотуризм, культурный туризм и туризм солидарности на рынке, где инвестиции по-прежнему по разумной цене. Еще один важный проект включает мост короля Абдаллы, который формулирует кратчайшее расстояние между Амманом и Иерусалимом по реке Иордан, которое также необходимо реабилитировать и открыть для операций по перемещению туристов, тем самым облегчая туризм из Иордании и открывая дверь для совместного маркетинга туризма. Наконец, может возникнуть конфликт между развитием туризма на Мертвом море и возможной промышленной эксплуатацией полезных ископаемых там; такой конфликт должен быть разрешен до принятия стратегии [10].

Мертвое море. Основным природным ресурсом СП является Мертвое море. До сих пор две страны, Израиль и Иордания, извлекают минералы из этого соленого озера. Палестина, имеющая берег на Мертвом море, также имеет претензии на свои природные ресурсы [3]. Мертвое море предоставит возможности для многих отраслей промышленности, основанных на добыче полезных ископаемых Мертвого моря. Ценные минералы и солевые элементы, такие как фосфат, магний, натрий, кальций и бромид, могут быть извлечены из Мертвого моря. Однако добыча полезных ископаемых вызвала серьезные экологические и геологические проблемы. Это требует значительного сотрудничества между тремя заинтересованными сторонами,

Палестиной, Иорданией и Израилем, для решения проблем и согласования общей будущей политики [18].

Сделка. Одним из наиболее важных направлений вмешательства является размещение долины реки Иордан в качестве центра логистики и транспортировки товаров из Палестины в Иорданию. Одним из основных проектов, определенных палестинским частным сектором и Министерством национальной экономики, является создание в (Д И) в центре импорта и экспорта логистического центра с целью создания улучшенной и облегченной инвестиционной среды для развития бизнеса и торговли. Центр облегчил бы перемещение товаров и снизил стоимость транспортировки, а также включил бы упаковочные материалы, связанные дома, холодильные установки и грузовые автомобили, которые продолжали бы цепь охлаждения для свежих продуктов и других охлаждаемых продуктов [10].

Образование, здравоохранение и другие услуги. Устойчивое развитие района, в том числе здравоохранения и образовательных учреждений, а также продовольственная безопасность для жителей, сильно зависят от наличия земли и воды, хорошо развитой инфраструктуры, людских ресурсов и свободного перемещения товаров. Политическая чувствительность региона и ограничения Израиля на передвижение и доступ играют важную роль в ограничении возможностей жителей улучшить свои средства к существованию. Кроме того, развитие сектора образования и продовольственной безопасности имеет решающее значение для повышения уровня жизни палестинцев в долине реки Иордан и обеспечения лучшего будущего через хорошо зарекомендовавшие себя учебные заведения [21].

Вода для орошения является важнейшим ресурсом для производства и безопасности пищевых продуктов, поэтому ее доступность и доступность необходимы местному населению. Долина Иордана классифицирована как засушливая, с осадками, не превышающими 300 мм в год в северной части и менее 150 мм в южной части. Изменение количества осадков и последовательных засух, которые наблюдались за последние 5 лет в этом районе, повлияло на средства к существованию общин, живущих через долину. Однако величина воздействия варьируется от одного места к другому, особенно среди маргинальных и бедуинских общин в этом районе.

Выводы. Что касается земли и планирования, то основные принципы новой политики должны аннулировать существующие в настоящее время ограничения в отношении использования земли. Доминирующий принцип должен подчеркнуть попытку уплотнения и сгущения существующих местностей, а не создания новых. Обоснование этого принципа заключается в том, что большинство палестинских городов были разработаны и построены без общего всеобъемлющего плана, что лишено стратегий городского планирования, которые характеризуют современные города. Другим важным политическим фактором, касающимся земли, является сохранение сельскохозяйственных традиций в качестве одного из основных факторов при разработке палестинского пространства. Новая политика потребует использования около 40 000 дополнительных дунамов в краткосрочной и

среднесрочной перспективе, Это будет включать, помимо мелиоративных мероприятий, поставку достаточного количества воды, инвестиции соответствующего капитала в современное оборудование, использование обновленных технологий производства и наличие людских ресурсов [24].

Кроме того, сельское хозяйство должно внедрять передовые технологии, требующие капиталовложений, и может поддерживать фермеров по крайней мере на приемлемом уровне жизни. Для воды новая политика позволит палестинцам использовать свои права над природными водными ресурсами, чтобы нехватка воды не препятствовала развитию. Палестинская администрация должна иметь полное право планировать и осуществлять все необходимые объекты для водоснабжения и очистки сточных вод (колодцы, резервуары для хранения, водопроводные и канализационные сети, установки очистки сточных вод и т. Д.) [9].

Для туризма всеобъемлющей стратегией является разработка комплексной стратегии, которая связывает политику в области наследия с городским планированием, секторами образования, экономической и социальной политикой и туристическими стратегиями, а не рассматривает их как отдельные сайты. Развитие должно стремиться к повышению туристической активности и повышению осведомленности местного сообщества о важности местного наследия. Для промышленности и со стратегической точки зрения и с учетом сельскохозяйственного характера долины Иордана промышленное развитие региона должно сосредоточиться на пищевой промышленности и других отраслях, связанных с сельским хозяйством. Кроме того, Мертвое море предоставило бы возможности для многих отраслей промышленности, основанных на добыче полезных ископаемых Мертвого моря.

Литература

1. Awartani, H. (2010), Living Conditions in the Jordan Valley, This week in Palestine News Website. <http://www.thisweekinpalestine.com/details.php?id=3080&ed=181&edid=181> [accessed 12.08 2018].
2. Bassous-Ghattas, R. (2013), Applied Research Institute – Jerusalem, Biodiversity Status in the Occupied Palestinian State. ARIJ Website: <http://www.arij.org/component/content/article/200-publications/papers/2014-papers/558-biodiversity-and-human-rights-from-a-palestinian-perspective.html>; [accessed 12.08 2018].
3. Bimkom, (2008), The Prohibited Zone: Israeli Planning Policy in Palestinian Villages of Area C, Jerusalem: Bimkom Publications. P. 34.
4. Center for Cultural Heritage Preservation, (2013), A Concept Note for investing in the cultural heritage assets of Jericho. Jerusalem. P. 112.
5. EcoPeace, (2015), Palestinian National Development Master Plan for the lower part of the Jordan River: Bethlehem. P.43.
6. Friends of Earth Middle East, (2014), Water Cannot Wait: A Joint Israeli and Palestinian Campaign to Make Water a Catalyst for Change in the Middle East's Politics of Conflict, Tel Aviv: FOEME Publications. Jerusalem. P. 155.
7. Hardan, K. & Partridge, D. (2010), Water Reform in Palestine: Oasis or Mirage? Updated Report. P. 87.
8. Kerem Navot, (2015), A Locked Garden: Declaration of Closed Areas in the West Bank, Jerusalem: Kerem Navot Publications. Jerusalem. P.213.

9. Lavi, E. (2012), The Paris Protocol and its Impact on the Palestinian Economy (Hebrew), Molad Institute Website, <http://www.molad.org/articles/article.php?id=21>; [Accessed 19.072017].
10. MA'AN Development Center, (2010), Eye on the Jordan Valley, Ramallah: MDC Publications. Jordan. P. 76.
11. Ministry of Tourism and Antiquities (MOTA), (2013), Visitor Information (Unpublished Data). Palestinian. P. 55.
12. OCHA, (2015), The Humanitarian Monitor for September 2015, Jerusalem: UNOCHA Publications. , Jerusalem. P. 22.
13. Oxfam, (2012), Palestinian Communities Under Threat in the Jordan Valley as Settlement Expansion and Demolitions Escalate. Jordan. P. 34.
14. Palestinian Central Bureau of Statistics (PCBS), (2011), 2010 Agricultural Census.
15. Palestinian National Authority, (2010), Strategic Plan for Developing the Housing Sector in Palestine. Ramallah; Ministry of Public Works and Housing Publications. p. 132.
16. Palestinian National Information Center, (2011), Tubas Ein El Beida archeological sites. Wafa Website, <http://www.wafainfo.ps/atemplate.aspx?id=3276#> [accessed 06. 2018].
17. Palestinian Water Authority, (2009), Basic Needs and Development ongoing and proposed projects by governorates. Ramallah; PWA Publications. p. 45.
18. Palestinian Water Authority, (2012), National Water Strategy. Ramallah; PWA Publications. p. 67.
19. PLO Negotiations Unit, (2011), The Jordan Valley: A Microcosm of the Israeli Occupation Factsheet, Ramallah; PLO Negotiations Affairs Department. Israeli. P. 12.
20. State of Israel, (2005), The 2005 Israel State Comptroller report (Hebrew), No. 568. Jerusalem; Israel State Comptroller Publications. Israel. P. 23.
21. Survivor Corps, (2010), Explosive Litter, Status Report on Minefields in Israel and the Palestinian Authority, SC Publications. P. 45.
22. The Portland Trust, (2012), Beyond Aid: A Palestinian Private Sector Initiative for Investment, Growth and Employment, London: Portland Trust Publications. P. 123.
23. UNICEF and GVC, (2010), Assessment of Water Availability and Access in the Areas Vulnerable to Drought in the Jordan Valley, London: UNICEF Publications. p.34.
24. United Nations Conference on Trade and Development, (2015), The Besieged Palestinian Agricultural Sector, New York and Geneva: UN Publications. P. 45.

ЭКСПОРТ ПРОДУКЦИИ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ АПК

О.Г. Чаплыгина, Т.А. Чаплыгина

Курск, Россия

e-mail: ogchaplygina@mail.ru, tatianachaplygina16@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются современные тенденции, характерные для экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья. России удалось восстановить свои позиции на мировом агропродовольственном рынке, отмечается лидерство по поставкам зерна. Усиление данного направления является перспективным стороной социально-экономического развития отечественного АПК.

Ключевые слова: экспорт, продовольствие, сельскохозяйственное сырье, агропродовольственный рынок, торговля, агропромышленный комплекс.

Одним из ведущих направлений аграрной политики Российской Федерации является развитие экспорта продукции агропромышленного

комплекса. Положительные результаты деятельности данного сектора экономики способствовали росту объемов вывоза продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья. Восстановление Россией утраченных ранее позиций страны-экспортера укрепило ее положение на мировом продовольственном рынке. Сохранение и усиление данной стороны является важной задачей государственного уровня.

Выход страны на мировой продовольственный рынок позволяет реализовать преимущества, как для производителей, так и для потребителей. Стоит отметить, что торговля может способствовать решению проблем в основных составляющих продовольственной безопасности – наличие и доступность продовольствия, утилизация и стабильность поставок.

Плюсы внешней торговли для территорий состоят в следующем:

- стимулируя производство в странах, имеющих сравнительные преимущества в производстве сельскохозяйственных товаров, торговля ведет к росту доходов страны и обеспечивает доступ к лучшим ценам на продукцию на мировых рынках;

- ограничение торговли может привести к росту цен на продовольствие в странах с дефицитом земельных ресурсов, снижению цен на продовольствие в странах с избытком земельных ресурсов и сокращению реальных доходов населения в обеих группах стран;

- торговля средствами производства (ввозимыми ресурсами), товарами и идеями может вызвать рост производительности в сельском хозяйстве и увеличить устойчивость за счет содействия распространению технологий и стимулирования инноваций;

- институциональная среда мировой торговли помогает странам воспользоваться преимуществами экспорта и импорта продовольствия;

- развитие торговли способствует улучшению питания населения страны за счет более широкого доступа к диверсифицированной продовольственной корзине, включая разнообразие продуктов и поставщиков, а также сокращение нестабильности поставок продовольствия;

- реальные риски, связанные с открытой торговлей, включают в себя увеличение неравенства, негативное влияние на здоровье, рост потребления энергии и экологический ущерб [1, 9].

Состав поставок продовольствия существенно различается по товарным группам, регионами будет продолжать развиваться под влиянием изменения глобальных производственно-сбытовых цепочек, внутрифирменной торговли, а также двусторонних и региональных торговых отношений.

Крупнейшими экспортерами сельскохозяйственных товаров являются Европейский союз (28), США, Бразилия, Китай и Канада, а также Индонезия, Аргентина, Таиланд, Австралия, Индия, на долю которых приходится 73% вывоза аграрной продукции мира [1].

В России имеет место достаточно существенное увеличение объемов экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья, с 2000 по 2016 гг. в –10,5 раза (в 13 раз – 2017 г.), однако доля в общем объеме вывоза страны в 2016 г. составила 6%, 2017 г. – 5,8% (рис.1, табл.1), [2, 3].

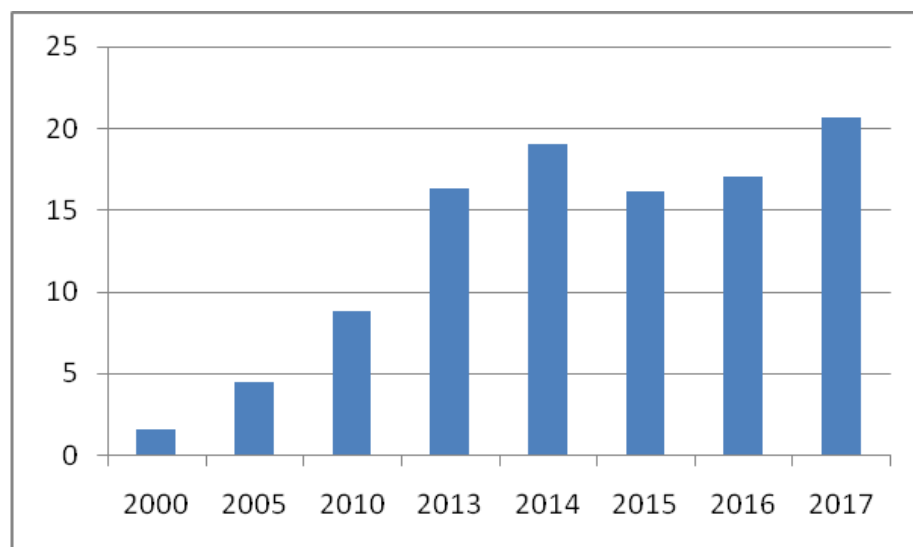

Рис.1 Экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) Российской Федерации, 2000-2017 г., млрд долл.

Таблица 1

Удельный вес продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) в товарной структуре экспорта и импорта Российской Федерации, 2015–2017 гг.[2, 3]

Годы	Показатель	Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	
		Млн долл.	в % к общему объему экспорта/импорта
2015	Экспорт	16215,1	4,7
	Импорт	26650,0	14,6
2016	Экспорт	17075,2	6,0
	Импорт	25072,0	13,7
2017	Экспорт	20699,0	5,8
	Импорт	28924,0	12,7

Рост экспорта – позитивная тенденция(в 2017 г. на 28% по сравнению с 2015 г), но, к сожалению, Россия пока остается крупным импортером продовольствия в мире (10 место, 2016 г.).Страна ввозит не только продукцию, для производства которой агроприродные условия не подходят, но и ту, для которой имеются благоприятные предпосылки.

Особо выделяется Россия по сбору и вывозу зерна, в том числе пшеницы. Ей удалось восстановить статус крупной зернопроизводящей территории и занять первое место по экспорту среди стран мира [7].Потребителями этой продукции являются Египет, Турция, Бангладеш, Индонезия, Ливан, Вьетнам, Судан, Нигерия и Йемен и другие.

В структуре российского продовольственного экспорта в 2017 г. удельный вес зерна и продуктов его переработки составил 37,3%; так же выделяются рыба и ракообразные – 16,8%; жиры и масла животного или

растительного происхождения и продукты их расщепления; готовые пищевые жиры; воски животного или растительного происхождения – 13,1% от общего объема экспорта. В 2017 г. по сравнению с 2015 г. увеличился экспорт мяса и мясной продукции, сахара и кондитерских изделий из сахара (табл.2).

География экспорта получила расширение. Более 75% экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья приходится на страны дальнего зарубежья. Вывоз продовольствия и сельскохозяйственной продукции в страны СНГ за исследуемый период увеличился в 5,7 раза (2017 г.– 6,9 раза) в государства дальнего зарубежья – в 14,6 раза (2017 г.– 17,7 раза) (рис.2). Однако объемы и структура внешней торговли агропродовольственной продукцией свидетельствуют о том, что экспортный потенциал отечественного АПК пока еще не раскрыт. Не смотря на высокие темпы роста, доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в общем экспорте в 2016 г. составляла всего 6,0%, в том числе в страны СНГ – 1,5%, в страны дальнего зарубежья – 4,5% [2,3]. Поставки за рубеж продукции агропродовольственного комплекса тормозились отсутствием эффективной государственной политики стимулирования экспорта. Высокие транспортные издержки, нехватка портовых мощностей, неразвитость производственной и торговой инфраструктуры препятствуют активному развитию экспорта агропродовольственной продукции[5].

Выделенные главные статьи отечественного вывоза являются товарами с низкой добавленной стоимостью. Экспорт зерна в 2010–2016 гг. увеличился в натуральных показателях в 2,4 раза, масла растительного – в 3 раза, рыбы свежей – 1,1 раза. Рост несырьевых поставок был незначительным, а по некоторым продуктам отмечается снижение вывоза [5].

Следует отметить, что в рассматриваемый период проявилось существенное снижение цен на сельскохозяйственную продукцию и продовольствие на мировых продовольственных рынках. Цены на пшеницу с 2014 по 2016 гг. снизились на 40,9%, на говядину – на 20,5%, на масло животное – на 7,8% [2].

Таблица 2

Товарная структура экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) Российской Федерации, 2015 – 2017 гг., млн долл.*

Код ТН ВЭД ЕАЭС*	Наименование товарной группы	Годы			2017 г. в % к 2015г.
		2015	2016	2017	
01	Живые животные	23,4	24,0	31,1	132,9
02	Мясо и пищевые мясные субпродукты	119,9	219,4	324,4	270,6
03	Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные	2789,4	3017,5	3485,0	124,9
10	Злаки	5651,3	5611,5	7490,4	132,5

12	Масличные семена и плоды; прочие семена, плоды и зерно; лекарственные растения и растения для технических целей; солома и фураж	395,8	521,2	644,5	162,8
13	Шеллак природный неочищенный; камеди, смолы и прочие растительные соки и экстракты	6,2	8,6	11,2	180,6
15	Жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления; готовые пищевые жиры; воски животного или растительного происхождения	1873,4	2208,9	2714,7	144,9
16	Готовые продукты из мяса, рыбы или ракообразных, моллюсков или прочих водных беспозвоночных	124,0	134,5	170,1	137,2
17	Сахар и кондитерские изделия из сахара	176,4	250,7	493,5	279,8
18	Другие товарные группы (04 – 0,9,11, 14, 18 – 24)	5055,3	5078,9	5334,1	105,5
	Итого	16215,1	17075,2	20699,0	127,6

* [1]

*Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза

В этих условиях при росте физического объема экспорта РФ наблюдается сокращение экспортной выручки от вывоза продукции агропродовольственного комплекса. При высокой волатильности цен на мировых продовольственных рынках возникает необходимость диверсификации экспорта, что предполагает расширение номенклатуры товаров, обладающих конкурентными преимуществами, повышение конкурентоспособности уже экспортируемых товаров. Это потребует инвестиций в модернизацию производственных мощностей, внедрения современных технологий. Государственная поддержка расширения возможностей экспорта является важным условием растущего коммерческого присутствия национального бизнеса на мировом рынке. Для реализации экспортного потенциала на федеральном уровне необходимо осуществление системы мер, включающих снижение барьеров, решение вопросов сертификации продукции и ветеринарного контроля, маркетинговое сопровождение экспортеров и финансовую поддержку экспортных операций.

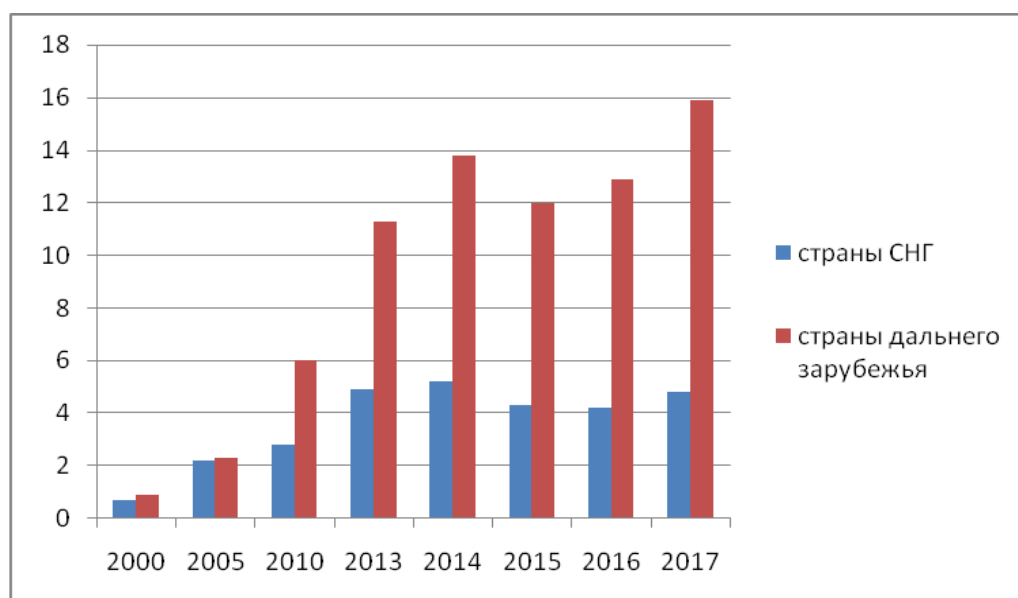

Рис.2. Экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) Российской Федерации в страны СНГ и дальнего зарубежья, 2000-2017 гг., млрд долл.

Качественно новый этап развития экспортного потенциала российского агропродовольственного комплекса должен характеризоваться не только ростом экспортных операций, но и выходом на более высокий уровень производственной кооперации с формированием национальных межотраслевых сегментов глобальных воспроизводственных систем. Однако, участие национальных производителей в глобальных цепочках стоимости вовсе не гарантируют технологически «качественного» промышленного развития страны [4, 5].

В настоящее время экспортный сегмент работает в основном под влиянием экзогенных факторов мировой конъюнктуры и слабо связан с внутренним рынком страны. Российские товаропроизводители продовольствия уже встроены в мирохозяйственные связи и глобальные цепочки создания добавленной стоимости, но находятся преимущественно на низших их звеньях (производство сырья). Преобладающими видами конкурентных преимуществ до сих пор остаются их ценовые виды. При вхождении отечественных товаропроизводителей в глобальные цепочки необходимо учитывать экспортный потенциал сельского хозяйства, в частности, имеются преимущества в производстве экологически чистой продукции [8].

Возможности повышения конкурентоспособности отраслей агропромышленного комплекса различны в силу специфики развития. Так, животноводство, отличается высокими затратами, низкой продуктивностью в сравнении с аналогичными показателями развитых стран. В более выгодном положении находятся отрасли растениеводства, которые развиваются за счет экстенсивного направления. К примеру, производство зерновых, особенно пшеницы, подсолнечника характеризуется ростом валовых сборов, и,

соответственно, увеличением экспорта. Формирование единого рыночного пространства внутри страны, создание системы мер, препятствующей установлению межрегиональных торговых барьеров, создает благоприятные основы для участия во внешних экономических связях. Однако усиление экспортной направленности развития агропродовольственного комплекса России, как стратегического курса, в первую очередь, состоит в соблюдении национальных интересов [6].

Таким образом, дальнейшее улучшение социально-экономического положения в отраслях АПК будет способствовать повышению продовольственной обеспеченности России, формированию устойчивого внутреннего рынка и укреплению позиций страны на мировом агропродовольственном рынке. Необходимо формирование системы продвижения экспорта и финансирование деятельности по расширению географии доступа российской продукции на зарубежные рынки

Литература

1. Пантелеева О.И. Экспорт продукции АПК: сможет ли Россия стать одним из ведущих экспортеров в мире? //Среднерусский вестник общественных наук. 2018 том 13. №3. С.118–136
2. Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб./Росстат. – М., 2017 – 686 с.
3. Россия в цифрах. 2018: Крат. стат. сб./Росстат- М., Р76 2018 – 522 с.
4. Толкачев С., Тепляков А. Импортозамещение в России: необходимость системностратегического подхода // Экономист. 2017. № 8. – с. 47-66.
5. Толкачев С.А., Тепляков А.Ю. Глобальные цепочки стоимости и национальная промышленная компетентность // Экономическое возрождение России. 2017. № 1 (51).С. 63-81.
6. Фальцман В. К концепции экономического роста России: импортозамещение, экспортзамещение, умеренная глобализация // Экономист. 2017. № 11. С. 3-8.
7. Чаплыгина О.Г., Нестеров В.Р. Тенденции во внешней торговле России сельскохозяйственной продукцией и продовольствием//Проблемы и перспективы развития сельского хозяйства и сельских территорий: сборник статей VII Междунар. науч.-практич. конф. - Саратов, 2018,– С.159-165
8. Яковенко Н.А. Развитие экспортного потенциала агропродовольственного комплекса России //Проблемы и перспективы развития сельского хозяйства и сельских территорий: сборник статей VII Междунар. науч.-практич. конф. – Саратов, 2018. – С.171-174.
9. Martin Will, Laborde David. The Free Flow of Goods and Food Security and Nutrition in the book Global Food Policy Report 2018, International Food Policy Research Institute, 2018. – P.20

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

А.В. Шадраков

Научно-исследовательский экономический институт Министерства

экономики Республики Беларусь

e-mail: alshadrakov@yandex.ru

Аннотация: В статье исследована территориальная структура промышленного комплекса областных регионов белорусско-российского приграничья (Витебская, Гомельская, Могилевская, Брянская, Псковская, Смоленская области). На примере Могилевской области выявлены региональные тенденции и факторы развития промышленного комплекса сопредельных территорий Беларуси и России. Выявлены главные причины снижения объемов производства промышленной продукции. Среди них: инвестиционный кризис, внешние факторы, рост затрат. Определены основные риски и резервы роста для развития промышленности региона в 2018 г. и на период до 2020 г.

Ключевые слова: белорусско-российское приграничье, областные регионы, промышленный комплекс.

На протяжении 2010-2016 гг. для приграничных областей России и Беларуси были характерны сходные тенденции сокращения масштабов экономической активности. Наблюдаемая ситуация являлась следствием резкого падения инвестиционной активности в 2012 г. и последующих годах, низкой конкурентоспособности продукции организаций государственного сектора, сложностей с реализацией произведенной продукции на внутреннем и внешних рынках. Факторами, оказавшими негативное влияние на рост валового регионального продукта (ВРП) областных регионов белорусско-российского приграничья (БРП), стали уменьшение объемов инвестиций в основной капитал, сокращение экспортного потенциала, снижение численности населения и соответствующее сокращение трудового потенциала [8].

На фоне отмеченных тенденций особого внимания заслуживает изучение региональных тенденций и факторов развития промышленного комплекса, являющегося отраслью специализации для всех областных регионов белорусско-российского приграничья (Витебская, Гомельская, Могилевская, Брянская, Псковская, Смоленская области).

Территориальная структура промышленного комплекса белорусско-российского приграничья. В 2016 г. объем промышленного производства сопредельных областей белорусско-российского приграничья составил 25,4 млрд долл. США (61,1% относительно уровня Беларуси и 3,2% – России). Падение объема промышленного производства БРП в долларах США за период 2010-2016 гг. составило 31,4% (22,0% – в сопредельных регионах России, 34,8% – в сопредельных регионах России) из-за девальвации национальных валют обеих стран. В результате удельный вес трех белорусских удельных областей в величине данного показателя за

исследуемый период сократился с 73,0% до 69,3%. Лидерами по глубине сокращения объема промышленного производства стали Витебская (39,8%) и Смоленская (35,7%) области (таблица 1).

Таблица 1

Динамика объема промышленного производства белорусско-российского приграничья в 2010-2016 гг., млрд долл. США [1-5]

Регион	2010	2012	2013	2014	2015	2016	Темп роста 2016 г. к 2010 г., %
Российская Федерация	946,2	1229,0	1301,0	1130,4	786,4	796,4	84,2
Республика Беларусь	56,1	73,9	68,2	65,4	46,0	41,1	73,3
Белорусско-Российское приграничье	37,0	47,6	44,3	40,1	28,7	25,4	68,6
Сопредельные регионы России	10,0	12,1	12,5	10,3	7,9	7,8	78,0
<i>Доля в региональной экономике</i>	<i>27,0</i>	<i>25,4</i>	<i>28,2</i>	<i>25,8</i>	<i>27,5</i>	<i>30,7</i>	-
Брянская область	2,9	4,0	4,1	3,5	2,9	2,9	100,0
Смоленская область	5,3	5,7	6,0	5,0	3,6	3,4	64,2
Псковская область	1,9	2,4	2,4	1,9	1,4	1,5	78,9
Сопредельные регионы Беларуси	27,0	35,6	31,8	29,7	20,8	17,6	65,2
<i>Доля в региональной экономике</i>	<i>73,0</i>	<i>74,8</i>	<i>71,8</i>	<i>74,2</i>	<i>72,5</i>	<i>69,3</i>	-
Витебская область	9,8	13,4	10,8	10,3	7,3	5,9	60,2
Гомельская область	11,8	15,2	14,2	13,7	9,6	7,9	66,9
Могилевская область	5,3	7,0	6,8	5,8	3,9	3,8	71,7

При этом наибольший темп роста объема промышленного производства в сопоставимых ценах в 2016 г. к уровню 2010 г. продемонстрировала Брянская область (154,0%). Далее в порядке убывания величины данного показателя расположились Смоленская (120,4%), Псковская (118,2%), Витебская (112,5%), Гомельская (103,8%). В Могилевской области снижение объема промышленного производства составило 4,2% (таблица 2).

За период 2010-2016 гг. в Брянской области происходило снижение удельного веса 10 основных подсекций в структуре обрабатывающей промышленности из 13. Наибольший масштаб сокращения был характерен для 3 видов деятельности, производящих продукцию с высокой добавленной стоимостью: производство машин и оборудования (с 10,0% до 6,1%); производство резиновых и пластмассовых изделий (с 3,7% до 2,5%); металлургическое производство и производство готовых металлических изделий (с 4,3% до 3,2 %). Наиболее значительный прирост был характерен для производства пищевых продуктов, включая напитки, и табака (с 31,9% до 39,3%); производства транспортных средств и оборудования (с 19,2% до 24,3%); химического производства (с 1,0% до 4,2%).

Таблица 2

Индексы объема промышленного производства областных регионов белорусско-российского приграничья в 2010-2016 гг. в сопоставимых ценах (в процентах к предыдущему году) [3; 4]

Регион	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Российская Федерация	107,3	105,0	103,4	100,4	101,7	96,6	101,1
Республика Беларусь	111,7	109,1	105,9	95,1	101,9	93,4	99,6
Брянская область	122,9	110,6	115,7	96,8	102,1	113,5	107,3
Смоленская область	106,1	102,7	105,9	104,7	101,7	101,4	102,5
Псковская область	117,4	116,3	99,6	100,6	94,4	102,8	104,5
Витебская область	98,1	110,2	111,7	100,1	105,0	94,5	92,0
Гомельская область	104,3	109,5	102,8	97,1	106,7	94,1	94,6
Могилевская область	116,2	104,6	103,5	98,1	95,4	93,4	101,3

В структуре обрабатывающих производств Смоленской области за исследуемый период возросло значение производства пищевых продуктов, включая напитки, и табака (с 13,7% до 17,0%); обработки древесины и производства изделий из дерева (с 4,1% до 6,4%); производства резиновых и пластмассовых изделий (с 6,6% до 11,6%). При этом наблюдалось существенное снижение роль подсекций, связанных с машиностроением и металлообработкой.

В обрабатывающей промышленности Псковской области четко прослеживается тенденция к усилению моноспециализации: за период с 2010-2016 гг. удельный вес подсекции «производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака» вырос с 33,5% до 44,8%. При этом наблюдалось сокращение доли остальных видов экономической деятельности (за исключением подсекции «целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность»).

Для трех белорусских сопредельных областей характерны общие тенденции роста удельного веса подсекций «производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака», а также Производство изделий из дерева и бумаги; полиграфическая деятельность и тиражирование записанных носителей информации». При этом на фоне замедления темпов экономического роста и регулярно возникающих проблем с обеспечением загрузки двух белорусских нефтеперерабатывающих заводов, в Витебской и Гомельской областях наметилась устойчивая тенденция снижения доли подсекции «производство кокса и продуктов нефтепереработки» в структуре обрабатывающей промышленности. В Могилевской области ускоренными темпами происходило снижение удельного веса подсекций «производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки» (с 11,9% до 8,4%), а также «производство транспортных средств и оборудования» (с 4,9% до 2,2%).

Региональные тенденции и факторы развития промышленного комплекса регионов белорусско-российского приграничья (на примере Могилевской области). Промышленность является отраслью специализации

экономики Могилевской области. В 2016 г. объем промышленного производства региона в текущих ценах составил 7623,3 млн руб. (3833,7 млн долл. США), доля отрасли в ВДС – 32,7%. Могилевская область формирует более 9,1% республиканского объема промышленной продукции (таблица 3). Всего в области производством промышленной продукции занято более 1 200 предприятий с общей численностью работающих более 100 тыс. чел. (30% от общей численности занятых в экономике области) [7].

В структуре промышленности почти 90% занимает обрабатывающая промышленность, которая формирует более четверти валового регионального продукта. Основными ее отраслями является производство пищевых продуктов, производство резиновых и пластмассовых изделий и химическое производство. Среди регионов республики Могилевская область является главным производителем шин (100%), лифтов (99,8%), станков для обработки дерева (98,7%), изделий из асфальта (93%); одним из ведущих производителей цемента (64,9%), шифера (53,9%), химических волокон (42,7%) и тканей из них (57,8%) (таблица 3).

Таблица 3

Основные виды промышленной продукции
Могилевской области (% к объему производства Беларуси) [6]

Наименование продукции	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Ткани из химических волокон	47,5	42,5	47,7	54,8	57,8	62,9	57,8
Белье постельное	31,6	25	20	18,2	13	8,7	8,5
Кожа дубленая и выделанная	39,5	28,3	34,3	38,3	37,9	33,7	35,4
Плиты древесно-стружечные	–	–	–	2,5	11,8	39,1	36,5
Полимеры в первичных формах	48,2	46,2	39,9	35,3	33,2	34,4	46,4
Волокна химические	38,5	38,2	36,1	33,6	32,2	41,5	42,7
Шины	99,9	99,9	100	99,9	99,9	100,0	100
Цемент, кроме клинкеров цементных	58,5	58,1	60,3	64,2	66,4	63,6	64,9
Лист гофрированный (шифер)	53,6	42,4	42,5	49,7	44,4	44,2	53,9
Изделия из асфальта или аналогичных материалов	89,8	90,8	90,7	93,0	94,4	96,6	93,0
Трубы стальные	35,8	28,5	32,5	33,6	30,0	32,8	34,2
Лифты, комплекты лифтов сборочные и скиповые подъемники с электроприводом	100	99,9	99,8	99,2	99,5	99,9	99,8
Прицепы и полуприцепы для сельского хозяйства	72,9	72,6	76,3	70,9	60,4	58,4	46,8
Станки для обработки дерева и аналогичных твердых материалов	97,7	97,2	97,3	98,5	98,5	98,8	98,7

Ключевыми предприятиями Могилевской области в химической отрасли являются ОАО «Белшина» – крупнейший в Европе производитель шин, ОАО «Могилевхимволокно» – ведущий производитель полиэфирной продукции. В машиностроении и приборостроении: ОАО «Бобруйский завод тракторных деталей и агрегатов» – трактора и запасные части к ним, ОАО «Управляющая компания холдинга «Бобруйскагромаш» – сельскохозяйственная техника, ОАО «Могилевский металлургический завод» – трубы стальные и т.д.

В легкой промышленности: ОАО «Моготекс» – более 60 наименований тканей, ОАО «Лента» – лентоткацкая, тюлегардинная и плетельная продукция, ЗАО «Легпромразвитие» – пошив спецодежды, изготовление изделий из пластмасс и т. д.

В пищевой промышленности: ОАО «Бабушкина крынка», ОАО «Молочные горки» – молочная продукция, сыры, творог, йогурты, ОАО «Могилевский мясокомбинат», ОАО «Бобруйский мясокомбинат» – говядина, колбасные и мясные изделия, жир пищевой, ОАО «Красный пищевик» – кондитерские изделия, ОАО «Булочно-кондитерская компания «Домочай» – хлебобулочные изделия и т. д.

В тоже время на протяжении шести последних лет в развитии промышленности региона наблюдался целый ряд негативных тенденций: за 2011-2016 гг. производство промышленной продукции в сопоставимых ценах сократилось на 8,4%, валовая добавленная стоимость в промышленности – на 6,8%, среднесписочная численность занятых в промышленности – на 17,6%.

В числе главных причин снижения объемов производства промышленной продукции следует считать: инвестиционный кризис, внешние факторы, рост затрат.

Могилевская область является единственным регионом республики, в котором объем инвестиций в основной капитал в сопоставимых ценах сокращается шестой год подряд. При этом, не смотря на низкую базу 2016 г., инвестиционный кризис усиливается: темп роста объема инвестиций в основной капитал в январе-июне 2017 года к уровню аналогичного периода 2016 года составил 68,3%.

Негативное влияние на развитие промышленности оказало снижение платежеспособного спроса со стороны главных торговых партнеров на фоне низкого уровня диверсификации экспорта товаров региона: удельный вес России, Украины и Казахстана в общем объеме экспорта региона за период 2011-2016 гг. увеличился с 81,9% до 82,7%.

В то же время благодаря восстановлению экспортного потенциала в 2016 году темп роста объема промышленного производства области к уровню 2015 г. в сопоставимых ценах составил 101,3 % (в Республике Беларусь – 99,6%), в 2017 г. к уровню 2016 г. – 105,7% (рис. 1).

Важнейшими драйверами роста в 2017 г. стали подсекции следующие обрабатывающей промышленности: производство продуктов питания, напитков и табачных изделий; производство текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха; производство химических продуктов.

Основные риски для развития промышленности в 2018 г. и на период до 2020 г.:

- просроченная задолженность по кредитам;
- недостаток оборотных средств;
- дефицит инвестиционных ресурсов;
- низкая производительность труда и высокие издержки производства;
- неравные условия ведения торговли;
- зависимость от внешних факторов;

– высокая товарная и территориальная концентрация экспорта.

В качестве резервов роста промышленного производства региона следует выделить следующие направления.

1. Реализация крупных инвестиционных проектов.

– Создание ИООО «Омск Карбон Могилев» (Российская Федерация) – предприятия по производству технического углерода в СЭЗ «Могилев».

– Создание производства по выпуску ориентировано-стружечных плит на территории СЭЗ «Могилев».

– Создание комплекса по производству полиэфирной продукции, включающего реконструкцию химического цеха № 2 с организацией производства полиэфирного волокна способом прямого формирования на ОАО «Могилевхимволокно».

– Создание производства ЦМК шин радиальной конструкции с посадочным диаметром до 63 дюймов с реконструкцией подготовительного цеха на ОАО «Белшина».

– Строительство свиноводческого комплекса на 24000 голов в год в районе д. Перегон Славгородского района (ОАО «Могилевский мясокомбинат»).

– Техническое переоснащение производства ОАО «Бабушкина крынка» – Управляющая компания холдинга «Могилевская молочная компания «Бабушкина крынка».

– ОАО «Моготекс» «Организация выпуска новых тканей, тканей с новыми потребительскими свойствами в 2016-2020 годах.

– ОАО «Могилевлифтмаш» «Модернизация производства для освоения выпуска лифтов на базе безредукторного привода: лифтов эконом-класса, лифтов бизнес-класса, лифтов для высотного строительства на 2016-2020 годы».

2. Создание новых высокотехнологичных производств, содействие формированию инновационно-промышленных кластеров.

Примером организации инновационных площадок для поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) является решение коллегии Государственного комитета по науке и технологиям (от 21 декабря 2017 г) о присвоении статуса субъекта инновационной инфраструктуры (ООО «Технопарк «Горки»), созданному на базе УО «Белорусская государственная орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия» (г. Горки).

В рамках работы по разворачиванию новой индустриализации регионов на 2018–2020 годы научно-технологический парк рассматривается в качестве инновационной площадки, на базе которой будет сформирован инновационно-промышленный кластер в области аграрных биотехнологий и «зеленой» экономики Горецкого района.

3. Активизация привлечения инвестиций в основной капитал (внутренних и иностранных). Увеличить объем привлекаемых иностранных инвестиций возможно на основе деятельности СЭЗ «Могилев».

4. Развитие социальной сферы национального и регионального значения, в том числе системы высшего, среднего и начального профессионального образования, системы переподготовки кадров и повышения квалификации.

5. Реализация областной Программы социально-экономического развития юго-восточного региона Могилевской области на период до 2020 года. Программа разработана и реализуется по поручению Президента Республики Беларусь и в соответствии с Указом № 235 от 8 июня 2015 года «О социально-экономическом развитии юго-восточного региона Могилевской области», направлена на повышение уровня социально-экономического развития 7 районов области (Кричевский, Краснопольский, Климовичский, Костюковичский, Славгородский, Чериковский, Хотимский) за счет модернизации крупнейших организаций и развития социальной сферы данных районов.

Выводы. По величине основных параметров развития промышленного комплекса белорусско-российского приграничья сопредельные области Беларуси опережают соответствующие областные регионы России; за период 2010-2016 гг. наблюдалось снижение объема промышленного производства БРП; основной причиной его сокращения стал инвестиционный кризис, наблюдаемый в большинстве областей региона с 2012 года; за исследуемый период происходило увеличение удельного веса белорусских приграничных областей в величине ВРП и объеме инвестиций в основной капитал при некотором сокращении их доли объеме промышленного производства.

Структура обрабатывающей промышленности белорусско-российского приграничья характеризуется крайне низкой дифференциацией производства. В Витебской и Гомельской областях только на один вид экономической деятельности (производство кокса и нефтепродуктов, химическое производство, производство резиновых и пластмассовых изделий) приходится более половины всего объема производства обрабатывающей промышленности, в трех областях (Брянская, Псковская, Могилевская) – на 2 ВЭД.

Основой развития промышленного комплекса региона должна стать диверсификация отраслей и производств, направленных на совершенствование структуры технологического потенциала с возрастанием доли V и VI технологических укладов, переходом к выпуску продукции, соответствующей мировым стандартам.

Литература

1. Брянская область в цифрах. 2017. Краткий ст. сб. – Брянск, 2017. – 152 с.
2. Псковский статистический ежегодник. 2017. Ст. сб. / Псковстат – П., 2017. – 313 с.
3. Регионы Республики Беларусь. 2017. Стат. сборн. – Мн.: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2017. – Т. 1. – 786 с.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с.

5. Смоленская область в цифрах. 2017. Краткий ст. сб. – Смоленск, 2017. – 368 с.
6. Статистический ежегодник Могилевской области 2017: стат. сборник / Главное стат. управление Могилевской обл.; редкол.: Е.А. Морозова [и др.]. – Могилев, 2017. – 468 с.
7. Шадраков А.В. Социально-экономическое развитие сопредельных областей белорусско-российского приграничья в 2010-2015 годах / А.В. Шадраков, Н.М. Давыдова, П.Н. Цедрик // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: материалы XVII Междунар. науч. конф. (Минск, 20-21 окт. 2016 г.). В 3 т. Т.3 / редкол.: А.В. Червяков [и др.]. – Минск : НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь, 2016. – С. 198 – 199.
8. Шадраков А.В. Социально-экономическое развитие областных регионов белорусско-российского приграничья в 2010-2015 годах / А.В. Шадраков // Российско-белорусское приграничье: проблемы и перспективы развития: сборник материалов международной конференции 13-14 октября 2016 года. – Смоленск: Универсум, 2016. – С. 136 – 145.

АПК ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ

Н.В. Яковенко, И.В. Комов

Воронежский государственный университет, Россия

e-mail: n.v.yakovenko71@gmail.com

Аннотация: Раскрыты ключевые проблемы и тренды в развитии АПК Воронежской области.

Ключевые слова: АПК, Воронежская область, тренды в развитии

Особенности развития отечественного АПК обусловлены тесной связью всего комплекса от состояния развития сельского хозяйства, которое является самой значимой его сферой. В то же время объемы производства отраслей сельского хозяйства оказывают влияние на показатели АПК в целом.

В последние годы в Воронежской области наблюдается устойчивый рост АПК, который по своим показателям опережает общероссийские, что обуславливает наличие конкурентных преимуществ региона на национальном рынке. Доля пашни в регионе составляет 2,5%, сельхозугодий -1,8% РФ. Воронежская область производит 4,6% продукции растениеводства и 3% продукции животноводства РФ. Кроме этого имеются значительные резервы ресурсов, которые в самые короткие сроки при верном административном подходе, рациональном и эффективном использовании дадут возможность увеличить объемы сельскохозяйственного производства, повысят результативность функционирования регионального продовольственного рынка, усилят конкурентные позиции региона на российском рынке, а также позволят качественно улучшить продовольственное обеспечение региона, от которого в свою очередь зависит качество жизни населения [3].

Основным направлением АПК региона традиционно является растениеводство, на долю которого приходится около 65% всей произведенной сельхозпродукции.

Так, валовой сбор зерновых в 2017 г. составил 5,6 млн тонн в первоначально оприходованном весе (по итогам 2016 г. – 4,8 млн тонн) при рекордной урожайности 40,5 ц/га.

Валовой сбор сахарной свеклы составил 6,2 млн тонн (по итогам 2016 г. – 5,8 млн тонн), средняя урожайность 464 ц/га.

Валовой сбор подсолнечника составил 840 тыс. тонн (в 2016 г. 983 тыс. тонн), средняя урожайность 20,5 ц/га.

Производство молока в сельхозпредприятиях превысило уровень 2016 г., что позволяет прогнозировать рост производства по итогам г. более чем на 40 тыс. тонн (108 % к уровню 2016 г.) до 580 тыс. тонн. Сохраняется лидерство региона в ЦФО (1-ое место), что обеспечивается ежегодным введением в эксплуатацию 2-3 новых молочных комплексов свыше 2000 голов каждый.

Успешно функционирующий мясной кластер и активное развитие свиноводства обеспечивают нахождение региона среди лидеров по приросту производства мяса на убой. По итогам 2017 г. производство мяса на убой составит 330 тыс. тонн (в 2016 г. – 288 тыс. тонн).

В целом производство продукции сельского хозяйства в стоимостном выражении за 11 месяцев составило 179,3 млрд рублей (101,6 % к уровню соответствующего периода).

Объем инвестиций в сельское хозяйство превысило уровень 2016 г. (22 млрд рублей против 14,3 млрд рублей). Инвестиции в целом в АПК с учетом пищевой промышленности составили около 32 млрд рублей.

В 2018 г. будет продолжена реализация начатых проектов в молочном и мясном животноводстве, а также в сфере глубокой переработки сельскохозяйственной продукции, что обеспечит сохранение положительной динамики развития отрасли АПК.

По производству основных видов сельскохозяйственной продукции (рис. 1) Воронежская область занимает лидирующие позиции в ЦФО.

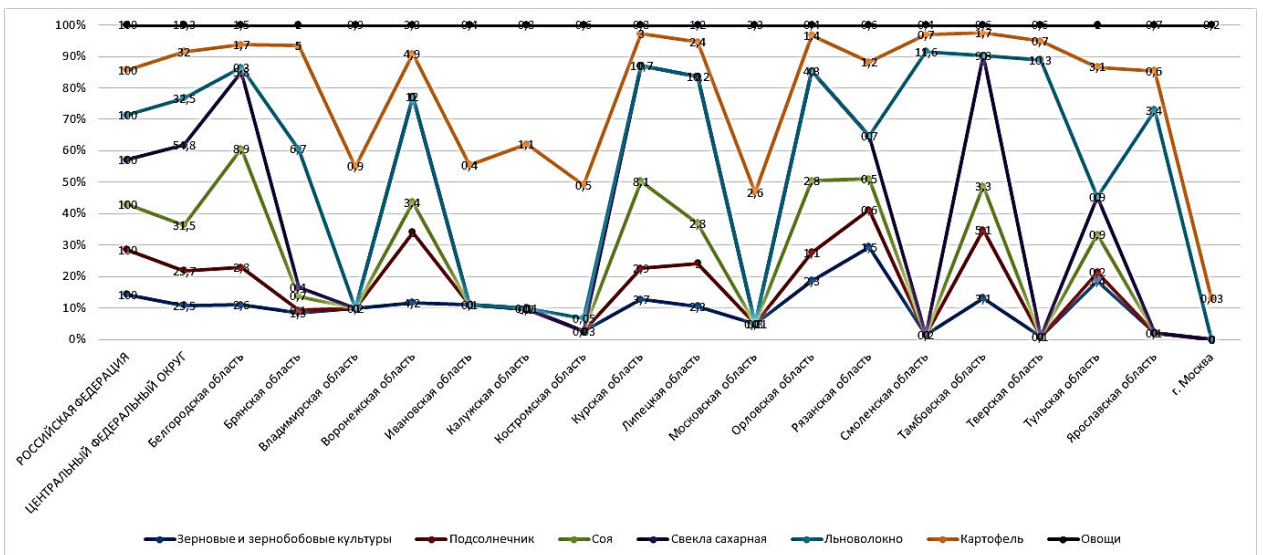

Рис. 1. Производство основных видов сельскохозяйственной продукции

Основными проблемами развития АПК Воронежской области являются:

- техническое и технологическое отставание сельского хозяйства, обусловленное недостаточным уровнем доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей для проведения модернизации;
- ограниченный доступ сельскохозяйственных товаропроизводителей к рынку в условиях несовершенной инфраструктуры;
- постоянно растущая монополизация торговых сетей;
- крайне низкие и медленные темпы развития сельских территорий, что приводит к оттоку трудоспособного населения, и, особенно молодежи.

Среди ключевых проблем стоит отметить проблему повышения конкурентоспособности АПК Воронежской области, а также обеспечение уровня доходности сельскохозяйственных товаропроизводителей. Поэтому необходимо определить мероприятия по совершенствованию организации и управления АПК; обеспечить сельхозорганизации в специалистах с высшим профессиональным образованием; активизировать инвестиционные процессы в АПК; развивать кооперацию и интеграцию; обеспечивать хозяйства населения качественным семенным материалом и молодняком животных; оказывать помощь в переработке и продаже продукции; повысить доступность кредитных ресурсов и т.д. [1].

Динамика поступательного развития АПК Воронежской области региона будет определяться следующими тенденциями (рис.2).

Рис.2 Тенденции развития АПК Воронежской области [2]

Таким образом, результаты в современном развитии АПК Воронежской области показывают необходимость в освоении новых стратегических ниш агропродовольственного рынка, укрепления связей между регионами и конечно же, повышения уровня жизни сельского населения, которое является главной производительной силой.

Поэтому стратегическая цель развития АПК региона заключается в обеспечении устойчивого роста экономики, укрепления позиций Воронежской области в национальном и мировом экономическом пространстве.

Исследование выполнено при поддержке Гранта РФФИ 16-46-360686 р_а «Информационно-аналитическая система прогнозирования социально-экономического развития Воронежской области»

Литература

1. Закшевский В.Г. Стратегирование социально-экономического развития АПК Воронежской области//Островские чтения. -Саратов: Изд-во Институт аграрных проблем РАН, 2016.– № 1. – С. 83-88.
2. Комов И.В., Яковенко Н.В. Агропромышленный комплекс как конкурентное преимущество социально-экономического развития Воронежской области //Интернет-журнал «Науковедение» Т.8, №1(2016)/[Электронный ресурс. Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/18EVN116.pdf>].
3. Яковенко Н.В.https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=596409, Комов И.В., Диденко О.В. Стратегическая конкурентоспособность региона: теоретические аспекты исследования// Наука Красноярья. 2017, Т. 6, № 1-3, С. 93-96.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Т.И. Яськова

Смоленский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова, Россия

e-mail: yaskova_t@mail.ru

Аннотация: В статье приведены результаты исследования современного инвестиционного рынка Смоленской области. Рассмотрены направления реализации актуальных инвестиционных проектов и их влияние на социально-экономическую модернизацию региона. Дается ответ на вопрос отвечает ли структура инвестиционного рынка приграничной и пристоличной Смоленской области общемировым тенденциям – переходу к постиндустриальному типу развития. Делается вывод о закреплении региона на позициях сырьевой периферии с ориентацией на интенсификацию использования традиционных ресурсов.

Ключевые слова: модернизация, социально-экономическая трансформация, инвестиции, Смоленская область, региональное развитие, пристоличное положение, приграничное положение.

Введение и постановка проблемы. Как правило, реализация крупных инвестиционных проектов рассматривается не только с позиции вложения средств в расширение бизнеса, но и как инновационный проект, стимулирующий модернизацию во всех сферах общественной жизни и в конечном итоге кардинально улучшающий качество жизни населения – процессы, в которых остро нуждаются депрессивные регионы [4]. От активизации мер по сдерживанию отрицательных тенденций будет зависеть не только динамика регионального развития Смоленской области, но и в целом успех интеграционных процессов между двумя добрососедскими республиками – Россией и Беларусью.

Региональная инвестиционная политика осуществляется на фоне нарастающей конкуренции регионов, создания благоприятных условий ведения бизнеса и комфортных условий проживания, так необходимых для сохранения и преумножения человеческого капитала. При прочих равных условиях люди выбирают такое сочетание экономических, социальных, климатических показателей, которые делают их пребывание на постоянном месте жительства максимально комфортным. Однако без серьезных частных инвестиций в развитие территории создание таких условий вряд ли возможно. Поэтому «борьба за жителя» есть во многом результат «борьбы за производителя» [8].

Реосвоение (термин, заимствованный из статьи В.Л. Бабурина [1]) регионов российско-белорусского приграничья требует, помимо поддержания благоприятных внешнеполитических условий, повышения степени использования инновационного потенциала, создания рабочих мест, отвечающих нуждам постиндустриальной экономики. В данной статье целью ставится выявить ключевые отраслевые ниши, привлекающие внимание

инвесторов, и являющиеся, одновременно, своего рода конкурентными преимуществами территории. На наш взгляд, интересно проследить, отвечает ли структура инвестиционного рынка приграничной Смоленской области общемировым тенденциям – переходу к постиндустриальному типу развития, наиболее полно описанному Д. Беллом [9]. По его мнению, основными экономическими секторами постиндустриального общества становятся третичный (транспорт, коммуникации), четвертичный (торговля, финансы, страхование, недвижимость) и пятеричный (здравоохранение, образование, наука, управление, отдых), а их несущей конструкцией выступают транснациональные сетевые структуры.

В качестве гипотезы выдвигается мысль о том, что Смоленская область интересует инвесторов, прежде всего, как производственная площадка, а основным путем модернизации территории является интенсификация использования имеющихся ресурсов. Вместе с тем открытым остается вопрос относительно факторов определяющих инвестиционную привлекательность и создающих условия для модернизации территории. Согласно докладу Всемирного банка 2009 г., одним из базовых факторов, формирующих условия для модернизации в современном мире, является пространственная концентрация населения, создающая рынок потребления товаров и услуг, обуславливающая развитие инфраструктуры [10]. Иного мнения придерживается Р. Флорида – один из самых цитируемых экономистов современности. Своими исследованиями он показал, что численность экономически активного населения не является условием экономического развития территории [5], важнее его качество и творческие способности. Однако расположенная в активной трофической зоне Москвы, Смоленская область постоянно теряет свои людские ресурсы и вынуждена искать иные источники для роста или хотя бы стагнации протекающих негативных процессов.

Обзор ранее проведенных исследований. Воздействие инвестиций на социально-экономическую модернизацию региона – довольно распространенная тематика исследований как отечественных, так и зарубежных ученых, главным образом, специалистов в области экономики. В их числе – работы О.В. Кузнецовой, Н.В. Зубаревич, М.Д. Горячко, А.И. Гладышевского, Л.И. Абалкиной и др., раскрывающие вопросы инвестиционной политики и содержащие оценку эффективности проектов. В то же время, в таких исследованиях не всегда уделяется внимание выделению ключевых направлений инвестиционных вливаний, необходимых для модернизации регионов.

Полученные результаты и их обсуждение. Согласно основным положениям общей теории Д. Кейнса, решающая роль в развитии региональной экономики принадлежит инвестициям. Рост инвестиций и связанные с ними инновации будут стимулировать вовлечение в экономическую деятельность дополнительных работников, что ведет к увеличению занятости, валового внутреннего продукта и потребления. На инвестиционные проекты возлагают надежды, как на движущие силы

модернизации, меняющие социально-экономическую среду региона, способствующие его функциональной трансформации в соответствии с нуждами современной экономики. Наличие мест приложения труда стягивает, или, как минимум, удерживает население, концентрируя его в точках роста. Это, в свою очередь, способствует сохранению системы социального обеспечения, образования, здравоохранения, развитию торговли.

Основным мероприятием Администрации Смоленской области в рамках модернизации территории является активизация инвестиционной политики, направленной «на развитие точек инвестиционного роста, проектов, в максимально-равномерной степени расположенных по территории области» [3, с. 11]. Однако главными площадками, на которые направлена активность инвесторов, остаются районы, тяготеющие к Москве, расположенные вдоль главных осей развития, прохождения крупнейших транспортных артерий, сочетающие исключительное положение с развитой инфраструктурой. Особое внимание инвесторов сфокусировано на площадках пристоличных Гагаринского, Сычевского, Холм-Жирковского, Новодугинского, Вяземского, Дорогобужского районов, обладающих двумя наиболее важными по Л.Б. Вардомскому, компонентами инвестиционной привлекательности: выгодным положением относительно рынка сбыта (столичная агломерация) и, в ее же лице, выгодным положением относительно региона-инвестора [2, с. 24]. Те же факторы размещения прослеживаются относительно южных районов области, реализующих крупные, совокупной стоимостью более 5,5 млрд руб., инвестиционные аграрные проекты. Только в данном случае центром притяжения является соседняя Брянская область – место базирования агропромышленного холдинга «Мираторг» (рис. 1). Еще недавно позволительно было в число очевидных преимуществ таких районов включить необходимый для осуществления проектов технический и интеллектуальный потенциал, но на фоне развития глобальной науки и техники, а также значительно усилившегося сжатия образовательного пространства (отток интеллектуального потенциала в образовательные учреждения Москвы и Санкт-Петербурга), делает такие высказывания неактуальными. Более того, в условиях национального предпринимательского менталитета, туманной перспективы макроэкономического развития страны и нарастающей технологической изоляции, организации и предприятия не рискуют инвестировать в новые технологии. Согласно данным опроса 80 членов советов директоров крупных российских компаний из 14 отраслей, проведенным PricewaterhouseCoopers, 72% экспертов считают внедрение цифровых технологий стратегически важным. Однако 37% из них не используют на своих предприятиях никакие новые технологии [14]. Подобной статистики по предприятиям региона не ведется, однако с уверенностью можно утверждать, что в данном случае процентные соотношения будут не в пользу Смоленской области. Подтверждением тому служат результаты нескольких экспертных интервью, проведенных автором.

Не последнюю роль в модернизации экономики под влиянием инвестиций играют объемы вкладываемых средств. Суммарные вложения инвесторов, реализующих в текущем году проекты в области, составляют 73683 млн руб. Для сравнения, в соседней Брянской области этот показатель равен 349517 млн руб. [11], в Тверской – 411627 млн руб. [13]. Было бы методически правильным составить рейтинг регионов-соседей Смоленщины по этому показателю, но Калужская область не предоставляет в открытом доступе данные по объемам инвестиций, а на сайте инвестиционного портала Псковской области отсутствует актуальная информация.

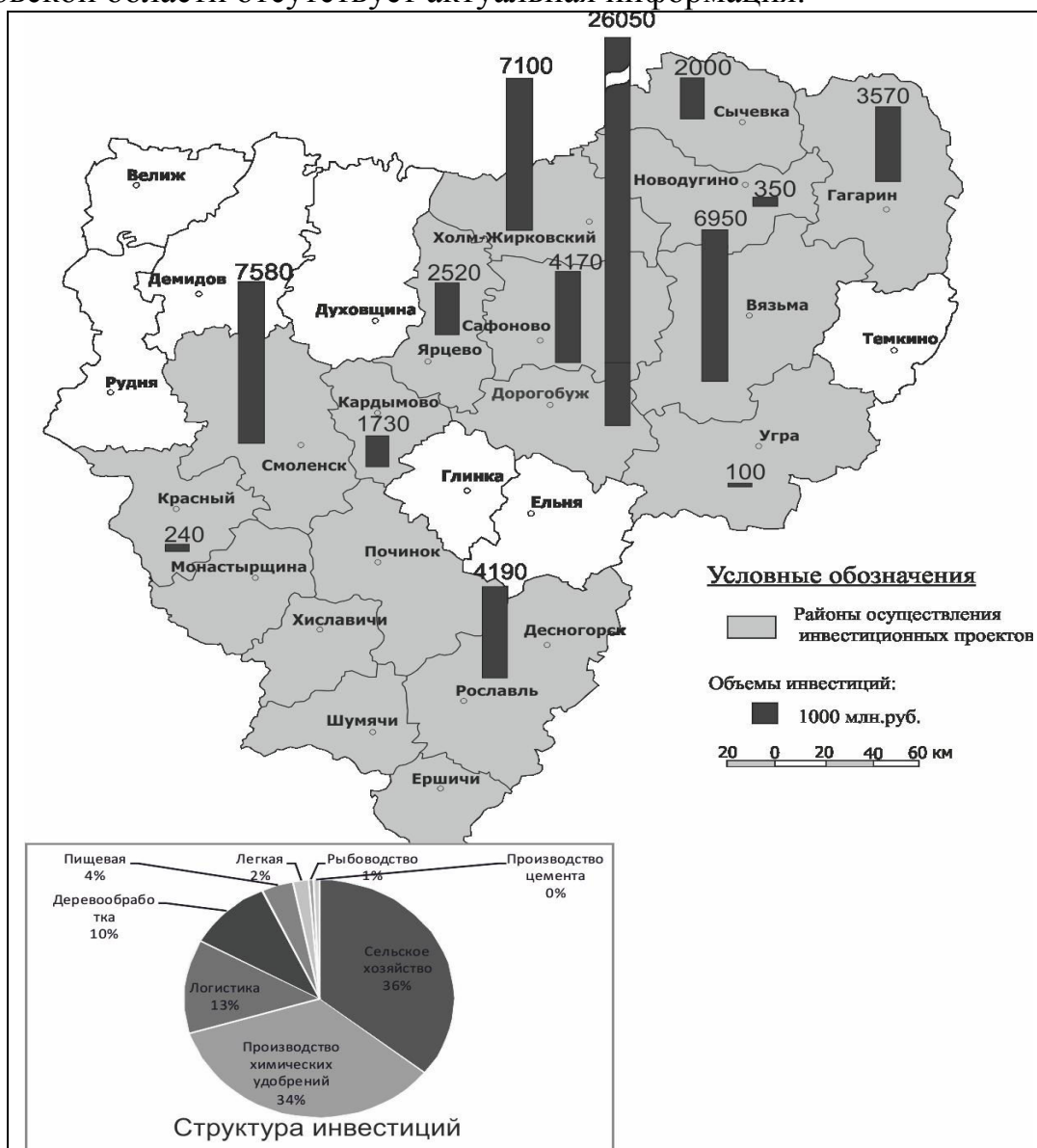

Рис.1. Отраслевая и территориальная структура реализуемых инвестиционных проектов*

*Составлено автором по: [12]

Наибольший интерес представляют проекты, размер вложений в которые является значимым для экономики региона. В соответствии с критериями Инвестиционного фонда РФ – более 5 млрд руб. В 2018 году на стадии реализации находятся четыре крупных проекта: в сфере сельского

хозяйства, логистики, деревообработки и самый крупный – строительство завода по производству сложных фосфоросодержащих удобрений.

В целом отраслевая структура инвестиционных вложений выглядит традиционно для специализации региона. Благодаря столичным инвесторам ООО «Инвест Холдинг» и мясопромышленной компании «Останкино», а также агропромышленному холдингу «Мираторг», которые владеют здесь производственными мощностями и большими посевными площадями, доля сельского хозяйства составила немногим более трети (36%). Кипрская компания Terasta Enterprises Limited в лице столичной группы компаний «Акрон» инвестировала в строительство завода по производству фосфорсодержащих удобрений и модернизацию уже существующего производства 25600 млн руб., став абсолютным лидером среди инвесторов и обеспечив гарантии трудоустройства 350 жителей г. Дорогобужа и его спутника – поселка Верхнеднепровский.

В отличие от сельского хозяйства логистика стала для региона отраслью специализации сравнительно недавно. Сочетание выгод приграничного и пристольного положения позволило размещать на территории Смоленщины выносимые из Москвы и ближнего Подмосковья логистические центры и таможенные терминалы [7, с. 115-119]. Создание логистического сектора экономики, связанного с промышленно-кластерной технологией, позволит не только уменьшить транспортную нагрузку на столичный регион, но и привлечь в область новых инвесторов. Развитие системы логистических терминалов способно оказать положительное влияние на экономические показатели развития Смоленской области и доходы малого и среднего бизнеса в случае интенсивного включения в процесс обслуживания грузопотоков (услуги в сфере логистики, контроль за техническим состоянием магистрали, гостиничное обслуживание, общественное питание и др.). В ближайшей перспективе – размещение компанией «ИКС 5 Ритейл Групп» крупного распределительного центра по длительному хранению, переработке и продаже овощей и фруктов в столице региона, куда будут поставляться, в том числе, товары местного производства. Учитывая выгодное транспортно-географическое расположение Смоленской области, будущий распределительный центр станет достаточно эффективным пунктом обработки импортной продукции.

Благодаря близости подмосковного рынка сбыта и наличию сырьевой базы, в регионе активно развивается деревообрабатывающее производство. На его долю в структуре инвестиционных потоков приходится 10 % всех вложенных средств. Прочие отрасли суммарно оттягивают на себя порядка 7 % инвестиций. Преимущественная ориентация рынка сбыта предприятий по производству цемента, пищевой и легкой промышленности на местного потребителя не позволяет привлечь в указанные отрасли значительные финансовые вливания. Исключением стал проект модернизации хлопчатобумажного комбината (город Ярцево), изготавливающего ткани для производителей мягкой мебели ИКЕА.

Одним из главных результатов реализации текущих инвестиционных проектов является создание, как заявлено декларативно, десяти тысяч новых рабочих мест. Рост занятости и локальное повышение доходов, несомненно, дадут положительный результат, однако характер реализуемых проектов предполагает рост спроса почти исключительно на рабочие специальности, оставляя надежды на модернизацию социальной среды под влиянием креативного класса за бортом сложившихся тенденций.

Выводы. Результаты проведенного исследования текущего состояния инвестиционного рынка Смоленской области позволяет сделать ряд выводов.

Для Смоленской области остаются приоритетными традиционные сферы инвестиционных вложений, преимущественное развитие которых свойственно для индустриального этапа развития экономики. В структуре интересов инвесторов преобладают традиционные, не инновационные производства, ориентированные на стандартизированные продукты. В рамках территориального разделения труда в системе «центр–периферия» Смоленская область преимущественно выполняет функцию процессинга и прочно закрепила на позиции сырьевой периферии, что еще больше усиливает различия между регионом и центром – столичной агломерацией, ослабляя периферию [6, с. 33]. Таким образом, структура инвестиционного рынка Смоленской области не отвечает тенденциям перехода к постиндустриальному типу развития.

Ключевой тенденции модернизационного процесса выступает интенсификация использования базовых ресурсов – сырья, основных фондов предприятий, свободных полевых и пастбищных площадей, выведенных из оборота вследствие разорения местных производителей. Фактор концентрации населения имеет второстепенное значение. Исключения составляют только логистические центры, требующие от 500 до 4000 новых сотрудников. Потери населения, в том числе сельского, в результате естественного движения и миграционной убыли не являются серьезной проблемой для размещения предприятий аграрного сектора – современные производственные комплексы характеризуются низкими удельными трудозатратами – в среднем чуть более 50 чел. на одно предприятие. Совершенно не прослеживается ориентация инвестиционных проектов на интеллектуальный потенциал региона. Новые предприятия, как уже было сказано выше, ориентированы на трудоустройство представителей рабочих специальностей.

Вклад крупного бизнеса в экономику Смоленской области приводит к значительной степени зависимости последней от политики собственников предприятий, центры управления которыми находятся, как правило, за пределами региона. Уход от сложившейся зависимости в сторону большей самостоятельности возможен за счет развития сектора услуг. Однако вызывает определенные тревожные чувства отсутствие на стадии реализации проектов, направленных на развитие рекреационной составляющей региона и его туристской привлекательности. В условиях нарастающего экономического кризиса, падения реальных располагаемых доходов

населения, инвесторы не рискуют вкладывать средства в проекты с длительным периодом окупаемости. Хотя опыт более «зажиточных» годов конца 2000-х – начала 2010-х свидетельствует о потенциальном интересе инвесторов к данному направлению [7, с. 124].

Активность инвесторов сосредоточена главным образом в пристоличных районах и районах прохождения транспортных коридоров, ориентируясь на экспортно-импортные потоки, что усиливает дисбаланс развития территории, приводя к еще большему «сжатию пространства». В то же время, увеличение налоговых поступлений в региональный бюджет даст возможность усилить меры по восстановлению пространственной связанности области и компенсировать негативные тенденции развития периферийных районов.

Исследование проведено при поддержке РФФИ в рамках проекта №17-22-01008 «Социально-экономическая модернизация, структурные трансформации и конкурентоспособность регионов российско-белорусского приграничья»

Литература

1. Бабурин В.Л. Подходы к оценке социально-экономической эффективности развития транспортно-коммуникационной инфраструктуры в Сибири и на Дальнем Востоке // Региональные исследования. №2 (60). 2018. С. 25 – 31.
2. Вардомский Л.Б. Инвестиционные риски и региональное развитие. Полюса и центры роста в региональном развитии: сборник статей под ред. Ю.Г. Липеца. М.: ИГРАН, 1998. С. 21-26., с. 24
3. Главный приоритет экономической стратегии региона // Ведомости Смоленской торгово-промышленной палаты. 2007. №9. С. 10 – 12.
4. Горячко М.Д. Оценка влияния крупных инвестиционных проектов России на социально-экономическое развитие регионов // Региональные исследования. 2014. №4(46). С.88-100
5. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. Пер. с англ. Н. Яцюк; [науч. ред. Р. Хусаинов]. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 384 с.
6. Яськова Т.И. Пристоличный регион как реципиент кризисных явлений: взгляд на проблему сквозь призму географической теории // Региональные исследования. 2010. №1(27). С. 29 – 38.
7. Яськова Т.И. Пристоличное положение как фактор социально-экономического развития Смоленской области: дисс. ... канд. геогр. наук: 25.00.24: Смоленск., 2014. 182 с.
8. Kuklinski A. Globality versus locality. – Warsaw: Institute of Space Economy, 1990. 356 s.
9. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting, by Daniel Bell. New York: Basic Books, 1973.
10. World Development Report 2009. Reshaping Economic Geography. WorldBank, 2009.
11. Инвестиционный портал Брянской области. URL: <https://invest32.ru/> (дата обращения 10.09.2018).
12. Инвестиционный портал Смоленской области. URL: <https://smolinvest.com/> (дата обращения 09.09.2018).
13. Инвестиционный портал Тверской области. URL: <http://www.tverinvest.ru/> (дата обращения 10.09.2018).

14. Почему российским директорам не нужны прорывные технологии. Газета «Ведомости». 12 сентября 2018 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2018/09/12/780615-ne-nuzhni-prorivnie> (дата обращения 12.09.2018).

РАЗДЕЛ 2. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРЫ И РАССЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ СТАРЕНИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕГО ПОТЕНЦИАЛА

Е.А. Антипова

Белорусский государственный университет, Беларусь
e-mail:antipovaekaterina@gmail.com

Аннотация: В статье проведен анализ трендов, масштабов и пространственных различий демографического старения в приграничных с Россией регионах Беларуси на основе национальной статистики за период 1999 – 2015 гг. Определен высокий уровень старения, соответствие среднеевропейскому показателю и разнонаправленные тренды динамики численности населения в возрасте 60+ лет в приграничных с Россией регионах Беларуси. Выявлен различный характер динамики численности городского и сельского пожилого населения и специфика приграничных регионов. В целом, среди городских жителей численность пожилого населения увеличивается, среди сельских – сокращается. Региональная дифференциация уровня старения в приграничных с Россией регионах Беларуси проявляется в формировании своеобразной меридиональной дуги с относительным понижением уровня старения с севера на юг.

Ключевые слова: старение населения, приграничные регионы, тренды старения, различия «город-село», региональная дифференциация.

В XXI в. старение населения характерно всем регионам и странам с различным уровнем развития. В 2017 г. доля лиц в возрасте 60+ лет составляла 13 %, в то время как еще в 2015 году этот показатель составлял 12,3 %. Европа выступает регионом с наибольшей долей данной возрастной группы в структуре населения – 25 % [1].

Наибольшая численность пожилого населения характерна для стран Восточной и Западной Европы – 43 и 38 млн чел. соответственно. В то же время наиболее выраженной регрессивной возрастной структурой населения характеризуются страны Южной и Западной Европы, где более 26 % населения находятся в возрасте 60+ лет и 20 % в возрасте 65+ лет.

Главным трендом старения населения в Беларуси является положительная динамика старшей возрастной группы, единственной в структуре населения с подобной динамикой в последние годы. В настоящее время численность населения в возрасте 60+ лет в стране составляет 1845 тыс. чел, или 19,5 % в структуре населения. Эти показатели меньше, чем в среднем в европейском регионе, однако, как по шкале ООН, так и по шкале Ж. Боже-Гарнье – Э. Росета они оцениваются как очень высокий уровень демографического старения.

Распределение пожилого населения в приграничных с Россией регионах Беларуси характеризуется пространственными различиями. Наибольшая численность населения в возрасте 60+ лет характерна для

Гомельской области, где проживает более 273 тыс. человек данной возрастной группы. В то же время наиболее постаревшая возрастная структура представлена в Витебской области. Здесь более, чем каждый пятый житель находится в возрасте 60+ лет. Наименьшей численностью населения в возрасте 60+ лет среди приграничных регионов характеризуется Могилевская область (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности населения в возрасте 60+ лет в приграничных с Россией регионах Беларуси [сост. по 2]

Приграничные регионы	1999		2017		Прирост/сокращение численности населения за период 1999 - 2017 гг.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Витебская	268,7	19,5	273,2	23,0	4,5	1,7
Гомельская	292,7	18,9	299	21,0	6,3	2,2
Могилевская	233,1	13,4	229,2	21,5	-3,9	-1,7
Республика Беларусь	1832,1	18,2	1996,8	21	164,7	9,0

Приграничные с Россией регионы Беларуси по характеру динамики численности населения в возрасте 60+ делятся на две группы – с отрицательной и положительной динамикой. В двух областях – Витебской и Гомельской - отмечен рост численности населения данной возрастной группы. В Могилевской области происходит ее сокращение.

Оценка уровня демографического старения в приграничных регионах Беларуси свидетельствует, с одной стороны, о соответствии тренда регионов общему тренду демографического старения в стране – доля населения в возрасте 60+ лет увеличивается, с другой стороны, о региональной специфике, в основе которой лежат локальные факторы. В 1989 году все приграничные регионы Беларуси перешли 12 % отметку доли населения в возрасте 60+ лет, что свидетельствовало о вступлении нашей страны в качественно новую стадию демографического развития – старение. В 1999 г. большинство регионов (за исключением Могилевской области) перешли 18 % отметку по шкале Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета, что означало наступление стадии очень высокого уровня старости. В настоящее время наиболее демографически постаревшей среди приграничных является Витебская область, где доля лиц в возрасте 60+ лет превышает 20 % (см. табл. 1).

В Витебской области демографическому старению способствовал устойчивый внутривнутриреспубликанский миграционный отток молодого трудоспособного населения в другие регионы и последовавшее за этим более раннее наступление депопуляции. Различия в факторах демографического старения в приграничных регионах подтверждаются их принадлежностью к разным демографическим зонам Беларуси. Витебская область, в частности, относится к зоне неблагоприятной демографической ситуации [3].

Для городского и сельского населения, как в целом для Беларуси, так и приграничных регионов, при сохранении общего положительного тренда демографического старения характерны значительные различия и разнонаправленные тенденции. Так, если за период 1989 – 2015 гг. численность населения в возрасте 60+ лет в городской местности неуклонно возрастала – с 660 тыс. чел. до 1250 тыс. чел., т.е. в два раза, то в сельской местности пожилое население сократилось – с 920 до 595 тыс. чел. Доля населения в возрасте 60+ лет в городах составляет в настоящее время 17,9 %, в сельской местности – 27,9 %.

Сельская местность Беларуси демографически постарела значительно раньше, чем городская. Это связано с «миграционным бумом» трудоспособного населения из села в город в 1959 – 1979 гг., последующим сосредоточением основной части населения пенсионного возраста в сельских населенных пунктах и последовавшим за этим более ранним проявлением демографического старения [4]. В результате этого в сельской местности резко увеличилась смертность населения, которая привела в настоящее время к условному «омоложению» постаревшей возрастной структуры сельских жителей в ряде административных районов. Прежде всего, это относится к приграничным районам трех областей, и районам в зоне радиоактивного загрязнения. Географически наибольшее количество таких районов расположено в Могилевской и Гомельской областях. Так, в 6 шести административных районах Гомельской области доля населения в возрасте 60+ лет превышает 30 % (напр. Лоевский, Наровлянский, Светлогорский и др.).

Наряду с этим, в сельской местности приграничья Беларуси отчетливо выделяются чрезвычайно демографически постаревшие районы. Например, в Ушачском районе Витебской области доля населения старше трудоспособного возраста превышает 35 %.

В городах приграничья Беларуси также повсеместно отмечен процесс демографического старения. Однако наибольшей долей населения старше трудоспособного возраста характеризуются малые города с численностью менее 20 тыс. человек: Барань, Браслав, Дубровно, Дисна, Сенно – в Витебской области. В них доля данной возрастной группы превышает 25 %.

Для населения Республики Беларусь также, как и для большинства развитых стран с активным демографическим старением, характерно явление долголетия. По данным за 2009 год в стране проживало 20,3 тыс. человек в возрасте 90+ лет, что составляет 0,2 % в структуре населения. Удельный вес данной возрастной группы в Беларуси отражает мировую тенденцию – в возрастной структуре населения мира по данным World Population prospect: the 2015 Revision доля населения в возрасте 90+ лет также составляет 0,2 %. Численность населения в возрасте 100+ лет в Беларуси составляет 598 человек. В расчете на 100000 жителей этот показатель равен 6,2 человека, что соответствует среднемировому показателю.

При общем согласовании базовых количественных показателей долголетия населения в Беларуси с мировыми, тренд долголетия в стране

характеризуется сокращением абсолютной численности населения данной возрастной группы. За 1999 – 2009 г. численность населения в возрасте 90+ лет уменьшилась на 22 %, численность населения в возрасте 100+ лет – на 37 %, что объясняется фактором уязвимости к смерти старших возрастных групп.

Сравнение динамики показателей долголетия населения в городской и сельской местности приграничья Беларуси позволило выявить ряд особенностей. В 1999 году большинство долгожителей проживало в сельской местности (табл. 2), что объясняется фактором более раннего и интенсивного демографического старения сельских регионов Беларуси в результате урбанизационного и миграционного бума 1960-х гг. В 2009 году ситуация изменилась существенно. В настоящее время долгожители Беларуси практически равномерно распределены между городами и сельской местностью. Данная тенденция объясняется, прежде всего, различиями в уровне развития социальной инфраструктуры между городом и селом. С данным фактором связаны и различия в трендах долголетия городского и сельского населения. Если за 1999 – 2009 гг. численность долгожителей в городах осталась практически неизменной, то в сельской она сократилась в 2 раза.

Таблица 2

Динамика численности долгожителей в приграничных с Россией регионах Беларуси [сост. по 2]

Приграничные регионы	Численность населения в возрасте 100+ лет, чел.					
	1999			2009		
	общая	город	село	общая	город	село
Витебская область	182	54	128	70	30	40
Гомельская область	123	30	93	70	28	42
Могилевская область	107	34	73	60	38	22
Республика Беларусь	942	279	663	598	278	320

Анализ регионального распределения долгожителей в Беларуси позволил установить отличительную особенность приграничья. Все три приграничные области характеризуются наименьшей численностью долгожителей в возрасте 100+ лет в их общей численности в стране.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Уровень старения в Беларуси соответствует средневропейскому и оценивается как чрезвычайно высокий. При этом в приграничных с Россией административных районах он отличается более высокими показателями. При общей положительной динамике численности населения в возрасте 60+ лет за 1989–2015 гг. в Беларуси отмечена разнонаправленность трендов демографического старения городского и сельского населения приграничных регионов Беларуси. Среди городских жителей численность пожилого населения увеличивается, среди сельских – сокращается. Региональная

дифференциация уровня демографического старения в приграничных с Россией регионах Беларуси проявляется в выделении 2 зон: полесской (Гомельская область) – с относительно высокой численностью, долей пожилого населения, близкой к республиканскому показателю, и положительной динамикой; и демографической периферии (Витебская и Могилевская области) – с наиболее постаревшей возрастной структурой, с наименьшей численностью пожилого населения и неустойчивой динамикой. Долголетие в Республике Беларусь должно выступать инструментом мониторинга здоровья нации, в то время как его положительная тенденция – признание устойчивого развития. Однако для приграничных с Россией регионов Беларуси характерна наименьшая численность населения в возрасте 100+ лет в их общей численности в стране.

Литература

1. Profiles of Ageing 2015. [Electronic resource]. Mode of access: <https://esa.un.org/unpd/popdev/Profilesofageing2015/index.html>. Date of access: 08.05.2017.
2. Демографический ежегодник Республики Беларусь 2016. Статистический сборник. Минск: Национальный статистический комитет, 2016. – 444 с.
3. Антипова Е.А., Трифонова З.А. Региональные различия масштабов демографического старения Беларуси и России // Журнал Белорусского государственного университета. География. Геология. № 1, 2017. – С. 36 – 49.
4. Антипова Е.А. Геодемографические проблемы и территориальная структура сельского расселения Беларуси. Минск: БГУ, 2008. – 327 с.

СРАВНИТЕЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

А.М. Астрелин¹, А.А. Еремин^{1,2}

¹Алтайский государственный университет, Россия

²Алтайский филиал Российской Академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ, Россия
e-mail: l-astrelin@mail.ru, eremin.alexey@mail.ru

Аннотация: В работе на основе данных Федеральной службы государственной статистики России представлен анализ особенностей развития демографической ситуации в приграничных субъектах Российской Федерации. Рассматриваются изменения государственных границ страны в последние десятилетия и вызванная этими изменениями динамика состава приграничных регионов. Представлен общий обзор демографического развития в регионах, расположенных по всему периметру российских границ. Анализируются численность населения и компоненты демографической динамики – естественный и миграционный прирост, оцениваются половозрастная структура населения, рождаемость и смертность. Делается вывод о большом разнообразии характеристик воспроизводства населения приграничных регионов, а также о наличии в большинстве из них тех или иных признаков демографического неблагополучия. Подчеркивается необходимость реализации в этих субъектах РФ сбалансированной и научно обоснованной демографической политики.

Ключевые слова: сравнительно-демографический анализ, приграничные регионы, рождаемость, смертность, половозрастная структура, естественный прирост,

миграционный прирост.

Данное исследование посвящено сравнительному анализу основных демографических показателей приграничных регионов современной России. Временные рамки исследования охватывают период после принятия Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. №1351 2007 года). В качестве информационной базы использовалась официальная статистка Федеральной службы государственной статистики России [4].

Российская Федерация обладает самой большой государственной границей в мире: её протяженность превышает 60 тыс. км. Россия, граничащая с 18 государствами, находится на первом месте по количеству стран-соседей в мире. После распада СССР и, как следствие, образования новых государств-соседей, большое количество регионов России стали приграничными [1].

Л.Б. Вардомский [2] определяет приграничные регионы как «регионы, примыкающие к сухопутной границе, либо к пограничным или территориальным водам, по которым проходит линия разграничения территории государства; содержащие участок пограничной зоны».

Понятие «приграничный регион» подразумевает, что входящая в него территория испытывает существенное влияние государственной границы, основными функциями которой являются барьерная, фильтрующая, контактная. Многие политические, экономические, гуманитарные трансформации в пространстве бывшего СССР с наибольшей силой проявляются в приграничных регионах [3].

Таблица

Приграничные регионы России

	<i>Регионы со старыми границами</i>	<i>Регионы с новыми границами</i>
1	Мурманская область	Псковская область
2	Республика Карелия	Смоленская область
3	Республика Тыва	Брянская область
4	Республика Бурятия	Курская область
5	Забайкальский край	Белгородская область
6	Амурская область	Воронежская область
7	Еврейская автономная область	Ростовская область
8	Хабаровский край	Краснодарский край
9	Приморский край	Карачаево-Черкесская республика
10	Сахалинская область	Кабардино-Балкарская Республика
11	Камчатский край	Республика Северная Осетия – Алания
12	Магаданская область	Чеченская Республика
13	Чукотский автономный округ	Республика Ингушетия
14	Республика Саха	Республика Дагестан
15	Красноярский край	Республика Калмыкия
16	Ямало-Ненецкий автономный округ	Астраханская область
17	Архангельская область	Волгоградская область
18	Ненецкий автономный округ	Саратовская область

19		Самарская область
20		Оренбургская область
21		Челябинская область
22		Курганская область
23		Тюменская область
24		Омская область
25		Новосибирская область
26		Алтайский край
27		Республика Крым

Рассмотрим последовательно основные составляющие демографического развития исследуемой территории.

Численность и размещение населения. Самыми малонаселенными приграничными субъектами России являются два северных региона – Ненецкий и Чукотский автономные округа – численность населения там не превышает 50 тыс. человек, в то же время они обладают довольно большими по площади территориями, в результате чего плотность населения данных регионов составляет 0,25 и 0,07 чел./км² соответственно. Также низкая численность населения отмечается в Магаданской области и Еврейской АО – 144 тыс. и 162 тыс. чел. соответственно. Ещё в 19 регионах численность населения не превышает 1 миллиона человек. Самыми же густонаселенными регионами являются субъекты, расположенные у южных окраин страны, а именно Краснодарский край, в котором насчитывается немногим более 5,6 млн чел., а также такие регионы, как Ростовская, Челябинская, Самарская области и Республика Дагестан, в каждом из которых проживает более 3 млн человек.

Стоит отметить, что большинство приграничных северных регионов обладают довольно большим территориями и относительно малым количеством населения, соответственно плотность населения там очень мала – не более 5 чел.км². На южных границах, в свою очередь, наблюдается обратная ситуация – субъекты обладают небольшой площадью территории, но большим населением, соответственно, плотность населения там гораздо выше и может превышать 130 чел.км² (в Республике Ингушетия).

Размещение городского и сельского населения в приграничных регионах крайне неравномерно. В некоторых субъектах, в основном это национальные республики, доля городского населения не достигает 50%, например, в Республике Алтай и в Чеченской Республике доля городского населения составляет 29% и 35% соответственно. Ещё в 10 регионах наблюдается примерно равное соотношение городского и сельского населения (это субъекты, расположенные на юге страны), но в целом, в большинстве регионов преобладает городское население – в среднем по приграничным регионам доля городского населения составляет 67%. Есть регионы, в которых практически отсутствует сельское население – так, в северных Мурманской и Магаданской областях его удельный вес составляет 8% и 4% соответственно.

Половозрастная структура населения. В приграничных регионах

ситуация с соотношением полов является таковой, что во всех субъектах, кроме Чукотского АО (там доля мужчин составляет 50,8%, на 1000 мужчин приходится 967 женщин) преобладает женское население, доля которого в среднем составляет 52–54%, наибольший половой дисбаланс наблюдается в Республике Ингушетия и Курской области – доля мужчин и женщин там составляет 45,4% и 54,6% соответственно, т.е. на 1000 мужчин приходится 1203 женщины.

Анализ трёх возрастных групп – населения дотрудоспособного, трудоспособного и послетрудоспособного возрастов – позволяет выявить некоторые особенности в возрастной структуре населения приграничных субъектов. В большинстве регионов удельный вес населения моложе трудоспособного возраста составляет менее 20%, но также присутствуют регионы и с очень большой долей лиц данной возрастной группы – это национальные республики, например, в Чеченской Республике и Республике Тыва доля молодого населения составляет 34,2% и 34,6% соответственно. Также между регионами наблюдается сильная дифференциация в группе трудоспособного населения – в некоторых регионах, зачастую, в северных, доля трудоспособного населения довольно высока, например, в четырех субъектах (Республика Дагестан, Камчатский край, Чукотский и Ямало-Ненецкий АО) доля трудоспособного населения превышает 60%. В то же время есть регионы, в которых этот показатель не достигает и 54%, к ним относятся Республика Крым, Алтайский край, Псковская область, Республика Алтай и Курганская область. В среднем в приграничных регионах доля людей трудоспособного возраста составляет порядка 55% - 58%. Ситуация с долей людей пожилых возрастов в населении регионов во многом противоположна ситуации с удельным весом населения дорабочих возрастов. В большинстве субъектов доля пожилого населения довольно высока: в 39 субъектах доля пожилых людей превышает 20%, в некоторых превышает 28% – в основном это староосвоенные территории в европейской части страны (Воронежская, Псковская, Курская, Смоленская и Курганская области), но также присутствуют регионы с минимальной долей людей пожилых возрастов, это такие субъекты, как Чукотский автономный округ (14,7%), Республика Дагестан (13,8%), Республика Ингушетия (12,6%), Ямало-Ненецкий автономный округ (11,6%), Республика Тыва (11,4%) и Чеченская Республика (10,4%).

Рождаемость и смертность. При рассмотрении ситуации с рождаемостью была проанализирована динамика суммарного коэффициента рождаемости (СКР), отражающего количество детей, рожденных одной женщиной в гипотетическом поколении за всю жизнь, за период 2007–2017 гг. Практически во всех регионах данный показатель к 2017 году увеличился по сравнению с 2007 годом, но, даже с учётом этого, СКР в большинстве регионов находится ниже границы простого воспроизводства населения (порядка 2,1 ребёнка на одну женщину). В настоящее время лишь в семи приграничных регионах СКР превышает 2 рождения на женщину – это Республика Тыва, Чеченская Республика, Республика Алтай, Ненецкий

автономный округ, Чукотский автономный округ, Республика Бурятия и Сахалинская область. В Белгородской, Саратовской, Воронежской, Смоленской и Ленинградской областях данный показатель не превышает 1,4 рождения на женщину.

Наряду с рождаемостью, вторым важнейшим демографическим процессом выступает смертность. Для анализа ситуации со смертностью в приграничных регионах России проанализируем такие показатели как общий коэффициент смертности (ОКС) и ожидаемую продолжительность жизни. Динамика общего коэффициента смертности положительна абсолютно во всех приграничных регионах России – нет региона, в котором показатель ОКС в 2007 году был бы выше показателя ОКС в 2017 году. Но, несмотря на это, во многих регионах данный показатель до сих пор очень высок. Так, например, в 4 субъектах западной части страны (Псковская, Курская, Смоленская и Брянская области) ОКС превышает 15‰. Ещё в 29 субъектах данный показатель выше 10‰ и лишь в 13 субъектах (национальных республиках и автономных округах) он не превышает 10‰, а в Республике Дагестан, Чеченской Республике и Республике Ингушетия он равен 5,1‰, 4,6‰ и 3,2‰ соответственно.

Такой показатель как средняя ожидаемая продолжительность жизни отражает число лет, которое может прожить один человек в среднем из данного поколения родившихся при условии, что на всем протяжении жизни этого поколения смертность в каждой возрастной группе будет оставаться неизменной на уровне расчетного периода. На 2017 год в приграничных регионах России ситуация обстоит следующим образом: лидерами выступают 6 национальных республик, расположенных на Северном Кавказе, а именно: Республика Ингушетия (81,59 лет), Республика Дагестан (77,79 лет), Карачаево-Черкесская Республика (75,94 лет), Кабардино-Балкарская Республика (75,81 лет), Республика Северная Осетия (Алания) (75,51 лет) и Чеченская Республика (74,84 года). Самые низкие показатели отмечены в Чукотском АО и Республике Тыва – ожидаемая продолжительность жизни там составляет немногим более 66 лет. В целом показатели средней ожидаемой продолжительности жизни в приграничных регионах невысокие: в 27 регионах данный показатель не превышает 72 лет – в основном это северные и восточные регионы страны с тяжелыми условиями жизни и труда. Но динамика данного показателя положительная – с каждым годом во всех субъектах ожидаемая продолжительность жизни увеличивается.

Естественный и миграционный прирост. Ситуация с естественным приростом населения в приграничных регионах РФ в 2017 году сложилась таким образом, что в 28 регионах наблюдалась естественная убыль населения (коэффициент естественного прироста в среднем -3‰). Худшие показатели отмечены у западных границ страны: в Псковской (-7,9‰), Смоленской (-6,4‰), Курской (-5,9‰) и Брянской (-5,8‰) областях. В 20 регионах наблюдался естественный прирост, лучшие показатели, что не удивительно, отмечены в национальных республиках Северного Кавказа и юга Сибири: Республике Дагестан (11,3‰), Республике Ингушетия (13,1‰), Республике

Тыве (13,2‰) и Чеченской Республике (17,4‰). Проанализировав ситуацию с естественным приростом в динамике, можно сказать, что к 2017 году в большинстве регионов данный показатель увеличился, наиболее явно эта тенденция была выражена на территориях, где положение было особенно неблагоприятным. В нескольких субъектах данный показатель даже снизился, однако коснулось это в первую очередь тех территорий, которые обладали и до сих пор обладают положительным естественным приростом, например, это такие регионы, как Чеченская Республика, республики Алтай, Калмыкия и Бурятия. Если оценивать динамику данного показателя в целом по всем приграничным регионам, то видно ежегодное увеличение данного показателя до 2014 года (когда в среднем естественный прирост равнялся 2‰), после которого следует спад и в 2017 году естественный прирост населения в приграничных регионах составил лишь 0,5‰ – то есть показатель близкий к показателю 2009 года (0,6‰).

Ситуация с миграционным приростом обстоит несколько иным образом: положительный миграционный прирост в 2017 году наблюдался в 14 приграничных регионах России, в остальных же 34 наблюдалась естественная убыль. Лидерами по данному показателю в 2017 году были Ленинградская (17,1‰), Тюменская (11,4‰), Калининградская (9,9‰) области и Краснодарский край (6,2‰). Собственно, данные регионы являются лидерами на всём протяжении рассматриваемого периода. Довольно интересная ситуация в Республике Ингушетия – с 2010 по 2014 год в данном регионе наблюдался миграционный отток (в среднем -14,3‰), но в 2011 году по данным официальной статистики данный показатель составил 14,8‰, впрочем, затем он ежегодно уменьшался и в 2017 году составил 2,5‰. Наибольший миграционный отток населения как в 2017 году, так и на всём исследуем периоде, зачастую наблюдается в регионах с наиболее тяжелыми условиями или низким уровнем жизни. Худшие показатели миграционного прироста в 2017 году отмечались в Магаданской области (-9,6‰), Республике Калмыкия (-9,6‰), Еврейской АО (-11,9‰) и Чукотском АО (-13,2‰).

Проведенный сравнительно-демографический анализ позволил выявить различия, наблюдаемые в воспроизводстве населения приграничных регионов России. Выяснилось, что современная демографическая обстановка различается от региона к региону, но в большинстве субъектов РФ наблюдаются выраженные черты неблагоприятной демографической ситуации, обусловленные теми или иными факторами.

Так, в настоящее время в большинстве приграничных регионов России наблюдается естественная убыль населения, редко где суммарный коэффициент рождаемости находится выше границы простого воспроизводства населения, а продолжительность жизни варьирует в больших пределах. Многие территории испытывают миграционный отток населения. Помимо этого, в демографическом развитии субъектов РФ присутствуют негативные черты долгосрочного характера – далекое от оптимального соотношение основных возрастных групп и контингентов, значительный дисбаланс в половой структуре. Все это, очевидно,

отрицательно сказывается на социально-экономическом развитии приграничных регионов и страны в целом. Данные факты требуют особого внимания со стороны руководства страны и ее отдельных территорий, причем мероприятия демографической политики целесообразно дифференцировать в региональном разрезе с учетом местной специфики.

Литература

1. Ангапова О.Г. Классификация приграничных регионов России // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 2. С. 76-80.
2. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / под ред. Л.Б. Вардомского, С.В. Голунова. М., Волгоград: НОФМО, 2002. 572 с.
3. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 495 с.
4. Демография [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

О.Е. Гагауз, Т.В. Табак

*Национальный Институт Экономических Исследований,
Республика Молдова*

e-mail: gagauzo@inbox.ru, tania.tabac@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена анализу демографической ситуации в Республике Молдова и ее влиянию на социально-экономическое развитие страны. Высокий уровень эмиграции населения привел к существенному сокращению численности населения, а также оказывает негативное влияние на динамику рождаемости и смертности. За межпереписной период (2004-2014 гг.) численность населения страны сократилась на 385 тыс. и, как показывают демографические прогнозы, тенденция депопуляции будет сохраняться и в последующие десятилетия. Демографическая динамика характеризуется ежегодным сокращением числа рождений, вызванным уменьшением численности женщин репродуктивного возраста, а высокий уровень смертности населения, особенно в трудоспособных возрастах, ведет к преждевременной потере человеческого потенциала.

Демографический спад может привести к сокращению экономического роста, ухудшению деловой среды, а также к снижению уровня потребления и производства. Старение населения неизбежно ведет к увеличению нагрузки на систему социального обеспечения, расходов на здравоохранение и др.

Ключевые слова: депопуляция, эмиграция, демографические процессы, социально-экономическое развитие, Республика Молдова.

После обретения независимости в августе 1991 года Республика Молдова прошла очень сложный путь экономических, политических и социальных преобразований. Провозглашение демократии со свободными выборами, свободная общественная полемика, расширение гражданских прав и свобод, либерализация экономики и развитие рыночных отношений,

казалось, открывают новые возможности для развития страны и достижения социального благополучия в различных сферах. Однако результаты более чем двух десятилетий оказались не столь однозначными, как ожидалось.

К настоящему времени Республика Молдова является одной из самых бедных стран не только Европы, но и СНГ. По данным Международного Валютного Фонда только два государства Центральной Азии (Кыргызстан и Таджикистан) имели в 2017 г. ВВП на душу населения ниже, чем в Республике Молдова, тогда как Чехия в 6,3 раз больше, Румыния в 4,3 раза, Болгария в 3,8 раза, Албания более чем в два раза. Экономика Республики Молдова в основном растет за счет денежных переводов трудовых мигрантов, внешних заимствований и развития сферы услуг. Объем инвестиций растет медленно и до сих пор не созданы фундаментальные основы для устойчивого социально-экономического роста.

Вооруженный конфликт в Приднестровье 1992 года привел к дезинтеграции страны и усугубил социально-экономическую и политическую ситуацию. И хотя на политической карте мира данная территория является частью Республики Молдова, официальные власти Республики Молдова не имеют над ней контроля и уже четверть века идет раздельное развитие двух регионов (правобережья и левобережья).

Сложная социально-экономическая ситуация, бедность, отсутствие рабочих мест в конце 90-х годов прошлого столетия привели к массовой трудовой миграции населения, которая для многих мигрантов закончилась окончательной сменой постоянного места жительства.

Депопуляция и демографическое старение населения является одной из основных проблем на ближайшие десятилетия, оказывающей существенное влияние на социально-экономическое развитие страны и возможность обеспечения устойчивого роста экономики.

Сложившиеся к настоящему моменту тенденции – отсутствие работы, особенно в сельской местности, малый объем внутреннего рынка, массовая эмиграция населения, снижение потребительской активности и численности потребителей в целом, дефицит квалифицированных трудовых ресурсов – способствуют воспроизводству все более ухудшающейся демографической и экономической ситуации.

Согласно данным Национального бюро статистики (НБС) по состоянию на 1 января 2017 г. численность населения Республики Молдова составила 3550,9 тыс. Однако, эти данные включают и мигрантов, отсутствующих в стране 12 месяцев и более, то есть выехавших когда-то за границу, но не снявшиеся с учета с постоянного места жительства. Данные переписи населения и жилищ 2014 г. показывают, что численность населения страны существенно сократилась и составляет 2998,2 тыс., из которых наличное население составляет 2789,2 тыс. Таким образом, за межпереписной период численность населения сократилась на 385 тыс. (Рис.1).

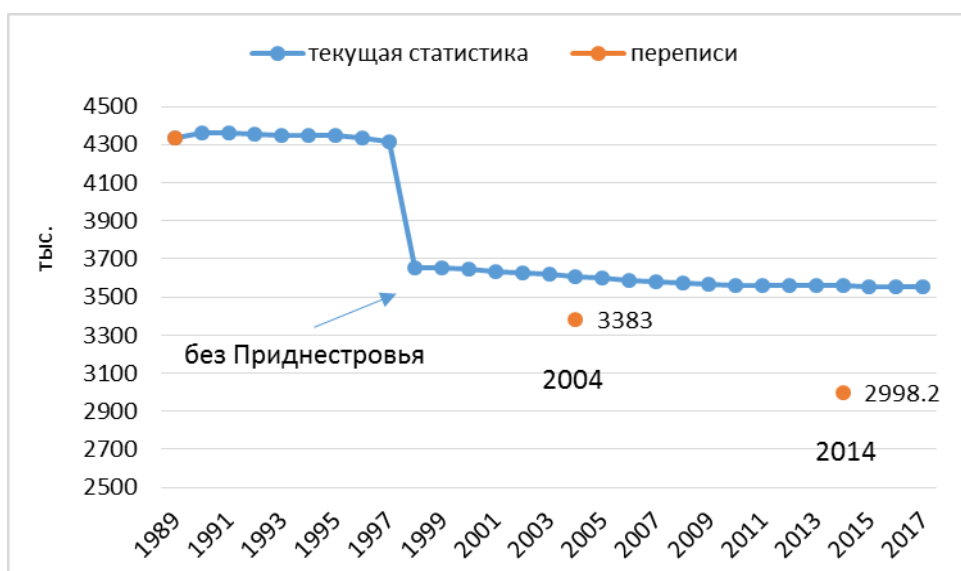

Рис.1. Динамика численности населения Республики Молдова по данным текущей статистики и переписей населения*

*Источник: Национальное бюро статистики

Согласно данным прогноза, разработанного Центром демографических исследований Национального института экономических исследований на 2014-2035 гг., в ближайшие десятилетия снижение численности населения будет продолжаться достаточно быстрыми темпами. Ежегодное снижение численности населения может составить 1,1-2%. Согласно низкому варианту прогноза (сохранение рождаемости на уровне 2014 г., миграционный отток населения на уровне 1%-1,3% от общей численности населения, увеличение ожидаемой продолжительности жизни с 64,9 до 67 лет для мужчин и с 73,7 до 75,8 лет для женщин) к 2035 году население страны может уменьшиться до 2085,8 тыс. (на 28,4%) [3].

Демографические прогнозы европейских исследовательских центров также указывают на то, что Республика Молдова, как и другие страны Восточной Европы, столкнется с «беспрецедентными для мирного времени» потерями населения, а эмиграция остается одним из основных факторов, определяющих динамику населения [1].

Теоретически уменьшение демографического спада возможно в условиях увеличения рождаемости, снижения смертности и сокращения внешней миграции. Однако эти три демографических феномена определяются различными факторами, а также в разной степени изменяются под воздействием различных политических мер, что следует учитывать при разработке той или иной политики.

Ухудшение демографической ситуации в Республике Молдова имеет очень сложную причину, являясь прямым или косвенным результатом всего политического, экономического и социального контекста. Однако, не следует упускать из виду влияние факторов, связанных с демографическим переходом – историческим процессом перехода от экстенсивного типа воспроизводства населения с высокими уровнями смертности и рождаемости

к интенсивному типу воспроизводства населения с низкими уровнями смертности и рождаемости.

Депопуляция страны – реальная опасность, замкнутый круг: население сокращается, потому что нет работы, потому что нет предприятий, потому что нет инвестиций, потому что сокращается население. Основная причина – не только и не столько в снижении рождаемости, сколько в массовой эмиграции. За 1991-2015 гг. Республика Молдова потеряла чрезвычайно большое количество населения, о чем свидетельствуют результаты переписей населения в принимающих странах. Так, контингент уроженцев Республики Молдова, по переписям раунда 2011 г., составляет 585 тыс. человек, что составляет около 20% от общей численности населения страны. В годы самой большой интенсивности эмиграции (2008–2011) потери колебались в пределах 13-15 человек на 1000 или 1,3–1,5% из общей численности населения. В 2007 г. коэффициент миграционной убыли составил 12‰, в 2012–2013 гг. – 10‰. В 2014-2015 гг. коэффициент миграционной убыли опустился до 8‰. Наибольшее количество граждан Республики Молдова выехало в Россию и Италию [4].

Из Республики Молдова уезжают молодые, активные, трудоспособные, платящие налоги и необходимые обществу специалисты. Уже в настоящее время ощущается нехватка врачей, учителей, инженеров, квалифицированных рабочих и др. Несмотря на денежные переводы трудовых мигрантов, отток населения отрицательно сказался на всех сторонах развития общества и будет трудно найти замену выбывшим из страны гражданам и на рынке труда, и в гражданском обществе. Ни увеличение капиталовложений в физический капитал и инфраструктуру, ни целесообразное использование денежных переводов не сможет восполнить разнообразие уже утраченной части общества, состоящей из образованной, инициативной, совершеннолетней трудоспособной молодежи [5].

Высокий уровень внешней миграция напрямую зависит от экономической ситуации в стране, а также от открытости иммиграционной политики других стран. Пока существует большой разрыв в уровне жизни между Республикой Молдова и другими экономически развитыми странами эмиграционные ориентации населения не будут уменьшаться. Кроме того, большинство европейских стран также столкнулось с проблемой сокращения численности населения, в том числе в трудоспособных возрастах, что послужит основой для проведения активной иммиграционной политики и увеличения предложения рабочей силы за счет иммигрантов.

Социально-экономические перспективы Республики Молдова в ближайшие десятилетия не представляют серьезного препятствия для сокращения миграции и пока нет никаких оснований ожидать сокращения вклада внешней миграции в демографический спад. Более того, можно предположить, что эмиграция будет поддерживаться как внутренними, так и внешними факторами. С одной стороны, страны назначения будут поощрять не только иммиграцию, но и переезд на постоянное место жительства и натурализацию. С другой стороны, Республика Молдова не сможет достичь

существенной экономической конвергенции со странами назначения, что будет подпитывать интерес граждан, особенно молодежи, испытать удачу в других странах. Можно с уверенностью утверждать, что еще несколько десятилетий эмиграция будет одним из факторов, оказывающих серьезное влияние на социально-экономическое и демографическое развитие Республики Молдова.

Другая составляющая демографического развития - смертность была и остается высокой в Республике Молдова, а возможности ее снижения также необходимо учитывать с точки зрения сокращения масштабов демографического спада. Кроме того, известно какие средства, а также стратегии могут быть предприняты для снижения смертности, так как они не могут существенно отличаться от тех, которые привели к значительному увеличению продолжительности жизни при рождении в развитых странах во второй половине прошлого века. Существенное улучшение уровня жизни населения, повышения качества и доступности медицинских услуг для всех категорий населения автоматически приведут к снижению смертности в различных возрастах и увеличению продолжительности жизни.

Демографический анализ смертности показывает, что до настоящего времени Республика Молдова не смогла добиться значительного прогресса в динамике ожидаемой продолжительности жизни при рождении, а разрыв со странами ЕС по этому показателю сохраняется на высоком уровне. Так, в последние годы в Республике Молдова ожидаемая продолжительность жизни для мужчин составляет около 65 лет, а для женщин 73 года, что примерно на 7 лет меньше, чем в ЕС [2].

Специфика ситуации заключается в сохранении высокого уровня преждевременной смертности населения (в трудоспособных возрастах), что ведет к существенным потерям человеческого потенциала. Высокая смертность усиливает процесс депопуляции, обесценивая инвестиции в образование, препятствует как можно более полному использованию потенциала населения в трудоспособном возрасте.

Третья составляющая воспроизводства населения – рождаемость и можно ли надеяться на ее повышение? В последние годы, опираясь на данные официальной статистики, Республику Молдова часто относят к странам с чрезвычайно низкой рождаемостью (*lowest-low fertility*), что не соответствует реальной ситуации. Проблема заключается в том, что официальные органы государственной статистики рассчитывают коэффициент суммарной рождаемости для населения *de jure*, которое включает и мигрантов, выбывших из страны на период более 12 месяцев. Таким образом, завышенная численность населения дает заниженный показатель коэффициента суммарной рождаемости. Рассчитанный для наличного населения коэффициент суммарной рождаемости в 2014-2015 гг. колеблется на уровне 1,6-1,65 рождений на одну женщину. Показатели итоговой рождаемости для реальных поколений также не позволяют говорить о чрезвычайно низкой рождаемости. Так, по данным Переписи населения и жилищ 2014 г. итоговая рождаемость женщин 1970 года

рождения составляет 1,94 рождений на одну женщину, а родившихся в 1975 г. - 1,85.

Вместе с тем, из года в год число рождений снижается и как показывают прогнозы, эта тенденция утвердилась надолго [3]. Снижение численности населения определяет уменьшение ежегодного числа новорожденных. Известно, что число рождений зависит от коэффициента суммарной рождаемости (среднее число детей на одну женщину детородного возраста), а также от численности женщин репродуктивного возраста, особенно от 20 до 40 лет. Увеличение или уменьшение числа численности женщин репродуктивного возраста автоматически приводит к изменениям числа рождений, даже если коэффициент суммарной рождаемости остается на одном и том же уровне. В течение следующих 20 лет, численность и возрастная структура женского населения детородного возраста (15-49 лет) существенно сократится как за счет эмиграции, так и за счет того, что в репродуктивный возраст будут вступать малочисленные поколения женщин, родившихся в конце 90-х годов прошлого века - начале 2000 годов. Таким образом, даже если в последующие годы коэффициент суммарной рождаемости будет расти, число рождений будет очень низким и не сможет восполнить снижение численности населения за счет увеличения числа смертей как результата демографического старения.

Сокращение численности населения сопровождается серьезными изменениями в возрастной структуре населения: численность и доля детей в общей численности населения сокращается и будет сокращаться в дальнейшем, тогда как численность населения в возрасте 60-ти лет и старше будет увеличиваться. Период снижения демографической нагрузки на работающее население закончился, прогнозируется ее быстрое увеличение как пожилыми, так и детьми. Успешность начатой пенсионной реформы (постепенное повышение пенсионного возраста до 63 лет для женщин (к 2028 г.) и мужчин (к 2019г.) во многом зависит от того насколько удастся добиться положительной динамики в здоровье населения. Плохое состояние здоровья населения в предпенсионном возрасте может стать препятствием для расширения предложения на рынке труда, соответственно, на пути осуществления данной реформы, поскольку существует вероятность увеличения числа пенсионеров по инвалидности.

Установившиеся тенденции в развитии населения представляют существенный вызов для социально-экономической политики государства и обеспечения устойчивого развития страны. Демографический спад может привести к сокращению экономического роста, ухудшению деловой среды, а также к снижению уровня потребления и производства. Увеличение численности и доли пожилых людей в общей численности населения неизбежно ведет к увеличению нагрузки на систему социального обеспечения, расходов на здравоохранение и др.

Убыль населения особенно быстрыми темпами происходит в периферических районах Республики Молдова, особенно в тех, где нет работы. Во многих селах преобладающим является пожилое население. Такая

ситуация приведет к тому, что в ближайшей перспективе развитые экономические центры (столица – г. Кишинев и еще несколько городов) станут сильнее, а слаборазвитые потеряют свой экономический потенциал из-за отсутствия рабочей силы и возможностей привлечения необходимых инвестиций. Кроме того, в таких районах все сложнее будет поддерживать необходимую инфраструктуру, рентабельность которой будет снижаться.

Несмотря на то, что правительством была принята Национальная стратегическая программа в области демографической безопасности Республики Молдова (2011-2025 гг.) за предшествующий период не удалось добиться положительной динамики в демографическом развитии. Только существенно повысив уровень жизни граждан и их социальной защищенности можно сократить потоки эмиграции и создать предпосылки для стабилизации демографической ситуации в стране.

Литература

1. Demographic and human capital scenarios for the 21st century 2018 assessment for 201 countries. W. Lutz, A. Goujon, S. KC, M. Stonawski, N. Stilianakis (Eds.)http://pure.iiasa.ac.at/id/eprint/15226/1/lutz_et_al_2018_demographic_and_human_capital.pdf
2. Penina, O., Jdanov, D. A., Grigoriev, P. Producing reliable mortality estimates in the context of distorted population statistics: the case of Moldova. MPIDR Working Paper WP-2015-011, 35 pages (November 2015). Rostock, Max Planck Institute for Demographic Research.
3. Population situation analysis in the Republic of Moldova / Gagauz Olga (coord.); UNFPA, Centre for Demographic Research. - Chisinau, 2016. – 176 p.
4. Табак Т. Эмиграция из Республики Молдова в постсоветский период // Демографическое развитие постсоветского пространства: сб. статей и аналитических материалов / под. ред. М. Б. Денисенко, Р. В. Дмитриева, В. В. Елизарова. - М: Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2018. - 368 с. ("Демографические исследования", вып. 27). ISBN 978-5-906783-85-1.<https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=44887&p=attachment>
5. Тенденции народонаселения и ответные меры в области политики в регионе результаты, политические меры и возможности. UNECE, 2013, p.16.

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ

Ю.А. Гостеева, Н.В. Яковенко

Воронежский государственный университет, Россия

e-mail: n.v.yakovenko71@gmail.com

Аннотация: В статье раскрыты современные тенденции в развитии трудовых ресурсов Воронежской области. Предложены направления по улучшению ситуации на рынке труда региона.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, Воронежская область, занятость населения

Одной из значимых частей социально-экономического потенциала в развитии любой территории выступает его трудовой потенциал, который

«представляет собой совокупную рабочую силу и совокупную общественную способность населения к труду». В количественном отношении – это запасы труда, которые «определяются общей численностью трудовых ресурсов, половозрастной структурой, уровнем образования и возможностями их использования» [3,4]. Согласно определению Кибанова А.Я. «...трудовые ресурсы региона – это часть населения страны, которая обладает физическими и духовными способностями к труду и которая представляет собой действующую и потенциальную рабочую силу»[1].

Для оценки трудовых ресурсов используется определённая система показателей(рис. 1).

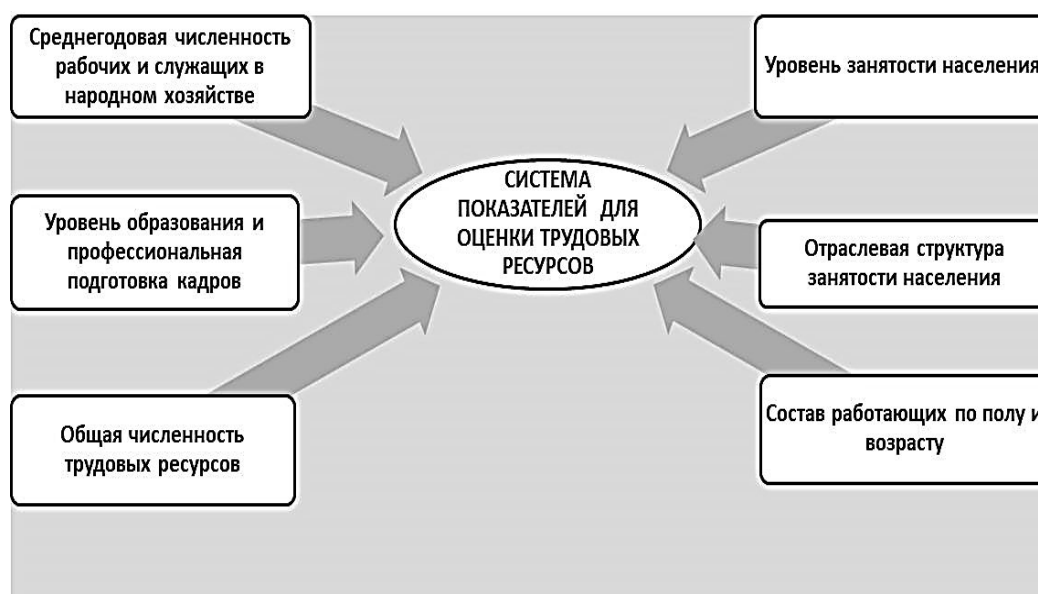

Рис. 1. Система показателей для оценки трудовых ресурсов

Рассматривая трудовые ресурсы Воронежской области, отметим следующие тенденции в их развитии:

Численность экономически активного населения составила 1188,8 тыс. чел., уровень безработицы – 3,5%. Число безработных (июнь 2018 г.) – 41,2 тыс. чел.

На начало 2018 г. в органы службы занятости населения региона обратилось 46,3 тыс. граждан (рис. 2).

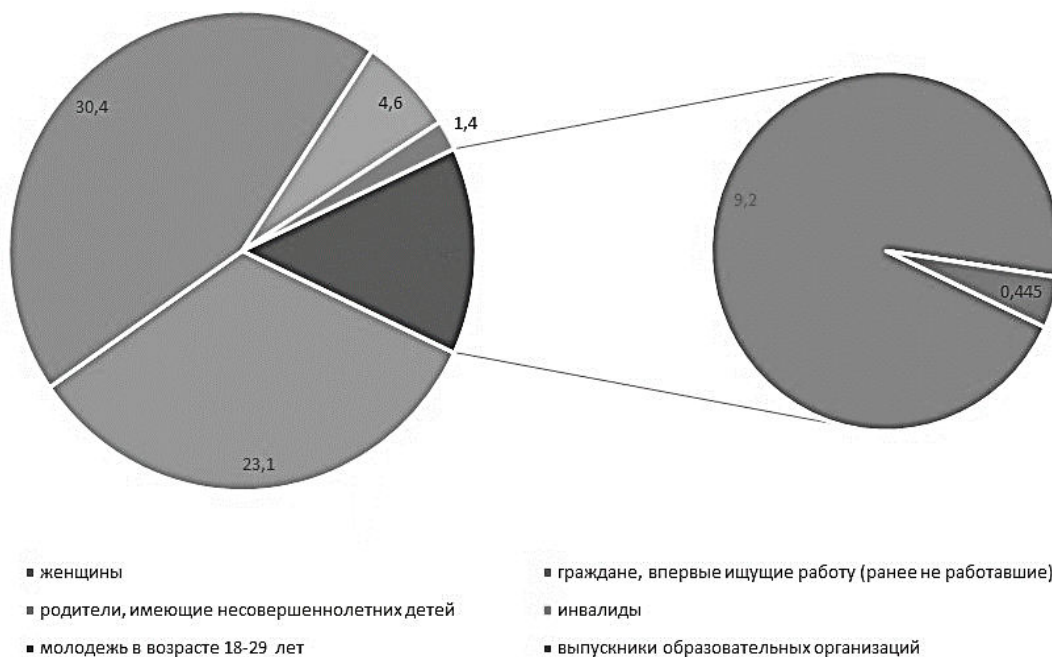

Рис. 2. Структура населения, обратившегося в службу занятости

Количество населения, признанное безработными, составило 11,7 тыс. чел.

Все граждане, которые обратились в органы службы занятости населения, были трудоустроены (рис. 3).

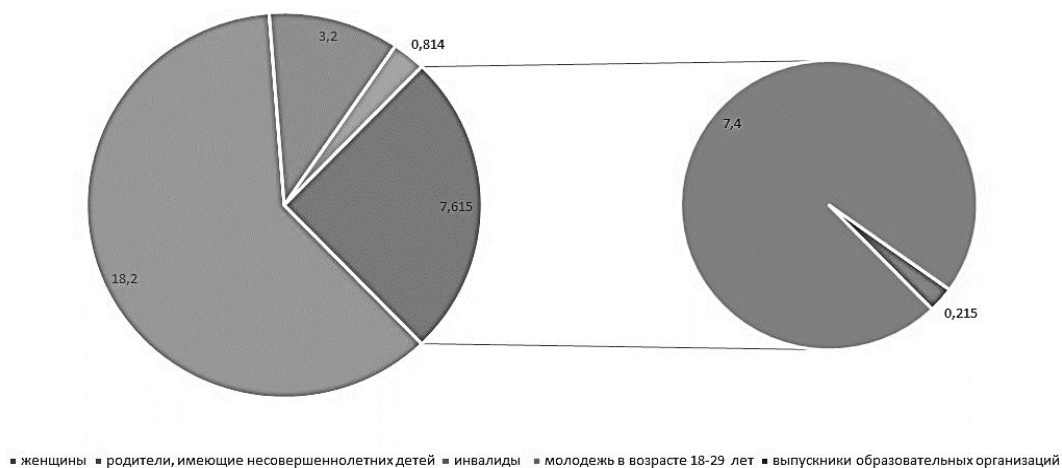

Рис. 3. Структура трудоустроенного населения

Как можно резюмировать, и обратилось больше всего в службу занятости, и было трудоустроено больше всего женщин.

На 01.08.2018 г. уровень регистрируемой безработицы составил 0,8%. 32,3% безработных проживает в г. Воронеже. Структура безработных представлена на рис. 4.

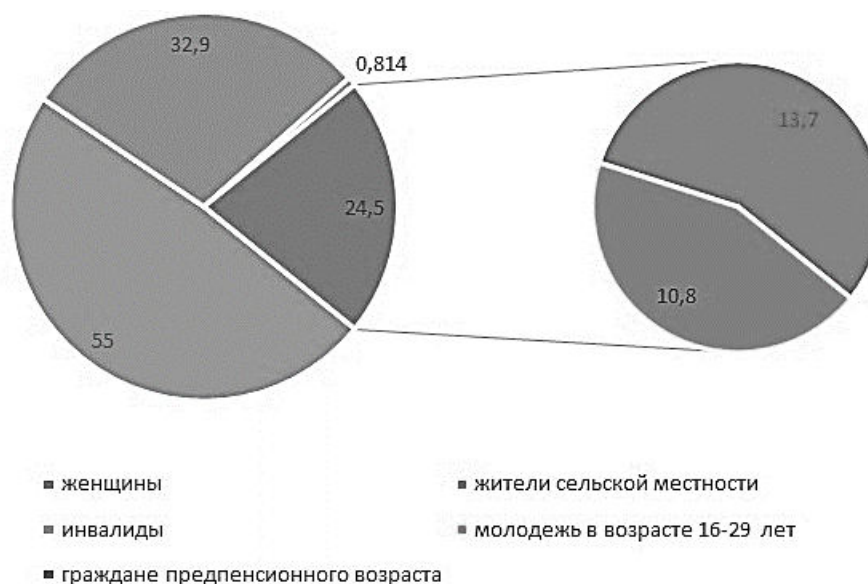

Рис. 4 Структура безработного населения

Из общего числа безработных также преобладают женщины (55%). И следует отметить, что 1,7% составляют выпускники различных образовательных организаций.

Если рассматривать уровень образования безработных, то 33,6% имеют высшее профессиональное образование, 38,7% – СПО и 0,5% – не имеют основного общего образования.

В органы службы занятости населения Воронежской области работодателями в 2018 г. была заявлена потребность в работниках для замещения 97,4 тыс. вакантных рабочих мест (рис.5,6).

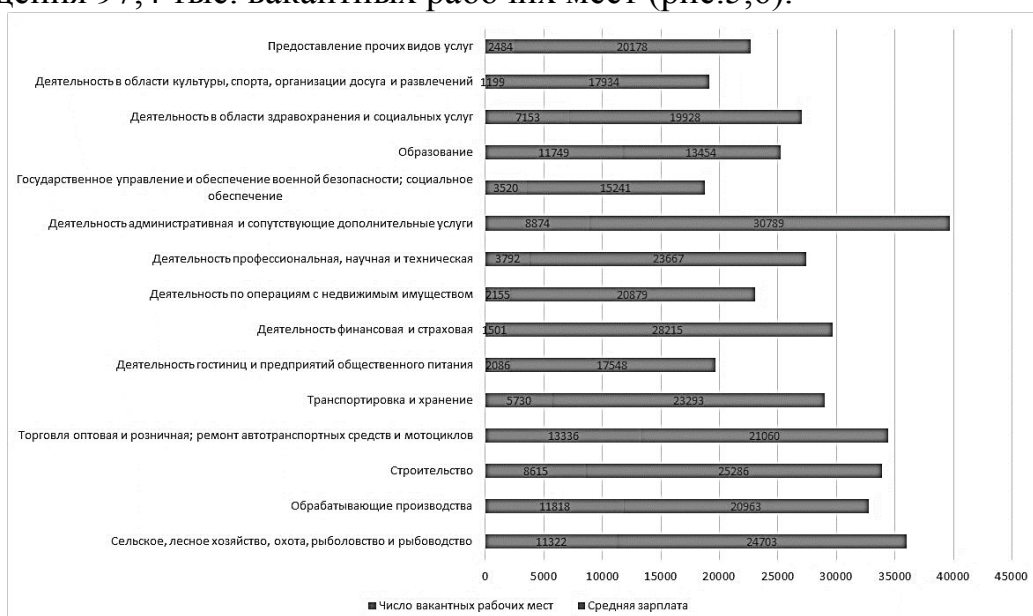

Рис. 5. Наибольшая потребность по видам экономической деятельности

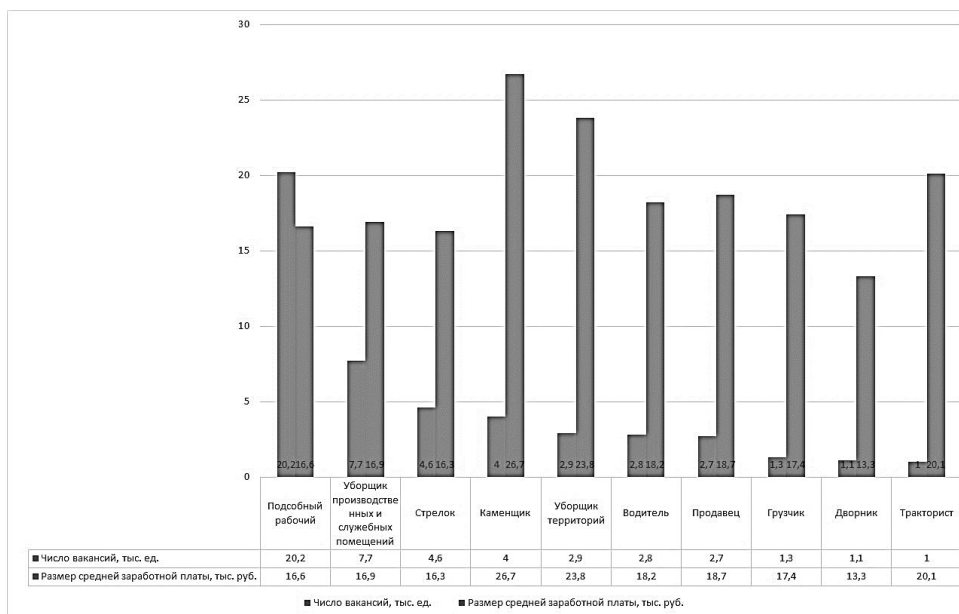

Рис. 6. Перечень наиболее востребованных в 2018 году профессий (специальностей) на рынке труда Воронежской области с указанием средней заработной платы

Среди специалистов с высшим и средним профессиональным образованием наибольшая потребность была в медицинских работниках, агентах рекламных и страховых, менеджерах, инженерах, консультантах, социальных работниках, воспитателях, учителях, ветеринарных врачах, оценщиках.

Рассматривая заявленную потребность работодателями в работниках для замещения 20,8 тыс. вакантных рабочих мест, можно диагностировать, что более 50% – это востребованность именно в рабочих профессиях.

Напряженность на рынке труда Воронежской области в 2018 г. находится на уровне 0,5 ед.

Неблагоприятные демографические тенденции, с одной стороны, и уверенное восстановление экономической активности, с другой, – продолжают оказывать давление на рынок труда [5]. В этих условиях прогнозируется снижение уровня безработицы с 4,4 % (2017 г.) до 4,3 % (2020 г.).

На среднесрочную перспективу с учетом ухудшения показателей демографического развития можно ожидать сокращения численности занятого населения. По прогнозу в 2020 г. число занятых составит 1090,9 тыс. человек, или 99,7% к уровню оценки 2017 г. Одновременно по годам планового периода планируется сокращение численности работников организаций региона. По прогнозу в 2020 г. численность работников организаций составит 689,9 тыс. человек, или 99,6% уровню оценки 2017 г. [2].

Исходя из этого, основными мерами, которые смогли бы несколько смягчить возможные негативные эффекты могут выступить следующие: меры, которые способствовали бы увеличению продолжительности

активного возраста, в т.ч. числе мероприятия по проведению активной политики занятости.

Так как в России принята реформа пенсионного возраста, то наиболее актуальными будут меры, способствующие занятости именно этой категории населения.

Исследование выполнено при поддержке Гранта РФФИ 16-46-360686 p_a «Информационно-аналитическая система прогнозирования социально-экономического развития Воронежской области»

Литература

1. Кибанов А.Я. Экономика и социология труда: учебник /А.Я. Кибанов. М.: ИНФРА-М, 2011. 584 с
2. Положение на рынке труда в Воронежской области/[Электронный ресурс. Режим доступа: <https://naliticheskie-otchety-2018-goda?download=382:situatsiya-na-rynke-truda-v-voronezhskoj-oblasti-po-sostoyaniyu-na-01-08-2018>].
3. Праслов В.А. Модель и алгоритм прогнозирования численности трудовых ресурсов региона//Вестник Самарского гос. ун-та. -2011. – № 12(86) – С. 83-89.
4. Яковенко Н.В. Рынок труда Ивановской области как показатель количественной оценки качества жизни населения// Юг России: экология, развитие. - 2007. - № 4. – С. 6 –15.
5. Яковенко Н.В. Теоретические подходы к исследованию депрессивных регионов России //Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2013.– № 2. – С. 10 – 21.

ДИНАМИКА САЛЬДО МИГРАЦИЙ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е.Н. Дюканова

Курский государственный университет, Россия

e-mail:evadyuk@gmail.com

Аннотация: В статье рассмотрен характер и динамика миграционных процессов в Курской области, проходящих на постсоветском пространстве за 25 лет. Выявлено множество разнообразных вариантов, которые были сведены в три основных типа. Исследования показывают, что более подвижным в миграционном плане является население, имеющее средний уровень доходов.

Ключевые слова: миграция, трудовая миграция, рынок труда, сальдо миграций, траектории динамики миграции

На размещение населения в Курской области в постсоветский период оказывает влияние не только естественное движение, но и миграционный поток из других областей РФ и Ближнего зарубежья, а также внутрорегиональные передвижения.

Зачастую все виды миграционного движения дополняют друг друга, а иногда и вовсе совпадают. Ключевой момент для всех миграций – трудовой фактор, обусловленный необходимостью трудоустройства мигрантов на новом месте пребывания как основы их финансового благополучия и

успешной адаптации. Связь миграции с рынком труда была настолько тесной, что в период господства плановой экономики даже сам термин «миграция» вытеснил термин «организованное распределение трудовых ресурсов» [4].

Трудовая миграция на постсоветском пространстве стала одним из самых массовых видов движения населения. Но, учитывая ее возвратный характер, она плохо поддается статистическому учёту. При этом миграционная ситуация, складывающаяся в регионах, в определённой мере отражает и ситуацию с трудовыми ресурсами.

Общий поток миграции, являющийся массовой реакцией населения, на социально-экономические изменения в обществе рассматривался такими исследователями в Центральном Черноземье, как Чугунова Н.В. [5], Попкова Л.И. [1], Поросенков Ю.В. [2], Сазонова Н.В. [3] и др.

Как и в начале 90-х годов, так и по настоящее время состав населения Курской области продолжает изменяться под влиянием миграции. Происходит постоянная трансформация образа жизни курского населения, его культурных традиций. Численность сельских жителей неумолимо сокращается, т.к. в настоящее время актуален отток сельских жителей в города. Причиной этому является развитая промышленность, представленная крупными предприятиями, наличие большего числа рабочих мест и возможностей для трудоустройства.

Осознавая важность этой составляющей изменения численности населения для общего представления о миграционной обстановке, нами рассматриваются типы траекторий динамики сальдо миграций (Рисунок 1), характерные для административных районов области.

Рисунок 1. Типы траекторий динамики сальдо миграций за 25 лет (1990–2015 гг.)

Выявлено множество разнообразных вариантов, которые были сведены в три типа. Для первого типа характерно повышение сальдо миграции, которое зачастую, незначительно, однако при повсеместной естественной

убыли населения это один из важных компонентов поддержания численности населения. Характерными чертами размещения районов данного типа являются следующие: большинство районов возглавляется городами (Курск, Курчатов, Обоянь, Суджа) или граничит с районами, в которых есть крупные города (два района, возглавляемых поселками Медвенка и Прямыцыно, граничат с Курским районом). Районы с повышением сальдо миграции расположены сплошной полосой (за исключением Суджанского, богатого промышленными предприятиями) в «сердце области», в которое включены семь районов (Курский, Курчатовский, Суджанский, Обоянский, Октябрьский, Медвенский, Пристенский).

Во втором типе присутствует период стабилизации, где сальдо миграции оставалось неизменным. Этот тип включает различные по уровням урбанизации, а также хозяйственной специализации районы. Это и районы с крупными городами областного подчинения (Железногорский, Рыльский) и слабо развитые сельскохозяйственные районы. Объединение районов в один тип, при наличии явных различий, обусловлено, тем, что в городских районах более стабильная экономическая обстановка, а в сельских – наоборот низкая подвижность населения, причиной чему «ослабевшая» экономика.

Третий тип характеризуется снижением сальдо миграции. Этот тип представляет собой район с небольшим городом или поселком городского типа. В данной местности по обыкновению располагаются предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, а также предприятия других отраслей (легкой промышленности, машиностроения). В распространении этого типа районов прослеживается следующая закономерность: они образуют две «дуги», одна из которых расположена на севере и северо–востоке области (граничат с Воронежской областью), а другая на юго–западе (граничат с Белгородской областью и Сумской областью Украины). Периоды спада и сальдо миграции объясняются неустойчивостью экономики.

По данным интервью, проводимым с населением приграничных районов Курской области, выявлена миграционная подвижность населения, имеющего средний уровень доходов. Так более бедное население не выезжает за пределы региона из-за отсутствия финансовой возможности, а более богатое не видит в этом смысла.

Итак, одной из основных причин для всех видов миграции является положение экономики как на территории выезда, так и на территории прибытия населения, а наиболее привлекательны для мигрантов места с более высоким уровнем социально-экономического развития. С помощью метода сравнения были выявлены три основных типа изменения траектории сальдо миграции в Курской области за весь постсоветский период, что необходимо для представления характерных черт размещения населения в данный промежуток времени на определенной территории.

Литература

1. Попкова Л.И. География населения российско–украинского приграничья. – Смоленск: Универсум, 2005. – 304 с.

2. Поросенков Ю.В. Основы теории географического исследования трудоресурсного потенциала региона в условиях предстоящего инновационного развития России // материалы международной науч. практ. конф. – Воронеж, 2008. – С. 110 – 113.
3. Сазонова Н.В. Территориальная организация миграции населения Белгородской области: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Воронеж, 1999. – 20 с.
4. Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М. Миграция и рынок труда. – М.: ИД «Дело», 2015. – 109 с.
5. Чугунова Н.В. Миграции населения в Белгородской области: безвозвратные и трудовые // Проблемы приграничных районов России: сб. / под ред. Ю.Г. Липеца. – М., 2004. – С. 202 – 208.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ НАСЕЛЕНИЯ И РАССЕЛЕНИЯ КАШИРСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

А.Э. Крупко, О.В. Пошвин

Воронежский государственный университет, Россия

e-mail: glomer-a@mail.ru

Аннотация: Анализ и прогнозирование развития системы расселения и населения Каширского района Воронежской области показывают, что без изменения социально-экономической и демографической политики достижение устойчивого состояния района будет невозможно.

Ключевые слова: устойчивое развитие, расселение, население, система, Каширский район.

Каширский район представляет собой муниципальную пространственную общественную систему (МПОС). МПОС характеризуется множественностью аспектов устойчивого развития и включают в себя различные компоненты (подсистемы): природно-экологическая и социально-экономическая подсистемы, население и расселение, управление. Каждый из компонентов имеет свою специфику и особенности устойчивого развития. Одним из важнейших компонентов в муниципальных системах является подсистема населения и расселения. При оценке критериев устойчивого развития этого компонента пространственных общественных систем необходимо учитывать не только индикаторы устойчивости, но и географические показатели: плотность и концентрацию населения, рассредоточенность и густоту сельских населенных пунктов, их транспортно-географическое положение. В исследовании устойчивого состояния населения главное значение имеет изучение воспроизводственных процессов, прежде всего, естественного воспроизводства населения. Устойчивость населения и расселения, если их рассматривать как отдельные подсистемы, различаются: расселение имеет более устойчивый и консервативный характер по сравнению с населением. Устойчивость расселения обеспечена наличием в нем малоподвижных частей в виде застройки, особенно многоэтажной.

Под устойчивым развитием населения в нашей стране и в целом по миру понимаются разные процессы. На глобальном уровне для достижения устойчивого развития считается необходимым ограничивать рост населения. В РФ же с ее огромной территорией, с не современным укладом жизни, с отсталыми технологиями сокращение населения обуславливает современную или перспективную деградацию территориальных систем любого уровня. Так, в ЦЧР (одним из самых густонаселенных районов России) по сравнению с 1990 годом не используется более 1/6 части пашни, а в Тамбовской области (наименее населенной) - 27% [1]. Мы считаем, что устойчивость населения и расселения в широком понимании предполагает такое саморазвитие территории, которое обеспечивает необходимый потенциал воспроизводства населения и трудовых ресурсов с сохранением существующего каркаса сети поселений. Устойчивость населения в узком смысле этого термина (стабильность) обеспечивается положительной или нейтральной динамикой населения. В Каширском районе численность населения на протяжении последних лет постоянно падает. По сравнению с 1979 годом (36,8 тыс. чел.) население уменьшилось более чем в 1,5 раза. За 1979-2017 г. среднегодовое снижение населения составило 442 чел. или 14,5% [2]. За последние 6 лет население сократилось с 25135 чел. до 24005 чел., в среднем в год на 188 чел. или 7,6%. Очевидно, что для Каширского муниципального района устойчивое состояние населения (без учета взаимодействия с другими территориями - миграций) будет наблюдаться при рождаемости 18–20‰ в год, что в два раза выше современного общего коэффициента рождаемости. Во всех муниципальных сельских поселениях района население сокращается с разной динамикой. В четырех СП: Запрудское, Каширское, Кондрашкинское, Можайское, динамика населения в последние годы имеет катастрофический характер, см. рис. 1.

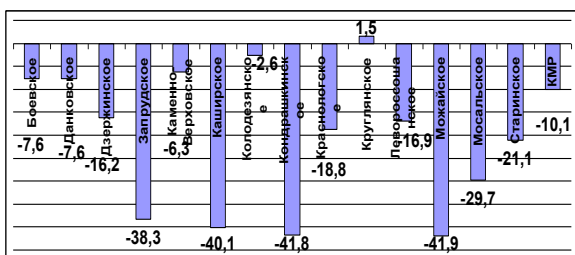

Рис. 1. Среднегодовая динамика населения за 2013-2017 г.г. в % чел. [Построен по 2]

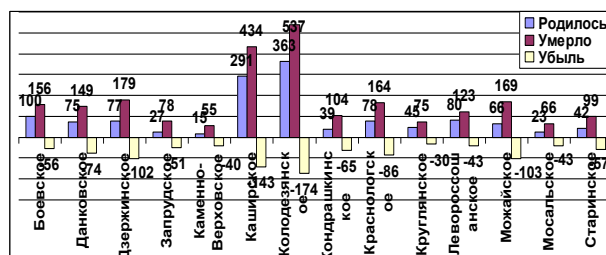

Рис. 2. Воспроизводство населения за 2012-2016 гг., [Построен по 2]

В целом для КМР характерна демографическая катастрофа – за счет собственного потенциала сохранить население практически невозможно во всех СП района. Большинство сельских поселений не имеет достаточного демографического и социально-экономического потенциала для устойчивого и сбалансированного развития при современной модели хозяйствования. Естественная убыль на 2016 год составила 205 человек – родившихся почти в

2 раза меньше, чем умерших. Проблемы неустойчивого состояния населения Каширского района и угрозы демографической безопасности всех его муниципальных образований во многом обусловлены высокой смертностью его населения, особенно смертностью мужчин старшего трудоспособного возраста (после 50 лет, что в 2,3-3,6 раза выше аналогичной женской). Сложная ситуация наблюдается во всех СП, см. рис. 2. Некоторый резерв рождаемости присутствует, так как каждая вторая женщина в Каширском муниципальном районе находится в репродуктивном возрасте, но в последние годы уменьшается численность женщин активного фертильного возраста, поэтому вновь наметилась тенденция снижения рождаемости. Составленная прогнозная модель численности женщин фертильного возраста 25-29 лет, на которые приходится наибольшая часть рождений всех детей, показала, что при сохранении современного суммарного коэффициента воспроизводства будет наблюдаться большое падение рождаемости и снижение численности детей, см. таблицу 1

Таблица 1

Прогноз численности женского населения Каширского района

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2022	2027	2032
0-4	602	611	669	659	644	634	520	500	540
5-9	541	555	564	579	611	617	634	520	500
10-14	551	555	553	549	535	548	617	634	629
15-19	618	564	549	498	477	456	548	617	634
20-24	758	693	604	564	554	548	456	548	617
25-29	825	828	847	783	710	659	548	456	548
30-34	743	746	744	764	796	762	659	548	456
35-39	812	799	812	753	737	739	762	548	548
40-44	778	774	774	803	808	817	739	762	548
45-49	1034	990	924	901	845	789	817	739	762
0-14	1694	1721	1786	1787	1790	1799	1771	1654	1669
15-29	2201	2085	2000	1845	1741	1663	1552	1621	1799
20-29	1583	1521	1451	1347	1264	1207	1004	1004	1165
30-39	1555	1545	1556	1517	1533	1501	1421	1096	1004
40-49	1812	1764	1698	1704	1653	1606	1556	1501	1310
15-49	5568	5394	5254	5066	4927	4770	4529	4218	4113

*Таблица составлена способом передвижки населения из одной возрастной группы в другую через каждые 5 лет (причем даже без учета коэффициента дожития)

Корреляционная связь между численностью рождений детей и женщин 25-29 летнего возраста очень высокая (линейный коэффициент корреляции Пирсона равен 0,78, а коэффициент ранговой корреляции Спирмена - 1,0)

Коэффициенты парной и ранговой корреляции между численностью женщин 20-24 лет и рождений детей равны соответственно 0,38 и 0,83, аналогичные связи для женщин возраста 30-34 лет показывают заметную обратную зависимость (-0,65 и -0,66). Это во многом соответствует действительности, так как 9/10 всех рождений детей Каширского МР приходятся на женщин возраста до 29 лет (к этому возрасту одного-двух

детей рождает почти все женщины), а фертильный потенциал женщин 30-34 лет, и в целом 30-49 лет практически не используется, что позволяет сделать вывод о необходимых направлениях демографической политики. Нужно материально стимулировать (бесплатное жилье для многодетных семей или льготные кредиты и т.д.) рождение 3, 4 и следующих детей, что возможно поменяет ситуацию, но даже в этом случае существуют сомнения в реализации подобной модели семьи, учитывая психологический уклад современной молодежи. Поэтому более реальным фактором сохранения населения является активизация положительной миграции жителей.

В 2000-е гг. миграционная активность населения была достаточно благоприятной (миграционный прирост был существенным в целом по району), хотя в последние годы он заметно сократился. Приток населения направлен прежде всего в пригородную зону г. Воронежа. Поэтому миграции меняли территориальную организацию населения района, особенно внутренняя миграция (прежде всего сельская), аттракторами которой являются областная урбанизированная зоны и город Нововоронеж с относительной стабильной экономикой. Для некоторых СП она имела существенный негативный аспект. Поэтому повышение степени устойчивости сельской местности должно быть направлено на рост уровня благоустройства, диверсификацию труда в межпоселенных центрах, что при улучшении транспортной доступности позволит сохранить сельское население. В иной ситуации теоретически можно предположить ситуацию, в которой все СНП (кроме Каширского и Колодезянского) будут выполнять функции сел-спален.

Для составления прогноза численности населения до 2100 г. мы использовали динамику численности населения за последних 8 лет (2010-2017 гг.). Численность населения района сократилась с 26082 чел в 2010 г. до 24005 чел. в 2017 г. Полученная прогнозная линейная модель имеет следующий вид: $y_t = 26230 - 277,2 t$.

Наличие автокорреляции в отклонениях от модели роста проверяют с помощью критерия Дарбина-Уотсона, который равен $0,52 < 2$, что подтверждает достоверность и адекватность модели.

Расчеты показали, что при современных тенденциях развития населения (без учета миграционного движения) численность жителей Каширского района снизится в 2030 г. до 20,4 тыс. чел., в 2050 г. до 13,5 тыс. чел., а к 2100 году исчезнет, см. рис. 3.

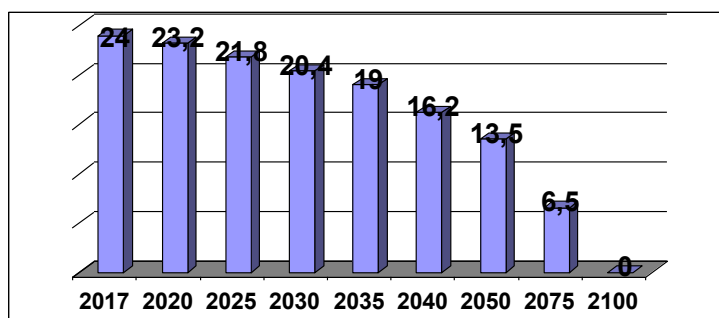

Рис.3. Прогнозная численность населения Каширского района, тыс. чел.

При самом благоприятном сценарии (второй вариант) прогноза при переходе молодых семей на многодетную модель воспроизводства (суммарный коэффициент воспроизводства населения для этого в ближайшие годы должен достигать 2,0), численность жителей КМР снизится к 2050 году до 17-19 тыс. чел., но потом должна возрасть. Велика вероятность, что депопуляция негативно отразится на социально-экономическом развитии района, на степени его устойчивости уже в ближайшие годы, что в принципе и происходит.

Таким образом, Каширский муниципальный район отличается в целом низкими воспроизводственными параметрами населения в целом, а также еще более неблагоприятной динамикой населения в большинстве МО, вызванных естественной убылью и негативной миграционной составляющей.

В состав района входят 14 сельских поселений, объединяющие 30 (28) населенных пунктов (2 НП без населения). Крупными населенными пунктами являются районный центр Каширское с численностью 4,1 тыс. чел. и поселок Колодезный – 5,6 тыс. чел. К самым большим сельским населенным пунктам относятся с. Боево – 2001 чел., п. Данково – 1174 чел., п. им. Дзержинского – 1858 чел., и с. Красный Лог – 1420 чел. Основное сокращение числа СНП происходило в советское время, в последние двадцать лет сеть СНП была стабильной, но в перспективе ряд НП могут исчезнуть, особенно СНП людностью до 50 человек. Они составляют 20% всех СНП Каширского района, но сосредоточивают менее 1% населения. Их исчезновение мало скажется на социально-экономическом потенциале района, но заметно сократит экзистенческий каркас территории. Социально-экономическими ядрами района являются 6 СНП с населением свыше 1000 человек – их доля превышает 70% населения района.

Для Каширского района, который занимает относительно выгодное положение: недалеко от областного центра, ряд СНП находится на трассе М-4 «Дон» (с. Бирюченское, с. Каширское, с. Мосальское, с. Можайское, с. Данковское, пос. Коммуна и пос. Ильича) в рыночные годы наблюдается резкое снижение людности. Даже крупные внутрихозяйственные системы населения и расселения потеряли еще в советское время многие свои элементы в виде бригадных сел и поселков, что резко снизило жизнеспособность этих систем. В настоящее время во всех поселениях

района (за исключением Можайского СП, где существуют два одинаковых по величине села), все население концентрируется в основном в центральных селах поселений. Во многих СП численность населения недостаточна с точки зрения функционирования сферы обслуживания. К мелким СП (от 389 до 836 жителей) относятся Запрудское, Каменно-Верховское, Кондрашкинское, Круглянское, Мосальское, Старинское поселения. В мелких СНП невыгодным является не только содержание газопроводов, но и дорог, водопроводов и т.д. Средними поселениями являются Боевское, Данковское, Держинское, Краснологское, Левороссошанское, Можайское – от 1062 чел. до 2001 чел. Только крупные Каширское СП (4334 чел.) и Колодезянское (6620 чел.) имеют достаточно разветвленную инфраструктуру.

Положение осложняется тем, что с каждым годом идет усугубление регрессивности половозрастной структуры сельского населения и, как следствие, падение его демографического потенциала. Деграция охватила даже наиболее крупные сельские поселения, многие из которых являются центрами муниципальных поселений. По нашему мнению наиболее важными показателями устойчивости населения являются численность населения и его возрастная структура. По этим показателям мы выделяем пять типов СП Каширского района. К первому типу устойчивости (исчезающим СП) относятся Старинское СП (10,5% детей, 29,9% населения в возрасте старштрудоспособного в 2017 г.), Запрудское (11,2%, 35,4%), Мосальское (12,7% 36,3%) и Каменно-Верховское (13,1%, 31,9%) поселения. Для них характерны наименьшая численность населения, наиболее высокая доля пожилого населения и самая низкая доля детей. К регрессионным (с высокой долей пожилого населения, с низким удельным весом детей, но с большей численностью населения по сравнению с первым типом) относятся Краснологское (12,8% и 33,3%) и Можайское (14,6% и 32,7%) СП. Деградирующими - с низкой или средней долей детей и средним удельным весом пожилого населения, являются крупное Колодезянское (10,4%, 23,6%) и небольшое Круглянское (17,6%, 30,6%). Относительно устойчивые (с лучшими показателями) являются средние СП - Держинское (14,4%, 27,5%), Боевское (13,6%, 22,6%) и небольшое Кондрашкинское (13,4%, 27%). Наибольшую устойчивость (с лучшими показателями возрастной структуры населения) имеют Каширское (16,9%, 23,2%), Левороссошанское (17,5%, 25,4%) и Данковское (15,8% и 25,9%) сельские поселения.

Даже наиболее устойчивые (с наиболее лучшими показателями) СП характеризуются негативной динамикой населения, естественной убылью населения и миграционным оттоком населения (в том числе с. Каширское). Экономические «точки роста» Каширского района - Колодезянское и Круглянское СП также деградируют в демографическом плане.

Особенно негативная динамика численности населения наблюдается в периферийных сельских поселениях, что приводит к социальному и демографическому опустыниванию территорий. Социальное опустынивание в Каширском районе обуславливает почти полное разрушение социальной инфраструктуры периферии, концентрацию ее в центрах. Демографическое

опустынивание проявляется в более резком снижении плотности населения периферийных поселений КМР. Поэтому плотность сельского населения в Каширском районе уменьшилась за исследуемый период (за 40 лет) в 1,8 раза и составила в 2017 г. 22,6 чел. на кв. км., почти в 3 раза ниже плотности населения в соседнем Новоусманском районе (65,8 чел. на кв. км.).

Устойчивость систем может быть достигнута развитием саморегулирования и саморазвития или за счет внешних факторов. Для оценки уровня устойчивого развития населения муниципальных общественных систем необходимы количественные и качественные критерии, которые должны отражать минимальный, оптимальный уровни устойчивости и разницу между его нынешним состоянием и устойчивым положением. Несмотря на актуальность, теория исследования устойчивого развития населения как компонента муниципальной системы находится в стадии становления. Для достижения устойчивого состояния территорий необходимо на основе системно-структурного подхода создавать и развивать теорию и методологию исследования устойчивости отдельных компонентов пространственных систем, разрабатывать теоретические положения и научно-методические основы оптимизации их управления.

Литература

1. Крупко А.Э. Моделирование и прогнозирование устойчивого развития муниципальных образований ЦЧР / А.Э. Крупко. – Воронеж, ВГПУ, 2014. – 176 С.
2. <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm> - база данных показателей муниципальных образований России.

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА НА УКРАИНЕ 2013-2014 ГОДА НА ПРИТОК МИГРАНТОВ В КУРСКУЮ ОБЛАСТЬ

Я.О.Малышко

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия
e-mail: yarmalyshko@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматривается увеличение миграционного потока на территорию Курской области по средствам влияние украинского политического кризиса 2013-2014 года. Также представлены и проанализированы статистические данные по прибывшим мигрантам на территорию Курской области из Украины.

Ключевые слова: Курская область, политический кризис, миграция, мигрант, Украина.

В течение двух постсоветских десятилетий Украина была и остается важным миграционным партнером Российской Федерации, из-за чего невозможно переоценить значимость событий в соседнем государстве и влияние этих событий на миграционные тенденции России. Политический кризис на Украине 2013-2014 года оказал большое влияние и увеличил

приток мигрантов из этого государства на территорию Российской Федерации и в Курскую область в частности

Курская область является приграничным регионом. Внешние границы области с Сумской областью Украины на юго-западе и западе составляют 280 км и имеют статус государственной границы России. Между данным субъектом Российской Федерации и Украиной довольно часто происходило сотрудничество во всех сферах жизнедеятельности.

Различные военные действия в Донецкой и Луганской областях Украины и экономический кризис во всем государстве значительно изменили миграционную ситуацию в приграничной Курской области.

Увеличивается поток мигрантов, уезжающий не только на заработки, но и желающих получить убежище, так как нестабильная военная и политическая ситуация вынуждает граждан Украины опасаться за сохранение своей жизни. И, если раньше многие украинцы обдумывали переезд на территорию Курской области, но никак не могли решиться на него, то в настоящее время сомневающихся людей оказывается все меньше. В частности, важно проследить влияние самого политического кризиса и напряженной военной ситуации на принятие украинцами решения о миграции в Курскую область.

Украинский кризис 2013-2014 года имел огромный размах. В ходе данной кризиса. Это решение привело к массовой акции протеста в центре Киева, а также в других городах Украины, получившей в социальных сетях и СМИ название «Евромайдан».

По данным Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), содержащей официальную статистическую информацию, число прибывших мигрантов из Украины после 2013-2014 года имело резкую тенденцию к увеличению.

Таблица 1

Численность прибывших украинских мигрантов на территорию Курской области [1]

<i>Год</i>	<i>Количество прибывших мигрантов</i>
2007	1170
2008	1115
2009	1032
2010	644
2011	938
2012	1173
2013	1133
2014	---
2015	6254
2016	9051
2017 (данные за январь-октябрь)	5533

Таким образом, можно сделать вывод, что приток украинских мигрантов на территорию Курской области после политического кризиса на

Украине 2013-2014 года увеличился во много раз. При сравнительно стабильном потоке мигрантов на протяжении периодов с 2007 по 2013 год, с 2015 по 2017 год происходит увеличение числа мигрантов во много раз. За год поток мигрантов в 2015 году увеличился от среднего за 2007 по 2013 год примерно в 6 раз, а в 2016 году и вовсе в 8 раз. На октябрь 2017 года данный показатель также был довольно высок и равен 5533 человека, что в 5 раз превышает средний докризисный поток украинских мигрантов на территорию Курской области. Можно предположить, что эта цифра на конец года только увеличится.

Конечно же, мы можем выделять большое количество различных факторов, таких как, например:

1. Воссоединение родственников из Украины с семьями из Курской области, проживающих в данном субъекте Российской Федерации;
2. Желание получить образования на территории Российской Федерации (в частности в учебных заведениях города Курска и области);
3. Возможность будущего улучшения жилищных условий на территории Курской области;
4. Возможность улучшить свое социально-экономическое положение поиском на территории Курской области более высокооплачиваемой работы.
5. Поиск более безопасной жизни в Курской области (возможность найти убежище от военных действий на территории Украины);
6. Бегство от кризисной политической ситуации на Украине.

Но, если взглянуть объективно на сложившуюся ситуацию на территории Украины, можно сделать вывод, что именно последние два фактора являются определяющими, чтобы покинуть свою страну и осуществить переезд в Курскую область.

Литература

1. Число прибывших мигрантов // ЕМИСС государственная статистика. – [Электронный ресурс] – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43514> (дата обращения: 19.05.2018 г.)

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ РУРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

С.В. Панков

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия
e-mail: psv69tmb@mail.ru

Аннотация: Региональная руральная политика не должна носить изолированный характер, как локальная сельская селитебная система является частью (подсистемой) более крупной территориальной социально-экономической системы, так региональная руральная политика должна представлять собой органическую составляющую общей региональной политики государства.

Ключевые слова: сельские территории, региональная руральная политика, региональное развитие, сельские поселения, социально-экономическое развитие регионов.

В основе перспективного развития любых территориальных систем, в том числе и локальных сельских селитебных, лежит формирование теоретических представлений, раскрывающих сущность и содержание региональной руральной политики, а также разработка и практическая реализация мероприятий по оптимизации условий и совершенствованию структуры сельских поселений, с выходом на их устойчивое развитие, что является одной из важнейших стратегических целей государственной политики, решение которой позволит обеспечить продовольственную безопасность, повысить конкурентоспособность российской экономики и благосостояние граждан.

Отметим, что региональная руральная политика – это деятельность органов государственной власти и управления по обеспечению оптимального развития сети сельских поселений субъектов Федерации и решению территориально-структурных (экономических, социальных, экологических и др.) проблем села в региональном и общегосударственном аспектах. Сущность региональной руральной политики заключается в том, чтобы максимально использовать в интересах всего общества благоприятные территориальные предпосылки и факторы, минимизировать негативное влияние неблагоприятных природных и социально-экономических условий на функционирование сельских поселений, как отдельных регионов, так и страны в целом. Движущей силой региональной руральной политики является компромисс между региональными интересами государства и местными интересами самих регионов [4].

Её объектом выступает сельская местность – селитебные территории и земли сельскохозяйственного назначения, а также конкретные субъекты хозяйствования (с/х предприятия разных форм собственности), играющие основную роль в приращении и реализации конкурентных преимуществ региона, решении ключевых социальных задач.

Наиболее примечательным в этом плане представляется проектно-конструктивный подход, основанный на критическом анализе существующего состояния сельских поселений, обобщении накопленного опыта в данном направлении [5] с выработкой рекомендательных мер (проектов), в целях совершенствования территориальной структуры и социально-экономического потенциала сельских поселений.

Территориальное развитие на уровне области обычно закладывается в концепции и планы территориального планирования. Однако современная быстро меняющаяся ситуация и отсутствие законодательства о земле не позволяют осуществлять надежный контроль за территориальным, во многом стихийным развитием поселений. В этой связи с целью улучшения взаимодействия между программой и планом развития поселения, как и планами использования земель, стоит вопрос согласования таких схем не только между проектировщиками и управленцами, но и с жителями поселений и заинтересованными общественными и частными организациями. Такой согласовательный процесс позволяет снять множество противоречий и конфликтов, которые неизбежно возникают в процессе решения земельных

вопросов, и наладить общественный контроль над результативностью таких действий.

В регионах, как отмечалось, существуют программы территориального планирования, в которых разработаны общие положения развития областей, включая сельскую местность. Например, в Тамбовской области комплексное развитие сельских территорий предусматривает реализацию шести пилотных проектов на территориях муниципальных районов, включающих две части. Первая, собственно экономическая часть, заключается в том, что область выбрала своей специализацией модернизацию и создание новых перерабатывающих производств сельскохозяйственной продукции. Причем переработка сельскохозяйственной продукции будет вестись по самым новейшим технологиям. Вторая часть состоит в реализации эффективной социальной политики с особым вниманием к трудовым ресурсам. С одной стороны, реализуется политика санирования сельских территорий, с другой – Тамбовская область принимает самое активное участие в федеральных программах по привлечению соотечественников из-за рубежа. В частности, ставка делается на приезд из Грузии двухсот семей общины духоборов. Все они, как предполагается, будут интегрироваться в социум и создавать пласт трудовых ресурсов [3].

Однако, не умаляя преимуществ данных проектов, стоит отметить, что их реализация, как и многих других не учитывает специфики отдельных поселений, путем сохранения региональных черт конкретного селения и его окружения с использованием методов, как реконструкции, так и нового строительства, с учетом местной стилистики, условий и образа жизни населения. Конечно, такая задача является весьма сложной, требующей исследования и решения широкого круга проблем, привлечения специалистов разного профиля. Но именно такая концепция с её нацеленностью на комплексное социально-экономическое развитие, повышение уровня и улучшение образа и качества жизни населения в сельской местности, способна пусть и не быстро решить накопившиеся проблемы. Ведь полифункциональность той или иной территории накладывает отпечаток на функциональную структуру сельских поселений, на их «рисунок», на образ жизни сельского населения. Соответственно и сельская поселенческая сеть формируется и развивается не сама по себе, а в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности с функциями вмещающей их территории. Учет региональных и областных особенностей и связей функционирования закономерно повышает достоверность планирования и прогнозирования развития сельских поселений, усиливает обоснованность перспективных путей их совершенствования [3].

Наконец, за масштабностью социально-экономических проблем, остаются нерешенными вопросы реставрации и реконструкции разных типов наследия, включая культурные ландшафты сельских поселений [2]. Но если в городах эта проблема как-то обсуждается и решается, то на селе данный вопрос остается открытым. До сих пор нет критериев выделения исторических сёл. Пока эти вопросы не решаются как на уровне управления,

так и самими жителями, не осведомленными в значимости собственного наследия. Характерным примером является обновление крестьянских домов во многих странах Европы, что стало частью дифференцированной политики реновации села.

Сельские поселения являются важным элементом в понятии культурной идентичности населения. Однако долгое время, да и сегодня они не рассматриваются как пространство, которое необходимо сохранить в его полноте, недооценивается важность, как местных архитектурных образцов строений, так и различных типов культурных ландшафтов. Крестьянская усадьба или их группа – не просто жизненное пространство, но и среда для работы человека, включающая экологические и социально-культурные функции. Любые решения в области строительства или реконструкции прямо или косвенно влияют и на экономические характеристики. Поэтому сегодня при реконструкции усадеб встает необходимость анализа основных направлений сельскохозяйственной, промышленной или другой политики на региональном или местном уровне с целью сохранения локальной идентичности не только построек, но и всего поселения, а, следовательно — образа региона и страны в целом.

Таким образом, из перечисленных выше общих проблем, имеющих в сельской среде, можно сделать вывод: основное их количество так или иначе, существует повсюду и лишь по-разному может проявляться в разных типах сельских поселений по регионам страны. Их своеобразие при необходимости можно обнаружить лишь во время локального исследования отдельного поселения с учетом исторических, экономических, социокультурных и прочих особенностей. При этом следует помнить, что наличие проблем регионального уровня складывается главным образом из суммы нерешенных локальных вопросов, стоящих перед сельскими поселениями и при их взаимодействии между собой. Однако эти решения зависят от ряда факторов федерального, регионального и местного уровней, а также от взаимодействия представителей управления, государственных и частных структур, проектировщиков и населения [4].

Существующие планы социально-экономического развития регионов, кроме государственных и отраслевых программ, должны включать адресные программы развития сельских поселений. Например, специфика ситуации в каждом из более чем полутора тысяч сельских поселений Тамбовской области (как и в других регионах) не может быть учтена на региональном, тем более федеральном уровне. Поэтому такая программа должна носить рамочный характер, а её реализация должна основываться в значительной части своих направлений на конкурсах и грантах, поскольку осуществление нестандартных проектов требует особых качеств от их исполнителей.

В этой связи механизм действия региональной руральной политики, направленной на реализацию комплексного и устойчивого развития сельских поселений, базируется на разработке всего пакета необходимой документации, включая архитектурно-градостроительные документы, планирование социально-экономического развития, проекты

территориального развития, экологические программы и прочее по отношению к конкретным территориям. Создаются модельные прототипы координационно-управленческой структуры, организационно-структурных подразделений и службы информационно-аналитического обеспечения с единой базой данных. Разрабатываются необходимые модели процессов и алгоритмы действий, позволяющие оперативно и с минимальными погрешностями готовить все обязательные разрешительные, справочные, сопроводительные и отчетные документы [4].

По своей структуре схема представляет совокупность взаимоувязанных и соподчиненных автоматизированных технологий создания и введения информационных ресурсов о всех аспектах региональной руральной политики в интегрированную базу данных с выработкой оперативных решений и необходимых рекомендаций на каждом из этапов намечаемой или текущей деятельности.

Таким образом, основные параметры региональной руральной политики направлены на:

- формирование единого социально-экономического и селитебного пространства региона в целом, отдельных сельских поселений и их территорий;

- устранение излишних административных барьеров при оформлении исходно-разрешительной документации на этапах проектирования, реконструкции и реализации;

- создание компьютеризированной информационно-аналитической системы обеспечения всех видов деятельности на территориях муниципальных образований в качестве инструмента управления;

- участие сельского населения и тем самым обеспечение публичности исходящей документации на основе механизма правового регулирования градостроительных и земельно-имущественных отношений;

- всесторонний учет и мониторинг состояния и использования территорий сельских поселений, документации на все виды деятельности, планы и программы социально-экономического и инвестиционного развития;

- повышение согласованности между организационно-структурными подразделениями (земельными, градостроительными, имущественными и др.) за счет единого координационно-управленческого центра.

Решение этих вопросов должно устранить или, по крайней мере, свести к минимуму резкие контрасты в социально-экономическом развитии сельских поселений. Концепция построения данной схемы (или подобной) должна базироваться на учёте опыта прошлого, с устранением существующих и доставшихся «по наследству» нерешенных проблем, среди которых основными являются:

- расхождение прогнозов с реальными изменениями в распределении сельского населения по территории, в количестве и типах поселений, в пространственной организации хозяйства, инфраструктуры;

- неэффективность выборочной оптимизации поселений на основе ограничения роста крупных городов и укрупнения сёл, ликвидации «неперспективных» поселений;
- неоправдавшаяся концепция совершенствования расселения на основе достижения «оптимальных параметров» группового расселения;
- сохранение фактора случайности и кризисных проявлений в развитии сети сельских поселений;
- непредвиденные последствия непродуманного управления;
- отсутствие общероссийской стратегии совершенствования поселенческой сети;
- несоответствие целей, методов и средств огромным затратам (финансовым, ресурсным, людским) на реализацию различных проектов.

В связи с системностью, проблемы территориальной организации сельских поселений и развитие социально-экономического потенциала села целесообразно совершенствовать в контексте решения проблем в общероссийском масштабе с учётом опыта соседей и общемировых тенденций.

Поэтому необходимо ускорить процесс формирования государственной политики развития сельских территорий, которая, во-первых, давала бы позитивную ориентацию на их будущее устойчивое развитие, во-вторых, соответствовала бы российской ментальности и, в-третьих, обладала бы интеграционной сущностью, чтобы объединить различные ведомства, организации, территориальные администрации разных уровней управления и населения в процессе обустройства российских сельских территорий [1].

Следовательно, совершенствование сельского поселенческого потенциала должно основываться не на ограничении развития малых поселений, не на свертывании тех или иных типов поселений из-за «неэкономичности» их размеров, а на использовании таких форм улучшения условий труда и жизни, которые соответствуют особенностям каждого типа поселений, на определении функций каждого поселения в их системе, на усилении и рациональной организации межселенных связей, устраняющих обособленность и оторванность поселений друг от друга, на создании предпосылок для выравнивания социальных условий жизни в поселениях разных размеров и типов. Тем более что даже городские поселения резко различаются по размерам, следовательно, и по потенциалу каждого отдельного поселения. Объективная необходимость иметь сельские поселения, разные по функциям, величине, структуре, свидетельствует о том, что повышение качества условий жизни и социальной среды в них может быть достигнуто только на базе углубления совокупности межселенных связей, общего поселенческого потенциала.

Литература

1. Артамонов А.Д., Бетин О.И., Богданов И.Я. Политика развития сельских территорий России: поселения XXI века. Тамбов: ООО «Издательство Юлис», 2005. 384 с.

2. Евдокимов М.Ю., Катровский А.П. Некоторые аспекты эволюции культурных функций сельских поселений // Вопросы исторической географии России. Тверь: Изд-во ТГУ, 1995. С. 32 – 72.
3. Панков С.В. Механизм реализации региональной руральной политики // Альманах современной науки и образования. № 9 (40), 2010. С. 73 – 75.
4. Панков С.В. Сельские поселения: теория и практика регионального исследования: монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. 406 с.
5. Чепурных Н.В., Новоселов А.Л., Мерзлов А.В. Региональное развитие: сельская местность; Совет по изучению производ. сил. М.: Наука, 2006. 384 с.

ЭКСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛАНДШАФТОВ МАЛЫХ «ИСТОРИЧЕСКИХ» ГОРОДОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Н.В. Проскурина

Воронежский государственный педагогический университет»

Воронеж, Россия

e-mail: prosk.n@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются малые «исторические» города Воронежской области. Раскрыта история их формирования и экстические особенности городских ландшафтов.

К малым «историческим» городам Воронежской области автор относит следующие поселения: Бобров, Богучар, Борисоглебск, Новохоперск, Острогожск и Павловск. Эти города в 1990 году были включены в первый «Список исторических населенных мест РСФСР». Список исторических городов России с тех пор неоднократно пересматривался и сократился на сегодняшний день более чем в 10 раз. Сегодня в нем насчитывается всего 41 населенный пункт РФ и, к сожалению, в нем нет поселений Воронежской области. Но, с другой стороны, не имея юридического статуса, все эти поселения характеризуются как поселения, «прошедшие длительный путь развития, имеющие ценные в историческом, художественном и архитектурном отношении памятники, ансамбли и комплексы городской застройки, интересные фрагменты древней планировки, а также культурный слой, представляющий археологическую ценность» [1]. Исключением в этом ряду является и г. Борисоглебск, который, согласно классификации городов по их величине, относится к средним. Вместе с тем, подобный авторский подход обусловлен общей сходной историей развития данных поселений региона и их художественной, культурной значимостью.

«Исторические» города Воронежской области – это своеобразные культурные ландшафты, которые сформировались в результате взаимодействия человека и природной среды. В последние годы ландшафты, как в России, так и во всем мире очень быстро, заметно изменяются. Растет интерес и внимание к самым разным ландшафтам и не только в науке, но и в обществе, в образовательной среде, в культурной жизни. Сегодня люди

понимают, что для того чтобы сохранить ландшафт, надо сохранить население, исторически проживающее на нем, его культуру, необходимо чтобы население продолжало заниматься традиционной хозяйственной деятельностью и т.д.

В середине XX в. греческий архитектор-градостроитель К. Доксиадис выдвинул теорию о формировании и эволюции человеческих поселений различной величины – экистика. Согласно данной теории, в любом поселении выделяются пять элементов: природа, человек, общество, здания и сети (дороги, коммуникации и пр). Природный (или ландшафтный) элемент рассматривается в качестве одного из основополагающих факторов, регулирующих процессы расселения населения и эволюцию населенных пунктов. Изучение экистических особенностей поселений позволяет объяснить адаптацию населения к определенным природным условиям. Многообразие естественных природных условий (особенности орографии, климата, гидрографии, почвы, растительного покрова, широтной зональности и т.п.) оказывает влияние на систему расселения и архитектурно-градостроительные особенности населенных пунктов.

Рассмотрим экистические особенности ландшафтов малых «историческим» городов Воронежской области. Ландшафты исторических городов Воронежской области имеют длительную историю своего развития (табл. 1). Они формировались, как главные центры в системе расселения современной Воронежской области. Территория современной Воронежской области расположена в пределах равнинного рельефа – в центре Русской равнины. В пределах Русской равнины на территории региона отчетливо выделяются Среднерусская возвышенность и Окско-Донская низменность.

Главная водная артерия области – р. Дон. С севера на юг происходит постепенная смена лесостепной на степную природную зону, что отражено в характере растительного покрова и типах почв.

Исторические города Воронежской области появились на карте современной Воронежской области как населенные пункты – города-крепости, города-верфи, административные села.

Все они первоначально выполняли две важные функции – оборонительную и административную. В 1779г. все рассматриваемые поселения по указу Екатерины II получили статус уездных городов. «В 1782г. города получают утвержденные гербы, а в 1786-1806гг. – регулярные генеральные планы» [1]. Все уездные города располагались на реках, имели выгодное транспортно-географическое и орографическое положение. Тип поселений долинный. Регулярная планировка и застройка уездных городов также были обусловлены ландшафтными особенностями. Планировка населенных пунктов была связана с характером ландшафта, особенностями рельефа, т.е. с природной спецификой места.

Таблица 1

Формирование исторических городов Воронежской области

Название поселения (первые упоминания о нем)	Административная принадлежность (первоначальное название), получил статус города	Функции, выполняемые в годы основания	Современная площадь города, км ²	Современная численность населения, чел.
Борисоглебск (1698)	Тамбовская губерния (Новопавловская крепость, Павловск), 1704 г.	оборонительные, административные, транспортные, торгово-промышленные, культурные	49	62 669
Бобров (1698)	Воронежская губерния 1711 г.	оборонительные, административные, промышленные, культурные	22	20 605
Богучар (1704)	Воронежская губерния, 1779 г.	оборонительные, транспортные, промышленные, административные, культурные	13	11 295
Новохоперск (1711)	Воронежская губерния (Пристанский, Хоперская крепость), 1711 г.	оборонительные, судостроительные, транспортные, промышленные, административные	14	6188
Острогожск (1652)	Воронежская губерния, 1652 г.	оборонительные, административные, торгово-промышленные, культурные	22	32 714
Павловск (1709)	Воронежская губерния (Осеред, Ново-Павловская крепость), 1709 г.	административные, судостроительные, транспортные, промышленные, культурные	8,22	25 047

Все исторические города современной Воронежской области имеют «компактные планировочные системы с прямоугольной сеткой кварталов, дополненной в г.Богучаре элементами веерной планировки» [1]. К моменту проектирования развития уездных городов по регулярным планам, специалисты отмечают, что в центре всех городов «стояли кирпичные соборы и приходские храмы, сложились торговые площади, главные улицы, ведущие к выездам из городов, на проезжие, «внешние» дороги, второстепенные улицы, ориентированные к площади и рекам, а в некоторых

городах уже стояли кирпичные гражданские здания» [1]. При последующих архитектурно-планировочных преобразованиях городов все узловые планировочные и градостроительные элементы были сохранены. Период регулярной перепланировки XVIII – нач. XIX вв. повсеместно сохранился в сетке улиц и площадей бывших уездных городов, а также оставил много памятников архитектуры прошлых столетий.

В застройке исторических городов Воронежской области специалисты выделяют две важные особенности – фасадность и соблюдение красной линии. Фасадность проявляется в том, что с улицы каждое здание воспринимается объемно и его можно рассмотреть с трех сторон. Симметрично расположенные здания с единой системой композиционного построения создают уличные «ансамбли». Фасады зданий традиционно украшали металлическими ажурными навесами, балконами. Многие исторические города современной Воронежской области расположены в лесостепной зоне, где древесина была главным строительным материалом (Борисоглебск, Новохоперск). Поэтому не только для строительства, но и для украшения фасадов использовалась резьба по дереву. Пышной резьбой покрывались наличники, подзоры, карнизы и т.п. Богатые горожане не жалели средств на декоративное украшение своего жилья. К сожалению, урбанизация XX в. уничтожила провинциальную городскую среду, но отдельные ее элементы, и сегодня встречаются в исторических городах. Другой особенностью городских ландшафтов является красная линия. Жилые дома ставились строго по красной линии улицы. Дома строились на относительно приподнятом пространстве, с одинаковой ориентировкой домов вдоль улицы или берега реки. Протяженность уличного фасада дома была от 10 до 15 метров. За домом, по границе собственного двора, размещались хозяйственные постройки. За двором, вглубь участка тянулись сады и огороды. В исторических городах Воронежской области средние размеры домовладения значительно отличались. Например, в г.Острогжск - 760 кв.м, в г. Павловске – 1147 кв.м, в г. Боброве – 2493 кв.м. [1].

Таким образом, экистические особенности ландшафтов малых «исторических» городов Воронежской области отразились в архитектурно-планировочной системе поселений, особенностях домовладений, их художественном оформлении. Значительное воздействие на облик городов оказали особенности рельефа, орографии, гидрография, природные ресурсы и прочие условия.

Литература

1. Кригер Л.В. Архитектура исторических городов Воронежской области / Л.В. Кригер, Г.А. Чесноков. – Воронеж : Центр духовного возрождения, 2009. – 320 с.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЦФО (РОССИИ)

П.И. Разенков

Курский государственный университет, Россия

e-mail: razenkov.pavel@yandex.ru

Аннотация: В статье проведён сравнительно-географический анализ влияния социально-экономических условий на уровень рождаемости в Республике Беларусь и ЦФО России. Выбор сравниваемых территорий связан с их схожестью в историческом, политическом и культурном аспектах. В результате выявленных закономерностей зависимости демографических процессов от социально-экономических условий, сделан вывод о причинах такой зависимости.

Ключевые слова: суммарный коэффициент рождаемости, коэффициент Джини, заработная плата, уровень жизни.

Чтобы определить оказываемое влияние социально-экономических условий на рождаемость, необходимо сравнить две территории с разным уровнем жизни населения и проанализировать их основные демографические показатели, в первую очередь, суммарный коэффициент рождаемости.

Исследование базируется на сравнении Республики Беларусь и Центрального федерального округа России. Поскольку эти две территории длительный промежуток времени являлись частями единого государства, практически в одинаковой степени пострадали во время Великой Отечественной войны, хотя Беларусь в большей степени, поскольку была полностью оккупирована немецкими войсками, обе территории в полной мере ощутили трудности переходного периода и серьёзно пострадали от крушения СССР. В половозрастной структуре населения наблюдаются одинаковые шрамы - оставленные Великой Отечественной войной, её 2-м и 3-м эхом, и, разумеется, демографическая яма 1990-х годов.

Эти критерии делают исследование более объективным. В анализ не включена вся Россия, поскольку на её территории имеются национальные республики с высоким уровнем рождаемости, что может значительно исказить результат сравнения.

Подобную проблему поднимали Мигунова О.В., Ерофеев Ю.В., Стороженко А.Е. в статье "Влияние социально-экономических факторов на демографические процессы в России и мире". Исследователями было установлено, что неблагоприятные тенденции, характерные для демографической ситуации в Российской Федерации, во многом связаны с низкой эффективностью мер по социально-экономическому развитию [4].

В первую очередь необходимо сравнить уровень доходов населения и определить, жители какой из выбранных территорий живут лучше.

В экономическом плане Россия намного сильнее Беларуси, можно даже говорить, что экономика Беларуси практически полностью зависит от

российской, и когда в России случаются экономические кризисы, то же происходит и в Республике Беларусь. В структуре экспорта из Беларуси – Россия занимает 44,1%, а в структуре белорусского импорта занимает 57,2%, что говорит об очень тесном сотрудничестве. Экономика Беларуси завязана на том, чтобы импортировать сырьё, произвести товар и экспортировать его. Именно из-за этой особенности белорусской экономики можно говорить о её зависимости от российской. ВВП России на 2017 год составил немного более 4 трлн. долл. (по ППС), а ВВП Беларуси 179 млрд долл. (по ППС) т.е. можно сказать экономика России в 22 раза больше белорусской[5].

Однако размер ВВП не говорит об эффективности экономики, поэтому необходимо рассмотреть такой показатель, как ВВП на душу населения. В России он составляет 27834 долл., а в Беларуси – 18931 (2017 год). Получается, что в Беларуси почти на 9 тыс. долл. на душу населения меньше чем в России, т.е. российская экономика эффективнее белорусской на 1/3 [2]. Также нужно отметить, что в Беларуси доля государственного сектора примерно 69%, [1] что достаточно сильно тормозит её развитие, хотя и в России есть тенденции к расширению доли госкорпораций, госсектор в экономике России составляет 46% [9].

Теперь рассмотрим уровень жизни в Беларуси и России, для начала определим структуру доходов населения этих стран. Ведь для нас главное определить основной источник доходов населения, чтобы сравнить его размер в разных странах.

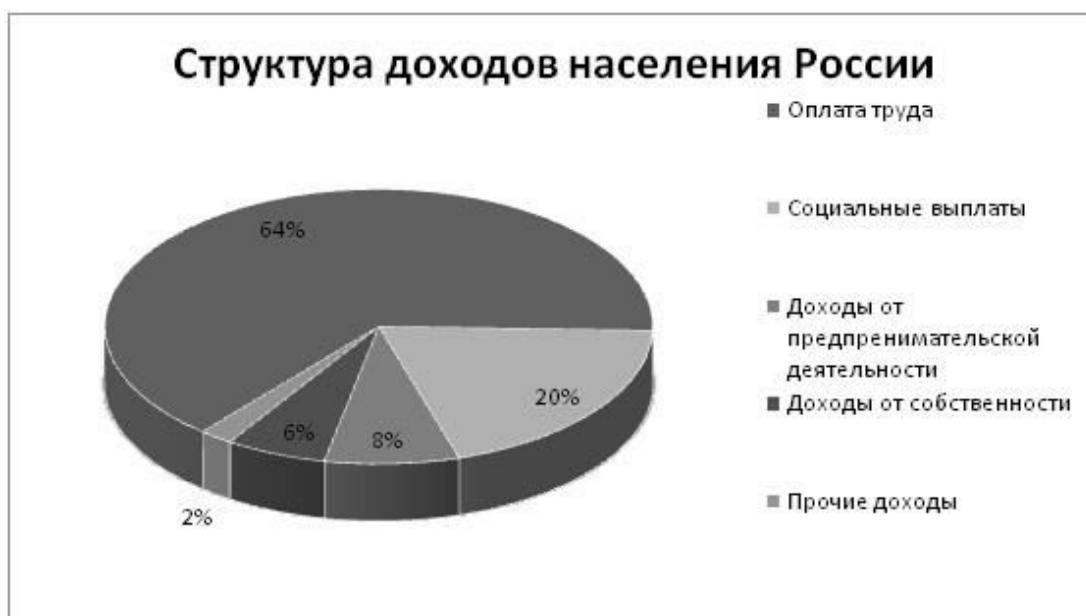

Рис. 1. Структура доходов населения России [2].

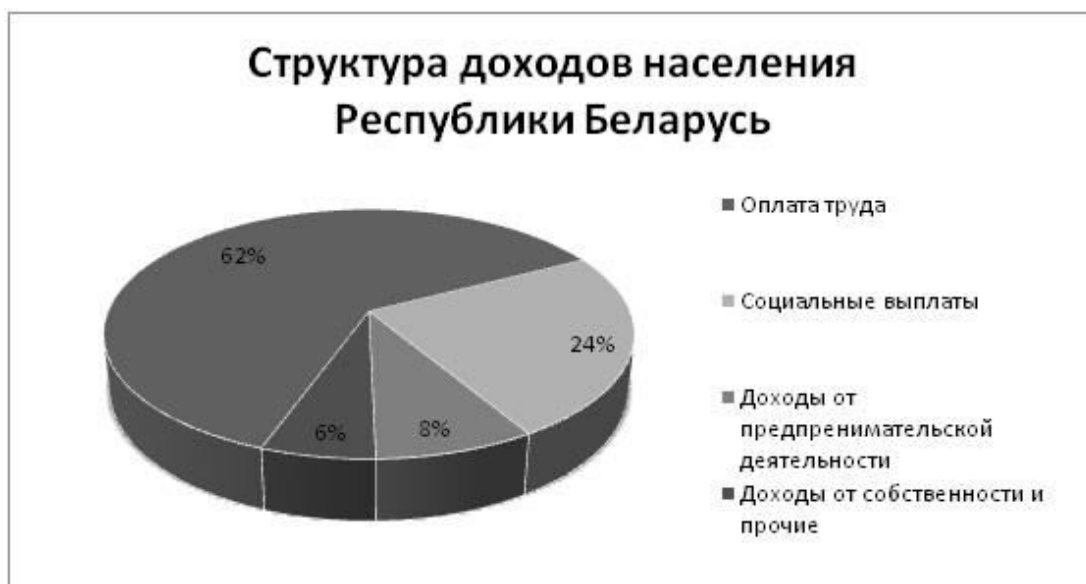

Рис. 2. Структура доходов населения Республики Беларусь [5].

На диаграммах видно, что основным источником доходов населения обеих стран является оплата труда, т.е. заработная плата. Значительную часть занимают социальные выплаты, но, как правило, они преобладают в доходах людей пожилого возраста, что оказывает не столь сильное влияние на рождаемость. Для лиц фертильного возраста основной источник доходов - заработная плата.

Средняя заработная плата (2016 г.) по областям ЦФО находится в диапазоне 27000-37000 руб. в зависимости от уровня социально-экономического развития, но в среднем получается – 32 000 руб. (около 500 долл., в 2016 г.), средняя зарплата в Республике Беларусь составляет 800-900 белорусских рублей. В разных областях есть небольшие отличия, но в среднем 850 белорусских рублей, или 400 долл., что на 100 долл. ниже, чем в ЦФО России. Однако для нас главное не размер заработной платы, а покупательная способность населения [2].

Стоимость продуктов питания в Беларуси примерно на 30% дешевле чем в России. Некоторые продукты дешевле в России, например растительное масло, кофе и специи, однако большинство продуктов всё же дешевле в Белоруссии [8]. Коммунальные услуги за 2-х комнатную квартиру примерной площадью 50 м² белорусу обойдутся в 48 долл., россиянину за такую же квартиру придётся заплатить 89 долл., однако бытовая техника, электроника и различные непродовольственные товары в Беларуси дороже примерно на 30 %, а по отдельным видам продукции разница доходит и до 40% [6]. Более высокие цены на ЖКХ и продукты питания в России позволяют утверждать, что на свою зарплату белорус и россиянин могут позволить себе практически одно и то же, и разница в уровне заработных плат не влияет на уровень жизни населения [7].

Большое значение в жизни населения всегда играло жилище, и для определения уровня жизни необходимо знать, сколько квадратных метров

жилой площади приходится на каждого жителя страны, и самое главное их доступность. Определяющим фактором доступности жилья является его цена. В Минске 1м² жилья стоит 1200 долл., а в среднем по стране 1м² стоит 500-600 долл.. В ЦФО 1м² жилой площади стоит около 700-800 долл., если же брать столицу, то в Москве 1 м² обойдётся в 161 тыс. рублей, или 2600 долл.. Можно сказать, что жильё в Беларуси дешевле, чем в России, что делает его более доступным для молодых семей. Обеспеченность населения квадратными метрами в России составляет 24,4 м²/чел., в Москве этот показатель 19,1м²/чел., в Республике Беларусь – 28 м²/чел., в Минске 22,7м²/чел.[5].

С одной стороны, заработные платы выше в России, а жильё, большая часть продуктов, и квартплата дешевле в Беларуси. Бытовая техника и электроника дешевле в России, но люди покупают её не так часто – примерно раз в 5-10 лет, все эти факторы говорят о более высоком уровне жизни в Белоруссии.

Теперь определим степень социального расслоения общества, а конкретно, численность населения за чертой бедности и справедливость распределения доходов.

Для более точного определения уровня бедности в исследуемых регионах необходимо обратиться не к абсолютным показателям, а к относительным, т.е. процентному соотношению численности населения за чертой бедности, поскольку численность населения в ЦФО выше, чем в Белоруссии.

По статистике Росстата численность населения находящегося за чертой бедности в ЦФО достигла своего минимума в 2012 году – 10,7% , а вот в 2016 году уровень бедности достиг уже 11,6%. Возможно, это было вызвано нестабильностью политической ситуации, экономическим кризисом и наложенными на Россию санкциями.

В Республике Беларусь самый низкий уровень бедности зафиксирован в 2014 году – 4,8 % и далее этот показатель начинает расти до 5,7% в 2016 году, это также может быть последствием экономического кризиса. Сравнивая уровень бедности в России и Беларуси, можно прийти к противоречивому умозаключению. Уровень зарплат выше в России, а уровень бедности – в 2 раза ниже в Беларуси. Такая ситуация может сложиться лишь из-за неравномерности распределения доходов, то есть в Беларуси доходы распределяются более равномерно, чем в России. Наиболее наглядно равномерность распределения доходов показывает такой показатель как индекс Джини.

Разумеется, всё вышесказанное не имело бы смысла, если бы у России и Белоруссии существенно различался прожиточный минимум. В России на 2016 год он в среднем по ЦФО составлял 9000 р, в то время как в Беларуси прожиточный минимум в пересчёте на рубли был равен примерно 6000 р

Рис. 3. Индекс Джини для России и Беларуси [2],[5].

В России на 1/3 прожиточный минимум больше, чем в Беларуси. Несмотря на такие существенные различия, не будем забывать о разнице в ценах на продукты питания и квартплату. В итоге мы получим примерно одинаковый набор товаров и услуг на сумму прожиточного минимума в Беларуси и России.

Индекс Джини показывает справедливость распределения доходов: 0 - абсолютная справедливость, то есть все получают одинаковое количество денег, и 1 – полная несправедливость, все деньги получает лишь один человек.

Как мы можем наблюдать на графике, индекс Джини значительно выше в России, а, значит, доходы распределяются более справедливо в Беларуси, а это, в свою очередь, говорит о более высоком качестве жизни в Беларуси чем в России.

По некоторым показателям качества жизни Беларусь обгоняет ЦФО, что свидетельствует о более комфортных социально-экономических условиях жизни и должно сопровождаться более высокой рождаемостью в Беларуси, чем в ЦФО, при прямой зависимости рождаемости от качества жизни.

Для наиболее точного сравнения уровня рождаемости на исследуемых территориях возьмём суммарный коэффициент рождаемости. Данный коэффициент показывает среднее количество рождений у каждой женщины за её жизнь. Оптимальное значение, при котором будет сохраняться рост численности населения – 2,1. До такого уровня рождаемости за период после распада СССР не дошёл ни один из исследуемых объектов, однако можно сравнить, где всё же значение данного коэффициента выше?

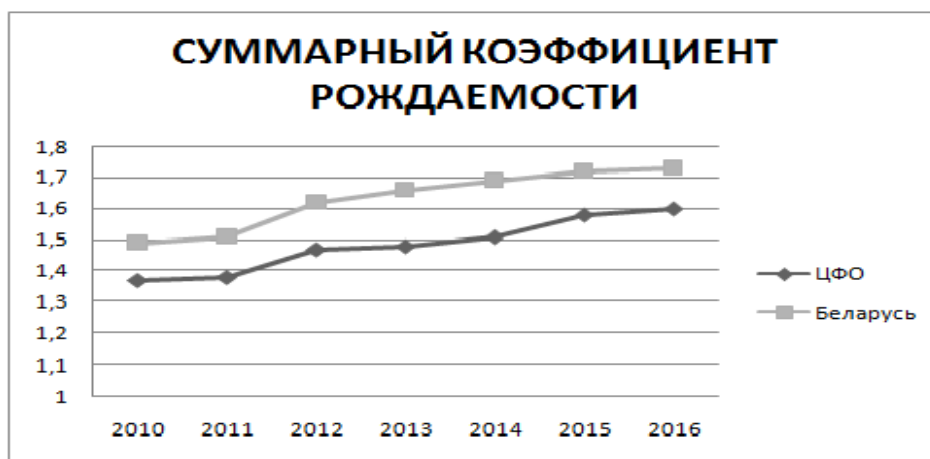

Рис. 4. Суммарный коэффициент рождаемости(СКР) для ЦФО (России) и Беларуси [3],[5].

Исследовав график можно заметить, что суммарный коэффициент рождаемости почти на 0,2 выше в Беларуси, что свидетельствует о более высокой рождаемости в Беларуси. Даже если сравнивать с общероссийскими значениями СКР, в 2016 г. –1,76 то получится, что Беларусь будет уступать лишь на 0,03.

Если исходить из результатов исследования, то можно заключить:

1. В Беларуси выше уровень жизни за счёт более справедливого распределения доходов, о чём свидетельствует более низкий процент населения за чертой бедности и меньшее, чем в России, значение коэффициента Джини.

2. Вне зависимости от размера средней заработной платы, в одном регионе, даже с более высоким значением этого показателя, может быть намного больше доля бедного населения, чем в другом регионе, в котором значение этого показателя будет ниже.

3. За счёт схожести исследуемых регионов можно сказать, что на более высокий уровень рождаемости в Беларуси оказал определяющее значение более высокий уровень жизни.

Социально ориентированная политика правительства Республики Беларусь позволяет создавать примерно равное распределение денежных потоков. Конечно, социальное расслоение присутствует, но оно не так чётко выражено, как в России. Чем больше численность населения, способного обеспечивать не только свои собственные базовые потребности, но и своих будущих детей, тем благоприятнее демографическая обстановка в стране. В статье прослеживается прямая зависимость между социально-экономическими условиями и суммарным коэффициентом рождаемости. Это полностью доказывает выдвинутую гипотезу о зависимости демографических процессов, протекающих в странах с переходной экономикой, от социально-экономических условий в этой стране.

Литература

1. Всемирный банк поставил тяжелый диагноз госсектору Беларуси <https://belaruspartisan.by/economic/214674/>
2. Главная: Федеральная служба государственной статистики <http://www.gks.ru> (дата обращения 14.07.2018)
3. Демоскоп Weekly - Приложение. Справочник статистических показателей http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_tfr_gor.php?reg=94(дата обращения 14.07.2018)
4. Мигунова О. В. Влияние социально-экономических факторов на демографические процессы в России и мире / О. В. Мигунова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2013. – № 7 (14) Часть 5. – С. 50 –52. – URL: <https://research-journal.org/medical/vliyanie-socialno-ekonomicheskix-faktorov-na-demograficheskie-processy-v-rossii-i-mire/> (дата обращения: 14.09.2018.).
5. Национальный статистический комитет Республики Беларусь <http://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 14.07.2018)
6. Разница в ценах на бытовую технику и электронику в Беларуси и России доходит до 40% <https://probusiness.io/markets/344-raznica-v-cenakh-na-bytovuyu-tekhniku-i-elektroniku-v-belarusi-i-rossii-dokhodit-do-40.html>(дата обращения: 31.08.2018)
7. Сколько денег после уплаты коммуналки остается в кошельке у белоруса, украинца и поляка? <https://www.kp.by/daily/26631/3649917/>(дата обращения 31.08.2018)
8. Что и у кого дороже и дешевле. Наглядное сравнение цен в Белоруссии, России и Украине <http://www.ctv.by/chto-i-kogo-dorozhe-i-deshevle-naglyadnoe-sravnenie-cen-na-tovary-v-belarusi-rossii-i-ukraine>(дата обращения: 14.07.2018)
9. Эксперты ЦСР: доля госсектора в экономике достигла 46% <http://2035.media/2018/05/11/gossector/>(дата обращения: 14.07.2018)

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА НА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

П.И. Разенков

Курский государственный университет, Россия

e-mail: rozenkov.pavel@yandex.ru

Аннотация: В статье проведено статистическое и картографическое исследование влияния экономического кризиса на рождаемость в Республике Казахстан. Выбор объекта исследования связан с важностью изучения ближайшего соседа России обладающего, по сравнению с другими странами, самой большой протяженностью сухопутных границ. В результате исследования выявлены взаимосвязи между экономическим кризисом и демографической ситуацией на изучаемой территории, сделаны соответствующие выводы.

Ключевые слова: суммарный коэффициент рождаемости, общий коэффициент рождаемости, экономический кризис, девальвация, рецессия.

Экономический кризис неотъемлемая часть рыночной экономической системы, и периодически возникающие кризисы можно подразделить на две группы:

1. Кризис приводит к небольшому экономическому спаду, однако не ведёт к существенному ухудшению уровня жизни и проходит практически незаметно для большей части населения.

2. Кризис влечёт за собой существенное падение уровня доходов населения и как следствие существенное падение уровня жизни. Такие кризисы оказывают негативное воздействие на демографическую ситуацию, и как правило приводят к снижению уровня рождаемости и суммарного коэффициента рождаемости.

В статье будет изучаться кризис 2014 года, на примере соседнего России государства Казахстан.

Подобную тему рассматривали в своей статье Малимонов И.В., Синьковская И.Г., Рахинский Д.В., Король Л.Г., однако в их статье основное внимание уделяется анализу влияния экономических факторов, формирующих демографическую ситуацию в современном обществе. В данной статье будет рассматриваться то же самое, но на примере Республики Казахстан [2].

Казахстан очень важный стратегический и экономический партнёр России, поэтому для нас архиважно какие процессы протекают в этой стране, и к чему они могут привести.

России будет очень выгодно, если Казахстан станет экономически развитой страной и сможет в полной мере освоить свою территорию, однако для полного освоения территории Казахстану просто не хватает населения. Поэтому демографическая обстановка в этой стране очень важна для России.

Экономический кризис 2014 года оказал сильное воздействие на Россию и на большинство её партнёров. И, разумеется, Казахстан тоже серьёзно пострадал от этого кризиса.

Так же выбор объекта исследования вызван необходимостью доказать влияние экономических кризисов на демографические процессы в мусульманских странах. А в Казахстане 70% населения – мусульмане. Ведь считается, что на рождаемость очень сложно повлиять изменением в худшую сторону уровня жизни. В этой статье будет доказываться противоположное на примере Казахстана.

Однако для определения степени воздействия экономического кризиса на рождаемость в Казахстане необходимо определить влияние кризиса на экономику страны, что в свою очередь могло повлечь падение уровня жизни. Ведь если в стране не падал уровень жизни из-за кризиса, то можно предположить, что причиной снижения рождаемости были какие-то другие факторы.

Важнейшим показателем «здоровья» экономики страны, является её ВВП. Если ВВП растёт, значит, страна развивается, если ВВП падает – это может свидетельствовать об экономических проблемах в стране. Валовой внутренний продукт показывает количество произведённых в стране товаров и услуг, а если он уменьшается, значит, страна начинает производить меньше товаров. Если экономика страны уменьшается, то её требуется меньше рабочих мест, и это приводит к массовым увольнениям или резкому снижению заработной платы. Все эти экономические проблемы сказываются на сборе налогов, государством. Чем меньше государство соберёт налогов, тем меньше социальных выплат и пособий сможет выплатить. Государство

может испытывать острую нехватку денежных средств, что не может не сказаться на зарплатах бюджетников и работе подконтрольных государству ведомств.

Рис. 1. ВВП Казахстана с 2010 года в тыс. долл.[4]

На графике мы можем наблюдать экономический спад, начиная с 2014 года. С 2013 года ВВП Казахстана упал практически на 100 млрд долл., и это просто катастрофическое падение, учитывая, что на 2013 год ВВП Казахстана составлял 236 млрд долл., в 2016 году уже 137 млрд долл.. Экономика Казахстана стала меньше на 42%. Конечно такое существенное падение связано с девальвацией тенге по отношению к доллару, примерно тоже происходило и с российским рублём.

Одной из ключевых причин экономического кризиса в Казахстане была сырьевая ориентация экономики (65% экспорта сырьевая продукция). В связи с падением цен на углеводороды пострадала и Российская и Казахстанская экономики, поскольку именно экспорт нефти и газа является главной строчкой экспорта этих стран. С 2013 по 2016 год экспорт Республики Казахстан сократился с 84 млрд долл. до 37 млрд долл., так же сократился и импорт с 49 млрд долл. (2013г.) до 25 млрд долл. (2016 г.). Существенное падение торговли негативно сказывается не только на экономике страны, но и на её жителях.

Кризис существенно повлиял на Казахское машиностроение. Если в 2013 году казахские заводы выпускали 37 тыс. легковых и пассажирских автомобилей, то к 2016 году их производство сократилось до 5 тыс. Падение промышленного производства по отрасли более чем в 7 раз.

Таким образом, можно сделать вывод: экономический кризис 2014 года для Казахстана продлился до 2017 года, и повлёк за собой падение ВВП, существенное снижение уровня промышленного производства, уменьшение внешней торговли.

Теперь необходимо определить степень воздействия кризиса на население Казахстана.

Рис. 2. Уровень средних заработных плат в Республике Казахстан[4].

Для любой страны большое значение имеет уровень бедности, он обычно определяется количеством населения, чей уровень доходов на каждого члена семьи ниже прожиточного минимума. Также это важный показатель влияния экономического кризиса на население, однако, касательно Казахстана использование прожиточного минимума как критерий оценки влияния кризиса на общество будет некорректно

Поскольку в Казахстане прожиточный минимум равен 1 долл. в день или 30 долл. в месяц, по меркам ООН прожиточный минимум считается 150 долл. в месяц или 5 долл. в день. Поэтому официально населения за чертой прожиточного минимума в Казахстане менее 1%, что естественно не соответствует действительности [1].

Одним из важнейших показателей уровня жизни, является, размер средней заработной платы, по стране, выраженный, в долларовом эквиваленте.

На графике наблюдается падение уровня заработных плат, начиная с 2014 года и по 2016 год, в 2017 наблюдается небольшой рост. Общее падение уровня зарплат за 3 кризисных года составило 300долл. В первую очередь такое падение связано с девальвацией национальной Казахстанской валюты – тенге. Однако практически все внешнеэкономические операции Казахстан совершает не в тенге, а в долларах. Можно сказать теперь, в связи с девальвацией тенге в 2 раза по отношению к доллару, почти вся импортная продукция также подорожает в 2 раза. И импортируемые средства производства тоже подорожали, а вслед за ними подорожает и произведённая на них продукция. Так что если Казахстан закупает импортное оборудование и что-то на нём производит – этот товар также подорожает вслед за долларом. Именно по этой причине график заработных плат построен именно в долларовом эквиваленте, чтобы в полной мере ощутить сложившуюся экономическую ситуацию в исследуемой стране.

Исходя из вышесказанного, можно заключить: за кризисные годы в среднем казахи стали жить на 40% хуже.

При определении рождаемости в Казахстане сначала проанализируем общий коэффициент рождаемости. Для большей наглядности рассмотрим данный коэффициент по областям и его изменения за 3 года. Возьмём 2013 г. – докризисный год, далее 2015 г. – разгар кризиса, и 2017 – посткризисный год. Однако не стоит забывать, что для демографических изменений нужно время, и если ухудшился уровень жизни, на демографические процессы это повлияет только через год. Следуя этой логике, самая низкая рождаемость за исследуемый период должна быть в посткризисный год.

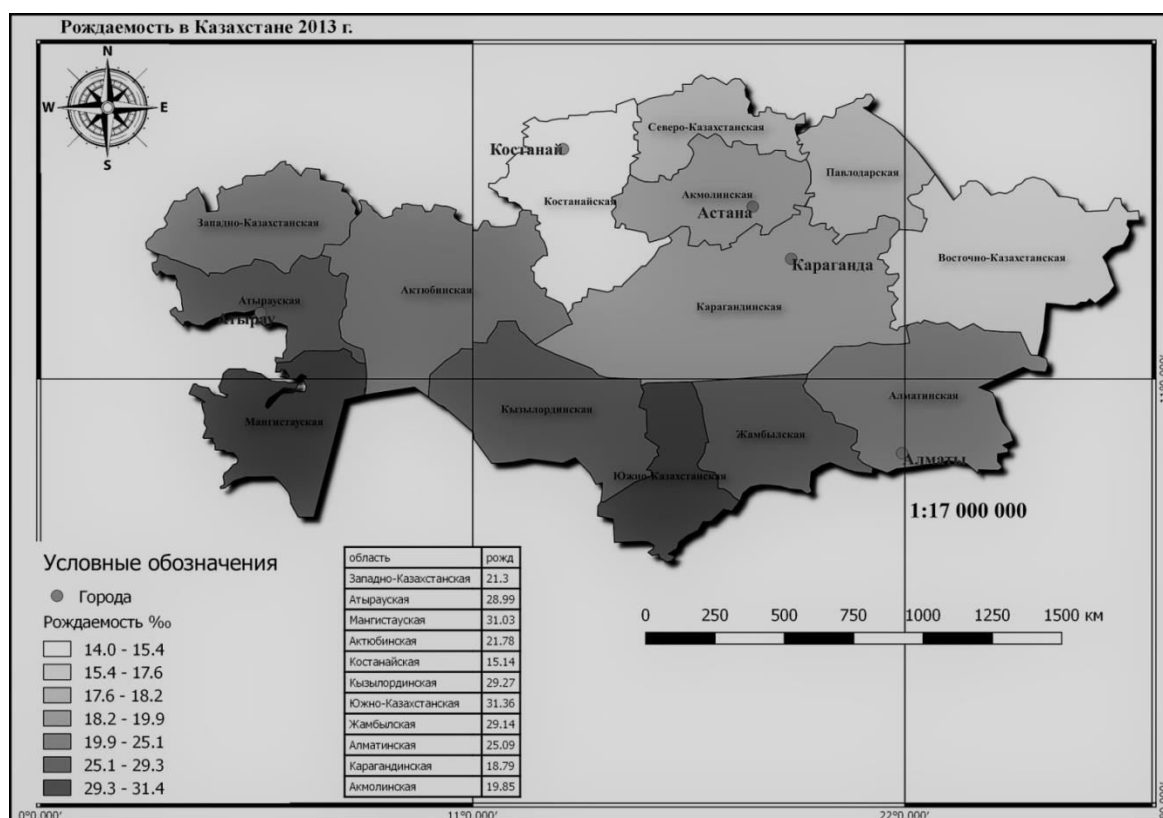

Рис. 3. Рождаемость в Казахстане в 2013 г. [4]

На карте мы можем наблюдать высокую рождаемость в областях с преобладанием казахов в структуру населения и низкую рождаемость в областях, где преобладает русское население. В Костанайской и Восточно-Казахстанской области преобладание русского населения. В Карагандинской, Павлодарской, Акмолинской – русских и казахов примерно одинаково, во всех остальных преобладание казахов.

С увеличением концентрации казахов в структуре населения области, увеличивается и общий коэффициент рождаемости (ОКР). На севере и северо-востоке страны, наименьшие значения, на юге и юго-западе самые большие значения (ОКР).

Можно заметить, что уровень рождаемости, в стране, очень сильно колеблется от 15‰, до 31‰, примерно в 2 раза. Такие существенные колебания объясняются различиями в вероисповедании, для мусульманских

семей более характерна многодетность, чем для православных, и как мы знаем, русские, исповедуют православие, а казахи – мусульманство, суннитского толка.

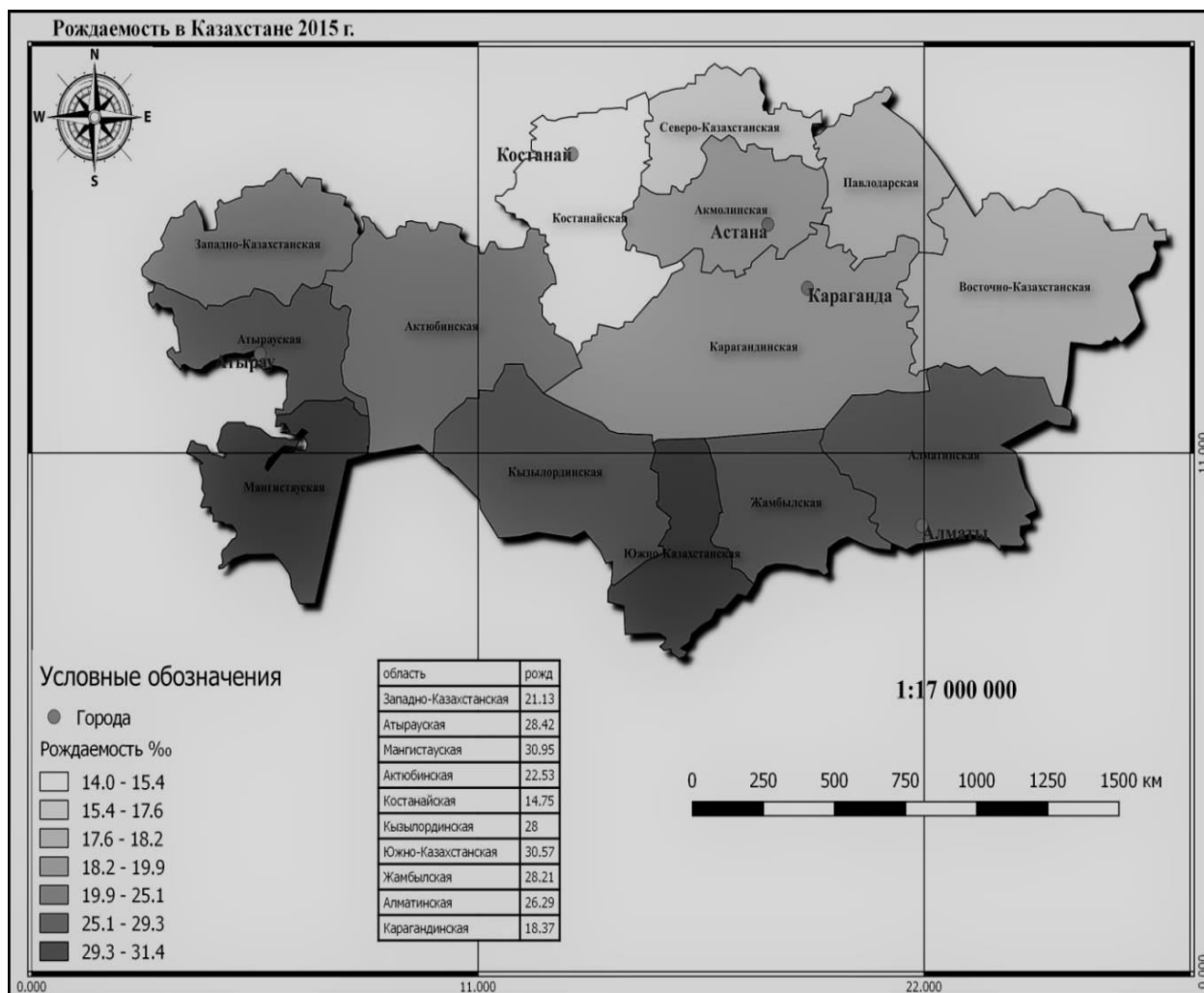

Рис. 4. Рождаемость в Казахстане в 2015 г. [4]

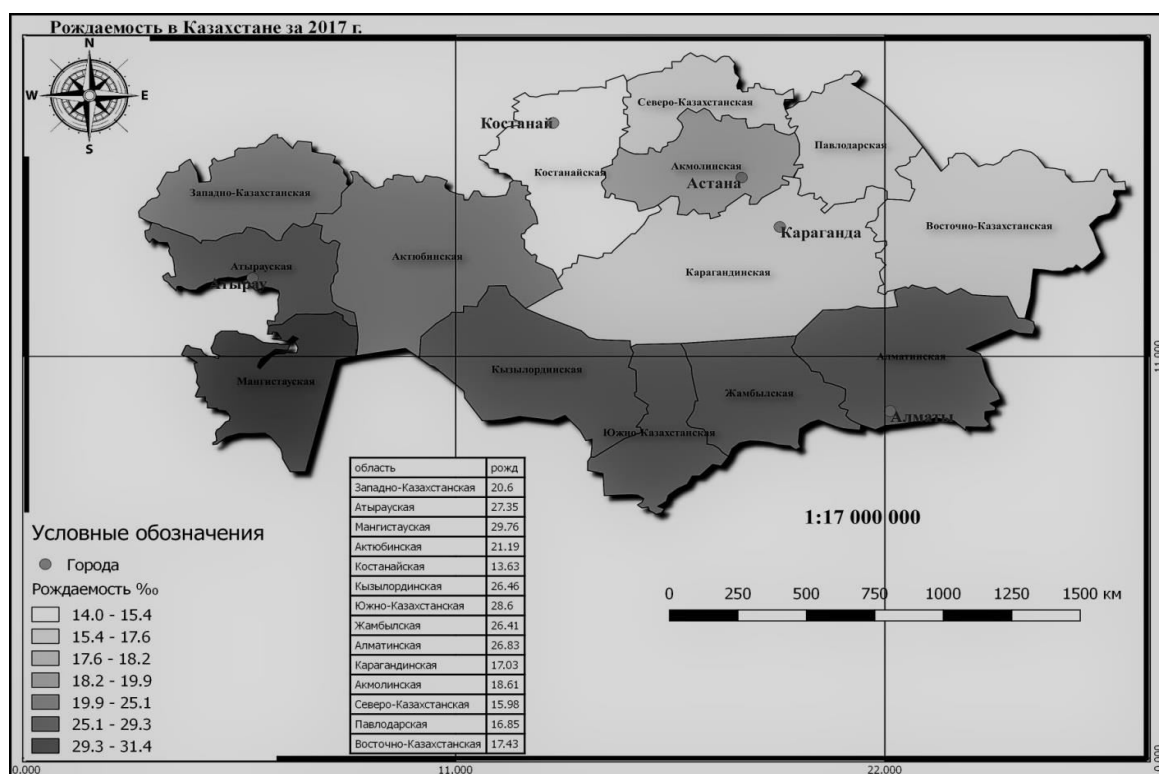

Рис. 5. Рождаемость в Казахстане в 2017 г.[4]

Проанализировав карты рождаемости в Казахстане за 3 года можно сделать вывод: за период с 2013-2015 годы рождаемость увеличилась только в Алматинской области, в северо-восточных областях Казахстана рождаемость упала. За период с 2015-2017 годы рождаемость во всех областях Казахстана упала в большей или меньшей степени, что характерно не только в северо-западных областях, где проживает в основном русское население, но и в южных областях, особенно в Южно-Казахстанской области. В этой области преобладает население исповедующее мусульманство и, несмотря на особенности этой религии, резкое изменение социально-экономических условий, вследствие экономического кризиса, неизбежно повлекло падение уровня рождаемости.

Однако общий коэффициент рождаемости показывает количество рождений на 1000 чел населения. Такой показатель может не совсем точно отражать истинное положение вещей, поскольку очень сильно зависит от половозрастной структуры населения, ведь если доля людей пожилого возраста будет увеличиваться, то неизбежно будет падать и общий коэффициент рождаемости.

Для большей точности исследования необходимо рассмотреть суммарный коэффициент рождаемости для Республики Казахстан. Он показывает количество рождений на одну женщину фертильного (детородного) возраста. То есть примерное количество детей в семье.

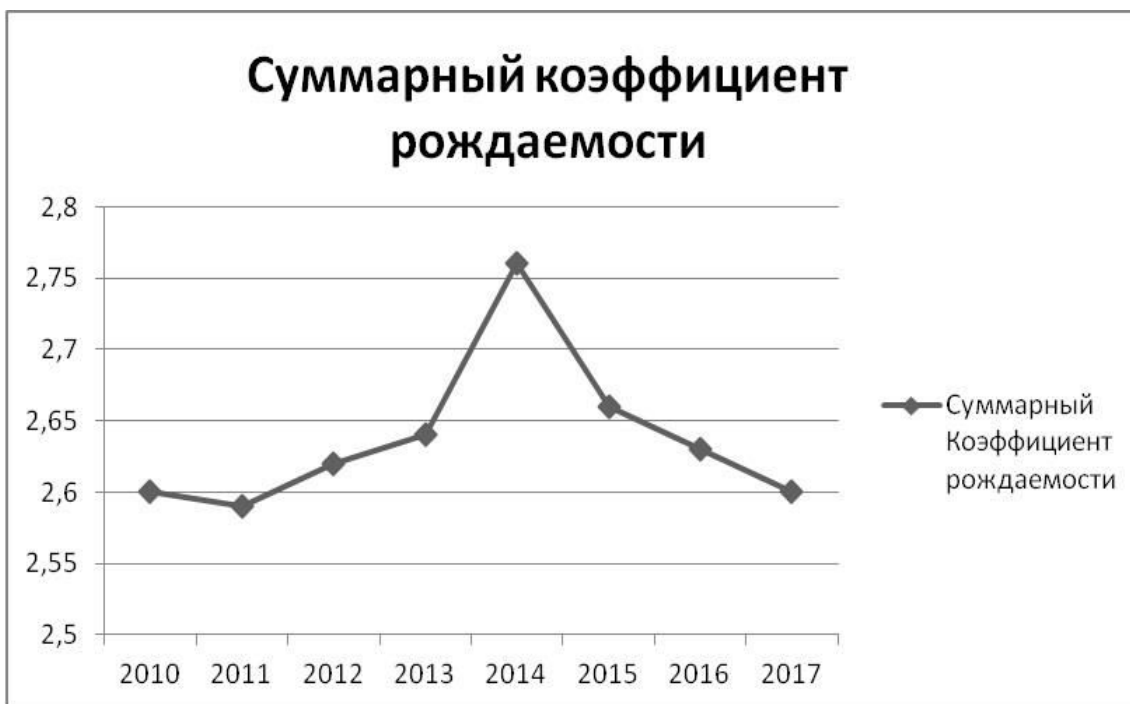

Рис. 6. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в Республике Казахстан [3]

Как мы можем наблюдать на графике, суммарный коэффициент рождаемости реагирует на изменения размера средней заработной платы с запозданием на 1 год. В 2013 году была самая высокая зарплата, а на графике самое большое значение СКР наблюдается в 2014, и наоборот – когда в Казахстане закончился экономический кризис, и начали расти зарплаты(2017г.) наблюдается самое низкое значение СКР[3].

На графике наблюдается существенное падение СКР, что и доказывает гипотезу о негативном влиянии экономического кризиса на демографические процессы в мусульманских странах, на примере Республики Казахстан.

Экономический кризис 2014 года в Казахстане привёл к сильнейшей рецессии и девальвации тенге, что в свою очередь вызвало падение уровня заработных плат. Существенное сокращение доходов вызвало понижение уровня жизни, и как мы можем наблюдать на картах и графиках, резкое падение уровня жизни негативно повлияло на уровень рождаемости в Республике Казахстан, не только в регионах, где преобладает русское население, но и где абсолютное преимущество мусульманского населения.

Экономический кризис повлиял на демографическое поведение казахов, теперь мы можем наблюдать существенное сокращение таких показателей как СКР и ОКР.

Казахстан обладает очень крупной территорией для 18 млн человек, плотность населения составляет всего 6,7 чел на 1км² – это даже меньше чем в России(8,56 чел. на 1 км²). Поэтому для Казахстана просто необходимо увеличивать численность населения, для более эффективного освоения земельных ресурсов страны. А для экономического роста, необходим рост числа производителей и потребителей.

Литература

1. Как объяснить казахстанцам, что их благосостояние зависит от Центробанка России?: <https://365info.kz/2015/01/kak-obyasnit-kazaxstancam-cto-ix-blagosostoyanie-zavisit-ot-centrobanka-rossii/> (дата обращения 01.10.2018)
2. Мигунова О.В. Влияние социально-экономических факторов на демографические процессы в России и мире / О. В. Мигунова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2013. – № 7 (14) Часть 5. – С. 50–52. – URL: <https://research-journal.org/medical/vliyanie-socialno-ekonomicheskix-faktorov-na-demograficheskie-processy-v-rossii-i-mire/> (дата обращения: 04.10.2018.).
3. Мировой Атлас Данных Казахстана - Суммарный коэффициент рождаемости: <https://knoema.ru/>(дата обращения: 01.10.2018)
4. Республика Казахстан Министерство национальной экономики Статистический комитет: http://stat.gov.kz/faces/mobileHomePage?_adf.ctrl-state=stcgceeyc_21&_afzLoop=3236424727232062#%40%3F_afzLoop%3D3236424727232062%26_adf.ctrl-state%3Dv8ubip3f2_4 (дата обращения: 01.10.2018)

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР В МИРОВОМ РАЗВИТИИ

Али Сарбаз Азиз Али, Н.В. Яковенко

Воронежский государственный университет, Россия

e-mail: n.v.yakovenko71@gmail.com

Аннотация: Раскрыты ключевые тенденции мирового демографического развития. Показано, что на фоне снижения уровня рождаемости у стран появляется возможность получения двух типов «демографических дивидендов» (Lee and Mason, 2006).

Ключевые слова: демографическое развитие, население, мир, государства, демографические дивиденды.

Рост численности населения мира замедлился, при этом старение приобрело беспрецедентные масштабы. В то время как численность населения утроилась со времён послевоенного бума рождаемости в настоящий момент рост численности населения значительно замедлился. Численность населения в возрасте от 15 до 64 лет – трудоспособное население – росла в течение пятидесяти лет, достигнув пика в 2012 г., и теперь начинает снижаться. Увеличение доли зависимого населения в основном обусловлено ростом численности пожилых людей (рис.1).

Эта мировая тенденция – замедление роста численности населения и увеличение численности пожилых людей – является следствием постепенного снижения коэффициента рождаемости, в то время как продолжительность жизни уваливается.

Так, если в 1950-х г. на 1 женщину приходилось более 5 деторождений, то в 2015 г. этот показатель равен 2,45 рожденных ребенка. Прогнозируется, что этот показатель также стремительно будет сокращаться до 2050 г.

Рассматривая показатель средней ожидаемой продолжительности жизни, можно отметить, что если в 1950 г. он составлял 47 лет, то в 2015г. достиг 72 лет. Одновременно с этим можно наблюдать тенденцию снижения смертности среди новорождённых.

Прогнозируется, что и в дальнейшем показатель продолжительности будет расти, но незначительно.

Все эти количественные изменения произошли в основном за счет демографических сдвигов, характерных для развивающихся стран.

В 1960-х и 1970-х гг. тенденции снижения смертности и длительное время имеющий место высокий коэффициент рождаемости способствовали увеличению численности детей в этих странах, тогда как в высокоразвитых, имеющих высокий уровень доходов – замедлился.

Можно наблюдать также изменение в возрастной структуре населения, где стало преобладать детское население. Затем можно заметить также замедление роста численности населения, что обусловлено спадом рождаемости.

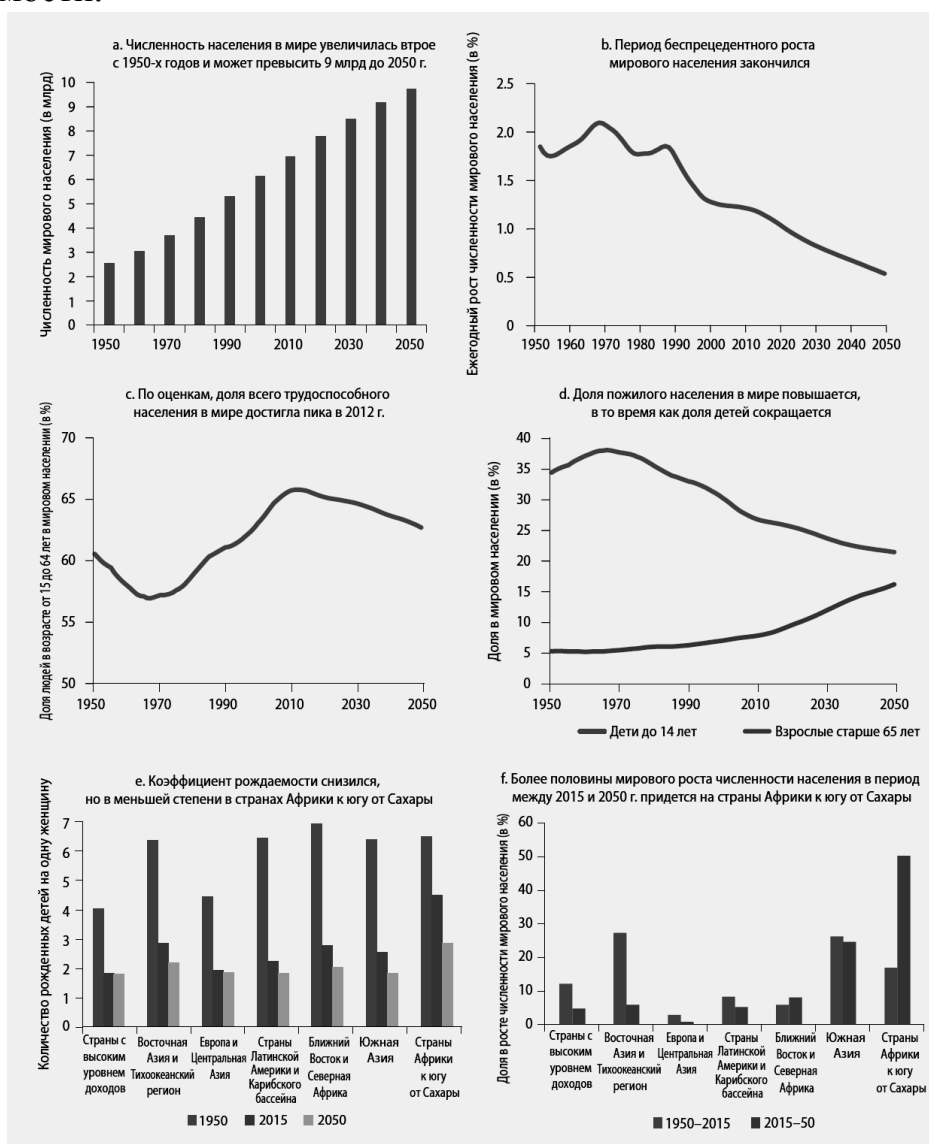

Рис. 1. Основные тенденции демографического мирового развития [2]

Происходит увеличение доли трудоспособного населения, начался процесс старения населения, что особенно характерно для регионов Восточной Азии и Тихого океана.

К тому времени во многих развивающихся странах коэффициент рождаемости незначительно снизился, в некоторых случаях ниже уровня воспроизводства населения. В результате глобальный рост населения замедлился, при этом ожидается сокращение населения в некоторых государствах.

Однако среди развивающихся стран можно найти исключения – это страны Африки к югу от Сахары. Эти государства до сегодняшнего дня характеризуются высоким коэффициентом рождаемости, при этом имея низкую продолжительность жизни. И этому есть причина – развитие социально-значимых болезней, среди которых значимое место занимает ВИЧ/СПИД.

Рассматривая распределение мирового населения можно выделить следующие тенденции: в 1950 г. 32% – страны, имеющие высокий уровень дохода; 29% – страны Восточной Азии и Тихоокеанского региона; 7%. – страны Африке к югу от Сахары.

В 2015 г. можно наблюдать резкое изменение ситуации: 17%- страны, имеющие высокий уровень дохода; 14%. – страны Африке к югу от Сахары, тогда как в странах Восточной Азии и Тихоокеанского региона; количество населения осталось практически на том же уровне.

Предполагается, что в будущем в Африке к югу от Сахары будет проживать почти четверть мирового населения и половина мирового населения, прирост которого в период с 2015 по 2050 гг. [2]. В этом аспекте можно говорить о так называемой возможности «получения двух типов «демографических дивидендов»» (Lee and Mason, 2006). Расшифровать это можно следующим образом: «коэффициент демографической нагрузки детьми как на домохозяйства, так и на население в целом снижается, при этом доля населения трудоспособного возраста растет и удерживается на высоком уровне на протяжении нескольких поколений» [2].

Первый демографический дивиденд можно получить в следствии того, что численность рабочей силы растет, но поддержка оказывается очень малому количеству детей. В тоже время происходящие изменения в возрастной структуре дают возможность увеличить производительность труда и расширять ресурсы, то есть может возникнуть второй демографический дивиденд. Происходит рост накоплений, что благоприятствует вложению более значимых инвестиционных проектов в развитие человеческого и физического капитала.

Исходя из сказанного, можно говорить о том, что преимущества, которые получают от первого дивиденда, носят временный характер, тогда как второй дивиденд имеет долгосрочные выгоды, способствуя повышению роста производительности труда и устойчивости развития любой территории. Эти результаты невозможно получить без эффективной политики государства.

Однако эти результаты не приходят сами по себе, а обусловлены эффективной политикой. По сути дела, два демографических дивиденда - это

условная возможность для достижения более высокого уровня жизни населения.

Преследуя свои внутренние цели, страны могут усреднить, а затем в процессе сбалансировать демографические изменения в глобальном масштабе посредством трансграничных потоков капитала, международной миграции и мировой торговли.

Таким образом, демографические мировые процессы отличаются значительным разнообразием и постоянно меняются. Демографические изменения оказывали и будут оказывать воздействие как на экономическую систему, так и на экологическое и политическое развитие любого государства, и соответственно, в свою очередь, влиять на демографическую ситуацию.

Литература

1. World demographic trends. Report of the Secretary-General // Commission on Population and Development Forty-seventh session 7-11 April 2014/ [Электронный ресурс. Режим доступа: <https://daccess-ods.un.org/access.nsf/GetFile? =E&Type=DOC>].

ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ КАЗАХСТАНА

Т.А. Терещенко, Ж.М. Акжигитова

Западно-Казахстанский государственный университет им. М.

Утемисова, Казахстан

e-mail: tereshenko_zko@list.ru , zhadra95@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы демографического развития регионов Казахстана, которые находятся в приграничной зоне. Более подробно проанализирован демографический потенциал сельских административных районов, расположенных непосредственно в контактной зоне. Выявлены этнодемографические особенности приграничных территорий Казахстана.

Ключевые слова: демографический потенциал, приграничные территории, контактные зоны, этнодемографическое развитие.

Республика Казахстан занимает уникальное географическое положение, расположена в центре материка Евразии. Центральное положение Казахстана является одним из феноменов изучения приграничных территорий, где почти все области имеют границы с другими странами. В настоящее время из 14 административных областей Республики Казахстан 12 являются приграничными. Они находятся на разных этапах формирования, среди которых 2 пограничные области Алматинская и Восточно-Казахстанская выполняли роль приграничных территорий в составе СССР, а для 10 областей это совершенно новые функции. Кроме того, 4 области

(Актюбинская, Алматинская, Восточно-Казахстанская и Мангистауская) имеют границы с двумя странами.

Как известно, феномен приграничности потенциально представляет дополнительные ресурсы для развития: демографические, экономические, социальные. В то же время, часто связанный с ним эффект периферийности, работает в противоположном направлении. Данная ситуация требует их взаимосвязанного исследования, в том числе, анализа факторов демографического и социально-экономического развития приграничных территорий.

Рассматривая приграничное пространство как совокупность двух приграничных территорий по обе стороны государственной границы, признаком выделения которых послужило административно-территориальное деление, на макро уровне – приграничные области и мезо уровне – административные районы, часть внешних границ которых совпадает с государственной границей.

В данной статье рассмотрен демографический потенциал и тенденции этнодемографического развития только приграничных территорий Казахстана по всему периметру границы. Республика Казахстан граничит с пятью государствами. Самая протяжённая граница на севере страны с Российской Федерацией – 7548 км., на юге и юго-западе (часть её проходит по Аральскому морю) – граница с Узбекистаном – 2351 км., юго-восточная граница с Китаем – 1782 км., на юге общие границы с Кыргызстаном – 1241 км, и самая короткая на юго-западе – 426 км. с Туркменистаном. Через Каспийское море соседями являются Иран и Азербайджан.

Приграничные территории Казахстана, кроме 12 областей, включают 78 сельских административных районов. Большая протяженность границ Казахстана обусловила соответствующее сосредоточение областей: границу с Российской Федерацией имеют 7 областей (Атырауская, Западно-Казахстанская, Актюбинская, Костанайская, Северо-Казахстанская, Павлодарская, Восточно-Казахстанская), т.е. половина областей Казахстана находится в этой приграничной территории. Приграничными с Узбекистаном являются 4 области: Актюбинская, Туркестанская (Южно-Казахстанская), Мангистауская, Кызылординская, по две области граничат с Кыргызстаном (Алматинская, Жамбылская) и Китаем (Алматинская, Восточно-Казахстанская), и одна область – Мангистауская расположена в Казахстанско-Туркменистанском приграничье.

В Казахстане численность населения на первое июля 2018 года составила 18,3 млн человек. «Демографическое окружение» Казахстана представлено странами, значительно превышающими население Казахстана: Китай, Россия, Узбекистан (численность населения Узбекистана в 1,8 раза больше населения Казахстана), только Кыргызстан и Туркменистан уступают по количеству жителей. Большая часть населения (31%) живет в областях, имеющих общую границу с Российской Федерацией и Узбекистаном (29%).

Анализируя демографическое развитие приграничных территорий Казахстана на макро уровне можно отметить следующие тенденции: общая

численность населения по всему периметру границ выросла с 1989 года почти на 10%, но темпы роста были неодинаковы - значительно сократился демографический потенциал Казахстанско-Российского приграничья (14%), почти не изменилась количество жителей на границе с Китаем (сократилось на 0,3%) и значительно увеличилась численность населения в Казахстанско-Туркменистанском и Казахстанско-Узбекистанском приграничных областях, на 16% выросло количество жителей, проживающих на границе с Кыргызстаном. Из 7 областей, расположенных вдоль границы Казахстана и России, только в трех (Атырауской, Актюбинской и Западно-Казахстанской) наблюдался рост численности населения. Это обусловлено как высоким естественным приростом населения, так и большим миграционным притоком. Это области с развитой нефтяной и газовой добывающими отраслями промышленности, были и являются основными в привлечении иностранных инвестиций в Казахстан. В Российско-Казахстанском приграничье Северного и Восточного Казахстана этнический состав населения отмечался повышенной долей русских и украинцев. Миграционный отток, этих этносов, начавшийся в 80-х годах значительно усилился после распада Советского Союза. Кроме того, экономически высокоразвитые районы и городские агломерации России, расположенные в приграничье стали источником привлечения мигрантов из Северного и Восточного Казахстана. Поэтому эти области характеризуются значительным сокращением населения в этот период (Таблица 1.)

Таблица 1

Динамика численности населения в приграничных областях Казахстана [1]

№	Приграничные области Казахстана	К-во	Численность населения, человек		Темпы роста
			1989г.	2018г.	
1.	Казахстанско-Российское приграничье:	7	6 632 302	5 698 121	86%
	Атырауская		424 708	620 684	146%
	Западно-Казахстанская		629 494	646 927	102,7%
	Актюбинская		732 653	857 711	117%
	Костанайская		1 223 844	875 616	71,5%
	Северо-Казахстанская		912 065	558 584	61,2%
	Павлодарская		942 313	754 854	80,1%
	<i>Восточно-Казахстанская</i>		1 767 225	1 383 745	78,3%
2.	Казахстанско-Узбекистанское	4	3 463 069	5 230 380	151%
	Кызылординская		574 464	783 156	136%
	<i>Мангистауская</i>		332 424	660 317	198%
	Туркестанская (Южно-Казахстанская)		1 823 528	2 929 196	160%
	<i>Актюбинская</i>		732 653	857 711	117%
3.	Казахстанско-Китайское:	2	3 410 142	3 401 022	99,7%
	<i>Восточно-Казахстанская</i>		1 767 225	1 383 745	78,3%
	<i>Алматинская</i>		1 642 917	2 017 277	122,7%
4.	Казахстанско-Кыргызстанское:	2	2 681 584	3 134 497	116%
	Жамбылская		1 038 667	1 117 220	107,5%
	<i>Алматинская</i>		1 642 917	2 017 277	122,7%
5.	Казахстанско-Туркменистанское:	1	332 424	660 317	198%

	<i>Мангистауская</i>				
	Всего	16(4)	16519485	18124337	109,7%

Курсивом указаны области, которые имеют границу с двумя странами.

В Казахстанско-Узбекистанском приграничье отмечался рост населения во всех 4 областях. Почти в 2 раза увеличилось население Мангистауской области. Одним из основных факторов данного роста была миграция оралманов-этнических казахов, проживающих в сопредельных государствах Узбекистана и Туркменистана.

В Казахстанско-Китайском приграничье процессы динамики населения были неодинаковы: Восточно-Казахстанская область в числе областей, граничащих с Россией, показала снижение количества жителей почти на 22%, в то же время в Алматинской области был отмечен рост.

Казахстанско-Кыргызстанское приграничье увеличилось в численности населения в основном за счет Алматинской области.

Самая незначительная часть населения проживает в Казахстанско-Туркменистанском приграничье, всего 660,3 тыс. человек. Но именно этот регион показал самый высокий прирост населения, почти в два раза. Кроме миграции, рост населения был обусловлен и высоким естественным приростом.

Для выявления тенденций демографического развития приграничных территорий Казахстана на мезо уровне, непосредственно в контактной зоне, были проанализированы данные по динамике численности населения в административных районах, которые находятся в приграничной зоне (табл. 2.)

Таблица 2

Численность населения в приграничных административных районах Казахстана [1]

№	Приграничные (контактные) территории Казахстана	К-во областей	К-во районов	Численность населения			Темпы роста 2018/1989, в%
				1989г.	2009г.	2018г.	
1.	Казахстанско-Российская	7	38	1 717 013	1 133 866	1 088 362	63,3
2.	Казахстанско-Узбекистанская	4	18	1 242 023	1 496 087	1 652 586	133,0
3.	Казахстанско-Китайская	2	12	873 132	698 414	686 642	78,6
4.	Казахстанско-Кыргызстанская	2	9	797 143	941 314	1 029 148	129,1
5.	Казахстанско-Туркменистанская	1	2	28 445	103 873	189 849	667,4

Демографические процессы в приграничных административных районах, в непосредственно контактной зоне, были другими. Сокращения населения в Казахстанско-Российском приграничье были более

интенсивными, количество жителей уменьшилось почти на 37%, сократилась и численность населения в Казахстанско - Китайской контактной зоне в основном за счет Восточного Казахстана, который имеет границы с Российской Федерацией и с Китаем.

В Казахстанско-Узбекистанском приграничье население выросло на 33%, против 55% процентов в приграничных областях. А в контактной зоне Казахстана и Кыргызстана численность населения выросла значительно, чем в целом по областям. И наиболее высокий рост отмечался в приграничных районах Казахстана и Туркменистана. Здесь население выросло почти в 6 раз. Оралманы из Узбекистана (преимущественно из Каракалпакии) и Туркменистана в основном расселились в контактной зоне.

Этнодемографическая ситуация в приграничных областях за исследуемый период значительно изменилась. Исторически сложилось в 20 веке, что в Казахстане большую часть населения представляли два этноса: казахи и русские. Изменившаяся политико-географическая ситуация повлияла и на этнографический состав в приграничных областях Казахстана. В Казахстанско-Российском приграничье в 4 областях (Костанайской, Северо-Казахстанской, Павлодарской и Восточно-Казахстанской) эти два этноса и в настоящее время составляют значительную часть населения. Здесь в составе населения и самая многочисленная русская диаспора. В большей части приграничных территорий Казахстана население становится моноэтническим, отмечается значительное увеличение удельного веса казахов в составе населения за последние тридцать лет: Кызылординская – 96%; Атырауская – 92%, Магистауская – 90%, Актюбинская – 82%.

Для изучения приграничных контактных территорий Казахстанско-Российского региона в 2015 году под эгидой Казахстанского национального географического общества была организована экспедиция «Малые Реки Казахстанско-Оренбургского Трансграничного Региона» в составе ученых, магистрантов, студентов естественно-географического факультета Западно-Казахстанского государственного университета им. М. Утемисова, сотрудников и учащихся областного центра детско-юношеского туризма и экологии Управления образования Западно-Казахстанской области. Основная цель экспедиции – комплексное изучение приграничных контактных территорий на примере Зеленовского района Западно-Казахстанской области и Первомайского района Оренбургской области Российской Федерации, расположенных в долине реки Чаган. Исток реки Чаган (как и многих малых рек бассейна реки Урал в пределах Казахстана) расположен на территории Российской Федерации. В связи с этим, комплексное исследование данной приграничной территории позволило выявить как проблемы использования реки, так и определить вопросы развития приграничных территорий. Один из вопросов экспедиции был посвящен изучению населения и этнографической ситуации.

По результатам исследования, было отмечено что современная этнографическая ситуация в пределах исследуемой территории характеризуется многонациональным этническим составом населения.

Следует отметить, что преобладают в основном две этнические группы: казахи и русские в соответствии со страной проживания. В сельском населении Зеленовского района Западно-Казахстанской области доля казахов составила 55,9%, а русских 37,1%. В Первомайском районе: доля русского населения – 66,0%, а казахского – 23,1%, при этом доля казахов в период между переписями населения в Первомайском районе увеличилась на 1%. , а удельный вес русских в Зеленовском районе значительно уменьшился. Проведенный социологический опрос казахского населения, проживающего в Первомайском районе Оренбургской области (вопросы были посвящены сохранению культуры и традиций казахов) в период экспедиционного изучения территории показал, что все участники социологического опроса знают и сохраняют культуру и традиции предков, большая часть имеет родственников в Западно-Казахстанской области и общаются с ними [2].

Историко-географическое развитие Казахстанско-Российского приграничного региона привело к формированию этнокультурных единых территорий, являющихся естественной основой для интеграции и взаимопонимания населения по обе стороны границы. Ежегодно на территории Западно-Казахстанской и Оренбургской областей проходят форумы, в которых активно участвуют представители обеих стран. В июле 2016 года молодежь Западно-Казахстанской области принимала участие в форуме «Мы нашей дружбой сильны», который проводили в приграничном селе Илек Илекского района Оренбургской области. На форуме обсуждались проблемы, посвященные следующим темам: «Молодежь в межкультурном диалоге на евразийском пространстве», «Бассейн реки Урал: история, география, экология», «Литература, объединяющие народы». В сентябре 2016 и 2018 года в Оренбурге проходил международный молодежный образовательный форум «Евразия», в котором принимали участие представители из приграничных областей Казахстана [3].

Таким образом, основные тенденции демографического развития приграничных территорий Казахстана в последние тридцать лет характеризовались в основном увеличением численности населения, проживающего непосредственно в контактной зоне. Исключение составили области северного и восточного Казахстана, где высокий удельный вес русских в составе населения обуславливал миграционный отток в приграничные области России. Контактная приграничная зона на большей части территории страны становится моноэтнической, это обусловлено как показателями естественного прироста, так и внутренней миграцией. Государство проводит активную миграционную политику переселения из южных районов с высокой плотностью населения, в северные районы, которые представлены такими программами как «Дорожная карта занятости-2020», стимулирующая добровольное переселение из трудоизбыточных южных районов в трудодефицитные северные и социальная образовательная программа «Серпик-2050», цель которой по государственным образовательным грантам обучить и трудоустроить молодежь из южных

регионов страны с избытком трудовых ресурсов, в регионы севера, востока и запада, испытывающих дефицит кадров.

Литература

1. Официальный интернет-ресурс Министерства Национальной Экономики Республики Казахстан. Комитет по Статистике - <http://stat.gov.kz>. (дата обращения 16.09.2018).
2. Терещенко Т.А., Хайруллина А.К., Сборник научных статей. – Уральск: РИЦ ЗКГУ им. М. Утемисова / Малые реки Казахстанско-Оренбургского трансграничного региона: 2015.– С. 124 – 125.
3. Акжигитова Ж.М. Казахстанско-Российский трансграничный регион: этногеографическая ситуация. //Материалы Международной научно-практической конференции «Естествознание: Современные процессы развития науки и образования в области химии, биологии, географии, биотехнологии, экологии» – Алматы: Гылым 2016. – С.176 –1 78.

ЭТНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

С.В. Уставщикова

Саратовский государственный университет, Россия

e-mail: sveus1@yandex.ru

Аннотация: Приграничные районы Саратовской области это периферийные районы Левобережья. Они имеют специфические природные условия, историю заселения, этнический состав населения, хозяйственную специализацию. На демографические процессы в регионе большое значение оказывают этнический состав и миграционный отток населения. Возможно, в настоящее время, существует повышенная экономическая плотность, что стимулирует миграционные процессы.

Ключевые слова: приграничный регион, этнический состав населения, демографические процессы, миграция.

Саратовская область как административно-территориальная единица РФ была образована 5 декабря 1936 года. Площадь Саратовской области равна 101,2 тыс. кв. километрам. На юго-востоке области проходит государственная граница России с Казахстаном. Административно-территориальное устройство региона включает 38 муниципальных районов, в том числе по типам поселений: 39 городских и 288 сельских (в их составе 1757 сельских населенных пунктов)[1]. С Республикой Казахстан граничат 6 районов области, общей площадью 21,7 тыс. кв. км, с численностью населения 97,7 тыс. человек. Это периферийные районы юго-востока левобережья области.

Рекой Волгой территория области делится на две, почти равные части. Левобережье области значительно отличается от Правобережья: там более плоский рельеф, резко континентальный климат, степные ландшафты уступают место сухостепным, ощущается недостаточная обеспеченность населенных пунктов водой питьевого и хозяйственного назначения. Здесь

складываются отличные от правобережного региона тип и виды сельскохозяйственного производства.

Численность населения Саратовской области составляет 2479,3 тыс. человек (2017). Городское население – 1872,2 человек (75,5%)[2]. На территории области проживает 132 народа. Самыми значительными по численности народами являются русские, казахи, татары. В последнее время наблюдается рост этнической гетерогенности в регионе. Это отражено в материалах Всероссийской переписи населения 2010 года [3]. Область привлекательна для мигрантов, в первую очередь, из стран Центральной Азии. Основными донорами выступают республики Казахстан, Узбекистан, Таджикистан [4].

Демографическая ситуация в области остается сложной. Численность населения продолжает сокращаться. И это несмотря на улучшение показателей рождаемости и смертности, роста продолжительности жизни в последнее десятилетие, что является прямым следствием демографической политики, проводимой в стране. Естественный прирост в регионе остается отрицательным. В области сложился и продолжает сохраняться регрессивный тип воспроизводства населения. Около 80% молодежи (население в возрасте 14-30 лет) концентрируется в городской местности.

Для Саратовской области характерен высокий уровень урбанизации, 75,5%. Для городского расселения области характерна высокая концентрация населения в областном центре, около 50% городского населения. Наряду с этим в районах Левобережье доля городского населения незначительна. Это объясняется тем, что центрами районов являются либо поселки городского типа, незначительные по численности населения, либо села [5]. В районах приграничья 1 малый город, 2 района возглавляют ПТТ, 3 района не имеют городского населения.

Население приграничного региона пока еще имеет сбалансированную половозрастную структуру, относительно высокую долю детей и подростков (в Озинском и Перелюбском районах самую высокую в Саратовской области – более 23% в каждом), средние коэффициенты демографической нагрузки. Естественный прирост положительный или слабо отрицательный. Значительное влияние на демографические процессы оказывает национальный состав населения. Преобладают этносы, ориентированные до настоящего времени на многодетную семью. Этническая картина формировалась несколько столетий. В регионе самая значительная доля казахов, татар, башкир в области (существуют мононациональные татарские, башкирские села). В 1990-е годы в регионе появились курды, мигрировавшие в основном из республик Центральной Азии. «Осваивается» данный регион чеченцами и народами Дагестана, корейцами (там, где сохранилось или возрождается орошение), киргизами. Представленные народы являются самыми «сельскими» народами по расселению в Саратовской области, горожан среди них менее 40% [6].

Приграничные муниципальные образования это периферийный регион области, с рискованным типом земледелия. Специализация сельского

хозяйства такова, что имеется возможность использования сезонной рабочей силы, в том числе и из стран Центральной Азии. Что приводит к не востребованности местного населения в сельском хозяйстве и как итогу - высокому миграционному оттоку. Это, в свою очередь, приводит к значительным темпам убыли населения. Численность населения четырех приграничных районов сократилась на 40-50% от уровня 1989 года.

Миграция является основным фактором сокращения населения в приграничном регионе. Ее показатели перекрывают естественный прирост населения (миграционное сальдо -20-10 человек в среднем за год). Так камерционализация образования приводит к 100% поступлению желающей учиться молодежи из региона в учебные заведения высшего и среднего профессионального образования, причем не только в городах Саратовской области. Особенно настроены на получение высшего образования сегодня казахи и чеченцы [3]. После получения образования лишь незначительная часть выпускников возвращается на «малую родину». Эти народы пополняют население больших городов области: Саратова, Энгельса, Балакова. Молодежи, призванной в вооруженные силы РФ, часто предлагается дальнейшая служба по контракту. Камерционализация недвижимости, снижение ставок по ипотечному кредитованию для молодежи, так же открывает большие возможности для закрепления ее в городах. В последние годы казахская, чеченская, корейская молодежь активно получает высшее образование и покупает недвижимость в областном центре. Уровень образования перечисленных народов растет, возникает желание сменить положение в занятости и место жительства. Эти процессы ведут к сокращению молодежи в приграничном регионе и, как следствие, к изменению всех демографических процессов. Все это характеризует современный этап развития региона.

Заключение. В настоящее время для региона характерно сохранение высокого уровня демографической устойчивости, которая быстро ослабевает. Важнейшим направлением для демографического развития региона является управление миграционными процессами. Миграционный отток населения возможно сократить путем расширения спектра трудообеспеченности в хозяйственной деятельности, в том числе в сфере обслуживания, улучшения среды обитания населения.

Литература

1. Число муниципальных образований по субъектам Российской Федерации. На 1 января 2017 г. URL: gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/1-adm_2017.xls (дата обращения 10.04. 2018 г).
2. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации – 2016 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14s/Main.htm (дата обращения 20.11. 2017 г).
3. Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Статистический сборник/Территориальный орган

Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. – Саратов, 2012. – 203 с.

4. Уставщикова С. В. Региональные особенности демографического развития субъектов ПФО (2000–2016 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия науки о Земле. Саратов, 2017. Т. 17, вып. 3. С. 160–164. DOI: 10.18500/1819-7663-2017-17-3-160-164.

5. Уставщикова С. В. Современные процессы урбанизации в Саратовской области // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия науки о Земле. Саратов, 2015. Т. 15, вып. 2. С. 27 – 31

6. Уставщикова С. В. Этнические аспекты урбанизации Саратовской области // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия науки о Земле. Саратов, 2014. Т. 14. Выпуск 2. С. 30 – 33

4. Уставщикова С. В. Региональные особенности демографического развития субъектов ПФО (2000–2016 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия науки о Земле. Саратов, 2017. Т. 17, вып. 3. С. 160–164. DOI: 10.18500/1819-7663-2017-17-3-160-164.

5. Уставщикова С. В. Современные процессы урбанизации в Саратовской области // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия науки о Земле. Саратов, 2015. Т. 15, вып. 2. С. 27 – 31

6. Уставщикова С. В. Этнические аспекты урбанизации Саратовской области // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия науки о Земле. Саратов, 2014. Т. 14. Выпуск 2. С. 30 – 33

7. Уставщикова С. В. Казахи Саратовской области: перспективы расселения и развития. С. 113–117 // Этнокультурная ситуация региона: варианты и перспективы развития. Сборник научных статей / под ред. Е. В. Листвиной, Н. П. Лысиковой. Саратов: Саратовский источник, 2017. – 142 с.

МИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР В СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ПРИГРАНИЧНЫХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

В.Л. Ушакова

*Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Россия,
e-mail: vahnenko@tigdvo.ru*

Аннотация: В статье рассмотрены тенденции миграционной динамики в приграничных муниципальных образованиях Приморского края. На основе статистического анализа миграционных процессов за 2011–2017 гг. выявлены особенности их происходящей трансформации в городских округах и муниципальных районах. Компонентный анализ изменения численности населения показал, что именно миграционный отток является главной причиной сокращения постоянного населения в приграничных территориях. Миграционные процессы усиливают негативные тенденции депопуляции. Идет процесс старения населения, трансформация его возрастной структуры становится дополнительным фактором нисходящей демографической динамики в прибрежных муниципальных образованиях первого уровня.

Ключевые слова: миграционные процессы, численность населения, приграничные муниципальные образования, Приморский край.

Приграничные территории могут выделяться и рассматриваться на трех уровнях – национальном, региональном и локальном. Например, на

российском Дальнем Востоке – приграничном мегарегионе страны, все субъекты, за исключением Республики Саха (Якутия), являются приграничными. На региональном уровне приграничные территории – отдельные административные образования, часть административных границ которых совпадает с государственной [3]. Пример такой территории – Приморский край, который непосредственно граничит не только с КНР, но и с КНДР. Муниципальные образования, расположенные на западе края испытывают влияние государственной границы, основные функции которой – барьерная, фильтрующая и контактная [4]. До 1990-х гг. приграничные городские округа и муниципальные районы выполняли, в основном, барьерную и фильтрующую функции, а в дальнейшем добавилась контактная функция.

В Приморском крае к приграничным территориям отнесены городские округа: Дальнереченский, Лесозаводский, Уссурийский и муниципальные районы: Пожарский, Дальнереченский, Кировский, Спасский, Черниговский, Хорольский Ханкайский, Пограничный, Октябрьский, Хасанский. Приграничные муниципальные образования занимают 36,6% территории Приморского края (60,31 тыс. кв. км), на которой проживает 27,1% численности населения (517,5 тыс. человек). В муниципальных районах проживает 47,9% населения приграничных территорий, в то время как в городских округах больше – 52,1% (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности населения в приграничных муниципальных образованиях Приморского края [6-7]

Муниципальные образования	Численность населения, человек		Изменение численности населения за 2011-2017 гг.	
	2011 г.	2017 г.	человек	%
Приморский край	1 953 545	1 913 037	-40 508	-2,1
Приграничные муниципальные образования	533 495	516 538	-16 957	-3,2
Городские округа:				
Дальнереченский	259 796	269 367	+9 571	+3,7
Лесозаводский	30 696	28 520	-2 176	-7,1
Уссурийский	45 123	42 972	-2 151	-4,8
	183 977	197 875	+ 13 898	+7,6
Муниципальные районы:				
Пожарский	273 699	247 171	-26 528	-9,7
Дальнереченский	31 005	28 109	-2 896	-9,3
Кировский	11 258	9 576	- 1 682	-14,9
Спасский	21 190	18 683	-2 507	-11,8
Черниговский	30 444	27 798	-2 646	-8,7
Хорольский	36 141	32 892	-3 249	-9,0
Ханкайский	30 250	27 295	-2 955	-9,8
Пограничный	24 584	22 047	-2 537	-10,3
Октябрьский	23 431	22 442	-989	-4,2
Хасанский	29 941	27 339	-2 602	-8,7
	35 455	30 990	-4 465	-12,6

Большая часть приграничных муниципальных образований имеет выгодное экономико-географическое положение (транспортно-географическое) и существующий природно-ресурсный потенциал. Так, например, выгодное ЭГП Пограничного, Октябрьского, Хасанского муниципальных районов, Уссурийского ГО предопределяет их роль в реализации геостратегических и экономических интересов России в АТР, что выражается в расположении их на дальневосточной границе России и северо-восточных провинций КНР, где проходит Транссибирская магистраль, а также в ближайшем соседстве с крупнейшими портами Владивостока и Находки, обеспечивающих значительный объем экономических связей между Россией, СНГ, а также Евросоюзом и странами АТР [2].

Дифференциация демографической ситуации в приграничных муниципальных образованиях определяется тем, что они имеют различия в хозяйственной структуре, соотношении городского и сельского населения, размерах территории и численности населения, степени концентрации населения и уровне дисперсности системы расселения, социальной инфраструктуре, удаленности от краевого центра (г. Владивостока).

Основу хозяйственной деятельности муниципальных образований в Приморском крае, в основном, составляет сельскохозяйственная специализация, перерабатывающие отрасли (производство пищевых продуктов, лесозаготовка). Экономический потенциал и социальную политику в Пожарском районе, расположенном на севере края, определяет энергетика и угольная отрасль. Город Уссурийск, центр Уссурийского городского округа, расположен на пересечении Транссибирской магистрали, трассы Владивосток - Хабаровск, что определяет его роль как одного из важнейших транспортных узлов российского Дальнего Востока. Уссурийск является узловой станцией, соединяющей Транссибирскую магистраль через пограничный переход Гродеково с КНР, а через пограничный переход Краскино – с КНДР. Основной вид промышленной деятельности Хасанского района – рыболовство и рыбообработка, марикультура, судоремонт, туризм и рекреация.

Несмотря на принимаемые, на государственном уровне решения, направленные на регулирование демографических и миграционных процессов на Дальнем Востоке (создано АНО «Агентство по развитию человеческого капитала»); запущен механизм привлечения населения бесплатным предоставлением гектара земли; законодательные акты по территориям опережающего социально-экономического развития и свободному порту Владивосток нацелены на активизацию миграционного потока в направлении региона), население в Приморском крае продолжало сокращаться, уменьшившись по сравнению с 2011г. на 40,5 тыс. человек или на 2,1% и составило на 1 января 2018 г. 1913,0 тыс. человек. Устойчивые тенденции демографической деградации и низкий уровень социально-экономической привлекательности края, свидетельствует о том, что предпринимаемые усилия пока не меняют сложившуюся ситуацию, по расчетам Росстата по среднему варианту развития демографических

процессов, численность населения Приморского края к 2025 г. составит 1877,9 тыс. человек. Поэтому зафиксированный Концепцией демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года [5] прирост на 97 тыс. человек можно считать весьма оптимистичным.

В приграничных муниципальных образованиях края сокращение численности населения составило 16,9 тыс. человек, или 3,2%. Наибольшие потери отмечаются в Хасанском, Черниговском, Хорольском и Пожарском районах. Снижение численности постоянного населения приводит к уменьшению и без того низкой по плотности населения приграничных территорий (Пожарский, Дальнереченский, Кировский, Пограничный, Спасский, Хасанский, Ханкайский районы имеют плотность населения 1,2-8,2 чел/кв. км, при среднекраевом показателе 11,6 чел/кв. км), что не отвечает экономическим и геополитическим интересам страны, несет угрозу территориальной целостности и национальной безопасности.

Среди 13 приграничных муниципальных образований только в Уссурийском городском округе отмечается рост населения. За период 2011-2017 гг. оно увеличилась на 13,9 тыс. человек, из них на 13,1 – за счет миграционного прироста, который обеспечивается за счет внутрирегиональных (58,2% от общего объема потоков) и международных перемещений (14,0%), компенсируя естественную убыль населения, имеющую тенденцию к снижению. Динамика численности населения городского округа подвержена колебаниям естественного и миграционного движения. С 1990-х гг. до 2012 г. отмечалась естественная убыль. С 2013 г. естественный прирост населения в сочетании с миграционным приростом обеспечивают устойчивый рост постоянного населения. В обмене с другими российскими регионами Уссурийский городской округ продолжает терять население, что характерно для всех приграничных территорий Приморского края. Основной поток во внутрирегиональной миграции составляют лица 16-35 лет, направляющиеся в г. Уссурийск для получения образования, трудоустройства. Показатель возвратной миграции молодых возрастов не высок, что приводит к старению населения и снижению демографического потенциала его воспроизводства в сельской местности Приморского края.

Масштабы территориальной подвижности населения Уссурийского округа не уступают другим приграничным территориям. Так, миграционный оборот за 2011-2017 гг. составил 124 тыс. человек, или 11,9% оборота Приморского края, при том, что доля населения, проживающая в городском округе составляет 10,3% от численности населения края. Сохранилась тенденция роста прибывших (в 1,2 раза по сравнению с 2011 г.) и числа выбывших (в 2,1 раза), отмечается снижение миграционного прироста. В результате позитивных процессов демографического развития, половозрастная структура Уссурийска улучшена по сравнению с Приморским краем в целом.

Миграционный отток (73,6% от общего снижения) является главным дифференцирующим фактором, определяющим динамику населения в приграничных муниципальных образованиях за рассматриваемый период

(табл. 2). Составляющие миграционного оттока межрегиональный, международный потоки – разнонаправлены. Расчеты показывают, что за 2011-2017 гг. на приграничной территории за счет внутрирегионального оттока население сократилось на 5,0 тыс. человек, при этом городские округа увеличили население на 10,6 тыс. человек (за счет Уссурийского ГО), а муниципальные районы сократили на 15,6 тыс. человек. В то же время за счет международного обмена, в основном, за счет стран СНГ население увеличилось на 5,5 тыс. человек. Увеличивается удельный вес внутрирегиональной (с 63,9% до 64,4%) и международной (с 7,0% до 7,5%) миграции при снижении межрегиональной (с 29,1% до 28,1%). Отрицательное сальдо миграции сохраняется за счет межрегиональной миграции, а число прибытий из-за рубежа превышает число убытий [6].

Отток населения влияет на обеспеченность народнохозяйственного комплекса рабочей силой и вызывает необходимость замещения ее привлеченными трудовыми ресурсами из стран ближнего и дальнего зарубежья. Объем этого миграционного потока возрастает, в основном за счет стран Содружества.

Таблица 2

Компоненты роста (+), убыли (–) населения в приграничных муниципальных образованиях Приморского края (2011-2017 гг., человек)

	Общий прирост (снижение)	Естественная убыль (прирост)	Миграционный отток (прирост)
Приморский край	- 40 508	-17 409	-23 099
Приграничные муниципальные образования:			
- городские округа	+9 571	-97	+9 668
- муниципальные районы	-26 528	-4 377	-22 151

Принимая во внимание основные параметры демографического развития КНР (факторы старения населения и снижения его численности в трудоспособном возрасте) и планы социально-экономического развития на ближайшие десятилетия – масштабные проекты по освоению западных районов, возрождению промышленной базы Северо-востока КНР, крупные инфраструктурные проекты, рост материального благосостояния населения и заметное повышение жизненного уровня по сравнению с российским Дальним Востоком, вряд ли следует в будущем ожидать интенсивной миграции из Китая на территорию России [1].

В настоящее время весьма привлекательным становится КНР для молодежи и людей предпенсионного возраста не только приграничных территорий. Молодежь видит в этой стране перспективы работы, учебы и приобретения недорого жилья, которое фактически для них в крае недоступно. Население предпенсионного и пенсионного возраста ищут возможность безбедно жить на пенсию в КНР.

Демографическая ситуация значительно хуже в муниципальных районах, где миграционные процессы усугубляя естественную убыль населения, составляют 83,5% общего сокращения населения и оказывают существенное влияние на нисходящую динамику населения.

Вторая группа включает Дальнереченский городской округ, Пожарский, Дальнереченский, Кировский, Черниговский, Ханкайский, Пограничный, Хасанский, приграничные муниципальные районы, в которых потери населения за счет миграции составляют свыше 80%. Особенно сильный отток наблюдается в Хасанском (96,2%), Ханкайском (93,4%), Черниговском (84,3%), Пожарском (80,2%) районах. За рассматриваемый период население этой территории сократилось на 20,5 тыс. человек. Отрицательное миграционное сальдо в этой группе обеспечивается за счет высокой доли участвующих во внутрирегиональных перемещениях (от 66,7% в Хасанском районе до 75,37% – в Кировском районе). Международный обмен является фактором незначительного прироста населения.

Данная группа отличается напряженным состоянием на региональном рынке труда, что является одним из факторов оттока населения. Самый высокий показатель нагрузки на 100 вакансий отмечается в Дальнереченском районе – 6560 человек. В Кировском (459 человек), Черниговском, (221), Ханкайском (108 человек) приграничных районах показатели нагрузки превышают региональный уровень (49 человек). В возрастной структуре населения отмечается высокая доля населения моложе трудоспособного возраста. Так, доля лиц в Черниговском районе составляет 20,2%, в Хорольском – 19,8%, Пожарском – 19,5% (в Приморском крае 17,6%). Категория лиц в возрасте старше трудоспособного возраста в этой группе самая высокая среди приграничных территорий. Так, в Хорольском районе он составляет 29,8%, в Пожарском – 27,0% (табл. 3). Третья группа включает Лесозаводский городской округ, Спасский, Хорольский, Октябрьский, в которых в которых потери населения за счет миграции составляют 65-75%. Сильный отток наблюдается в Спасском районе (74,1%), Лесозаводском городском округе (73,4%). За рассматриваемый период население этой территории сократилось на 10,4 тыс. человек. Напряженность на рынке труда в этой группе несколько ниже, чем в предыдущей группе.

Важная черта динамики возрастной структуры населения приграничных территорий – тенденция постарения. Трансформация возрастной структуры населения (рост населения старше трудоспособного возраста, сокращение доли трудоспособного населения) становится дополнительным фактором нисходящей демографической динамики в прибрежных муниципальных образованиях первого уровня. Приграничная территория Приморского края, за исключением Пограничного муниципального района (имеет высокий уровень демографической старости – 17,9%) – территория очень высокого уровня демографической старости уровень (от 22,3% в Хасанском районе до 29,8% в Хорольском районе).

Таблица 3

Возрастная структура населения в приграничных муниципальных образованиях Приморского края (%) [6]

	2011 г.			2017 г.		
	0-15 лет	16-59 лет	старше 60 лет	0-15 лет	16-59 лет	старше 60 лет
Приморский край	15,6	62,4	22,0	17,6	58,1	24,3
Приграничные муниципальные образования	17,4	61,7	20,9	19,4	57,2	23,4
Городские округа:						
Дальнереченский	16,5	63,0	20,5	19,0	59,1	21,9
Лесозаводский	18,7	57,8	23,5	20,7	53,0	26,3
Уссурийский	18,6	57,6	23,8	21,1	52,0	26,9
	15,7	65,2	19,1	18,3	61,6	20,1
Муниципальные районы:						
Пожарский	18,2	60,3	21,5	19,9	55,1	25,0
Дальнереченский	18,2	65,9	15,9	19,5	53,4	27,1
Кировский	21,1	56,7	22,2	21,3	52,6	26,1
Спасский	20,0	54,3	25,7	21,8	49,0	29,2
Черниговский	16,8	62,3	20,9	18,3	57,6	24,1
Хорольский	18,2	60,0	21,8	20,2	54,9	24,9
Ханкайский	18,1	55,9	26,0	19,8	50,4	29,8
Пограничный	18,3	60,4	21,3	19,8	55,8	24,4
Октябрьский	18,2	65,9	15,9	20,6	61,4	18,0
Хасанский	18,4	59,3	22,3	20,6	54,3	25,1
	16,7	64,9	18,4	18,9	58,8	22,3

Таким образом, население приграничных территорий Приморского края имеет неблагоприятную демографическую ситуацию. Для обеспечения комфортных условий жизни проживающего населения необходима помощь, как со стороны федерального центра, так и региональных властей. Необходимы меры, направленные как на снижение оттока населения, так и укрепления опорной сети поселений вдоль государственной границы, развитие объектов транспортной и социальной инфраструктуры. Стягивание населения к крупным центрам, так и за их пределами, оголяет освоенные здесь с огромным трудом приграничные территории, на которой сложились условия для формирования несколько типов демографического поведения, и демографические проблемы внутри этих территорий проявляются по-разному, поэтому решения, набор инструментов будет отличаться.

Литература

1. Баженова Е.С. Миграция населения в Китае: прогноз для России //Уровень жизни населения регионов России. 2011, № 12. С.60 – 64.
2. Бакланов П.Я. Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития. – Владивосток: Дальнаука, 2001. – 144 с.
3. Ганзей С.С. Трансграничные геосистемы юга Дальнего Востока России и Северо-Востока КНР. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 231 с.
4. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 495 с.

5. Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года. Распоряжение правительства Российской Федерации от 20 июня 2017 г. № 1298-р, Москва.

6. О демографической ситуации в Приморском крае / Приморскстат, 2018. – 43 с.

7. Численность населения Приморского края в разрезе населенных пунктов. Стат. сб./ Приморскстат. 2012. – 56 с.

СЕЛЬСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ, ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ

Н.В. Чугунова, Т.А. Полякова, А.И. Комкова

*Белгородский национальный исследовательский университет, «НИУ
БелГУ», Россия*

e-mail: Chugunova@bsu.edu.ru; polyakova_t@bsu.edu.ru

Аннотация: В статье изложены результаты исследования трансформации сельского расселения в Белгородской области в советский и постсоветский периоды. Выявлены причины, закономерности и особенности изменений динамики всего населения, городского и сельского. Определены основные характеристики и сдвиги в структуре людности сети сельских населенных пунктов. Акцентируется внимание на изменениях территориальной концентрации населения, определена локализация крупнейших населенных пунктов в Белгородской области.

Ключевые слова: расселение, население, численность, сельское, динамика, сеть, населенные пункты, «мертвые» деревни.

Введение. Условия и перспективы хозяйственного развития региона во многом определяет его система городского и сельского расселения. Исторически сложившееся расселение в России радикально изменено в советские годы в результате действия множества факторов, среди которых значительное место принадлежало урбанизации. В XXI веке, по мнению ряда ученых [1], в сфере расселения царит прагматический хаос, образуемый давлением рынка, противоречивыми действиями органов власти и приспособительными реакциями самого населения.

Внимательное изучение этого «хаоса» на материалах конкретного региона позволило выявить движущие силы изменения системы расселения и увидеть устойчивые тенденции, определяющие ее развитие на многие десятилетия вперед. На современное расселение России, ее регионов воздействуют ряд факторов: перемены в формации общества, демографический кризис, общемировые закономерности развития урбанизации, достижения НТР и их проникновение в глубинные районы страны. В числе главных результатов и стойких направлений изменений территориальной структуры расселения следует выделить усложнение городских систем, интенсивное развитие процессов субурбанизации в составе агломераций, радикальную перестройку сельского расселения, вызванную резким сокращением сельского хозяйства в занятости населения. В сельской местности на рынке труда сельское хозяйство отстает на второй план, т.к. технический прогресс, индустриальные способы

производства сельскохозяйственной продукции высвобождают занятое население, приводят к появлению «лишних» людей.

Острота проблем сельской местности, ее расселения привела к повышению интереса к ней специалистов [2, 3, 4, 5, 6, 7].

Анализ указанных работ позволил еще раз убедиться в глубоких изменениях сельской местности страны, актуальности исследований данного направления.

Объектом нашего исследования является Белгородская область с численностью населения 1,6 млн человек, 19 муниципальными районами, 3 городскими округами, 25 городскими и 265 сельскими поселениями, в состав которых входят 1573 населенных пункта, в том числе 74 – без населения.

Основные задачи работы: выявление главных результатов и стержневых причин радикальных изменений сельского расселения за советский и постсоветский периоды, определение главных трендов трансформации структуры людности сельских населенных пунктов Белгородской области.

Методология и методы исследований. Сельской местностью (по С.А. Ковалеву) считается обитаемая территория страны, области, района, находящаяся вне городских поселений, население и основные фонды этой территории [8. С. 354]. Вкрапления сельской местности выделяются и в составе агломераций.

Расселение населения – в широком, социальном понимании – пространственная форма организации общества, во втором значении – совокупность населенных пунктов в пределах определенной территории. В нашем исследовании под расселением мы понимали совокупность населенных пунктов территории и считали, что сельское расселение является каркасом территории региона, результатом труда многих поколений людей.

Предлагаемая работа опирается на материалы официальной статистики и многолетние исследования авторами данной статьи сельской местности Белгородской области. Основные источники официальной статистики – результаты переписей населения (всесоюзных и всероссийских), материалы территориального органа федеральной службы государственной статистики по Белгородской области (Белгородстат).

Основные результаты исследований. Динамика численности населения. Долговременные тенденции в динамике численности населения отражаются на трансформации сети населенных пунктов. Поэтому исследование изменений в сельском расселении региона целесообразно начинать с динамики общей численности населения.

Численность населения Белгородской области на дату своего образования (06.01.1954 г.), составляла 1,2 млн человек и складывалась в дальнейшем под влиянием двух факторов – естественного и механического (миграции) движений. Об изменениях численности населения по материалам переписей населения и текущего учета (2018 г.) можно судить по данным таблицы (табл.).

Таблица

Численность и среднегодовые темпы роста/убыли городского и сельского населения. 1959-2018 гг.

Показатели	Годы						
	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2018
Численность населения, тыс. чел.	1226,7	1265,8	1308,2	1378,3	1511,6	1530,1	1549,9
Среднегодовые темпы прироста, %	-	0,3	0,4	0,5	0,7	0,2	0,2
Численность городского населения, тыс. чел.	232,5	440,0	681,7	865,3	985,6	1018,1	1044,5
Среднегодовые темпы прироста, %	-	8,1	6,1	2,7	1,1	0,4	0,3
Численность сельского населения, тыс. чел.	994,2	825,8	626,5	513,0	526,0	512,0	505,4
Среднегодовые темпы прироста, %	-	-1,5	-2,6	-1,8	0,2	0,3	-0,2

Составлено и рассчитано по [9, 10]

Динамика общей численности населения свидетельствует об умеренных темпах роста в 60-х, 70-х годах XX столетия, что указывает на механический отток части населения из области. Естественный прирост в этот период был равен среднероссийскому, сальдо миграции уменьшало результаты естественного прироста в общей численности населения.

Городское население в это же время (60-х, 70-х гг. XX столетия) росло очень высокими темпами – 8,1%; 6,1 % в среднем в год, как результат интенсивной индустриализации области, освоения Курской магнитной аномалии, строительства совместно со странами Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и группой западногерманских фирм Старооскольского бездоменного электрометаллургического комбината (ОЭМК) по выплавке стали. Темпы роста числа городских жителей были значительно выше темпов общего прироста населения, что отражало проявление процессов и закономерностей развития урбанизации и ее стадийности (концепция стадийной эволюции урбанизации [11, 12]) с той лишь особенностью, что стартовые позиции начала урбанизации Белгородской области были очень низкими.

В результате высокой скорости урбанизации число городских жителей выросло к концу века в четыре раза и продолжает увеличиваться в текущем столетии.

Сельское население, переезжавшее в города своей области, было главным источником роста городского населения [13]. Уезжала из села в города наиболее активная часть трудоспособного населения, неудовлетворенная характером, условиями труда и быта, перспективами социальных перемещений (социального лифта) в сельской местности. В результате сотни тысяч сельских жителей переселились в города и миграции «село-город» изменили соотношение сельского и городского населения с 80:20% в 1959 г. до 33:67% в 2018 г., уменьшив число сельских жителей в два раза. Безусловно, что определенную роль в сокращении численности

сельского населения сыграл демографический переход, а также административно-территориальные решения – преобразование сельских поселений в поселки городского типа.

В изменениях численности сельских жителей примечателен период с 1989 г. по 2002 гг., когда стремительное сокращение сменилось незначительным приростом. Это была общероссийская временная тенденция, связанная с рурализацией горожан, недавних сельских жителей, потерявших работу в городе в результате смены общественной формации в стране, кризиса экономики. Значительную роль в росте числа сельских жителей сыграли преобразования поселков городского типа в сельские поселения (п. Майский, п. Троицкий) и переселение в область вынужденных переселенцев из республик бывшего СССР.

Последующий пространственно-временной анализ изменений численности сельского населения области позволяет утверждать, что современные процессы трансформации расселения были заложены в 70-х, начале 80-х гг. XX века во время интенсивной индустриализации, урбанизации, ускоренные действием современных факторов в сельской местности.

В начале нового столетия в характере динамики (и расселения) сельского населения появились новые тенденции: усилилась концентрация населения вокруг больших городов – Белгорода и Старого Оскола - ускорились процессы формирования вокруг них агломераций. Большинство же муниципальных районов, за исключением пригородных районов агломераций, охватили процессы демографической деградации.

Убыль населения увеличивается по мере приближения к окраинам (периферии) области, основным фактором которой стала миграция, поскольку естественное движение населения во всех муниципальных образованиях, как и в большинстве регионов страны, имеет отрицательную величину. Побудительными мотивами миграций сельских жителей являются не только личные факторы и обстоятельства, но и уровень географически дифференцированных социально-экономических условий [14, 15].

Структура сети сельских населенных пунктов. Исследование изменений структуры сельских населенных пунктов, показало, что продолжается усиление их территориальной поляризации, рост числа и доли малых населенных пунктов, что отмечалось в исследованиях еще советского времени [16] и продолжается в настоящее время. Новой тенденцией стало появление, а затем и увеличение числа «мертвых» деревень и малых по людности населенных пунктов (до 100 жителей), деградация средних до уровня малых с перспективой пополнения числа обезлюдивших.

Сельское население с 1979 г. к последней всероссийской переписи населения 2010 г. сократилось на 108 тыс. человек и 129 сельских населенных пунктов (в результате объединений, присоединений, изменения статуса), 69 из которых полностью прекратили свое существование, т.е. остались без населения. Средняя людность в результате сокращений

количества жителей (и населенных пунктов) уменьшилась с 369 до 328 человек (на 13 %).

Населенные пункты людностью до 100 человек составляют 41%, в то время как в них проживает всего пять процентов населения области и продолжается устойчивое измельчение поселенческой сети, что отражено на рисунке (рис.).

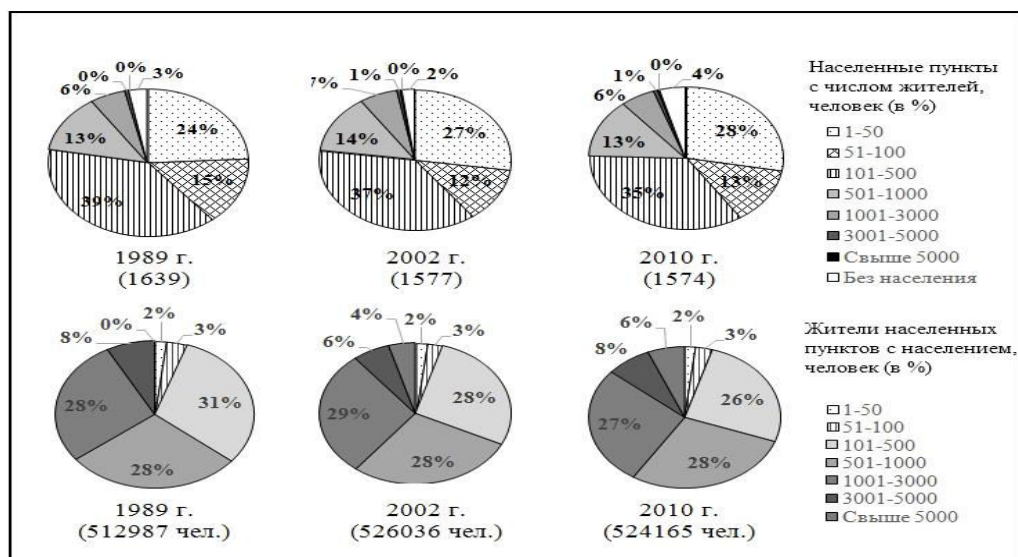

Рис. Распределение сельского населения по населенным пунктам разной людности по данным переписей населения. 1989-2010 гг., %

Рост малых по численности населения поселений в условиях недостаточной инфраструктурной обустроенности [17. С. 11] усиливает их деградацию и создает новые побудительные мотивы для оттока населения. В ряде районов с 2002 по 2018 гг. численность жителей уменьшилась на четверть.

Сравнительный анализ численности населения населенных пунктов разной территориальной локализации (центр-периферия) на 2002 и 2015 гг. (по данным [18, 19]) позволил сделать выводы о сложной траектории развития: число средних поселений уменьшается в результате сокращения в них численности населения и перехода в категорию малых и мельчайших. Число крупнейших (свыше 3 тыс. жителей) населенных пунктов повышается, но преимущественно в пригородной зоне Белгородской агломерации. Выявлено, что из 13 крупнейших сельских населенных пунктов людностью более трех тысяч жителей семь находятся в зоне влияния Белгородской, три – Старооскольско-Губкинской агломерации и лишь три – за их пределами (в Красногвардейском и Грайворонском районах - периферии).

Населенные пункты в пригородных зонах агломераций, обладают высокой степенью устойчивости, что было отмечено Ж.А. Зайончковской еще в конце прошедшего столетия [20. С. 13]. Местоположение поселений по отношению к городу становится определяющим фактором их жизнеспособности. Все удаленные поселения независимо от их размеров и роли в системе расселения теряют население с разной очередностью и

интенсивностью. Процессы сокращения и измельчения поселенческой сети, стягивание ее в пригородные зоны, формирование городских агломераций (и за счет сельского расселения) – закономерные процессы в расселении XXI века.

В самом сложном положении находится сельское расселение периферии области, особенно на востоке. Миграционный отток характерен для всех групп людности, приводящий к трансформации расселения, дальнейшему измельчению сети населенных пунктов, появлению новых «мертвых» сел. С 1989 г. по 2010 гг. (переписи населения) число «мертвых» сел выросло на 30% (с 49 до 69) и на 2018 г., по официальным данным Белгородстата, составило уже 74 населенных пункта (4,7%) [21. С. 6]. Из 74 населенных пунктов «без населения» половина (48,6%) расположена в восточных и юго-восточных районах – далеко от больших городов и городских агломераций Белгородской области.

Мы считаем, что рост «мертвых» сел вызван действием еще одного фактора - проводимой политикой неолиберальной экономики и урбанизации [22] в России – село расплачивается за результаты построенной в стране асоциальной экономики [23. С. 48]. На пять сельских населенных пунктов области приходится одна школа, а обеспеченность больничными койками между районами отличается в четыре раза [24]. Если село, его население лишено базовых социальных услуг, то миграция жителей «село-город» обоснована и предсказуема.

Выводы. Процессы трансформации сельского расселения Белгородской области были заложены во второй половине XX столетия. Они соответствовали универсальным чертам урбанизации - опережающему росту городского населения на фоне общего, росту больших городов и концентрации населения в пригородных зонах агломераций. Изменения системы расселения области имели свои особенности и протекали в условиях интенсивной индустриализации и ускоренной урбанизации с исходным низким порогом.

Современные траектории развития сельских населенных пунктов разных групп людности сложны. Все большее значение для стабильного, устойчивого развития поселений имеет географическая близость к большому городу.

Устойчивой тенденцией развития крупнейших населенных пунктов является их рост только в зоне влияния Белгородской и Старооскольско-Губкинской агломераций. 85% сельских населенных пунктов людностью выше трех тысяч жителей сосредоточены в первых пригородных зонах агломераций.

Основным трендом изменений в расселении является измельчение сети населенных пунктов во всех муниципальных образованиях кроме пригородной зоны Белгородской агломерации (Белгородский район).

Одним из значимых факторов депопуляции населения в малых по людности населенных пунктах, является отсутствие социальной инфраструктуры, которое ускоряет появление новых «мертвых» сел.

Масштаб и скорость появления населенных пунктов без населения стали характерной особенностью сельского расселения периферийных районов области.

Для предотвращения вымирания малых поселений членами Общественной палаты России [25] предложено создание агентств развития территорий, которые разрабатывали бы экспертные оценки и варианты улучшения местной ситуации, что отвечает и нашим представлениям решения проблемы.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №18-05-00093

Литература

1. Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Рук. авт. колл. Д.С. Львов. М.: ОАО "Издательство "Экономика", 1999. 793 с.
2. Алексеев А.И. Изменение сельского расселения в России в конце XX-начале XXI века // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2015. №2. С. 66 – 76.
3. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М: ЛЕНАНД. 2013. 456 с.
4. Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Кн.1: Два столетия российской истории между Москвой и Петербургом / Сост. и науч. ред. Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш. М.: ЛЕНАНД. 2015. 240 с.
5. Аверкиева А.В., Д.Ю. Землянский. Структура занятости сельского населения в Центральном Черноземье // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2016. №2. С 75 – 81.
6. Калугина З.И. Инверсия сельской занятости: практика и политика // Регион. Экономика и социология. 2012. №2 С. 45 – 67.
7. Клюев Н.Н. Эколого-ресурсный диссонанс в сельском хозяйстве российских регионов / Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации: монография // ред. кол.: Л.И. Попкова (отв. ред.), И.Е. Требушкова, С.А. Казаков. Курск, КГУ. 2017. С. 391 – 397.
8. Ковалев С.А. Избранные труды. Смоленск: Ойкумена. 2003. 438 с.
9. Белгородской области 55 лет. Юбилейный статистический сборник. Белгород: Белгородстат. 2009. 288 с.
10. http://belg.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/belg/resources/33fdb10047f3b6d391c6b5ed3bc4492f/peopl_MO18.htm .
11. Gibbs, J. The evolution of population concentration // Economic Geography. 1963. 2. P. 119-129.
12. Кюммель Т. Стадиальная концепция урбанизации: методология и методы анализа // Методы изучения расселения. М: Ин-т географии АН СССР, 1987. С. 82-100.
13. Чугунова Н.В., Т.А. Полякова. Современные тенденции эволюционного развития сельского расселения региона / География: история, современность, перспективы // Сб. науч. Тр. Под ред. Г.С. Гужина. Краснодар. Кубанский госуниверситет. 2012. С. 531 – 543.
14. Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
15. Чугунова Н.В., Комкова А.И. Пространственное неравенство в регионе высокого уровня социально-экономического развития (Белгородская область) //

Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. Ростов-на-Дону. 2018 №7. С. 175 – 184.

16. Гужин Г.С., Н.А. Шевцова, Н.В. Чугунова. Расселение сельского населения / Население и трудовые ресурсы. Отв. ред Г.С. Гужин. Ростов-на-Дону. РГУ. 1987. 240 с.

17. Нефедова Т.Г. Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. Ростов-на-Дону. 2018 №7. С. 4 – 21.

18. Сельское население. Итоги всероссийской переписи населения 2002 г. Белгород: Белгородстат. 2004. 56 с.

19. Муниципальные образования и численность населения Белгородской области на 01.01.2015 г. Инф. изд. Белгород: Белгородстат. 2015. 82 с.

20. Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука. 1991. 132 с.

21. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных районов и городских округов Белгородской области. (2012-2016 гг.). Стат. сб. / Белгород: Белгородстат. 2017. 280 с.

22. Харви Д. Неолиберальная урбанизация (Харви, 25.05.2007) Проект "Русские дебаты" Института общественного проектирования. http://www.redflora.org/2012/07/blog-post_06.html.

23. Сдасюк Г.В. Россия и Индия: общие проблемы развития – разные пути и результаты решения // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. Ростов-на-Дону. 2017. №6. С. 38 – 50.

24. Чугунова Н.В., А.И. Комкова. Пространственное неравенство в регионе высокого уровня социально-экономического развития. (Белгородская область) // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. Ростов-на-Дону. – 2018. №7. – С. 175-183.

25. Глазычев В. Л. О взгляде на опустение России. <http://demoscope.ru/weekly/2007/0293/gazeta017.php>.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В МЕЖПЕРЕПИСНОЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

В.П. Шаблинская, Н.В. Яковенко, О.В. Диденко
Воронежский государственный университет, Россия
e-mail: n.v.yakovenko71@gmail.com

Аннотация: В статье показаны процессы изменения динамики численности сельского населения в межпереписной период на территории Воронежской области.

Ключевые слова: сельское население, межпереписной период, Воронежская область.

Сельское расселение вызывало и вызывает интерес у многих специалистов разных областей знаний, что обусловлено особым значением сельской местности в сохранении и развитии всего исторически освоенного пространства России, а потому и сельского расселения, которое выступает ее каркасом. Несмотря на тот факт, что доля городского населения Россия вполне сопоставима с развитыми странами, судить о глубине этой урбанизированности можно весьма относительно. Российская сельская

местность продолжается в городах, в которых подавляющая часть жителей – горожане, для которых сельские ценности по-прежнему играют очень большую роль. В настоящее время для российской действительности характерен целый ряд негативных социально-экономических проблем, таких как: экономический кризис, острые социальные проблемы, неблагоприятная демографическая обстановка, уменьшение доли трудоспособного населения и и др. Эти проблемы наблюдаются во многих субъектах РФ, в том числе и в Воронежской области – одном из неблагоприятных в демографическом отношении регионов Центрального Федерального округа России, причем в сельской местности области они проявляются значительно раньше и наиболее ярко, чем в городской.

Рассматривая параметры воспроизводства сельского населения за длительный период времени, можно отметить неблагоприятную ситуацию. устойчивую ситуацию. С 1989 по 2005 гг. число жителей сельской местности уменьшилось на 308 тыс. человек (на 0,8%). Причем процесс депопуляции сельских жителей имеет непрекращающийся характер с 1995 г. по 2018 г. Вместе с этим за последние 16 лет доля детей (до 15 лет) в составе сельских жителей сократилась с 25% до 18%, а доля пожилого населения (60 лет и старше) наоборот увеличилась (с 18% до 19%) [1, 2].

Все вышеперечисленные процессы, происходящие с сельским населением во всех регионах страны, могут привести к социально-экономическим проблемам, как на региональном, так и на федеральном уровне. Анализ численности сельского населения Воронежской области был проведен на основе Всероссийской переписи за 2002 и 2010 год (рис.1).

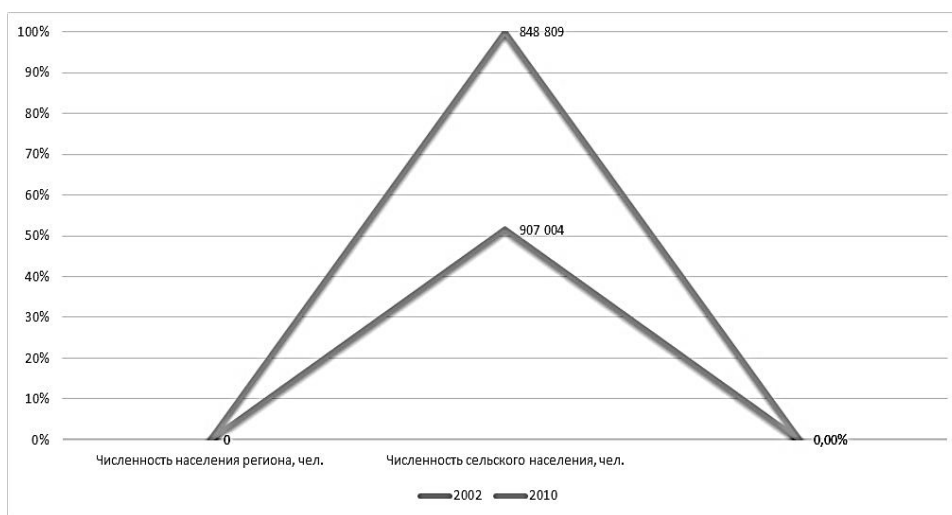

Рис.1. Численность сельского населения Воронежской области по итогам переписи населения за 2002 г. и 2010 г.

Показатель численности сельского населения Воронежской области примерно на 10% выше, чем в среднем по стране. Но, как и во всех регионах Российской Федерации этот показатель постепенно сокращается. В Воронежской области в межпереписной период сельское население

сократилось на 1,9%. Данный показатель на 0,9% больше, чем в среднем по стране, за период между двумя переписями в России сельское население примерно сократилось на 1%. Данные темпы сокращения сельского населения в регионе с выгодным агроклиматическим положением довольно высоки и требуют особого внимания со стороны современных исследователей.

В 2002 г. в Воронежской области насчитывалось 1756 сельских населенных пунктов, а также 124 населенных пункта, которые не имели зарегистрированных жителей, т.е. по сути дела являлись «вымершими». К 2010 г. количество сельских населённых пунктов на территории Воронежской области сократилось на 115 ед. и составило 1641. 76 сельских населенных пунктов опять же имели нулевой показатель. Что говорит о том, что в ближайшие годы так же будет наблюдаться сокращение числа сельских населенных пунктов на территории Воронежской области[3].

Основная масса рассматриваемого сельского населения проживает в малых сельских населённых пунктах с численностью до 1000 человек и как показывают данные, число жителей в данных населенных пунктах к общему числу сельских жителей региона в межпереписной период постепенно увеличивалось. Число крупных сельских поселений не велико и составляет в 2002 г. -18, а в 2010 – 16 (если учесть, что численность мелких сельских населенных пунктов составляет примерно 1500 единиц) и проживает здесь самых маленький процент сельского населения, всего порядка 14,5%. Получается, что сельское население Воронежской области концентрируется в основном в мелких многочисленных сельских населенных пунктах, что в результате усложняет для государства решение таких проблем, как обеспечение сельских жителей необходимой социальной инфраструктурой. Чем отчасти и объясняется снижение численности сельского населения в межпереписной период.

В отличие от показателя соотношения мужчин на 1000 женщин по Воронежской области в сельской местности в межпереписной период ситуация незначительно улучшилась, если в 2002 г. на 1000 женщин приходилось 860 мужчин, то в 2010 г. уже 870. По области в половой структуре преобладают женщины, но в сельской местности наблюдается сокращение как женского, так и мужского населения. Полученные данные в рамках двух переписей указывают на то, что доля мужчин, проживающих в сельской местности, от общей численности сельского населения немного возросла, а женская снизилась. Преобладание числа женщин над мужчинами в сельской местности начинается примерно с 50-54 лет и достигает максимума в возрасте от 80 до 95 лет.

Процессы рождаемости в сельской местности в межпереписной период имеют положительную динамику, в основании половозрастной пирамиды за 2010 год наблюдается увеличение числа детей в возрасте от 0 до 4 лет. Так же, как и в половозрастной пирамиде населения Воронежской области в целом, половозрастная пирамида сельского населения имеет резкое снижение

численности среди мужчин и женщин в возрасте 5-9 лет в 2002 г. и в возрасте 10-14 лет в 2010 г. [4].

Динамика численности сельского населения Воронежской области более ярко отслеживается, если перенести полученные данные в результате переписей на картосхему (рис.2, 3).

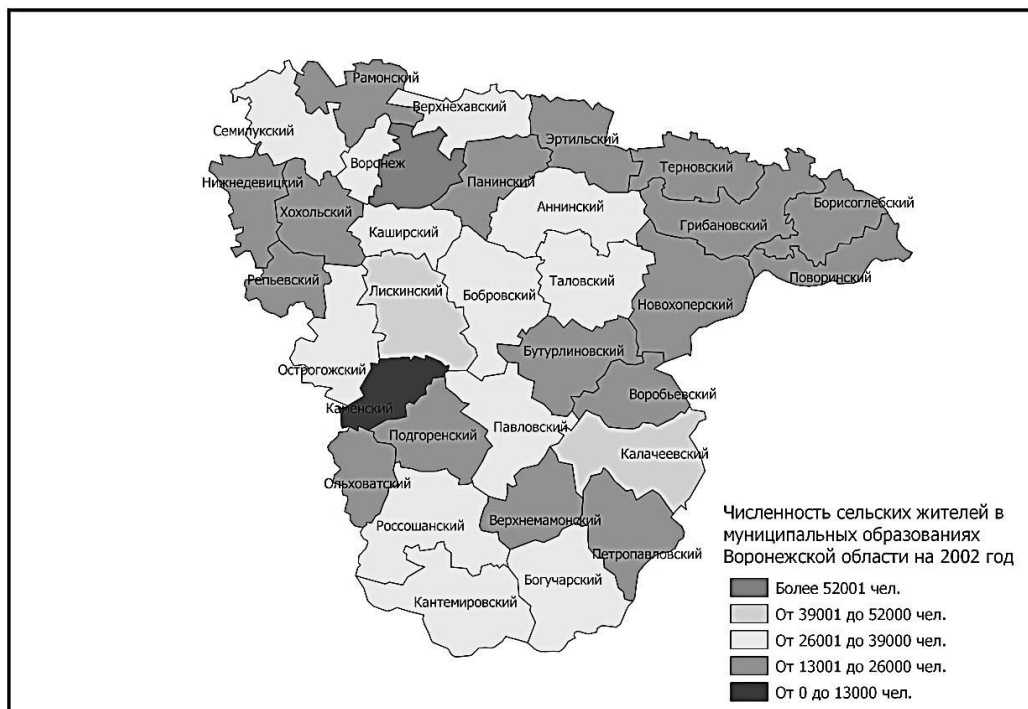

Рис.2. Число сельских жителей в муниципальных образованиях Воронежской области, тыс. чел. (2002)

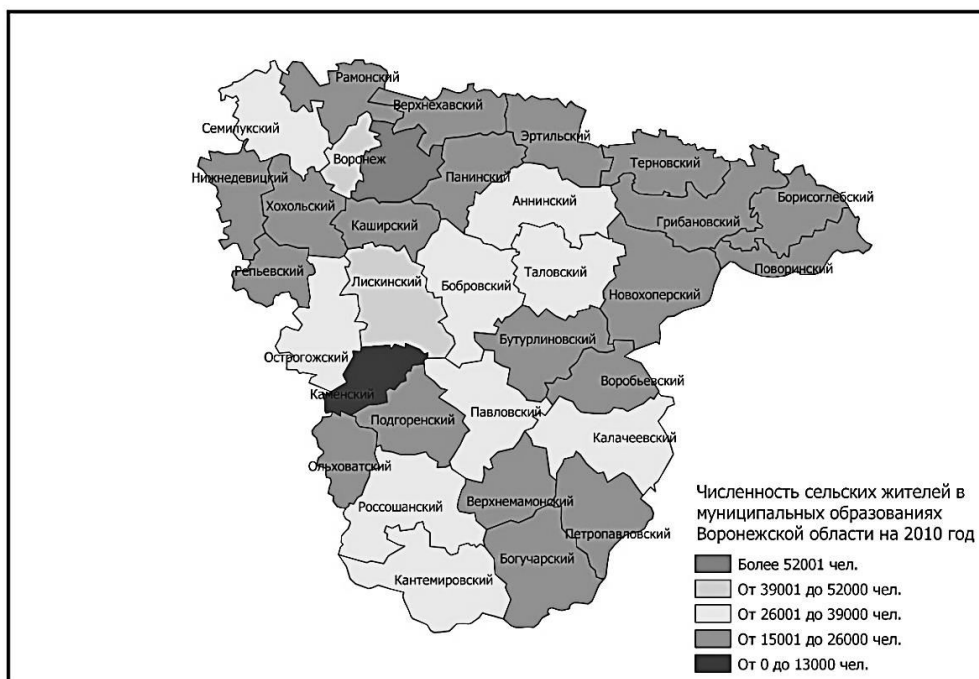

Рис. 3. Число сельских жителей в муниципальных образованиях Воронежской области, тыс. чел. (2010)

Как видно на представленных картосхемах, число муниципальных образований с низкой численностью сельского населения ежегодно возрастает, причем не имеется ярко выраженной привязки к каким-либо географическим районам Воронежской области. В 2002 г. муниципальных образований с численность более 39000 человек проживающих в сельской местности было 3: Новоусманский, Лискинский район и Калачеевский районы. По данным Росстата в 2018 г. таких муниципальных образований также насчитывается 3, но Калачеевский район перешел в группу районов с численность от 26000 до 39000 человек, а вот число сельских жителей в городском округе г. Воронеж возросло.

Также увеличилось число муниципальных образований с низкой численностью сельского населения в 2018 г. их насчитывается 3, а в 2002 г. было всего 1.

Еще одним из рассматриваемых показателей является число сельских населенных пунктов без населения. Так, в 2002 г. их насчитывалось 124, а в 2010 г. – 76. Если учесть, что число сельских населенных пунктов сократились в межпереписной период на 115, то можно сделать вывод, что практически все сельские населённые пункты, в которых не были зарегистрированы жители в 2002 г., полностью исчезли и уже не были зарегистрированы в 2010 г., и к тому же за 8 лет образовалось еще 67 депрессивных населенных пункта.

Согласно данным о числе сельских населенных пунктов без населения основное число таких пунктов в 2002 г. находилось в городском округе г. Воронеж, Бобровском и Нижнедевицком муниципальных районах. В 2010 г. картина немного изменилась, в городском округе г. Воронеж депрессивные сельские населенные пункты зарегистрированы не были, а самое большое число было зарегистрировано в Таловском и Нижнедевицком районах.

Таким образом, число населенных пунктов без жителей в межпереписной период сократилась практически во всех районах, что говорит о положительной динамике и замедлении процесса «вымирания» сельской местности в Воронежской области. В целом же Воронежская область, как и большинство субъектов Российской Федерации не стала исключением в процессах, происходящих с сельским населением в межпереписной период во всех регионах страны.

Исследование выполнено при поддержке Гранта РФФИ 16-46-360686 p_a «Информационно-аналитическая система прогнозирования социально-экономического развития Воронежской области»

Литература

1. Алексеев А.И., Сафронов С.Г. Изменение сельского расселения в России в конце XX – начале XXI века//Вестник московского университета. Сер. 5. География. – 2015. №2. – С.66–76.

2. Нефедова Т.Г. Основные тенденции изменения социально-экономического сельского пространства сельской России //Изв. РАН. Сер. геогр. -2012. -№ 3. – С. 5 – 21.
3. Яковенко Н.В.https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=596409, Комов И.В., Диденко О.В. Стратегическая конкурентоспособность региона: теоретические аспекты исследования// Наука Красноярья. 2017, Т. 6, № 1-3, С. 93 – 96.
4. Яковенко Н.В.https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=596409, Комов И.В., Кирьянова И.Г., Диденко О.В. Кризис института российской семьи - причина неблагоприятной демографической ситуации в Российской Федерации// International Journal of Advanced Studies. 2018. Т. 8. № 2-2. С. 153 – 161.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ (ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Н.В. Яковенко, И.В. Комов, О.В. Диденко, И.В. Сафонова
Воронежский государственный университет, Россия
e-mail: n.v.yakovenko71@gmail.com

Аннотация: В статье раскрыты современные тенденции демографического развития Воронежской области. Указаны основные меры по улучшению демографической ситуации в регионе.

Ключевые слова: демографическое развитие, Воронежская область, население.

Постоянно меняющаяся картина демографических процессов на региональном уровне требует регулярного мониторинга демографической ситуации. С целью изменения пессимистической демографической динамики, необходимо разработать и применить целый комплекс мер, которые направлены на преодоление негативных тенденций.

По состоянию на 01.01.2017 г. численность постоянного населения области составила 2335,4 тыс. чел. и сократилась с 1990 г. более чем на 130 тыс. чел. Численность постоянного населения на 01.01.2018 г. составила 2333768 чел. (2016 г. – 235408 чел. [3]).

Реализация мероприятий по урегулированию демографического развития в регионе показывает, что за последние 10 лет произошел рост показателя рождаемости (в 1,1 раза); снижение уровня смертности (в 1,2 раза); естественный прирост населения увеличился с (-8,7) до (-5,0) на 1000. В то же время, уровень смертности (2017 г.-14,6 на 1000), по-прежнему, превышает уровень рождаемости (2017 г.-9,6 на 1000). Региональный показатель общей смертности остается выше, чем аналогичный показатель по Российской Федерации (2017 г.: Воронежская область – 14,6 на 1000; РФ – 13,5).

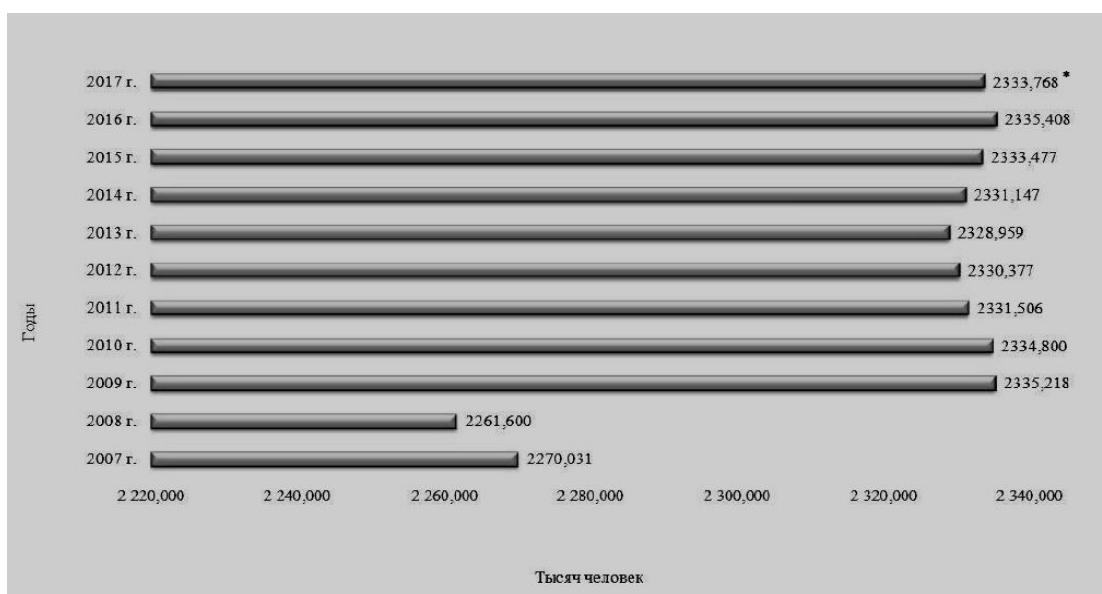

Рис.1. Численность населения Воронежской области, тыс. чел.

Смертность от неинфекционных заболеваний (НИЗ), как правило, ассоциируется с пожилыми возрастными группами. В Воронежской области в 2016 г. до 65,2% всех смертей от НИЗ произошли среди населения «старше 70 лет». Как положительный момент следует отметить выраженную тенденцию к снижению коэффициента младенческой смертности, который за последние десять лет снизился в 1,7 раза (2007 г. – 8,2 на 1000; 2017 г. – 4,8).

Одним из важных демографических показателей является показатель ожидаемой продолжительности жизни. Для Воронежской области он вырос и равен показателю на уровне РФ (2016 г.-71,9 год). Этот показатель для мужчин в регионе (по отношению к 2000 г.) возрос на 6,3 лет (с 60,2 до 66,5 лет); для женщин-на 3,6 года (с 73,5 до 77,1 года).

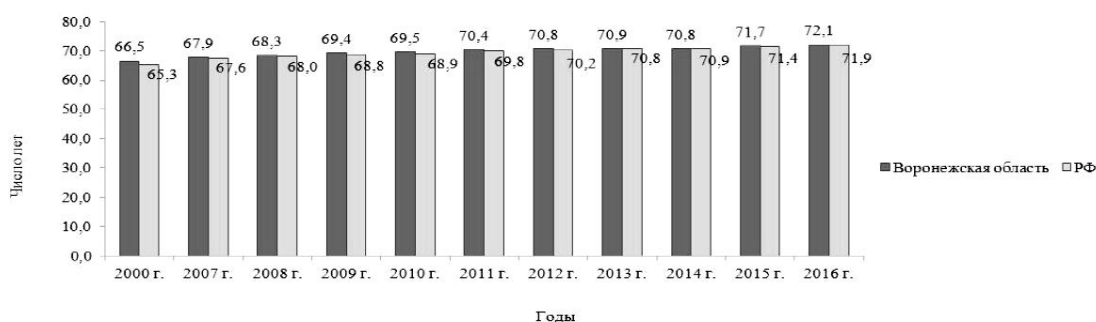

Рис.2. Ожидаемая продолжительность жизни населения при рождении в Воронежской области

Для населения Воронежской области характерна гендерная диспропорция. По-прежнему на территории муниципальных образований Воронежской области в населении преобладают женщины, на их долю приходится 54,3%. Усиливается тенденция к старению и сокращению населения в трудоспособном возрасте. Численность населения

трудоспособного возраста за аналогичный период сократилась более чем на 40 тыс. чел. Численность населения старше трудоспособного возраста в Воронежской области в 2016 г. составила 655,5 тысяч чел., или 28,1% в общей численности населения региона (в РФ - 24,5%; в ЦФО - 26,8%). По численности населения старше трудоспособного возраста Воронежская область занимает 68-е место в РФ и 16-е место в ЦФО. Доля населения старше 80 лет превышает среднероссийское значение и составляет 4,1% от общей численности населения (РФ в 2016 г. – 3,1%, в ЦФО - 3,7%).

Можно отметить структурные изменения, которые обусловлены сокращением числа женщин репродуктивного возраста 20-29 лет, при том, что увеличивается численность женщин в возрасте 30 - 39 лет. Наблюдается тенденция откладывания рождения 1-го ребенка на более поздний период. К 2020 г. количество женщин активного репродуктивного возраста (20-29 лет) сократится на 40 %.

По прогнозу Росстата, к 2031 г. ожидаемая продолжительность жизни по Воронежской области должна возрасти до 75,3 лет, в том числе у мужчин – до 70,4, у женщин – до 79,9 лет.

Остается высокой в населении области доля лиц пенсионного возраста (28,1%) при низком удельном весе детей и подростков (15,1%), в пределах региона находится в диапазоне от 10,8% (Терновский) до 17,5% (Богучарский). Как следствие, увеличивается демографическая нагрузка на трудоспособное население.

Миграция на современном этапе влияет непосредственно на демографическую ситуацию, через замещение естественной убыли населения, а также на половозрастную структуру населения. Воронежская область традиционно является одним из 15 привлекательных регионов РФ для миграции. Миграционный прирост области обеспечивают как внутрироссийские (20%), так и международные мигранты (80%).

Самый высокий показатель миграционного прироста населения в области наблюдался в 2014 г., что было связано с событиями на Украине, поэтому и в 2014, и в 2015 и 2016 годах миграционный прирост полностью заместил естественную убыль населения области. В ходе межобластного миграционного обмена в 2017 г. миграционный прирост составил 3018 чел. Наибольший удельный вес приходился на бывших жителей Белгородской, Липецкой и Тамбовской областей.

Среди неотложных мер демографической политики можно выделить сдерживающие и стимулирующие. Сдерживающие – это меры, которые направлены на уменьшение издержек депопуляции: смертность, низкое качество здоровья населения, неконтролируемые миграционные процессы.

Стимулирующие – это меры, направленные на повышение рождаемости, привлечение «качественных» переселенцев, льготное кредитование молодых семей, улучшение работы спортивных и медицинских учреждений и т.д.

Озвученные негативные тенденции демографического развития могут быть постепенно преодолены в результате мер, которые реализуются в рамках мероприятий Концепции демографической политики Воронежской

области, принятой на период до 2025 г. [2], а также принимаемых мер в рамках реализации государственной программы Воронежской области «Развитие здравоохранения» [1, 4].

На улучшение демографической ситуации в регионе могут оказать влияние следующие меры (рис.3).

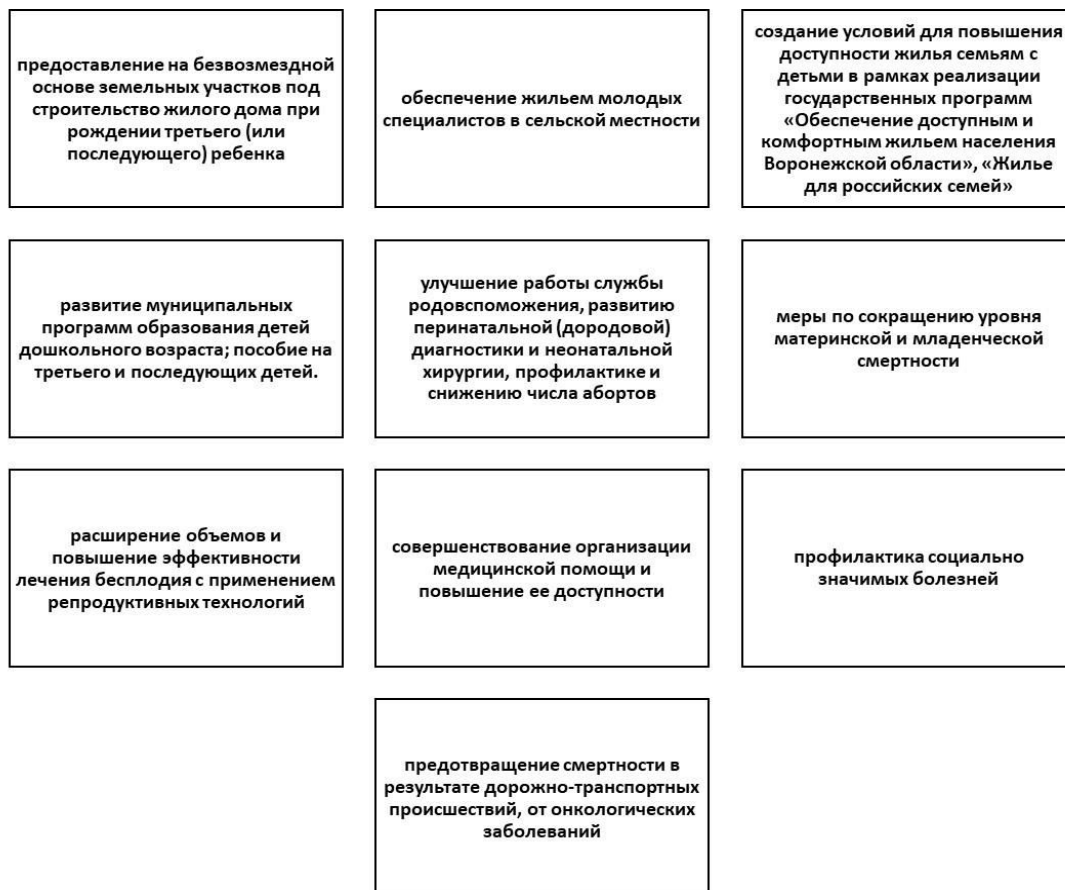

Рис.3. Меры, направленные на улучшение демографической ситуации

Таким образом, демографическое развитие любого субъекта Российской Федерации является одной из главных социальных функций государства. Региональные власти и органы местного самоуправления должны действовать как единый механизм в процессе реализации основных направлений демографического развития региона.

Исследование выполнено при поддержке Гранта РФФИ 16-46-360686 p_a «Информационно-аналитическая система прогнозирования социально-экономического развития Воронежской области»

Литература

1. Об утверждении государственной программы Воронежской области «Развитие здравоохранения»" (с изменениями на: 04.06.2018)/[Электронный ресурс. Режим доступа:<http://docs.cntd.ru/pdf/get/id/460270786/key1a1c7d3cd8bbf7d0fe57a087e59/file/1>].

2. Об утверждении концепции демографической политики Воронежской области на период до 2025 года // [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/pdf/get/id/469701000/key/a17b80288f061d515330f01ce12c9e50/file/1>].

3. Типология муниципальных образований Воронежской области по уровню демографического развития// Яковенко Н.В., Куролап С.А., Комов И.В., Диденко О.В., Сесорова И.С.//Журнал научных статей Здоровье и образование в XXI веке. -2016. -Т. 18.- № 7.-С. 86 – 89.

4. Управление социально-экономическими системами: теория, методология, практика/ Яковенко Н.В., Комов И.В., Диденко О.В.// Коллективная монография. – Пенза, 2017.

РАЗДЕЛ 3. ПРИГРАНИЧНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ЕВРОРЕГИОН КАК ФОРМА ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЕВРОРЕГИОНА «НИЖНИЙ ДУНАЙ» РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА)

В. Блажко

Молдавский государственный университет

E-mail: VBlaico@mail.ru

Аннотация: В статье на материале статистических и социологических данных рассматриваются трансграничное сотрудничество в еврорегионе «Нижний Дунай» Республики Молдова. Анализируется опыт деятельности этого объединения, в котором отражаются как положительные тенденции, так и проблемы, обусловленные многими политическими и социально-экономическими факторами.

Ключевые слова: Пограничье, еврорегион, трансграничные отношения, проекты, закон.

Межрегиональное приграничное сотрудничество имеет уже более чем полувековой опыт. За это время определены и опробованы разнообразные формы экономического сотрудничества и согласованной взаимовыгодной политики, основанной на законодательной базе различных стран. Созданные международные организации: в 1994 году Европейский Конгресс местных и региональных властей (КМРВЕ), Европейский фонд экономического и регионального развития (FEDER), Комитет по региональной политике (СРР) и другие оказывают всестороннюю помощь в налаживании эффективного сотрудничества государств. Межгосударственное сотрудничество в рамках еврорегионов поддерживается и различными двусторонними соглашениями местных властей. Опыт стран Западной Европы показывает, что пограничное сотрудничество позволяет:

- успешно решать вопросы выравнивания экономического уровня регионов, урегулировать территориальные и этнические проблемы;
- устранять проблемы в области охраны окружающей среды;
- обеспечивать соответствующий уровень занятости и социальной защиты населения;
- формировать единое культурное пространство;
- решать задачи, касающиеся борьбы с организованной преступностью, предупреждения и ликвидации последствий стихийных бедствий и техногенных катастроф[1].

Современная регионалистика превратилась в широкую область науки, находящуюся на стыке экономики, географии, социологии, политики и др. Целый ряд ученых (Э.Алаев, А.Баранов, А.Вартунян, Ю.Гладкий, Д.Доленко, К.Гаджиев, В.Добреньков, У.Изард, В.Фатеев, А.Чистобаев и др.) внесли значительный вклад в развитие новых направлений в ее развитии. Однако много публикаций часто носят информационно-событийный характер.

В понимании термина «еврорегион» ученые пока единого мнения не выработали. Наиболее часто встречаются два определения: а) регион (англ. region от лат. region) – область, район, часть страны, отличающаяся от других областей совокупностью естественных и (или) исторически сложившихся, относительно устойчивых экономико-географических и иных особенностей, нередко сочетающихся с особенностями национального состава населения; б) группа близлежащих стран, представляющая собой отдельный экономико-географический или близкий по национальному составу и культуре, или однородный по общественно политическому строю район мира. [2 с.431]Мы в своей работе будем использовать второе определение.

Постсоветское пограничье имело свои особенные характеристики ментальности. Они определялись тем, что рядом часто жили люди со схожими культурами и историческими судьбами («родственные и родные», «свои», «более близкие и лучшие») и т.п. И хотя это пограничное пространство было особо политизировано, оно способствовало формированию особой ментальности («ментальный карты» Е. Толман) «окраинных народов». Это проявлялось, прежде всего, в их духовных представлениях, в приоритетах культуры и т.п. Отсюда следовало, что культура и ментальность Пограничья формировалась как некая «переходная зона», в которой на формирование ментальности населения, сильно влияли этно-религиозные-языковые смешивания. С обретением независимости и оформления суверенности государств особо проявились «спящие» проблемы национальной самоидентификации, которые часто приобретали националистическую окраску. Разрушение некогда единого союзного экономического пространства породило во многих странах глубокий политико-социальный кризис. Все это способствовало тому, что в Республике Молдова трансграничное сотрудничество получило весьма активный вектор развития, и сегодня уже две тети территории входят в различные еврорегионы.

В стране первоначально были созданы еврорегионы «Верхний Прут», «Нижний Дунай», чуть позже появился еврорегион «Днестр». и «Сирет-Прут-Нистру». В основном, в эти объединения входили районы Украины. Молдовы и Румынии. Но со временем в еврорегион «Верхний Прут» вошла и федеральная земля Каринтия (Австрия). Их создание предполагало не только развитие и укрепление дружеских отношений с государствами-соседами, но и решение проблем самих регионов в различных сферах социальной жизни: прежде всего, оздоровление экономики, развитие рынка рабочей силы и формирование благоприятного инвестиционного климата.

На примере деятельности еврорегиона «Нижний Дунай» следует отметить, что частично многие проблемы были решены, но желаемые цели пока не достигнуты. Сегодня деятельность еврорегиона "Нижний Дунай" можно признать наиболее эффективной. В рамках этого объединения было реализовано значительное количество проектов. Среди наиболее результативных можно назвать: "Придунайские озера, Украины. Устойчивое восстановление и сохранение естественного состояния экосистем",

«Предотвращение чрезвычайных ситуаций и защита от наводнений в еврорегионе «Нижний Дунай», «Улучшение трансграничного сотрудничества в области интегрированного управления водными ресурсами в еврорегионе «Нижний Дунай». Важно отметить, что любые проекты, реализуемые в еврорегионе, так или иначе, вовлекают все страны в процесс межгосударственного сотрудничества. Например, целью реализации проекта «Бизнес-инфраструктура Одесской области и еврорегион «Нижний Дунай», укрепление сектора малого и среднего бизнеса во всем Придунавье, в контексте трансграничного сотрудничества. Реализация проекта «Бизнес-инфраструктура Одесской области и еврорегион «Нижний Дунай» позволила создать Агентство трансграничного сотрудничества на этой территории, которое после окончания проекта перешло в коммунальную собственность Одесского областного совета и ныне финансируется частично из областного бюджета. Агентство способствует бизнес-структурам, местными региональным органам власти, негосударственным организациям в реализации программ и проектов в сфере трансграничного сотрудничества.

Реализация проекта «Предотвращение чрезвычайных ситуаций и защита от наводнений в Еврорегионе «Нижний Дунай», позволила открыть в г. Измаил Информационно-аналитический центр по прогнозированию и предотвращению наводнений.

По результатам отбора проектов в рамках Программы соседства «Украина-Румыния: Еврокомиссией финансировался проект «Улучшение трансграничного сотрудничества в области интегрированного управления водными ресурсами в Еврорегионе «Нижний Дунай».

Со временем этот процесс потребовал более широких горизонтов и тогда было решено создать Ассоциацию трансграничного сотрудничества «Еврорегион Нижний Дунай». Ассоциация является не прибыльным юридическим лицом, независимой негосударственной совместной организацией менеджмента трансграничного сотрудничеств. Начальные результаты этого объединения показали хорошую результативность. В первые годы было создано десять центров консультирования и поддержки предпринимательства, 300 компаний получили практическую помощь, установлено 50 трансграничных торговых контактов. Однако в связи со сложными политико-экономическими условиями на Украине Одесская область почти на два года отстранилась от работы в еврорегионе. Лишь в августе 2016 года, когда председательство в еврорегионе перешло к Одесской области, ее руководство заявило, что возобновляет полноценную работу на территории еврорегиона. В прошлом году в городе Измаиле, который также подал заявку на участие в работе этого объединения, прошло совещание по вопросам реализации наиболее насущных проектов: открытие регулярных автобусных сообщений Измаил-Галац (Румыния) и Рени-Джурджулешты-Галац, железнодорожное сообщение Березино-Бессарабка, (Молдова-Украина) и др.) [3]

В октябре 2006 года Еврорегион был представлен на международной выставке-презентации «Дунай основной путепровод Европы» (г. Брюссель), в

рамках которой были освещены история создания еврорегиона, цели и опыт деятельности, а также дальнейшие перспективы его развития на примере результатов реализации отдельных проектов трансграничного сотрудничества. За успехи в межгосударственном сотрудничестве еврорегион «Нижний Дунай» удостоился почетной награды Ассоциации Европейских приграничных регионов «Паруса Папенбурга».

Вместе с тем, как показали мониторинговые социологические опросы, в Молдове решению многих проблем трансграничного сотрудничества препятствует целый ряд факторов, как политического, так и социально-экономического характера. Как отметили наши респонденты, проблемы часто возникают из-за несовершенства республиканского законодательства в регулировании отношений «центр-периферия, и законов о местном самоуправлении. Центр стремится к консолидации, жесткой управляемости и контролю над деятельностью местных органов власти (85% опрошенных в 2010 году и 71% в 2017 году)). [4, с. 4] Вместе с тем местным властям предоставляется формальная законодательная свобода в управлении территорией. А реально перекладывается вся нагрузка в социально-культурной, коммунально-бытовой сферах, без учета реальных возможностей содержания и управления объектами и их должного финансирования. И как следствие, местные органы власти обретают часто невыполнимые обязательства, такие, например, как прием беженцев и вынужденных переселенцев, устройство военнослужащих уволенных в запас, крупные проекты развития социальной инфраструктуры и т.п. В отношениях «центр-периферия» до сих пор сохранился «разрешительный характер» управления.

В экономике неэффективная финансовая политика (в том числе и налоговая) не позволяет в достаточно полной мере наполнять местные бюджеты, развивать малый и средний бизнес, социальную инфраструктуру территории (отметили 75% респондентов в 2010 году. 54% – в 2017 году). [5 с.6]

Из ответов наших респондентов следует, что совершенствование законодательства о местном самоуправлении пока идет медленно и не весьма эффективно. Правда, сам характер этих отношений приобретает новые черты: отимежево-культурных мероприятий еврорегионы все более переходят к прагматическим прикладным. Как отметил на совещании председатель Кантемирского районного совета Молдовы Андрей Малашевский: «Мы уже прошли этап знакомства между собой, и перешли на более эффективную ступень, а именно реализацию проектов, запланированных много лет назад. И мы сейчас должны максимально использовать ресурс, который есть у каждого из членов Еврорегиона «Нижний Дунай» для воплощения наших проектов» [6]

К сожалению, на наш взгляд, в сложном и многоплановом процессе трансграничных отношений в еврорегионах, на наш взгляд, есть целый ряд «преград». Например, в большей степени проекты реализуется и планируется на уровне госчиновников (руководства) еврорегиона или страны, а

общественные организации, представители деловых кругов в деятельность трансграничных образований привлекаются недостаточно часто.

Очень медленно и противоречиво формируется законодательная база сотрудничества, нет достаточной ее унификации. В такой ситуации «маломасштабные проекты» (финансово слабо обеспеченные) являются не привлекательными для инвесторов. А отсутствие четко определенных механизмов использования финансовых ресурсов местных властей и территориальных общин часто порождает взаимное недоверие в сотрудничестве. Дисбаланс полномочий органов местного самоуправления и территориальных общин разных участников еврорегионов, централизация этих полномочий на государственном уровне лишь усиливает экономические и социальные различия, входящих в них субъектов (районы–уезды–области).

Очень важно, на наш взгляд, иметь в деятельности еврорегионов стратегическое видение и планирование трансграничного и межрегионального сотрудничества. Региональный путь развития – это особый вид социального прогресса, основанный на подлинном народовластии, взаимовыгодном сотрудничестве между равноценными партнерами, особом уровне компетентности и ответственности в управлении и развитии территорий. Он способствует не только созданию «пояса добрососедства» между государствами, но и является эффективным инструментом евроинтеграции нашей страны. Трансграничное сотрудничество формирует институциональные и инфраструктурные предпосылки для распространения норм и стандартов ЕС, помогает выработать представления о путях обновления регионального хозяйства и т.п. Важно, на наш взгляд, учитывая мировые тенденции развития, сделать сотрудничество взаимовыгодным дружественным, прогрессивным, а политику – подлинно народной.

Литература

1. См.:Бородина Т. Еврорегионы как инструмент региональной политики; сравнение опыта ЕС и стран СНГ// Электронный вариант доступа: dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/yandle/123456789/71268/04-Borodina.pdf?sequence=1
2. Словарь иностранных слов. М., Русский язык, 1979, с. 431.См. также: Современный словарь иностранных слов. М., Цитадель-Трейд, 2005, с. 653. TheOxfordEnglishDictionary (1991) 2 nd.ed. Oxford: OxfordUniversityPress. XIII, 510-511.
- 3..Еврорегион «Нижний Дунай»//Электронныйвариант доступа:dic.academic.ru//dic.nsf/ruwiki/1489869 26.04/2017
- 4.. Отчеты о мониторинговых социологических опросах экспертов в трех географических зонах Республики Молдова. Количество респондентов по 150 чел., работники руководящего звена органов местной власти. 2010-17 гг. с.4
5. Там же стр.8
6. Сотрудничество в Еврорегионе «Нижний Дунай»// Электронный вариант доступа:w.w.w.odessapassage.com./passage/magazine_details.aspx?id=33286 26.04/2017

НАШ КИТАЙСКИЙ «ШАМАН – КАМЕНЬ»

В.Н. Зорин.

г. Хадыженск МБОУ СОШ №1, Россия

e-mail: viczorin@mail.ru

Аннотация: Горная часть Апшеронского района Краснодарского края вполне подходит под определение «пограничная территория, 155 лет спустя». В связи со слабой изученностью нового, в составе России, кластера, здесь, то и дело, появляются неожиданные находки историко – географического плана: дольмены, водопады, старинные крепости, дороги. Одну из таких находок: камень с изображением азиатского воина (начальника) и надписью иероглифами – рассматривает данная статья.

Ключевые слова: новая территория, северная ветвь Великого Шёлкового Пути, скальный рисунок, расшифровка надписи.

Рассматриваемая часть территории Краснодарского края, а именно: Апшеронский район вблизи г. Хадыженска, правобережье р. Пшиш до 1864 года являлась частью Черкессии и находилась под протекторатом Османской Империи. Нахождение столь обширной территории в составе России каких-то 155 лет, по меркам истории – совсем немного. Поэтому неудивительно, что в этих, довольно безлюдных и труднодоступных, гористых, заросших диким лесом, местах, то и дело встречаются неожиданные находки.. Не будем касаться дольменов и огромных водопадов, куда есть только медвежьи тропы: в 2002 году, в пяти километрах от Хадыженска, среди замшелых скал, на обочине горной лесистой дороги было обнаружено изображение азиатского воина с надписью на китайском (предположительно) языке (рис.5). Долгое время серьёзным изучением надписи и рисунка никто не занимался, а находка получила в народе название «Шаман-камень».

Начавшись в I в.н.э. ,торговые караванные дороги из Китая к 15 веку н.э., в движении на запад, достигли всех мыслимых пределов. Затем, в связи с открытиями испанских и португальских мореплавателей, междуусобными войнами на путях следования (распад огромной татаро-монгольской империи) началось их постепенное угасание.

Путь, идущий севернее Тянь- Шаня, принято называть северной ветвью Великого Шёлкового Пути. Одна из ветвей, огибая Каспийское море по дельте Волги, протянулась и до Азовского и до Чёрного морей (рис.1). Благодаря «Шаман – камню» (рис.4), расположенному в окрестностях г.Хадыженск (рис.2, 3), а, также, старинным картам и раскопкам – удалось проследить части этого столь древнего караванного пути. До 1864 года территория Хадыженска, как части Черкессии, находилась под протекторатом Османской Империи. Очевидно, и черкесы, и турки использовали пути, унаследованные у китайских купцов или, точнее, у татаро-монгольской империи (Как известно, в период своего расцвета, в XIII в., границы монгольской империи простирались до Пекина и Татарского пролива, влияние империи распространялось ещё дальше: Константинополь, значительная часть Европы, не говоря уж о Средней и Центральной Азии.

Рис.1. Схема северной ветви Великого Шёлкового Пути (ВШП).

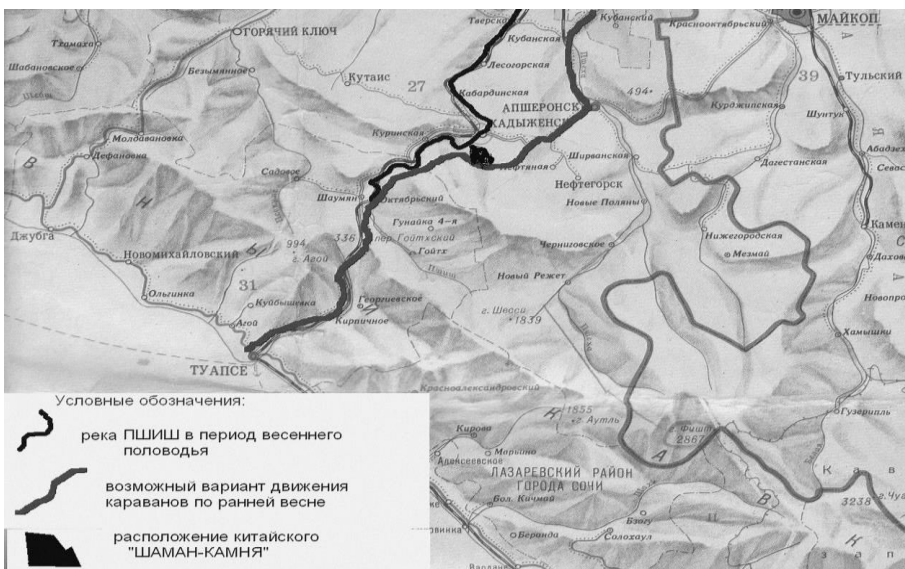

Рис.2. Предполагаемая схема движения караванов по ВШП в районе Хадыженска

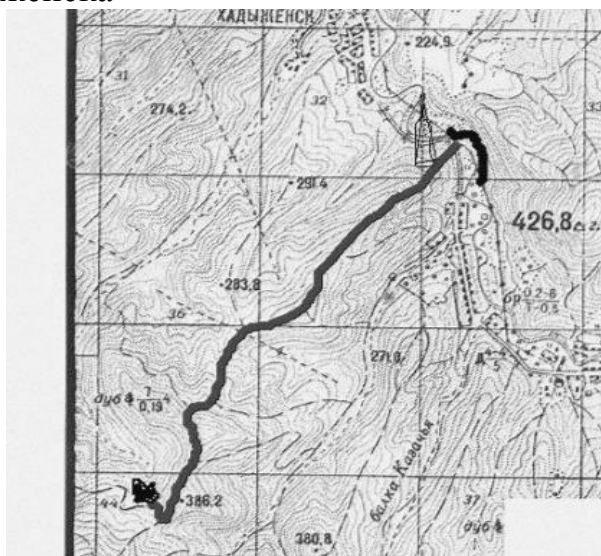

Рис.3. Участок дороги от Хадыженска до «Шаман-камня»

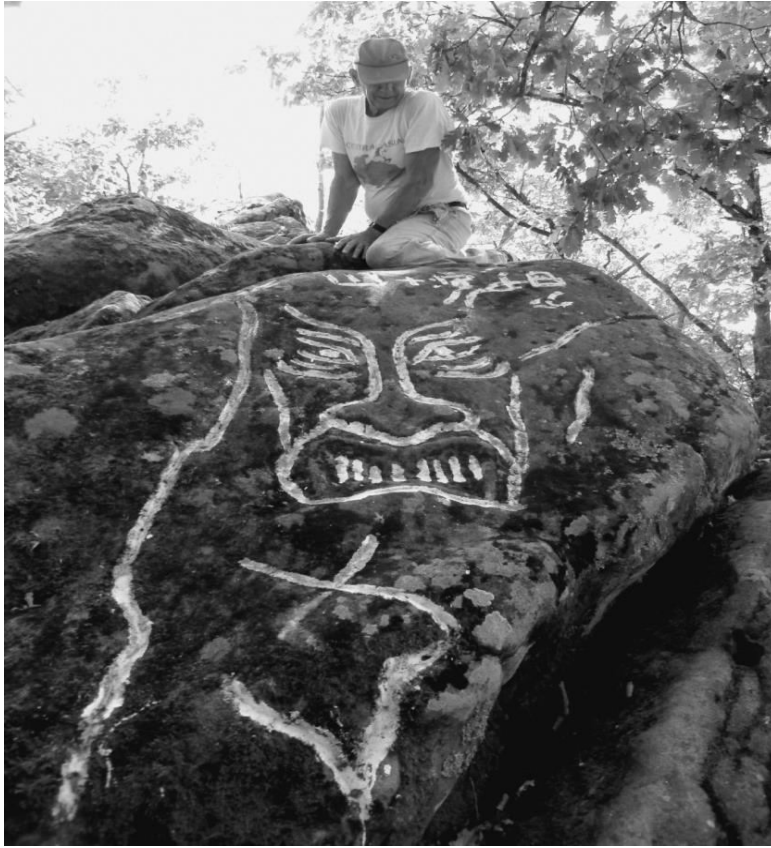

Рис.4.Изображение на «Шаман-камне» (обведено белилами)

Между прочим, хоть он и называется «шёлковым», но обратно караваны тоже шли не порожняком: тюки наполнялись льном, произведениями ремесленников, мёдом и т.п.). Часть такой дороги, обозначенной на картах, как «турецкая дорога», отходит к югу на трассе Апшеронск – Хадыженск в районе «Голубых Озёр». Полностью проследить дорогу нам не удалось, хотя её участки сохранились также в районе г. Гейман, за «бычковыми ваннами», и – мимо «турецкого кладбища» и турецкой крепости, ближе к ст. Кабардинская.

Рис.5. Надпись на камне.*

**Иероглифы и рисунок на камне были покрыты мхом, но местные любители почистили их и обвели белилами.*

Почему же дорога через Кавказский хребет пролегла именно здесь, а не восточнее или западнее? В пору дождей и таяния снегов, с октября и до середины весны бурлящий Пшиш является непреодолимым препятствием с запада. Более восточные перевалы Кавказа, например Наурский (на маршруте «Архыз–Сухуми») закрыты снегом значительную часть года: с октября по май. Где же, как не в Хадыженске — «долине древних могил», мимо спящих дольменов, могла проходить дорога к морю! («Ха – ды – жи» - переводится с адыгейского как «Долина Древних Могил»).

Ещё раз об истории открытия камня. В 2002 году его обнаружили охотники или грибники (доподлинно – неизвестно). Продолжительное время надписям и рисунку не придавали серьёзного значения. Например, местные жители весьма скептически относились к его исторической ценности. И только с 9 мая 2015 года, благодаря писателю-историку из Геленджика, лингвисту В.В.Косолапову, удалось всерьёз заняться его изучением! И, его же вариант перевода надписи на камне: «Когда идёшь (с севера) на юг или юго – восток держи меч наготове».

ВОЗМОЖНОСТИ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИК ДОНБАССА И РЕГИОНОВ РОССИИ В ИНВЕСТИЦИОННО - СТРОИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ.

М.Ф. Иванов, Р.В. Литвинов

Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

e-mail: mixivanov@mail.ru

Аннотация: в статье анализируются теоретические положения и международный практический опыт, касающийся использования трансграничного сотрудничества непризнанных республик Донбасса с регионами Российской Федерации в существующих внешнеполитических условиях. Предлагается создание трансграничных инвестиционно-строительных кластеров между республиками Донбасса и регионами РФ на взаимовыгодной основе сотрудничества в инвестиционно-строительной сфере.

Ключевые слова: транграничное сотрудничество, инвестиционно-строительная сфера экономики региона, инвестиционно-строительный кластер, привлечение инвестиций, инвестиционные проекты.

Формулировка проблемы. В настоящее время одной из актуальных проблем для органов государственного и отраслевого управления Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР) является проблема восстановления и развития народнохозяйственного комплекса и социальной сферы этих непризнанных республик Донбасса в условиях военно-политической неопределенности. Значительный объем восстановительных и ремонтных работ требует большого объема финансирования и инвестиций, которые в настоящее время отсутствуют. Одновременно с восстановлением промышленных предприятий и бизнес-структур уже сегодня возникают проблемы привлечения значительных инвестиций для создания необходимых рабочих мест, строительства необходимых объектов социально-культурного и жилищно-коммунального назначения и т.д. Отсутствие международно-правового статуса непризнанных республик Донбасса не дает возможности говорить о привлечении очень необходимых инвестиций из за рубежа, а собственных инвестиционных ресурсов крайне недостаточно. Население республик Донбасса получает гуманитарную помощь из Российской Федерации (РФ) по направлению Министерства по чрезвычайным ситуациям, в том числе и для восстановления разрушенных во время обстрелов жилых зданий, сооружений и т.д. Однако комплекс задач обеспечения социально-экономического развития данных республик требует определения возможностей привлечения дополнительных инвестиций в целом в их народнохозяйственный комплекс, в том числе и в инвестиционно-строительную сферу. Опыт восстановления экономики непризнанных государств в мире показывает перспективность использования транграничного сотрудничества на региональном уровне. Таким образом актуальность проблемы трансграничного сотрудничества непризнанных республик Донбасса с регионами РФ в инвестиционно-строительной сфере не вызывает сомнений.

Анализ последних исследований и публикаций. В проанализированных экономических исследованиях по проблемам межрегионального и трансграничного сотрудничества в основном рассматриваются признанные государства и их регионы. Среди известных ученых в данном направлении исследований можно назвать А. Гранберга [1], В. Дергачева, М. Долишнего, Ю. Макогона, В. Ляшенко [2], Е. Лаврову [3] и др. Исследованиям трансграничного сотрудничества непризнанных государств посвящены единичные научные труды, в том числе работы А.В.Бредихина [4]. Однако исследований проблем транграничного сотрудничества непризнанных государств в инвестиционно-строительной сфере крайне недостаточно.

Цель. Целью статьи является определение возможностей трансграничного сотрудничества непризнанных республик Донбасса и регионов Российской Федерации в инвестиционно-строительной сфере в современных условиях.

Основной материал. Существующие потребности в необходимых инвестициях для восстановления и развития народного хозяйства непризнанных республик Донбасса ставят важнейшие задачи в инвестиционно-строительной сфере ДНР и ЛНР. В сложившихся внешних условиях целесообразно использование возможностей трансграничного сотрудничества предприятий и организаций инвестиционно-строительной сферы непризнанных республик Донбасса с приграничными и другими регионами РФ. Различные формы межрегионального и транграничного сотрудничества соответствуют принципам «европейского регионализма» (Европейская хартия местного самоуправления, 1985 г.).

Учитывая специфику Донбасского региона, наличие в нем источников строительного сырья, сравнительно дешевой электроэнергии, развитой транспортной инфраструктуры, а также наличие в регионе профильных научных институтов и высших учебных заведений в инвестиционно-строительной сфере, целесообразно сформировать сначала на территории ДНР и ЛНР соответствующие инвестиционно-строительные кластеры. Теоретические основы формирования инвестиционно-строительных кластеров в России сформированы рядом ученых, ведущим из которых следует назвать проф. Асаула А.Н.[5].

В РФ во многих регионах созданы и функционируют инвестиционно-строительные кластеры, а именно: Московская область, Краснодарский край, Ленинградская область, Республика Татарстан, Белгородская область, Ростовская область, Воронежская область, Калужская область и др. Кластерный подход довольно успешно применяется на практике в региональной экономике в России и в качестве положительного примера реализации схожей кластерной модели можно назвать «Калужскую модель», которая в свое время позволила Калужской области добиться значительных успехов в вопросах развития своего промышленного комплекса. Данная модель активизировала привлечение инвестиций в Калужскую область, как от национальных, так и от иностранных инвесторов[6].

Как уже отмечалось выше, модель создания трансграничных инвестиционно-строительных кластеров республик Донбасса с регионами РФ требует на первом этапе прежде всего в ДНР и ЛНР сосредоточение взаимосвязанных предприятий, действующих в рамках инвестиционно-строительной сферы деятельности с налаживанием между ними тесного взаимовыгодного сотрудничества, а именно: формирование инвестиционно-строительных кластеров.

Помимо непосредственной концентрации предприятий инвестиционно-строительной сферы, рассматриваемая модель предполагает реализацию целого ряда шагов, направленных на улучшение инвестиционного климата указанных кластеров в республиках Донбасса и повышение их привлекательности в глазах инвесторов по опыту вышеуказанных регионов России. В частности, необходима разработка мер, включающих в себя поддержку существующих и потенциальных инвесторов путем введения налоговых льгот, величина которых привязана к сумме инвестиций, упрощенной процедуры оформления документации, выделение земельных участков для строительства и т.д. Все это, разумеется, невозможно без использования мер государственной поддержки и регулирования, работ, направленных на развитие брендинга территории непризнанных республик Донбасса. В рассматриваемом выше примере кластерной модели развития экономики Калужской области для реализации вышеуказанных шагов был создан целый ряд государственных органов: Агентства регионального и инновационного развития, Корпорация развития области и т.д., целью которых является работа с инвесторами, их сопровождение на всех стадиях работы с проектом, начиная с переговоров по возможному вложению средств и заканчивая сдачей проекта в эксплуатацию[6]. Таким образом в ДНР и ЛНР необходимо принять скоординированные действия по формированию совместного Донбасского агентства инвестиционного развития и корпорации развития этих республик Донбасса для упрощения взаимодействия их с регионами РФ в инвестиционно-строительной сфере.

Перечень инструментов, с помощью которых необходимо реализовывать создание и развитие трансграничных инвестиционно-строительных кластеров республик Донбасса с регионами РФ может выглядеть следующим образом:

- разработка нормативной базы, законодательных актов в ДНР и ЛНР, учитывающих опыт регионов РФ; целей, которые несет в себе создание данных кластеров в республиках Донбасса и методы их достижения;
- создание в республиках Донбасса институтов по работе с инвесторами, к таковым можно отнести предлагаемый совместный инвестиционный банк республик Донбасса, который объединит в себе трансграничные инвестиционные потоки в инвестиционно-строительной сфере в ДНР и ЛНР, а также государственное страхование трансграничных инвестиционных вложений как на территории республик Донбасса, так и на территории регионов РФ;

– разработка стратегических программ социально-экономического развития инвестиционно-строительных кластеров на территории непризнанных республик Донбасса совместно, включая отдельные части по ДНР и ЛНР;

– брендинг непризнанных республик Донбасса – разработка концепции рыночного продвижения создаваемых ими трансграничных инвестиционно-строительных кластеров, с упором на многолетнюю историю инвестиционно-строительного комплекса Донбасского региона, наличие в нем крупных предприятий и потенциала для развития в современных условиях;

– размораживание существующих и создание новых инвестиционных площадок для вложения средств в ДНР и ЛНР, исходя из потребностей и предпочтений набора потенциальных инвесторов, с разработкой для каждого из них индивидуальной программы, описывающей не только количество необходимых инвестиций и статьи их расходования, а и потенциальные возможности, которые несет в себе инвестиционный проект, прогнозируемые объемы прибыли. В качестве примера инвестиционной площадки для привлечения трансграничных инвестиций можно привести разработанный инвестиционно-инновационный проект формирования технопарка, который возможно создать на базе ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры».

Двустороннее сотрудничество в рамках трансграничного инвестиционно-строительного кластера (ТИСК) может осуществляться по представленной на рис.1 схеме, которая обеспечит максимально полное раскрытие инвестиционно-инновационных потенциалов территорий как республик Донбасса, так и регионов РФ.

Участниками трансграничного сотрудничества в инвестиционно-строительной сфере республик Донбасса могут стать органы государственной власти и местного самоуправления с одной стороны в ДНР и ЛНР, а с другой стороны – в регионах РФ, а также физические и юридические лица – частные инвесторы, которых предполагается привлекать в ходе работы данных кластеров, а также различные общественные организации с обеих сторон.

Организация сотрудничества на уровне ТИСК может достигаться на эффективной основе за счет взаимодействия саморегулирующих организаций с обеих сторон, а также с формированием рабочих групп по каждому инвестиционному проекту.

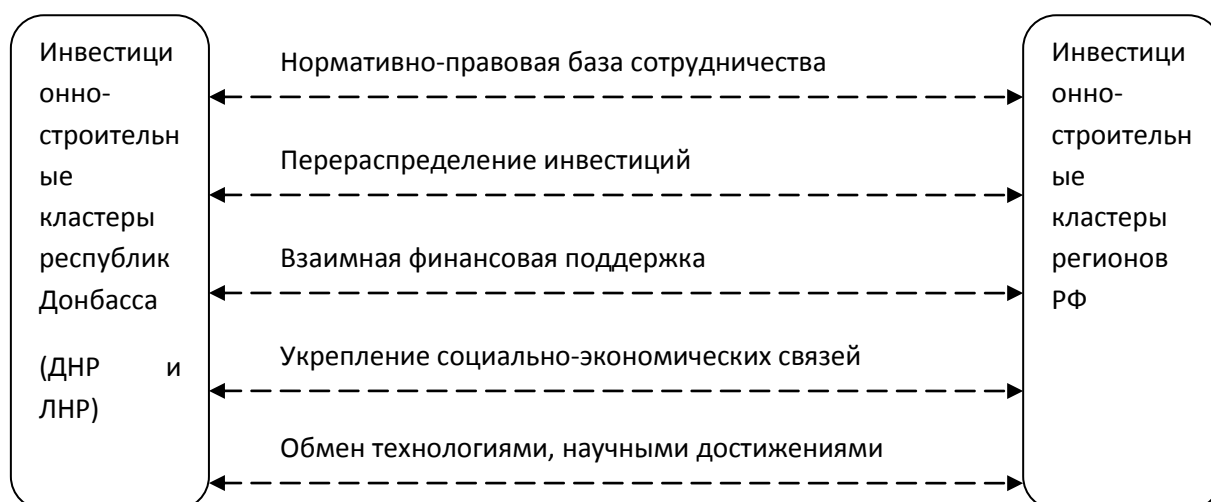

Рис.1. Схема трансграничного сотрудничества в рамках инвестиционно-строительных кластеров республик Донбасса и регионов РФ.

Вывод. В сложившихся внешних условиях целесообразно использование возможностей трансграничного сотрудничества предприятий и организаций инвестиционно-строительной сферы непризнанных республик Донбасса с приграничными и другими регионами РФ. Различные формы межрегионального и трансграничного сотрудничества соответствуют принципам «европейского регионализма», которые широко используются в Европейском Союзе.

В РФ во многих регионах созданы и функционируют инвестиционно-строительные кластеры, а именно: Московская область, Краснодарский край, Ленинградская область, республика Татарстан, Белгородская область, Ростовская область, Воронежская область, Калужская область и др. Учитывая специфику Донбасского региона, наличие в нем источников строительного сырья, сравнительно дешевой электроэнергии, развитой транспортной инфраструктуры, а также наличие в регионе профильных научных институтов и высших учебных заведений в инвестиционно-строительной сфере, целесообразно сформировать сначала на территории ДНР и ЛНР соответствующие инвестиционно-строительные кластеры. Кроме этого в ДНР и ЛНР необходимо принять скоординированные действия по формированию совместных Донбасского агентства инвестиционного развития, корпорации развития и инвестиционного банка республик Донбасса для формирования трансграничных инвестиционно-строительных кластеров с регионами РФ. Рассмотренные возможности создания ТИСК республик Донбасса с регионами России позволят решить в сложившихся внешнеполитических условиях комплекс задач по обеспечению восстановления и социально-экономического развития республик Донбасса с одной стороны, а с другой – высокоэффективные инвестиционные проекты и активизация социально-экономического развития на территориях регионов РФ.

Литература

1. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов/ А.Г.Гранберг: Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.:Изд-во ГУ ВШЭ,2006. – 495 с.
2. Макогон Ю.В. Формы и направления межрегионального и трансграничного экономического сотрудничества / Ю.В.Макогон, В.И.Ляшенко. – Донецк: Юго-Восток, 2003. – 510 с.
3. Лаврова Е.В. Трансграничное сотрудничество:проблемы, перспективы и экономическая безопасность // Фундаментальные исследования. – 2016. - №11,ч.5. – с.1026-1030.
4. Бредихин А.В. Трансграничное сотрудничество непризнанных государств на постсоветском пространстве // АШПИ [официальный сайт]. – URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3818>.
5. Асаул А.Н. Строительный кластер – новая региональная производственная система/ А.Н.Асаул//Экономика строительства, 2004,№6. – с.16-25.
6. Калужская модель привлечения инвестиций. – URL: <http://riarus.ru>articles/icanalitika/kaluzhskaya-model....s/>

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СИСТЕМЕ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XX-НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ

А.И. Ильинова

Курский государственный университет, Россия

e-mail: a.ilinova21@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению процесса развития малого предпринимательства в социальной сфере Курской области в рыночной повседневности конца XX-начала XXI веков и его роли в развитии приграничного сотрудничества. На добротном источниковом материале автор показывает, что социальное предпринимательство как не политизированная, а общечеловеческая сфера деятельности имеет серьёзные перспективы в развитии трансграничного сотрудничества.

Ключевые слова. Социальное предпринимательство, малый бизнес, социальная сфера, закон, регулирование, приграничное сотрудничество, субъекты сотрудничества, народная дипломатия.

Особенностью социально-экономического развития постсоветской России является непрерывный поиск и системное развитие форм и методов модернизации всех сфер жизнеобеспечения населения. Учитывая геополитическое положение России, весьма важным фактором экономического развития страны является приграничное сотрудничество. «Приграничное сотрудничество, – определил закон, – часть международных отношений Российской Федерации, международных и внешнеэкономических связей приграничных субъектов Российской Федерации и муниципальных образований приграничных субъектов Российской Федерации с субъектами приграничного сотрудничества сопредельных государств».[9]

В ст. 5 законодатель определил направления и задачи развития этого сотрудничества. К задачам законодатель отнёс: «1) содействие социальному и экономическому развитию территорий приграничного сотрудничества Российской Федерации; 2) повышение уровня и качества жизни населения территорий приграничного сотрудничества Российской Федерации; 3) совершенствование взаимодействия субъектов приграничного сотрудничества Российской Федерации и субъектов приграничного сотрудничества сопредельных государств, развитие и укрепление их взаимовыгодных и дружественных связей; 4) создание обстановки доверия, взаимопонимания и добрососедства на территориях приграничного сотрудничества Российской Федерации».[9]

В соответствии с законодательством их реализация может осуществляться по следующим направлениям: «1) сотрудничество в области экономики; 2) сотрудничество в области транспорта и связи; 3) сотрудничество в области энергетики; 4) сотрудничество в социальной области; 5) сотрудничество в области науки и образования; 6) сотрудничество в области культуры и искусства; 7) сотрудничество в области спорта и туризма; 8) сотрудничество в области здравоохранения; 9) сотрудничество в области экологии и природопользования; 10) сотрудничество в области сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства; 11) предупреждение чрезвычайных ситуаций, ликвидация последствий катастроф, стихийных бедствий, борьба с эпидемиями и ликвидация их последствий» [9]. Естественно, что допускались и другие виды сотрудничества, вызванные региональными особенностями. Но, безусловно, все они должны соответствовать действующему российскому законодательству.

В условия формирования рыночной экономики на постсоветском пространстве значительная часть населения России и сопредельных территорий активно включилась в развитие предпринимательства. В этих условиях малый и средний бизнес стал важной формой приграничного сотрудничества в различных социально-экономических сферах. Следует подчеркнуть, что успешное и устойчивое развитие малого бизнеса в Курской области стало основой формирования социального предпринимательства.

Историографический анализ работ по проблеме свидетельствует о том, что в настоящее время исследователи не пришли к чёткому определению социального предпринимательства. Дискуссия продолжается. Вместе с тем в исследовательской работе можно использовать определение, которым пользуются практические работники.

«Социальное предпринимательство,- считают в Комитете потребительского рынка области,- это принципиально новый вид бизнеса. В отличии от традиционного, социальный бизнес извлекает прибыль, решая социальные проблемы и помогая обществу функционировать более эффективно. Он принимает вызовы общества, комбинируя деловые ноу-хау со стремлением повысить качество жизни, и фокусируясь не на самом себе, а на окружающем мире» [5, с.1].

Социальное предпринимательство конца XX-начала XXI веков следует рассматривать как условие и возможно устойчивого развития приграничного сотрудничества. С одной стороны это вызвано естественным втягиванием населения сопредельных территорий в малый бизнес, что предполагает развитие устойчивого экономического сотрудничества со всеми заинтересованными лицами, особенно в вопросах реализации продукции и услуг. С другой стороны сотрудничество стимулирует выявление направлений развития предпринимательства по востребованным и перспективным сегментам социально-экономической сферы.

В этом плане социальный бизнес расширяет круг субъектов предпринимательской деятельности и потребителей предоставляемой продукции и услуг. Важно подчеркнуть, что весь малый бизнес в определённой мере имеет социально-ориентированный характер. Малые предприниматели решают по мере своих финансово-хозяйственных возможностей населения или отдельных людей, оказывают помощь учреждениям социальной сферы, т. е. они инвестируют в социальную сферу из собственной прибыли. Это весьма важно. Как с точки зрения формирования самостоятельных субъектов приграничного сотрудничества, так и с точки зрения формирования у людей, живущих в рыночной повседневности понимания нужности и необходимости оказывать помощь нуждающимся людям или попавшим в затруднительное положение.

В Курской области в 2001 и 2002 годах постоянными лидерами в сфере науки и социальных услуг было 31 малое предприятие, вносящие определённый вклад в приграничное сотрудничество. Активно работали ООО «Голубая птица», ООО «Медикоб», ООО фирма «Отдых», ООО фирма «Нейрон», ООО «Медимпульс» [3, с. 90]. В г. Курске успешно работали Центр творческого развития «Диалог», ООО «Дизайнер-центр», ЗАО «Инстэб», ООО «Стоматологическая помощь» [3, с. 111-114].

Важным видом инвестирования стало инвестирование в основной капитал малых предприятий. Эта деятельность обеспечивает устойчивость приграничного сотрудничества органичной модернизацией субъектов малого бизнеса сопредельных территорий. Статистические материалы показывают, что инвестиции в основной капитал в начале XXI века стабильно увеличивались. Так если в 2005 году в основной капитал было инвестировано 633,5 млн руб. (3,5%), то в 2006 году уже 879,7 млн руб. (4,2%), а в 2007 году – 1252,0 руб. (4,3%). В 2010 году рост инвестиций в основной капитал малых предприятий достиг 5,9 %, в микропредприятиях – 2,9 % [4, с. 9].

О том, что в Курской области малый бизнес как одно из условий развития социального предпринимательства и приграничного сотрудничества свидетельствует увеличение численности субъектов малого бизнеса несших в 2010 году «затраты на инновации». Число таких юридических лиц равнялось 0,3 %, в том числе микропредприятия составляли 0,1 % [2, с.10]. Естественно

не следует абсолютизировать эту тенденцию, но вместе с тем надо понимать, что это свидетельство развития малого бизнеса в приграничной области.

Мы видим, что развитие предпринимательства стало в большей степени экономическим условием развития социального предпринимательства и приграничного сотрудничества. Однако несовершенство законодательства сдерживало эту деятельность. Поэтому в целях стимулирования инвестиционной активности всех хозяйствующих субъектов стало целенаправленно развиваться и совершенствоваться федеральное и региональное законодательство.

Особое значение имеет закон от 25 февраля 1999 года N 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» в действующей редакции [7]. Этот закон не только частично устранил, имевшиеся правовые недоработки, но и стимулировал развитие регионального законодательства о развитии инвестиционной деятельности. В развитии федерального законодательства в Курской области был принят 12 августа 2004г. № 37-ЗКО профильный закон «Об инвестиционной деятельности в Курской области» [8].

Законодатель установил, что в регионе подинвестиционной деятельностью понимается «вложение инвестиций и осуществление практических действий в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта». Для развития малого бизнеса в социальной сфере принципиальным является положение о том, что «инвестиционная деятельность может охватывать как полный научно-технический и производственный цикл создания продукта или услуги, так и его элементы (стадии): научные исследования, проектно-конструкторские работы, расширение и реконструкцию действующего производства, организацию нового производства или выпуск нового вида продукции» [8].

К объектам инвестиционной деятельности законодатель отнёс «находящиеся на территории области в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности различные виды вновь создаваемого и (или) модернизируемого имущества» В соответствии с законом «субъектами инвестиционной деятельности являются инвесторы, заказчики, подрядчики, пользователи объектов капитальных вложений и другие лица, участвующие в реализации инвестиционных проектов. Инвесторы осуществляют капитальные вложения на территории Курской области с использованием собственных и (или) привлеченных средств в соответствии с законодательством Российской Федерации. Инвесторами могут быть физические и юридические лица, создаваемые на основе договора о совместной деятельности и не имеющие статуса юридического лица, объединения юридических лиц».

Важным для развития социального предпринимательства в регионе, является положение о том, что «инвесторов могут выступать органы исполнительной власти Курской области, действующие от имени Курской области в пределах предоставленных им полномочий, органы местного самоуправления, действующие от имени муниципального образования в

пределах предоставленных им полномочий, а также иностранные субъекты предпринимательской деятельности».[8]

Из вышеизложенного материала видно, что в регионе ведётся системная работа по формированию комплекса условий для развития социального предпринимательства и втягивания его в активное приграничное сотрудничество. Вместе с тем ещё полностью не решён вопрос с юридическим определением социального предпринимательства. Вопрос о его сущности будет оставаться дискуссионным. Мы же пока будем пользоваться определением, которое предложили практические работники региона. К тому же оно подтверждается общероссийскими материалами. «Детские сады на дому, частные лагеря отдыха, медицинские кабинеты шаговой доступности, дома престарелых, хосписы, дешёвые магазины, парикмахерские, салоны красоты и дайвинг-клубы для инвалидов, швейные ателье... Эти и другие виды бизнесов будут развивать в России социальные предприниматели», - констатировалось в Российской газете [1].

«Когда мы увидели, - сказала директор департамента развития малого и среднего предпринимательства и конкуренции Минэкономразвития России Н.Ларионова, – что социальный бизнес уже занимает в нашем обществе весомую часть, стало очевидно, что правительство готово поддерживать, софинансировать и субсидировать многие проекты, направленные на социальное благосостояние и качество жизни особо чувствительных групп населения. От дошкольников и подростков до безработных, престарелых или больных граждан» [1].

Из вышесказанного видно, что социально ориентированное предпринимательство в регионе постепенно выделялось из общего малого бизнеса. В свою очередь в последнем формировались предприятия, выбравшие направлением деятельности оказание услуг различным категориям населения, отдельным людям сферам. И самое главное, что их стабильное развитие способствует укреплению связей с аналогичными предприятиями на сопредельных территориях, что способствует развитию приграничного сотрудничества.

На рубеже XX-XXI веков наибольшую активность в развитии приграничного сотрудничества играли предприятия туристской индустрии. Их сеть устойчиво развивалась особенно в начале XXI века. Если в 2005 году в регионе услуги населению оказывали 25 туристских фирм, в 2010 – 66, в 2013 – 72., а в 2016 году уже 83 [10, с.129]. Из них 4 были туроператорами, остальные являлись турагентами, т.е. продвигали и реализовывали туристский продукт [6, с.11]. Анализ статистики показывает, что основную массу туристских предприятий в регионе представляли частные организации. Так из 72 туристских фирм, работавших в области в 2013 году, 71 была частной и 1 государственной [11, с.11; 6, с.11].

Об их успешной работе по оказанию услуг населению и развитию приграничного сотрудничества в регионе свидетельствуют показатели производственной деятельности туристских предприятий. В 2005 году всего было реализовано 4274 турпакета, в 2013 году – 12419, в 2016 году –

7919. Из них гражданам России в 2005 году по России – 2220, по зарубежным странам – 2054, в 2013 по России 2511, по зарубежным странам – 9908, в 2016 – 4299, по зарубежным странам – 3609. Естественно, что в условиях обострения геополитической ситуации гражданам стран СНГ по территории России было продано значительно меньше туров. В 2014 году фирмы реализовали 16 турпакетов, в 2015 году – 20, в 2016 – 8 [11, с. 129].

Из вышеизложенного материала видно, что малый бизнес Курской области в целом и социальное предпринимательство в частности играют значительную роль в развитии приграничного сотрудничества по всем направлениям и видам своей деятельности. Вместе с тем потенциал социального предпринимательства с точки зрения развития приграничного сотрудничества значительно выше. Полагаем, что активность социальных предпринимателей в развитии приграничного сотрудничества станет максимальной при устранении межгосударственных барьеров, вызванных обострением геополитической ситуации.

Литература

1. Зыкова Т. И себе, и людям // Российская газета. – 2013.– 20 июня
2. Итоги сплошного статистического наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства за 2010 год: В 3 т. /Территориальный орган Федеральной государственной статистики по Курской области.– Курск, 2012. Т.1. Юридические лица и физические лица., осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица (сводные итоги). – 105 с
3. Лидеры малого бизнеса Курской области. Аналитический рейтинг-справочник. – Курск, 2004. – 115 с
4. Малое предпринимательство Курской области (2005-2007). Статистический сборник.- Курск, 2008. – 57 с.
5. Социальное предпринимательство Курской области. История успеха. – Курск, 2015.– 14 с.
6. О деятельности туристских фирм Курской области. (2009–2013). 2014 Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области.– Курск, 2014.– 84 с
7. Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений. Закон от 25 февраля 1999 года N 39-ФЗ // <http://docs.cntd.ru/document/901727484>
8. Об инвестиционной деятельности в Курской области. Закон Курской области от 12 августа .2004 г. № 37-ЗКО // <http://docs.cntd.ru/document/908001972>
9. Об основах приграничного сотрудничества. Закон от 26 июля 2017 г. N 179-ФЗ // Российская газета. – 2017. – 31 июля
10. Статистический ежегодник Курской области. 2017. Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области .– Курск, 2017.– 436 с.
11. Туристские услуги Курской области (2007- 2011). Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области .– Курск, 2012. – 71 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРИГРАНИЧНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ

Третьяков А.В.

Курский государственный университет, Россия

e-mail: dr_tretiyakov@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению процесса правового регулирования развития приграничных отношений в России на рубеже XX-XXI веков и деятельности по формированию профильного законодательства о приграничном сотрудничестве в Российской Федерации. Автор показал, что сдерживающим приграничное сотрудничество фактором оставалось отсутствие специального закона.

Ключевые слова: Государственная власть, муниципальные органы, приграничное сотрудничество, закон, законодательство, регулирование, субъекты сотрудничества, народная дипломатия.

Для России приграничное сотрудничество исторически было необходимо, выгодно и оправдано не только с точки зрения обеспечения экономического, социально-культурного развития, но и с позиции формирования и достижения стратегии обеспечения национально-государственной безопасности. Приграничное сотрудничество стимулировало модернизацию всех сфер жизнеобеспечения населения. В Российской империи, в СССР и в Российской Федерации государственность формировалась и развивалась на базе многосложных социально-экономических, культурных, этно-национальных и конфессиональных отношений. Государственные образовательные процессы в России, особенно постсоветской, осложнялись геополитическими вызовами и особенностями природно-климатических условий жизнедеятельности.

Особенностью формирования системы приграничного сотрудничества в России конце XX-начале XXI веков стало то, что вышедшие из состава Советского Союза самостоятельные государства в большей степени по политическим мотивам фактически утратили интерес к сотрудничеству с постсоветской Россией. В формировавшейся постсоветской повседневности приграничное сотрудничество в большей мере развивалось на уровне «народной дипломатии» и благодаря родственным отношениям населения теперь уже сопредельных территорий.

Однако и такое положение не исключало создание и развитие правовой базы приграничного сотрудничества. Но данный процесс носил весьма сложный и противоречивый характер. Дело в том, что национально-политические амбиции правивших элит стран, получивших независимость, преобладали над государственными интересами. В этих условиях, несмотря на сложности международной повседневности, стала складываться трёхуровневая система нормативно-правовых документов нацеленных на стимулирование, регулирование, а в определённой мере и регламентирование приграничного сотрудничества.

Первый уровень представляло федеральное законодательство, в различной степени касающееся разных аспектов межгосударственного сотрудничества и взаимодействия. Вторым составляли различного рода междугосударственные соглашения о сферах сотрудничества, сотрудничестве с международными организациями и с отдельными странами. Третий, низовой, а скорее базовый уровень был представлен договорами заключенными руководством сопредельных территорий о сотрудничестве в рамках, имевшихся у них полномочий.

Базовое значение в развитии государственного законодательства о межгосударственном сотрудничестве имели положения Главы I Конституции Российской Федерации 1993 года [1]. В рамках реализации конституционных положений о развитии международных отношений особое место занимали государственные законы от 15 июля 1995 г. №101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», [6] от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», [5] от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [8].

Большую роль в стимулировании развития приграничного сотрудничества в рамках развития международных отношений имели, утверждённая Распоряжением Правительства России 9 февраля 2001 г. № 196-р Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации [2] и закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4].

Значение вышеназванного и иного федерального и регионального законодательства состояло с одной стороны в том, что оно в пределах своих компетенций стимулировало развитие международных отношений в широком смысле и активизировало деятельность субъектов Российской Федерации по созданию системы приграничного сотрудничества в постсоветской российской повседневности. Но по нашему мнению значение названного законодательства состоит ещё и в том, что оно способствовало выработке подходов и формированию оптимальной модели профильного законодательства о приграничном сотрудничестве.

Определённым этапом в этой работе стал подготовленный Проект № 66064-5 федерального закона «О приграничном сотрудничестве». Проект был внесён в Государственную Думу России 23 июня 2010 года. Проект закона насчитывал 11 статей, которые, по мнению разработчиков, охватывали все основные стороны приграничного сотрудничества [7]. Обсуждение проекта и внесение поправок продолжалось 7 лет. С одной стороны можно говорить о долгом процессе принятия закона. Однако если взвесить сложность сфер регулирования, то можно сказать, что законодатели достаточно основательно подошли к разработке необходимого для России законодательства.

Федеральный закон № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества» был принят Государственной Думой 14 июля 2017 года,

одобрен Советом Федерации 19 июля 2017 года и вступил в силу 26 июля 2017 года с момента его подписания. Закон состоит из 14 статей[3] и «регулирует отношения, возникающие в связи с осуществлением приграничного сотрудничества, определяет основные принципы, задачи и направления приграничного сотрудничества, а также полномочия субъектов приграничного сотрудничества Российской Федерации». (Ст.1)

Трудности приграничного сотрудничества до принятия закона возникали в основном из-за отсутствия чётко определённых понятий. В этом плане особое значение для развития сотрудничества имеют понятия, закреплённые в ст. 2 закона. Теперь под приграничным сотрудничеством понимается «часть международных отношений Российской Федерации, международных и внешнеэкономических связей приграничных субъектов Российской Федерации и муниципальных образований приграничных субъектов Российской Федерации с субъектами приграничного сотрудничества сопредельных государств». Приграничными субъектами России соответственно являются «субъекты Российской Федерации, территории которых прилегают к Государственной границе Российской Федерации», а «муниципальные образования, расположенные на территориях приграничных субъектов Российской Федерации» являются муниципальными образованиями приграничных субъектов России.

Законодатель определил, что территориями приграничного сотрудничества являются «территории приграничных субъектов... и муниципальных образований приграничных субъектов ..., а также определенные международными договорами Российской Федерации иные территории» России. К субъектам приграничного сотрудничества закон отнёс: Российскую Федерацию, приграничные субъекты и муниципальные образования приграничных субъектов государства. Вместе с тем законодатель допускает, что Россия на основе международных договоров может определить «иные субъекты приграничного сотрудничества». Зеркально «сопредельные государства, государственно-территориальные, административно-территориальные и муниципальные образования сопредельных государств, рассматриваемые в качестве приграничных в соответствии с законодательством этих государств» законодатель отнёс к субъектам «приграничного сотрудничества сопредельных государств».

Законодатель установил, что приграничное сотрудничество может осуществляться на «...территории приграничного сотрудничества сопредельных государств – территории субъектов приграничного сотрудничества сопредельных государств» на основе «соглашения о приграничном сотрудничестве ... приграничных субъектов Российской Федерации с государственно-территориальными, административно-территориальными образованиями сопредельных государств, с органами государственной власти сопредельных государств и соглашения муниципальных образований приграничных субъектов Российской Федерации с муниципальными образованиями сопредельных государств».

Развитие сотрудничества осуществляется на основе международных программ. Под ними понимается « механизм развития международного сотрудничества Российской Федерации, утвержденный международным договором Российской Федерации и реализуемый на территориях приграничного сотрудничества Российской Федерации и территориях приграничного сотрудничества сопредельных государств для решения задач, определенных настоящим Федеральным законом». В свою очередь все программы реализуются через выполнение проектов международных программ.

Приграничное сотрудничество как особый вид деятельности имеет чётко определённые задачи. В соответствии со ст. 5 закона к задачам приграничного сотрудничества относятся: 1) содействие социальному и экономическому развитию территорий приграничного сотрудничества ...; 2) повышение уровня и качества жизни населения территорий приграничного сотрудничества ...; 3) совершенствование взаимодействия субъектов приграничного сотрудничества Российской Федерации и субъектов приграничного сотрудничества сопредельных государств, развитие и укрепление их взаимовыгодных и дружественных связей; 4) создание обстановки доверия, взаимопонимания и добрососедства на территориях приграничного сотрудничества Российской Федерации; 5) создание условий для совместной деятельности...»

Решение определённых законом задач осуществляется по следующим направлениям: «1) сотрудничество в области экономики; 2) сотрудничество в области транспорта и связи; 3) сотрудничество в области энергетики; 4) сотрудничество в социальной области; 5) сотрудничество в области науки и образования; 6) сотрудничество в области культуры и искусства; 7) сотрудничество в области спорта и туризма; 8) сотрудничество в области здравоохранения; 9) сотрудничество в области экологии и природопользования; 10) сотрудничество в области сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства; 11) предупреждение чрезвычайных ситуаций, ликвидация последствий катастроф, стихийных бедствий, борьба с эпидемиями и ликвидация их последствий; 12) иные направления приграничного сотрудничества, осуществляемого соответствующими субъектами приграничного сотрудничества Российской Федерации в пределах своей компетенции».

В целях обеспечения выгоды Российской Федерации законодатель в ст. 4 определил принципы приграничного сотрудничества. К ним отнесены: 1) соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации;

2) разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления; 3) учет интересов национальной безопасности Российской Федерации; 4) учет особенностей межгосударственных отношений и особенностей территорий приграничного сотрудничества Российской Федерации

Федерации и территорий приграничного сотрудничества сопредельных государств; 5) обеспечение взаимной выгоды для субъектов приграничного сотрудничества Российской Федерации и субъектов приграничного сотрудничества сопредельных государств при реализации международных программ приграничного сотрудничества, проектов международных программ приграничного сотрудничества; 6) обеспечение доступа населения территорий приграничного сотрудничества Российской Федерации к информации о приграничном сотрудничестве; 7) обеспечение соответствия стратегий социально-экономического развития, государственных программ Российской Федерации и приграничных субъектов Российской Федерации международным программам приграничного сотрудничества; 8) добросовестное выполнение положений соглашений о приграничном сотрудничестве».

В ст. 6 – 8 законодатель определил трёхуровневую систему органов власти, участвующих в развитии приграничного сотрудничества. Возглавляет пирамиду федеральный орган исполнительной власти. Он уполномочен на осуществление функций по выработке государственной политики и нормативно-правовое регулирование в сфере приграничного сотрудничества. (ст. 6) Второй уровень представлен органами государственной власти приграничных субъектов России в сфере приграничного сотрудничества (ст. 7) и третий представляют органы местного самоуправления муниципальных образований приграничных субъектов России в сфере приграничного сотрудничества. (ст. 8)

В соответствии с законом приграничное сотрудничество может осуществляться на основе: 1) международных договоров Российской Федерации в сфере приграничного сотрудничества (ст. 9), 2) соглашений о приграничном сотрудничестве (ст. 10), 3) соглашений о приграничном сотрудничестве приграничных субъектов Российской Федерации (ст. 11), 4) соглашений о приграничном сотрудничестве муниципальных образований приграничных субъектов России.

Существенное значение имеет положение закона о том, что соглашения «о приграничном сотрудничестве независимо от их формы, наименования и содержания не являются международными договорами Российской Федерации». Соглашение о приграничном сотрудничестве приграничных субъектов России может заключаться приграничным субъектом или несколькими приграничными субъектами Российской Федерации. Соответственно соглашение «о приграничном сотрудничестве муниципальных образований приграничных субъектов Российской Федерации может заключаться муниципальным образованием приграничного субъекта Российской Федерации или несколькими муниципальными образованиями приграничных субъектов Российской Федерации, в том числе расположенными в разных приграничных субъектах Российской Федерации».

Законодатель чётко определил субъекты, которые могут заключать соглашения о сотрудничестве. Соглашения о приграничном сотрудничестве

приграничных субъектов Российской Федерации « заключаются органами государственной власти приграничных субъектов Российской Федерации с государственно-территориальными, административно-территориальными образованиями сопредельных государств, а также с согласия Правительства Российской Федерации с органами государственной власти сопредельных государств».

Однако органы государственной власти не могут игнорировать интересы органов местного самоуправления. Если, сказано в законе соглашение «предполагает участие и (или) затрагивает интересы органов местного самоуправления муниципального образования приграничного субъекта Российской Федерации, проект указанного соглашения в сроки, установленные приграничным субъектом Российской Федерации, направляется в органы местного самоуправления соответствующего муниципального образования для представления предложений».

Вместе с тем законодатель установил, что соглашения о приграничном сотрудничестве муниципальных образований приграничных субъектов России также «заключаются органами местного самоуправления муниципальных образований приграничных субъектов Российской Федерации с муниципальными образованиями сопредельных государств». Однако такие соглашения о приграничном сотрудничестве в соответствии с законом заключаются «по согласованию с высшим исполнительным органом государственной власти приграничного субъекта Российской Федерации, на территории которого расположено соответствующее муниципальное образование, в порядке, определяемом данным приграничным субъектом Российской Федерации».

Из вышеизложенного видно, что процесс развития приграничного сотрудничества в постсоветской России стимулировал деятельность всех органов власти по выработке профильного законодательства, призванного регулировать развитие приграничного сотрудничества. Законодательство по международным отношениям позволяло развитие приграничного сотрудничества. Но процесс сдерживался отсутствием знания региональной специфики приграничного сотрудничества. Закон «Об основах приграничного сотрудничества» в основном восполнил все имевшиеся пробелы, установил необходимые понятия, определил уровни, систему и субъектов приграничного сотрудничества, что естественно не только систематизирует эту деятельность, но и открывает развитие новых и перспективных форм приграничного сотрудничества.

Литература

1. Конституция РФ. Герб. Гимн: Флаг: с изменениями на 2018 год. – Москва: Эксмо, 2018. –64 с.
2. Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации. Утверждена распоряжением Правительства России 9 февраля 2001 г. № 196-р // <http://docs.cntd.ru/document/901780926>
3. Об основах приграничного сотрудничества. Закон от 26 июля 2017 г. N 179-ФЗ // Российская газета.– 2017.– 31 июля

4. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Закон от 13 июля 2015 г. N 224-ФЗ // Российская газета.– 2015.– 17 июля

5. О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации. Закон от 4 января 1999 г. N 4-ФЗ // <http://base.garant.ru/179963/>

6. О международных договорах Российской Федерации. Закон от 15 июля 1995 года №101-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/

7. О приграничном сотрудничестве. Проект N 66064-5 Федерального закона от 23 июня 2010г. // <http://docs.cntd.ru/document/902135391>

8. О таможенном регулировании в Российской Федерации. Закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107181/

ПРОБЛЕМАТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В РОССИЙСКО- ФИНЛЯНДСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ

Е.А. Шлапеко, С.В. Степанова

*Институт экономики Карельский научный центр Российской
академии наук, Россия*

e-mail: shlapenko_kate@mail.ru, svkorka@mail.ru

Аннотация: В настоящее время можно наблюдать процессы интеграции в разных частях мира, сопровождающиеся, в условиях добрососедских отношений, увеличением числа контактов в различных сферах между жителями приграничных территорий сопредельных государств. Целью статьи является исследование процесса формирования трансграничного социокультурного пространства в российско-финляндском приграничье. Приграничное положение Республики Карелия (Россия) и Северной Карелии (Финляндия) способствует развитию повседневных практик соседства, появлению новых форм взаимодействия на основе сложившегося опыта в прошлом. Сделан вывод о том, что трансграничное взаимодействие оказывает положительный эффект на развитие добрососедских отношений и активизирует локальные сообщества не только для создания сетей сотрудничества и налаживания прямых связей, но и для развития инициатив местных сообществ, повышения взаимопонимания, доверия и осведомленности. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания АААА-А16-116122810228-6 от 19.01.2016 г. по теме «Методология исследования эволюции северных периферийных регионов и разработка механизмов управления их экономическим развитием».

Ключевые слова: социокультурное пространство, приграничное сотрудничество, карело-финское приграничье, трансграничная мобильность, Республика Карелия, Северная Карелия.

Научный интерес к исследованию трансграничного социокультурного пространства обуславливается как положительными, так и отрицательными эффектами для развития приграничных территорий Российской Федерации [1]. Впервые транснациональное пространство в кросс-культурном контексте начинает рассматриваться в трудах зарубежных исследователей, начиная с XX в., с применением историко-генетических, феноменологических и иных подходов.

В исследованиях российских ученых А.Г. Манакова, М.А. Слемнева, Э.К. Бийжановой проблематика изучения российско-белорусского и российско-казахского приграничья раскрывается в культурно-философском и социологическом контекстах [2; 10]. Методологические и теоретические проблемы исследования пространственной организации жизни общества нашли отражение в трудах отечественных географов, экономистов, политологов и исследователей других наук. Значительный вклад в развитие исследований трансграничного социокультурного пространства России внесли Забайкальские ученые – Н.А. Абрамова, Т.В. Колпакова, Т.Н. Кучинская, К.С. Морозова [7; 9]. Новый импульс развития получили относительно новые концепции соседства [4], где потенциал взаимодействия рассматривается не только через призму физического расстояния или транспортных издержек, но и с учетом влияния нематериальных факторов (например, культурной среды, социальных сетей и пр.). Учет таких особенностей крайне необходим при проведении внутренней региональной политики и развитии приграничного сотрудничества со странами зарубежья [10, с.187].

Следует указать, что приграничные территории характеризуются наличием заимствованных культурных явлений, готовностью к культурному взаимодействию, а также некоторой общностью мировоззренческих установок населения сопредельных государств [1]. Приграничное сотрудничество рассматривается как форма социализации населения сопредельных регионов. В условиях современного постоянно меняющегося мира приграничье для успешного регионального развития не должно быть «ничей землей», а должно стать «пространством встречи», обладающим собственным набором культурных образцов [2, с. 226].

Вместе с тем, несмотря на возрастающий интерес научного сообщества к проблематике приграничного сотрудничества, изучению международных контактов Республики Карелия и приграничных регионов Финляндии посвящены единичные исследования. Целью данной статьи является исследование процесса формирования трансграничного социокультурного пространства в российско-финляндском приграничье (на примере «Карелии»).

В развитии трансграничного социокультурного взаимодействия в карело-финском приграничье можно выделить несколько этапов, обусловленных особенностями взаимодействия сопредельных государств и спецификой развития приграничья в исторической ретроспективе.

В качестве предпосылки формирования трансграничного социокультурного пространства «Карелия» в историческом контексте можно обозначить развитие коробейничества в российско-финляндском приграничье. Коробейничество или разносная торговля получила распространение в XIX-XX вв. и имела решающее значение в получении «живых» денег для большинства карельских крестьян [13, с.134].

В советский период истории страны государственная граница делила различные ментальные, культурные, политические и экономические миры.

Вместе с тем, внешнеполитические отношения Финляндии и Советского Союза основывались на Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (1948 г.) и поддерживались деятельностью общества «Финляндия — Советский Союз». В 1962 г. было образовано Карельское отделение общества, которое занималось систематическим обменом туристов, проводило показы фильмов, способствовало увеличению тиража финских журналов и газет, постановке спектаклей на финском языке и обмену культурными делегациями.

В 1994 г. Йоэнсуу (Северная Карелия) стал побратимом г. Петрозаводска (столицы Республики Карелия), позднее побратимские связи финский город заключил также с другими карельскими городами Сортавалой и Суоярви. Сотрудничество породненных городов создало уникальные возможности для прямого обмена опытом в различных сферах. Развитие разносторонних общественных контактов способствовало взаимопониманию и формированию позитивного отношения локальных сообществ приграничных территорий [12, с.158].

На рубеже XX-XXI вв. социально-экономические преобразования, сопровождавшиеся упрощением визового режима, открытием международных пунктов пропуска сыграли положительную роль в активизации трансграничной мобильности в карело-финском приграничье. Так, рост числа финских «ностальгических» туристов на территории Республики Карелия возрос до 700 тыс. чел. в год [11].

С вступлением Финляндии в ЕС в региональном сотрудничестве с Республикой Карелия произошли существенные изменения, что выразилось в усилении роли региональных союзов. В 2000 г. был создан Еврорегион «Карелия», который объединил Республику Карелия с финскими приграничными провинциями Кайнуу, Северная Карелия и Северная Остроботния [5]. В начале третьего тысячелетия Республика Карелия, единственная среди регионов СЗФО, приняла региональную программу приграничного сотрудничества.

Повседневные практики соседства в современных условиях приводят к появлению новых форм трансграничного взаимодействия в карело-финском приграничье, например, приграничного шопинг-туризма, реализации совместных проектов и развитие народной (общественной) дипломатии.

Обращаясь к проблематике развития приграничной торговли (приграничного шопинг-туризма) следует указать ее повсеместность, являющуюся проявлением современности, популярной практикой потребления жителей сопредельных государств. Российские туристы (в большинстве жители приграничных регионов) представляют собой самую многочисленную группу иностранных посетителей Финляндии, въезжающих в страну с туристскими целями. Российские предприниматели вместе с индивидуальными шопинг-туристами являются источником благосостояния для определенной доли жителей приграничных финских регионов. В экономическом плане развитие приграничного шопинг-туризма имеет

существенное значение для активизации локальной экономики и приграничных территорий в целом по обе стороны границы [11]. В этой связи необходимо обозначить стимулирующие меры, предпринимаемые финским бизнесом для активизации шопинг-туризма в приграничных районах: обслуживание туристов и наличие системы навигации на русском языке, выпуск информационно-туристской литературы и сайтов на русском языке [8; 11]. В качестве основных факторов, оказывающих положительное влияние на развитие приграничного шопинг-туризма в карело-финском приграничье можно выделить: территориальная близость; уровень развития транспортной и придорожной инфраструктуры; удобный график работы международных автомобильных пунктов пропуска; ценовая политика, а также удобство работы магазинов, особенно в периоды выходных и праздничных дней.

Несмотря на критику российских еврорегионов и Еврорегиона «Карелия», в частности, привлеченные средства позволили реализовать ряд крупномасштабных проектов, в том числе по модернизации пограничных пунктов пропуска, развитию гражданского и информационного общества. В рамках реализации Программы приграничного сотрудничества «Карелия» за последние пять лет было реализовано 66 проектов на сумму 42 миллиона евро, 30% из которых было использовано на финансирование инфраструктурных проектов [5]. Например, модернизация МАПП Вяртсиля – Нийрала позволила уменьшить время прохождения границы, также улучшилась дорожная безопасность приграничных территорий на участке Сювяоро – Париккала.

Последние десятилетия демонстрируют возрастание роли народной или общественной дипломатии, укрепляющей социокультурное сотрудничество, добрососедство и атмосферу безопасности, служа инструментом «мягкой силы», повышающим привлекательности региона и страны, языка, культуры и образа жизни. Например, в Республике Карелия на финском языке выходит детский ежемесячный журнал «Kiriinä» («Искорка»), а также ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал «Carelia». На территории Финляндии также ведется деятельность ряда СМИ на русском языке, из которых самая крупная местная русскоязычная газета «Спектр». Изучение финского языка осуществляется на кафедре прибалтийско-финской филологии ПетрГУ, в общеобразовательных школах и дошкольных учреждениях региона, а также в ряде коммерческих центров по изучению иностранных языков. Наметилась тенденция увеличения количества детей, обучающихся национальным языкам.

В Северной Карелии русский язык преподается как в школах, так и высших учебных заведениях. Например, финско-русская школа Восточной Финляндии, основанная приказом Министерства Образования Финляндии в 1997 г. для поддержания и развития русского языка и культуры, является единственной в Финляндии школой со специализацией на русском языке за пределами столичного региона и имеет три отделения в городах Лаппеенранта, Иматра и Йозенсуу. Таким образом, основными источниками

представлений жителей приграничных территорий друг о друге в настоящее время являются: общение с родственниками и друзьями, проживающими на территории сопредельного государства или часто посещающими данную страну; СМИ; интернет-ресурсы и социальные сети, а также личный опыт посещения Финляндии.

В рамках сотрудничества с финскими партнерами постоянными организаторами мероприятий являются общества дружбы «Карелия – Финляндия» и «Финляндия – Россия». Например, в 2011 г. при поддержке Фонда «Русский мир» в г. Йоэнсуу проходили Дни Русской культуры, включающие семинары по русскому языку и литературе, викторины и спектакли для детей, интерактивную экспозицию «Ремесло и прикладное искусство Руси», а также литературно-концертные программы и выставки. В том же году были проведены «Дни Финляндии» в Петрозаводске с участием финских ученых, музыкантов, художников и артистов. В декабре 2017 г. состоялся юбилейный фестиваль XX неделя финского кино в Петрозаводске (к 100-летию независимости Финляндии), организованный Петрозаводским отделением Генерального Консульства Финляндии в г. Санкт-Петербург. На регулярной основе осуществляется взаимная гастрольная деятельность творческих коллективов Республики Карелия и Северной Карелии. Национальный театр Республики Карелия является единственным театром за пределами Финляндии, где спектакли ставятся на финском, карельском и русском языках. Среди популярных в Финляндии карельских групп и коллективов: Myllärit, Sattuma, Santtu Karhu и другие.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что формирование трансграничного социокультурного пространства происходит «снизу» по инициативе локальных сообществ (бизнеса, региональным и муниципальным органам власти, некоммерческого сектора и общества). Наибольшее проявление трансграничной социокультурной специфики наблюдается в следующих сферах: культура и искусство, проектная деятельность, образование, туризм и информационное пространство.

Литература

1. Баринов С.Л. Барьеры приграничных социокультурных коммуникаций в зоне нового западного приграничья России // Известия РАН. Серия географическая. 2011. №1 С. 45 – 54.
2. Бийжанова Э.К. Российско-казахстанское приграничье: социологический анализ//Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 6 (42). С. 224 – 231.
3. Болотов Д.А., Межевич Н.М. Межмуниципальное международное сотрудничество как способ совершенствования государственного и муниципального управления: опыт Ленинградской области// Вестник факультета управления СПбГЭУ. 2017. № 1-1. С. 105 – 109.
4. Вардомский Л.Б. Постсоветская интеграция и экономический рост нового приграничья России в 2005–2015 гг. // Пространственная экономика. 2017. № 4. С. 23–40. DOI: 10.14530/se.2017.4.023-040.
5. Еврорегион Карелия. URL: <http://www.euregiokarelia.com/ru/web/euregiokarelia/> (проверено: 17.07.2018)

6. Касаткин П.И. Культурное пространство: аксиологический аспект //Знание. Понимание. Умение. 2017. № 4. С. 145 – 156.
7. Кучинская Т.Н. Трансграничье как потенциальное пространство соразвития России и Китая//Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2012. № 11. С. 51 – 59.
8. Милюкова И.А., Терентьев К.Ю., Такала И.Р., Кулешова А.В., Лапшин А.А. Финляндия глазами жителей Республики Карелия: социологический опрос 2017 // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2017. Выпуск 2. DOI: 10.15393/j103.art.2017.785
9. Морозова В.С. Восточный вектор России в социокультурном пространстве приграничного взаимодействия Российская Федерация — Китайская народная республика: интеграция, соразвитие или диалог? // Российско-китайские исследования. 2017. № 1. С. 63 – 71
10. Слемнев М.А. Социокультурная среда: системная организация и приграничная специфика//В сборнике: ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья: материалы международной научно-практической заочной конференции. 2017. С. 187 – 191.
11. Степанова С.В. Приграничный туризм на северо-западе Российской Федерации: общие тенденции и особенности развития // Балтийский регион. 2014. № 3 [21]. С.132 – 144.
12. Шлапек Е.А. Институт общественной дипломатии и его место в трансграничном социокультурном пространстве// Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. №1. С.152 – 162.
13. Шлапек Е.А., Степанова С.В. Развитие приграничной торговли в России: общие тенденции и особенности // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017 Т. 23. № 1. С. 130 – 139.

РАЗДЕЛ 4. ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫЕ КЛАСТЕРЫ КАК ДРАЙВЕРЫ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧЬЯ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ РАЗВИТИЯ НЕТРАДИЦИОННЫХ ВИДОВ ТУРИЗМА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ БОЛЬШОГО КАВКАЗА)

Р.К. Агасиева

*Азербайджанский Университет Туризма и Менеджмента,
Азербайджан*

e-mail: nadjafova159@gmail.com

Аннотация: В настоящее время во всем мире большое внимание уделяется изучению пространственного социально-экономического развития приграничных регионов, особую роль в которых играет туризм. Государственные границы часто разделяют уникальные природные комплексы. В приграничье между Азербайджаном, Россией и Грузии находятся горные вершины Большого Кавказа. В работе рассмотрены возможности развития нетрадиционных видов туризма в горных территориях Азербайджана. Использование нетрадиционного туристического потенциала Большого Кавказа не только увеличит доходы от туризма в стране, но и повысит уровень жизни населения горных регионов.

Ключевые слова: туризм, нетрадиционные виды туризма, приграничные районы, Большой Кавказ, Азербайджанская Республика.

Развитие туризма оказывает существенное влияние на территориальную и отраслевую структуру хозяйства различных территориальных образований. В целом это влияние имеет позитивное значение и выражается в ряде сдвигов экономического и социального характера. Выравнивание уровней регионального развития является неотъемлемым элементом социально-экономической политики Азербайджанской Республики. В связи с этим развитие туризма в горных районах Большого Кавказа имеет особое значение для страны.

Большую роль для обеспечения сбалансированного развития регионов страны играли и продолжают играть такие документы как «Государственная программа развития туризма» в Азербайджанской Республике на 2002-2005 и 2010-2014 годы, «Государственная программасоциально-экономического развития регионов» в Азербайджанской Республики на 2004-2008, 2009-2013 и 2014-2018 годы, о также подписанная Президентом страны в декабре 2016 года «Стратегическая Дорожная карта по развитию специализированной туристической промышленности в Азербайджанской Республике». В перечисленных документах особое внимание уделяется и развитию различных видов туризма, в том числе и нетрадиционных видов.

Обычно «нетрадиционный туризм» воспринимается как не традиционный вид туристической деятельности в любой местности. По мнению автора, нельзя относиться к этому однозначно. В зависимости от характера въездного или выездного туризма виды нетрадиционного туризма

могут варьироваться, другими словами, в зависимости от туриста они могут терять свою традиционность. Поэтому четкое объяснение этой концепции еще не определено и без понятия о какой территории идет речь невозможно дать конкретную классификацию по видам нетрадиционного туризма.

Концепция «нетрадиционного туризма» была впервые использована в 2007 году экспертами Всемирного Банка в документе о туристической стратегии стран Латинской Америки и Карибского бассейна. В качестве нового направления деятельности, в секторе туризма упомянутых стран планировалось развивать «нетрадиционный туризм». В документе излагалось, что он может влиять на сокращение масштабов нищеты путем объединения транспортной, экологической, культурной устойчивости и местного экономического развития [1].

Нетрадиционный туризм - совокупность временных или постоянных видов туристической деятельности, не имевших развитие когда-либо ранее на данной территории, или имели фрагментарное развитие, и не использовавших в полном объеме её рекреационный потенциал. В зависимости от времени, типологии туриста и пространства все виды альтернативного туризма можно считать нетрадиционными.

Существуют широкие возможности для развития нетрадиционных видов туризма в Азербайджане. Богатые туристическими и рекреационными ресурсами горные территории страны могут рассматриваться как подходящие районы для развития этих видов туризма. В отличие от других горных районов, районы Большого Кавказа имеющие удовлетворяющее туристическое инфраструктурное положение являются более подходящими для развития многих видов нетрадиционного туризма на начальном этапе.

В настоящее время во всем мире большое внимание уделяется изучению пространственного социально-экономического развития приграничных регионов, особую роль в которых играет туризм. Границы не только ограничивают туристские потоки, но могут располагать особым туристским и рекреационным потенциалом. Государственные границы часто разделяют уникальные природные комплексы. В приграничье между Азербайджаном, Россией и Грузией находятся горные вершины Большого Кавказа. Этот памятник природы богат туристическими и рекреационными ресурсами. Естественное богатство этого места дает возможность для развития экологического, сельского, экстремального, экзотического, спортивного туризма; духовное богатство для развития этнического, событийного туризма; а материальное для культурного, археологического туризма и т. д.

Развитие нетрадиционных видов туризма в приграничных районах Большого Кавказа, даст возможность более активно использовать имеющийся туристский ресурсный потенциал, разнообразить и дополнить, вовлекая в сферу туризма новые объекты, стимулируя развитие местной инфраструктуры, обеспечит занятость горных жителей, вовлекать туристов со всего мира в сотрудничестве соседними странами и т.д.

Жители этих местностей сталкиваются с такими вызовами, как суровые климатические условия; уязвимость горных экосистем к природным и техногенным воздействиям; низкая сельскохозяйственная продуктивность; более высокие материально-технические и энергетические затраты на обеспечение жизнедеятельности, коммуникационная изолированность и отсутствие или слабые связи с рынками в результате чего порождается бедность. По этой причине горные сообщества вынуждены прибегать к туристической отрасли как ко второму источнику дохода, в отличие от традиционного бизнеса. Значимость роли туризма возрастает, если учесть, что многие его виды не требуют значительных инвестиций, в крайней мере на стадии становления, а в последующем сами могут стать источником дохода. С другой стороны приграничное положение способствует проявлению своеобразных проблем, как социально – экономическое, этнокультурное влияние соседних стран, отдаленность от центра, ослабление власти и т.д.

Одним из путей развития приграничных территорий является эффективное использование туристского потенциала. По утверждению специалистов, масштабы комплексного использования туристических и рекреационных ресурсов непосредственно влияет на формирование туризма в районе [2, с.28]. К таким местам относятся и приграничные территории Большого Кавказа. Компактная концентрация туристических и рекреационных ресурсов в регионе Большого Кавказа способствует формированию туристического бизнеса в сотрудничестве соседними странами. Перспективы развития трансграничного туризма на основе пограничного туризма определяются социально-экономическим сотрудничеством между соседними странами, наличием у них общего природного и культурного наследия, степенью туристского интереса к соседним государствам.

Исключительное значение для развития туризма в упомянутой территории играет соседство с Россией и Грузией. Шеки-Загатала и Губа-Хачмаз являются экономико-географическими регионами Азербайджана, располагаясь как на Большом Кавказе, так и на приграничных территориях. В экономико-географическом регионе Губа-Хачмаз единственно горный район Гусар, в отличие от остальных, граничит с Российской Федерацией. Все горные районы Шеки-Загатальского экономико-географического региона (Габала, Огуз, Шеки, Гах, Загатала, Балакян) граничат с Россией и только последние три в то же время находятся на границе с Грузией. На сегодняшний день здесь туристам предлагается горнолыжный туризм (горнолыжные курорты Шахдаг и Туфандаг), событийный туризм (Шеки, Габала и т.д.), культурный туризм (в основном Шеки, Габала), несформированный сельский туризм (Габала, Шеки, Гах и др.) и экологический туризм (Национальный Парк «Шахдаг») и т.д.

Граница несет в себе аттрактивность и может представлять самостоятельный туристский познавательный интерес. Но высокий познавательный потенциал может иметь только доступная граница [3, с.50].

Среди туристских формальностей выделяется несколько типов государственных границ [4]:

- закрытые границы (посещение приграничных регионов с целью туризма практически невозможно по военно-оборонным политическим или другим причинам);
- сложнопреодолимые границы (для посещения таких регионов туристами требуется особые меры, необходимо получение специального разрешения);
- преодолимые границы (необходимо соблюдение разного рода формальностей, включая визовые);
- легкопреодолимые границы (виза оформляется через Интернет или по прибытию в страну);
- открытые границы (имеется пограничный контроль, но оформление визы для въезда в страну не требуется).

Туристские формальности Азербайджана с Россией и Грузией относятся к пятому пункту. Помимо нормативно-правовой базы, важным фактором, стимулирующим развитие туристской деятельности в приграничных регионах, становится упрощение поездок граждан приграничных территорий.

В последние годы уделяется особое внимание вопросам официального характера государственных границ. Наличие соглашения о 90 дневном безвизовом режиме, между этими странами в отдельности с Азербайджанской Республикой создает возможность туристам без всяких проблем переходить границы страны назначения.

Кроме вышеперечисленного, пограничный режим может создавать объективные трудности развития туризма. Примером этому можно указать ситуацию, сложившуюся в данный момент между Россией и Грузией. Граница является не только физическим, но и психологическим барьером в привлечение туристов. Для того чтобы убавить влияние психологического барьера и для развития этих территорий осуществляются проекты соглашения между пограничными странами (трансграничный туризм).

Аттрактивность границ в значительной степени зависит от потенциальной природной нагрузки - рекреационных ресурсов, а также от культурного, этнического и т.д. разнообразия между соседними странами. Страны должны использовать свои возможности с целью реализации совместных проектов в сфере туризма, опираясь на собственный туристский потенциал. К примеру следует показать проект ЕС (Европейский Союз) «INTERREG», утвержденный с целью оказания финансовой поддержки в межрегиональном сотрудничестве [5, с.20]. Пользуясь практикой Европы можно создать межрегиональное сотрудничество в регионе Большого Кавказа. В какой-то степени такие проекты на территории России, уже осуществляются. К таким проектам относятся проекты в рамках приграничного сотрудничества Карелии с финскими районами, как «Голубая дорога»; «Белая дорога», «Зеленый пояс Фенноскандии» [6].

Туристские объекты могут стать основой для разработки туристских маршрутов по территории республики с выходом на туристские объекты соседних стран. К примеру, можно провести маршрут по албанским храмам на территории Азербайджана (Киш, Кюрмюк и т.д.) и Грузии. Туристам станет интересно узнать историю албанских народов, посещая несколько стран.

Важное место с позиции туризма и рекреации занимают границы особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Природоохранные зоны, особенно горные – это источники духовного умиротворения и вдохновения, а также места развлечения и отдыха. Развитие экологического туризма в отдельности, также совместно с соседними странами может привести к притоку туристов.

На территории Азербайджана, на приграничных районах Загатала и Балакян расположен один из самых старых заповедников страны – Загатальский Государственный Природный Заповедник. Со своей 47349 гектарной территорией он, охватывает южные склоны Главного Кавказского хребта. Этот заповедник на севере граничит с Тляртинском заказником, который входит в состав государственного заповедника "Дагестанский" в России и на западе рядом находится Лагодехский Национальный Парк Грузии. В 2005 году природоохранные земли одноименного заповедника Грузии получили статус Национального парка, и их открыли для свободного посещения [7]. Можно на базе этих трех ООПТ создать совместную охраняемую территорию на примере национального парка на Кавказе и предлагать совместные экотуристические маршруты (про лекарственные травы, про водопады и т.д.). Такому совместному сотрудничеству по национальным паркам в мире можно показать примеры как, Гран-Парадизо и Вануаз (Италия и Франция), Баварские Леса и Шумава (Германия и Чехия).

Реализация трансграничных проектов способствует включению экономики районов в международные производственные и торговые сети.

С целью развития культурного туризма в Кавказских республиках, в будущем ожидается осуществление международного туристического маршрута Александра Дюмы. Проект направлен на развитие культурного туризма в Азербайджане, Грузии и Российской Федерации при активном участии и поддержке одной из ведущих стран европейского сообщества – Франции. Туристам, совершающим большое путешествие по Большому Кавказу, лучшим вариантом будет представить себя в роли Александра Дюмы нашего времени, и повторить его маршрут через Россию, Азербайджан и Грузию. Маршрут великого писателя станет важным проектом для трех стран – России, Азербайджана (приграничные районы Шеки и Шамахи) и Грузии, позволив познакомить гостей региона с его особенностями и культурой. Маршрут будет стартовать в дагестанском Кизляре, пройдет по территории Азербайджана, и завершится в грузинском Поти.

Огромное этнокультурное разнообразие отмечается во всем Большом Кавказе, в том числе и на территории Азербайджана. Приграничные горные

районы Большого Кавказа на территории Азербайджана являются домом для значительной части этнических меньшинств, как лезгины, аварцы, цахуры, удины, ингилои и т.д. Изоляция в условиях труднодоступной местности способствовала формированию и сохранению многих этнокультур. Благодаря существующему национально-культурному многообразию, неотделимой частью культурного туризма в этих местностях может стать этнический туризм. Туристы смогут познакомиться здесь не только с культурой и бытом жителей, но и с их уникальной жизненной философией, которая так отличается от культуры Запада.

Этнические группы в этой местности, каждая со своими архитектурными традициями, искусством, кухней (гастрономический туризм), национальными костюмами и языком могут стать туристским ресурсом нетрадиционного вида привлекающим множество иностранцев. Несмотря на то что в Лагич (Исмайыллинский район) и Хыналыге (Губинский район) Большого Кавказа развивается этнотуризм, на приграничных районах этот потенциал пока что не оценивается. С созданием на территории этнографического музея и этнопарков, территория станет интересной не только для иностранцев, но и для местных туристов с целью изучения истории страны.

К сожалению, влияние туризма на культуру и самобытность горного района в приграничной зоне может быть как положительным, так и отрицательным. Стабильности этих разнообразных групп населения горных районов с их уникальными системами ценностей и верований угрожает миграция. Однако главными целями являются сокращение масштабов нищеты и улучшение социального равенства и пользование местными общин экономическими результатами развития туризма. Интерес туристов к традициям и обычаям коренных народов может способствовать укреплению или возрождению гордости местных общин за свою землю, особенно тех групп, которые чувствуют себя социально обособленными в своей стране. Развитие туризма с этой целью в приграничных районах, может обеспечить более справедливое распределение доходов, помочь в сохранении местных культур и знаний, сокращении оттока населения.

На высокогорных вершинах (с высотой более 4000 м) гор Базардюзю, Шахдаг и Туфандаг проложены альпинистские маршруты. Но Большой Кавказ располагает возможностями для развития нетрадиционных видов экстремальных туризма, как маунтинбайкинг, кайтсерфинг, джиппинг, парапланеризм, каньонинг, банги джампинг и т.д. которые пока еще не развиты. А также, полет на вертолетах над высокими горами Большого Кавказа вызвал бы большой интерес у туристов. К другим неразвитым, но перспективным видам относятся пастбищный туризм, агротуризм, апитуризм, апитерапия, спелиотуризм, археологический туризм и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод о том что, развитие новых нетрадиционных видов туризма приграничных районов Большого Кавказа в республике, представляет собой, одну из приоритетных сфер туризма. Все это позволит уменьшить отток местных жителей, особенно молодежи в

города, а также разнообразить выбор сфер профессиональной деятельности для местных жителей и видов туризма для туристов. Международные проекты в этом направлении позволяют перенимать успешный опыт, обмениваться информацией и технологиями, создают предпосылки для модернизации приграничных территорий.

Литература

1. Александрова Ю.А. Международный туризм. М: Аспект Пресс, 2002, 470 с.
2. Биктимирова Е.Д., Васильева А.В., Кярмениеми С. Развитие приграничных туристско-рекреационных зон как одна из форм сотрудничества Карелии и Финляндии // Труды Карельского Научного Центра РАН. 2013, №5. Ст. 112 – 121.
3. Катровский А. П., Сергутина С. А. Географические границы и туризм // Туризм и региональное развитие: сб. науч. ст. Смоленск, 2014. Вып. 7. С. 49 – 54.
4. Катровский А. П., Ковалев Ю. П., Мажар Л. Ю., Щербакова С. А., Туризм в приграничных районах: теоритические аспекты географического изучения // Экономико-географические исследования. Балтийский регион. Смоленский гуманитарный университет. 2017. Т. 9, № 1. Ст. 113 – 126.
5. Солтанова Х.Б. Туризм в Азербайджанской Республике и его развитие. Баку, 2015, 474 с.
6. World Bank discussion paper. Non-traditional sustainable tourism and poverty reduction. 2007, 19 March. p 4, [electronic resource], access mode: <http://siteresources.worldbank.org/INTLACREGTOPSUSTOU/Resources/StrategyPaperSustainabletourism507.pdf>, (data: 15.05.2018)
7. [электронный ресурс], режим доступа: <https://v-georgia.com/showplaces/nacionalnyj-park-lagodexi-odin-iz-starejshix-zapovednikov-gruzii-2/>, (дата обращения: 11.06.2018)

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ АЗЕРБАЙДЖАНА (НА ПРИМЕРЕ БЕЙЛЯГАНСКОГО, ИМИШЛИНСКОГО И БИЛЯСУВАРСКОГО РАЙОНОВ)

С.С. Азизова

*Азербайджанский Университет Туризма и Менеджмента,
Азербайджан*

e-mail: qurbanova-ss@mail.ru

Аннотация: XXI век является периодом стремительного развития всех сфер жизнедеятельности человека. Исключением не является туризм. В последние годы появилось огромное количество форм и видов туризма. Одним из перспективных является туризм в приграничных регионах. Открытость границ между двумя странами (на примере Азербайджана и Ирана) может способствовать развитию приграничных районов. К таким районам можно отнести приграничные с Ираном районы Азербайджана как Бейляган, Имишли и Билясувар. Развитие туризма приведет к общему социально-экономическому развитию этих административных районов.

Ключевые слова: туризм, приграничные районы, Азербайджанская Республика, Иран, перспективы.

Экономическое положение любой страны в первую очередь связано с ее географическим положением, политической стабильностью, природно-ресурсным потенциалом и т.д. В начале и середине XX века основу экономики многих стран составляли материально-производственные отрасли (промышленность, сельское хозяйство, строительство и т.д.), но на сегодняшний день основу экономики развитых стран составляют непродовольственные отрасли хозяйства, в том числе сфера туризма.

Нужно отметить, что основу экономического развития Азербайджана на протяжении всего XX века и в начале XXI века составлял нефтяной сектор. Будучи в составе СССР нефтяная индустрия Азербайджана была составной частью топливно-энергетического комплекса СССР, но после обретения независимости приток иностранной валюты и заинтересованность крупных зарубежных компаний способствовали возрождению этой отрасли. Но несмотря на развитие этой отрасли в Азербайджане, нужно учитывать то, что нефте-газовые ресурсы являются исчерпаемыми и в связи с этим в стране начали осуществлять государственную политику в направлении развития ненефтяного сектора. К таким сферам можно причислить такие динамично развивающиеся отрасли как транспорт, строительство, туризм, информационные технологии и т.д.

На сегодняшний день можно без преувеличения заявить что одним из основных направлений развития ненефтяного сектора в Азербайджане является сфера туризма. Государственная политика в этом направлении проявляется в разработке и внедрении нижестоящих документов:

- Закон о сохранении памятников истории и культуры (1998)
- Закон о туризме (1999)
- Закон о музеях (2000)
- «Государственная программа по развитию туризма в Азербайджанской Республике в 2002-2005 годах» (2002 год)
- "Примерное положение о туристических и рекреационных зонах" (2008)
- «Государственная программа развития туризма в Азербайджанской Республике в 2010-2014 годах» (2010)
- «Стратегическая дорожная карта относительно развития индустрии специализированного туризма в Азербайджанской Республике» (2016)

На основе статистических показателей последних лет можно утверждать что, туристский сектор являлся одним из динамично развивающихся секторов в Азербайджане. Так как, за 2011-2016 гг. в количестве предпринимательских субъектов предоставляющих туристские услуги и в количестве иностранных граждан прибывающих в страну с туристическими целями соответственно был зафиксирован стабильный среднегодовой прирост в 4,5% и 8,5% [4]. Учитывая перспективы развития и потенциальные возможности территории Азербайджана в дальнейшем планируется: создание специального механизма управления, проведение эффективной агитации, развитие инфраструктуры, создание туристско-

рекреационных зон, устранение проблемы сезонности, налаживание транспортных связей, упрощение визовых процедур, инвестиционные вложения в перспективные виды туризма (оздоровительный, зимний, экотуризм и т.д.), инвестиционные вложения в образовательные программы и улучшение системы стандартизации и сертификации.

На основании Стратегической дорожной карты относительно развития индустрии специализированного туризма в Азербайджанской Республике можно выявить что приоритетными направлениями развития туризма в стране на ближайшие годы являются оздоровительный, зимний, культурный, деловой, сельский туризм и т.д. Но учитывая современные тенденции развития международного туризма нужно отметить, что одним из перспективных направлений развития туризма является туризм между соседними странами. Это можно увидеть на примере стран Европейского Союза (ЕС). Развитие приграничных территорий в странах ЕС приводит к «прозрачности» границ, содействует развитию и укреплению экономических и культурных связей между соседними государствами и т.д. Также развитие туризма на приграничных территориях способствует созданию туристических и рекреационных зон, развитию транспорта и устранению проблемы безработицы.

Транзитный туризм между соседними странами является довольно перспективным видом туризма и это в первую очередь связано с тем, что смежная с географической точки зрения территория позволяет сократить транспортные расходы туристов. Близость страны является важным экономическим стимулом для осуществления поездки. Также здесь существенную роль играют историческая близость, общая культура, близость или даже единство языков, национальностей, религий и т.д. Также транзитный туризм способствует региональному развитию, поскольку кроме основных туристических центров также посещаются близлежащие приграничные территории. А это в свою очередь способствует потоку иностранной валюты, созданию туристской инфраструктуры, развитию транспорта, открытию рабочих мест и т.д.

Согласно закону АР от 9 декабря 1991 г. «О государственной границе» (ст 1; 7) Государственная граница Азербайджанской Республики – это линия и проходящая через эту линию вертикальная поверхность, отделяющая сушу и водную территорию Азербайджанской Республики, ее недра, морское и воздушное пространство от соседних государств. Пограничные вопросы с сопредельными государствами решаются Азербайджанской Республикой на основе взаимности и добрососедства, в соответствии с настоящим Законом, другими актами законодательства Азербайджанской Республики и межгосударственными договорами Азербайджанской Республики.

Азербайджан в общей сложности граничит с 7 странами, из них по суше с Российской Федерацией, Грузией, Арменией, Турцией, Ираном; только по Каспийскому морю – с Казахстаном и Туркменистаном. Также нужно учитывать то, что Азербайджан находится в состоянии войны с Арменией в связи с оккупацией территории Нагорного Карабаха и это

способствовало полному прекращению каких-либо связей с Арменией. Из вышеперечисленных стран согласно двусторонним межгосударственным соглашениям с Российской Федерацией, Грузией и Казахстаном существует безвизовый режим. На основании одностороннего порядка граждане Азербайджана могут находиться на территории Ирана (15 дней) и Турции (1 месяц) на определенный период [8].

Одной из перспективных территорий с точки зрения развития приграничного туризма является транзитная зона с Ираном. Из административных районов Азербайджана Бейляганский, Имишлинский и Билясуварский районы имеют пограничное положение с останом Ардебиль. Территории этих административных районов и территория остана Ардебиль характеризуются равнинным рельефом с сухим климатом. Несмотря на это, эти территории имеют очень хорошие возможности с точки зрения развития туризма. Но, к сожалению пока что они не располагают ни надлежащей туристской инфраструктурой, ни квалифицированным служебным персоналом, ни организациями отвечающими нынешним стандартам.

На основании первичных исследований было выявлено что туристский обмен между Азербайджаном и Ираном основывается на:

- Транзитный туризм;
- Туризм с торговыми и деловыми целями;
- Туризм выходного дня;
- Туризм с оздоровительными целями.

До 1991 года Азербайджан являлся составной частью СССР и поэтому не мог развивать туристические связи с Ираном самостоятельно. Политическая и экономическая нестабильность в первые годы после обретения независимости, а также оккупация территории Азербайджана со стороны Армении тоже не способствовали развитию туристских связей. В этот период Азербайджан не имел возможности развивать туристскую инфраструктуру для привлечения иностранных туристов, в том числе и туристов из Ирана. Учитывая то, что население приграничных районов Азербайджана и Ирана в основном азербайджанцы (население проживающее в обеих странах имеют родственные связи) и исповедуют единую религию – ислам, их могли интересовать исторические объекты и памятники исламской культуры. А в этот период ощутимая часть этих объектов была уничтожена армянскими сепаратистами. С другой стороны война также создавала проблему безопасности туристов и это существенно уменьшало притягательность туризма.

Количество туристов прибывающих из Ирана и отбывающих в Иран имело разные показатели в разные годы (табл. 1).

Таблица 1

Количество туристов прибывающих из Ирана и отбывающих в Иран[6]

	<i>Туристы прибывшие из Ирана</i>		<i>Туристы отправленные в Иран</i>	
	<i>Кол-ко (тыс. чел.)</i>	<i>Общая доля (%)</i>	<i>Кол-ко (тыс. чел.)</i>	<i>Общая доля (%)</i>
2011	293	18,76	373,3	16,2

2012	235,5	11,86	313,1	11
2013	127,2	6	379,3	11,47
2014	126,7	5,87	647,1	19,5
2015	149,6	7,5	-	-
2016	232,7	11,4	728,6	20,3

Соответственно таблице можно выявить, что количество туристов прибывших из Ирана уменьшалось с 2011 г. по 2014 г., а затем снова начало увеличиваться, а количество туристов отбывающих в Иран в основном имеет тенденцию к увеличению. Уменьшению туристского потока из Ирана в первую очередь способствовали санкции введенные Западными странами против Ирана. Введение санкций повлиял на общее количество туристов выезжающих из Ирана, в том числе и на туристские связи с Азербайджаном. Нужно отметить и то, что так как Азербайджан не присоединился к введенным санкциям против Ирана туристский поток из Азербайджана не уменьшился, а наоборот увеличился.

Увеличению числа туристов между Азербайджаном и Ираном также способствовало двухстороннее сотрудничество между двумя странами и подписанные соглашения. В 2016 г. было проведено 15 форумов, деловых встреч и выставок с участием бизнесменов. В результате упрощения визового режима с начала 2017 г. граждане Ирана могут получать электронные визы в течении 3 дней [5]. По данным Статистического Комитета Азербайджана в 2015 г. 969 тыс. (48%) иностранных туристов прибыли в страну посредством воздушного, 660 тыс. (33%) посредством сухопутного и 377 тыс. (19%) используя другие транспортные средства. Особенно нужно отметить что большая часть туристов пересекающих сухопутные границы являются туристы из Ирана и Грузии.

Бейляганский, Имишлинский и Билясуварский районы являются приграничными территориями с Ираном. Также нужно отметить что, контрольно-пропускной пункт с Ираном находится на территории Билясуварского района. Все три района имеют общие черты так как они являются равнинными территориями, находятся ниже уровня мирового океана, охватывают в основном территории Мильской и Муганской равнин, характеризуется сухим климатом полупустынь и сухих степей, являются преимущественно сельскохозяйственными районами, по южной части районов протекает река Араз. Транспорт в основном характеризуется автомобильным и железнодорожным транспортом, но также есть перспективы развития водного транспорта.

С точки зрения развития туризма Аранский экономический район (на территории которого находятся эти районы) является не самым развитым экономическим районом. Но несмотря на это есть определенные виды туризма которые можно развивать на этих территориях. К таким видам туризма можно отнести как такие традиционные виды туризма как культурно-исторический, религиозный и т.д., так и нетрадиционные виды как

экотуризм, охотничий и рыболовный туризм, треккинг, джип-сафари (джиппинг), водные виды туризма и т.д.

Культурно-исторический туризм включает в себя знакомство с историей путем посещения исторических, археологических и культурных туристских объектов. Нужно отметить что в деревне Кябирли Бейляганского района находится 1 археологический памятник мирового значения (место проживания – Оренгала), также в Бейляганском районе находится 8, в Имишлинском 9 и в Билясуварском районе 8 археологических памятников республиканского значения, а также имеются памятники местного значения. Учитывая то, что население приграничного Ардебильского остана в основном азербайджанцы им было бы интересно познакомиться с этими туристскими объектами.

Одним из перспективных видов туризма который может развиваться на территории этих районов может считаться религиозный туризм. Население проживающее на этих территориях исповедует ислам. В связи с этим здесь существует достаточное количество религиозных святынь, мечетей, пиров (священные места поклонения). Среди них можно особо выделить Бейляганский район на территории которого находится святилище пророка Хазрати Джарджис. Святилище связано с гробницей Хазрати Джарджис и это единственная гробница пророка в Азербайджане. Кроме того здесь находятся пиры Сейид Ага, Сейид Амина Хатун, Сейид Хырда [7] и т.д.

Развитие разных сфер хозяйства в первую очередь негативно влияет на состояние окружающей среды. В связи с этим в последние годы одним из самых перспективных видов туризма как в мире, так и в Азербайджане является экотуризм. Учитывая то что, эти территории в основном обладают пустынным и полупустынным ландшафтом можно посчитать что для развития экотуризма это неприемлемо. Но, также надо отметить что эти территории частично находятся по берегам Куры и Араза и соответственно здесь хоть и в небольшом количестве, но встречаются тугайные леса с характерными для них растениями (тополь, ива, финиковое и тутовое дерево и т.д.) и животными (дикобраз, кабан, волк, сова и т.д.). Тот факт что эти территории обладают водно-болотистыми территориями и болотами приводит к тому что здесь обитает, а также зимует определенное количество птиц (куропатка, голубь, фазан, скворец и т.д.), а это в свою очередь может способствовать развитию орнитологического туризма (birdwatching). Эти территории приемлемы для осуществления треккинг туров. Также нужно учитывать тот факт что на территории Бейляганского района частично находится Аггелский национальный парк, который охраняет водно-болотистые территории, а также виды фауны и флоры характерные для этих территорий. Для осуществления экотуризма здесь разработано несколько маршрутов.

По территории этих районов проходят реки Кура, Араз и Болгарчай, также там встречаются болотистые территории и мелкие озера. Это является предпосылками для развития рыбной ловли. Естественно для осуществления рыболовного туризма нужно получать разрешение и учитывать сезоны

приемлемые для осуществления рыбной ловли. Также с условием получения лицензии можно охотиться на животных и некоторых видов птиц обитающих на этой территории.

Джип-сафари это один из видов туризма осуществляющийся на внедорожниках и набирающий все большую популярность в мире. Этот вид туризма достаточно популярен в Египте, ОАЭ и Африканских странах. То что этот вид туризма не требует хорошей дорожной инфраструктуры и в основном осуществляется в диких, необустроенных и чаще всего труднопроходимых территориях позволяет осуществлять этот вид туризма и на этих приграничных территориях.

Исходя из всего вышеуказанного, можно сделать вывод, что добрососедские отношения между Азербайджаном и Ираном, общая культура, язык, религия могут способствовать развитию туризма на приграничных между этими странами территориях. Для этого также нужно повысить торговый оборот который на сегодняшний день на гораздо меньшем чем потенциал уровне, также можно создать на приграничных территориях зоны свободной торговли и повысить обоюдные инвестиционные вложения путем еще большего привлечения частного сектора.

Литература

1. «Закон о туризме АР», 1999
2. «Закон Азербайджанской Республики О государственной границе Азербайджанской Республики (9 декабря 1991)»
3. «Стратегическая дорожная карта относительно развития индустрии специализированного туризма в Азербайджанской Республике», 2016, 100 стр.
4. Azərbaycan Respublikası Mədəniyyət və Turizm Nazirliyinin illik HESABATI – 2016. Bakı, “Zerdabi-Nəşr” MMC, 2017, 120 səh.
5. “Azərbaycan-İran əməkdaşlığı: əsas istiqamətlər və imkanlar”, Redaktorlar: Dr. Cavid Vəliyev və Dr. Məsiğa Məhəmmədi, Bakı-2018, 204 səh.
6. Stat.gov.az
7. <http://www.beyleqan-ih.gov.az>
8. <http://www.mfa.gov.az>

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫМ НАСЛЕДИЕМ И РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В СИРИИ

М.А. Алгафри, М.А. Моханнад

Курский государственный университет, Россия

Дальневосточный федеральный университет, Россия

e-mail: alghafari.mahmoud@gmail.com, mohannadtourism84@gmail.com.

Аннотация: В сирийском контексте продолжающаяся война с терроризмом имеет свои непосредственные и потенциально долгосрочные последствия, которые побудили туристов пересмотреть свои решения о поездке. Сирийская индустрия туризма сильно пострадала. В связи с этим возникает много вопросов о том, как правительство может восстановить свой имидж и уменьшить последствия кризиса. В этой статье

проанализированы состояние сирийского исторического наследия и индустрии туризма до и во время продолжающейся войны, эффективность мер, принимаемых правительством. Сделан вывод о необходимости активных мер, повышения осведомленности местного сообщества о ценности его наследия как одной из основных причин грабежа и разрушения, повышения внимания к внутреннему туризму и важности привлечения туристов из дружественных стран.

Ключевые слова: Сирийский кризис, развитие туризма, культурное наследие, Управление кризисом, сохранение, защита, восстановление.

В Сирии до 2011 г. ежегодно происходил рост индустрии туризма. Этот рост произошел не только в результате успешной сирийской внешней политики, но и от использования стимулов, предпринятых правительством для увеличения инвестиций, таких как освобождение от налогов и предоставления инвесторам возможности выбирать свою форму инвестиций. Кроме того, отмена виз для граждан Ирана и Турции также сыграла важную роль в развитии индустрии туризма в Сирии [11, 18]. Метод, используемый в настоящей статье, представляет собой описательный анализ информации, полученной из правительственных веб-сайтов, которые регулярно посещаются и обновляются в соответствии с текущей ситуацией. Кроме того, была проанализирована информация социальных сетей. Данные из DGAM (Генеральный директорат по древностям и музеям) были собраны путем обмена электронными сообщениями и телефонными звонками [1,4].

Историческое наследие и туризм. Сегодня, основные туристические объекты находятся в опасности. Наследие страны, включая музеи и археологические памятники, испытывает серьезные угрозы. Эти объекты были близки к боям, а иногда превращались в поле битвы [5,17]. Это сокровище, которое было сохранено на протяжении тысячелетий в старых городских центрах и в музеях, подверглось высокому уровню разрушения и грабежа [2,9,16]. Продолжающаяся война в Сирии с 2011 г. повлияла на экономику, в которой индустрия туризма и туризм были одной из ее составных частей. Красивый образ Сирии как безопасного места превратился в кровавое поле битвы, так как война бушевала почти по всей стране. Как следствие, количество туристов, прибывших в страну в 2011 г., упало на 64 % по сравнению с 2010 г. [8,9,15], поскольку большинство стран въездного туризма ввели запрет на поездки в Сирию и призвали своих граждан покинуть ее [15]. Гостиницы – еще одна жертва войны, так как многие из них либо закрылись, либо пострадали от серьезного ущерба, доходы Сирии от индустрии гостеприимства резко снизились: на 95 % через 2 года после начала войны. Война привела к потере 258 тыс. рабочих мест в гостиничном бизнесе, число инвестиционных проектов, лицензированных Сирийским инвестиционным агентством, за первые 9 мес. 2012 г. снизилось на 74 % по сравнению с аналогичным периодом 2011 г. [13,14,15].

Меры, предпринятые сирийским правительством в целях восстановления индустрии туризма. Новые рынки. Самая важная стратегия, принятая сирийским правительством, заключалась в том, чтобы перейти на новые рынки для спасения индустрии туризма. Сирия переместилась на

Восток на новые рынки, в основном, дружественных стран, таких как Россия, Китай, Иран и Индия. [8]. Проект и инвестиции среднего и малого бизнеса. Министерство туризма постепенно пытается обеспечить хорошие условия для инвестиций в туристические объекты. В последнее оно сосредоточилось на средних и малых проектах, которые не требуют большого финансирования и желательны для многих инвесторов [11]. Внутренний туризм и диверсификация туристических продуктов. Смещение фокуса от международных туристов до отечественной аудитории является одной из лучших стратегий, принятых сирийским правительством, чтобы спасти индустрию туризма от краха [6]. Сирийское министерство туризма провело множество кампаний, чтобы привлечь внимание к важности медицинского, религиозного, сельского, прибрежного туризма. Более того, оно прилагает большие усилия для поощрения и сохранения народных ремесел [7,11].

СМИ. Осознавая важность последствий освещения сирийского кризиса в средствах массовой информации, сирийские власти пытаются установить тесную связь с некоторыми из арабских, международных телеканалов, таких как русский и китайский [10]. СМИ сотрудничают с китайским посольством в Дамаске, чтобы продвигать имидж настоящей Сирии через китайские СМИ. Министерство туризма также работает над сотрудничеством с Китаем в области выставки и инициирует продвижение туризма между двумя странами в предстоящий период [11].

Сохранение археологического наследия. Главная забота Генерального директората по древностям и музеям заключается в сохранении сирийского культурного наследия в связи с его важностью не только для Сирии, но и для всего человечества. Для защиты этого наследия приняты следующие меры.

Местные меры. После начала войны DGAM усилил меры безопасности многих музеев, установив новые безопасные двери, системы сигнализации и камеры наблюдения. Затем, с ухудшением событий, музеи были перемещены в безопасные места. Более того, национальная команда DGAM работает над электронным хранением содержания всех сирийских музеев [1, 2]. В настоящее время DGAM борется с незаконным оборотом культурных ценностей и координирует его с Интерполом и другими заинтересованными национальными органами (полицией, таможней, мухазфазой, муниципалитетами и другими). В этом же контексте DGAM проводит множество семинаров по борьбе с незаконной торговлей и повышению осведомленности с участием местных органов власти, а также неправительственных организаций, членов местного сообщества, исследователей, художников и писателей [1, 2, 21]. На международном уровне DGAM также сотрудничает с компетентными организациями, такими как ЮНЕСКО (Организацией Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры), ИКОМОС (Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест), ИККРОМ (Международный исследовательский центр по сохранению и реставрации культурных ценностей) и др., организуя встречи, семинары, обсуждая пути,

обмениваясь идеями о сокращении последствий войны, останавливая незаконные раскопки, совершенствуя надзор и другие меры [1].

Выводы, рекомендации и обсуждение. В туристическом бизнесе Сирии наблюдается кризис, вызванный неустойчивостью политической ситуации, снижением спроса на инвестиции, поскольку туристы и инвесторы потеряли уверенность. Однако считается, что индустрия туризма должна быть оживлена не только после окончания войны, но и во время войны должны быть предприняты меры по улучшению текущего состояния, активизации туризма в безопасных районах и скорейшему восстановлению после войны. Главная проблема, которую следует выделить на данном этапе, это осознание местного сообщества в отношении его разнообразного культурного наследия, которое охватывает тысячи лет. Здесь встает вопрос о том, можно ли ожидать сохранения вещей от людей, которые их не ценят. Считается, что отсутствие понимания приводит к отсутствию беспокойства, которое, в свою очередь, обрекает историческое наследие на разрушение. Так, в ходе иракской войны люди защищали исламские культурные рукописи, поскольку они считали их своим собственным наследием и чувствовали себя связанными с ними. Поэтому любые меры, которые не учитывают необходимости роста сознания местного населения в признании ценности наследия, неизбежно потерпят неудачу. Это требует включить вопросы о необходимости сохранения культурного наследия и его важности в жизни нации в школьные учебные программы [3,17]. Сирии следует принять серьезные новые события, которые произошли в результате войны, и привлечь туристов из дружественных стран, таких как Россия. Международное сотрудничество со странами, которые действительно поддерживают сирийский народ, должно быть более эффективным. Так, Россия не только помогает Сирии в борьбе с терроризмом, но и в битве за сохранение археологического наследия.

Сирийскому правительству рекомендуется предоставлять кредиты с низким процентом для поощрения внутреннего туризма и способствовать тому, чтобы люди начинали небольшой и умеренный туристический бизнес. В дополнение к предоставлению финансирования для инфраструктуры туризма и маркетинговых исследований рекомендуется организовать координацию между заинтересованными сторонами средства массовой информации являются первичным фактором в повышении имиджа туризма внутри страны и за ее пределами. Специализированные каналы и ежедневные программы в общественных и частных средствах массовой информации, а также каналы социальных сетей могут помочь в улучшении искаженного имиджа страны и на первый план вывести туристические направления, которые достаточно интересны.

Археологическое наследие необходимо немедленно восстанавливать. Это может быть более эффективным, если речь идет о международном сообществе. Международному сообществу следует поддержать усилия археологических властей по выработке международной резолюции Совета Безопасности ООН, которая запрещает незаконный оборот культурных ценностей Сирии (по примеру Ирака), для решения вопросов кражи и

контрабанды, а также восстановления и возвращая украденных и контрабандных артефактов. В соседних странах необходимо усилить контроль на своих границах и закрыть их для воров и контрабандистов.

Теневой туризм может стать мотивом для развития туризма в Сирии. Российское туристическое агентство «Мегаполис» планирует продать туры в Сирию, где у путешественников будет возможность посетить фронты продолжающейся войны. Эти «Асад Туры» продлятся 4-5 дней для групп по 3-5 человек, и это будет стоить примерно 1500 долл. США на человека, включая расходы на авиабилеты и проживание [18].

Литература

1. Abdulkarem, M. Archaeological Heritage in Syria during the Crisis: 2011-2013 / M. Abdulkarem, DGAM, 2013. P.26.
2. Ali, C. Syrian Heritage under Threat // Journal of Eastern Mediterranean Archaeology & Heritage Studies. (2013) 1 (4). P. 351 – 366.
3. Alkateb, M. Non-traditional education using cultural heritage: A case study from Syria // International Journal of Education through Art. 2013 9 (2). P.189 – 204.
4. Bland, B. 2016. Syria civil war: Palmyra damage in pictures. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-35909456> [Accessed 14/08/16].
5. Frederick J. C. Local and public heritage at a World Heritage site / J. C. Frederick // Annals of Tourism Research. – 2014. – Vol. 44. P.143 – 155.
6. Haddad, N. A. Elhassan Ghida. Al Ibrahim, H, How to Re-emerge as a Tourism Destination after a Period of Political Instability // The Travel & Tourism Competitiveness Report. 2015. P.53 – 57.
7. Kunkaew, K. The Cultural Tourism Management under Context of World Heritage Sites: Stakeholders' Opinions between Luang Prabang Communities, Laos and Muang-kao Communities, Sukhothai, Thailand / K. Kunkaew // Procedia Economics and Finance. – 2015. – Vol. 23. – P. 1286 – 1295.
8. Qassar H, Fostering Values to Protect Cultural Heritage in Syria // News in Conservation. February 2015. P. 24 – 25.
9. Syria photo guide. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.syriaphotoguide.com/home/tag/aleppo/> [Accessed 10.8.2018].
10. The Ministry of Tourism, The annual report of the Ministry of Tourism, 2013.
11. The Syria Report: Projects Licensed by Investment Body Decline 74% y-o-y [Electronic resource]. Access mode: <http://www.syria-report.com/news/economy/projects-licensed-investment-body-decline-74-y-o-y>. [Accessed: 16.2.2018].
12. The Syria Report: Rotana Hotels Puts on Hold Syria Projects [Electronic resource]. Access mode: <http://www.syria-report.com/news/tourism/rotana-hotels-puts-hold-syria-projects-%E2%80%93-report>[accessed: 22.07.2018].
13. The Syria Report: Tourist Numbers Fell 64 Percent in 2011. [Electronic resource].Access mode:<http://www.syria-report.com/news/tourism/tourist-numbers-fell-64-percent-2011-%E2%80%93-report>. [accessed: 11.06.2018].
14. The Syria Report: War Causes Loss of 258 thousand Jobs in Hospitality Sector available [Electronic resource]. Access mode: [accessed: 22.08.2018].
15. The Syria Report: War Causes Loss of 258 thousand Jobs in Hospitality Sector [Electronic resource]. Access mode: <http://www.syria-report.com/news/tourism/war-causes-loss-258-thousand-jobs-hospitality-sector>[accessed: 6.07.2018].

16. Vasile, P. Cocoş, O. Syria, an agonizing country. The socio-economic, political and environmental implications of the conflict // Revista Română de Geografie Politică 2015. (1). P.29-37.
17. World Heritage List. [Electronic resource]. Access mode: <http://whc.unesco.org/en/list/> [accessed: 08. 06.2018].
18. Просвинова, Ольга. Из Москвы запустят туры в Сирию с возможностью посетить линию фронта [Electronic resource]. Access mode:<http://www.novayagazeta.ru/news/1698742.html>. [accessed: 22.06.2018].

ФУТУРОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ГОСТИНИЧНОЙ ИНДУСТРИИ ДЛЯ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

М.С. Бондарева, Д.М. Конорева, Е.А. Нелепина
Курский государственный университет, Россия

Аннотация: Представленная статья отражает актуальную в настоящее время тему для предпринимателей в сфере гостиничного бизнеса. В статье представлен краткий анализ ситуации на рынке гостиничных услуг для людей с ограниченными возможностями в настоящее время, а так же прогноз на будущее развитие этого направления от мировых футурологов.

Ключевые слова: индустрия, гостеприимство, футурология, безбарьерная среда.

На сегодняшний день индустрия гостеприимства развивается с огромной скоростью. Люди стремятся путешествовать и узнавать новые места, знакомится с особенностями и бытом разных стран и народов мира, да и просто отдыхать за пределами своего родного города или даже страны. Предприниматели в сфере гостиничного бизнеса старается помочь в этом вопросе каждому соискателю.

Но если для обычного туриста открывается большое количество предложений, где разместиться во время отдыха или поездки, для него открыты любые горизонты, то для людей с ограниченными возможностями, к сожалению, выбор не столь обширный [3, с. 54].

В рамках научной статьи хотелось бы затронуть актуальную в настоящее время тему, касаемую размещению особой группы населения людей с ограниченными возможностями здоровья на предприятиях гостиничного бизнеса. Воспользоваться прогнозами будущего в этой сфере услуг.

Туризм для лиц с ограниченными жизненными возможностями является новым и динамично развивающимся направлением. Социальная значимость туризма для особых категорий населения обусловлена, тем, что относительное число лиц с различными видами ограничения непрерывно растет, а поддержка от государства усиливается, предоставляется все больше возможностей для этой группы населения [2, с. 95].

Сегодня не каждое средство размещения может предложить комфортные условия, отвечающие всем необходимым стандартам, для проживания особой группы населения. Как уже было сказано, отрасль только получила толчок в развитие. Чтобы представить себе как через 20-30 лет

люди с ограниченными возможностями здоровья смогут путешествовать, стоит обратиться к такой науке как футурология.

Футурология изучает статистику, тенденции, прошлое и настоящее, и на основе этих данных пытается сформировать примерную картину будущего в какой-либо сфере жизненных событий [1, с. 8].

Уже сейчас каждое современное здание гостиницы или санатория-профелактория включает в свой проект номера, обустроенные специальным образом так, чтобы размещение лиц с ограниченными способностями здоровья было комфортно. Разрабатывается безбарьерная среда для людей инвалидов. Но уже в будущем технологи проектировщики стремятся оснастить средства размещения новейшими компьютерными программами, способными еще больше упростить проживание тем, кто не может самостоятельно передвигаться или имеет затруднения с этим.

Таким образом, испанская дизайн-студия SerranoBrothers создала первую демо-версию комнаты с интерактивными стенами, на которых можно будет транслировать фильмы, выводить отдельно сообщения и связываться с персоналом гостиницы, не вставая с места.

Футуролог Иэн Пирсон предсказывает, что технологии пойдут еще дальше. В спальнях отелей в ближайшем будущем появятся подушки со встроенной электроникой, которые будут делать массаж головы и шеи. Будут предусмотрены услуга утреннего пробуждения и голографические системы, проецирующие 3D-изображения виртуальных торговых центров, персональных тренеров, героев фильма или даже членов семьи. Он также предсказывает, что вскоре в отелях появятся пижамы со специальными сенсорами, измеряющими уровень сахара в крови и рекомендующие диету [5].

Безусловно, такие новшества смогут облегчить пребывание в гостиничном комплексе особой категории населения, но цена этих объектов будет гораздо выше средней и не каждый сможет позволить себе такое размещение.

Но с развитием доступного туризма в мире, будет предложено не мало вариантов, как снизить цену для нетрудоспособных граждан. Ведь если взглянуть в прошлое, то еще несколько десятков лет назад, путешествия для людей инвалидов было из ряда фантастики, а сейчас если не каждое, то многие из предприятий гостиничного бизнеса готовы принять эту категорию населения [4, с. 18].

Развитие безбарьерного туризма в России и за рубежом набирает стремительные обороты, этому способствуют различные спортивные мероприятия при поддержке государственных органов разных стран, такие как олимпиады, параолимпиады, спортокиады и прочее. Таким образом можно сделать вывод, что в будущем путешествия для людей с ограниченными способностями здоровья станут доступны каждому, а география их расширится таким образом, что любой нетрудоспособный гражданин сможет побывать даже в самых отдаленных местах планеты и насладиться красотой, комфортным размещением и теплым приемом в

гостиничном комплексе, что даст ему почувствовать себя как все, не ощущая ограничений в своих способностях.

Литература

1. Батин М.А. Футурология [Книга]. - Москва: БИНОМ, 2014., 259 с.
2. Рожков В.В. «Особенности социальной идентификации инвалидов в современном российском обществе». – М., 2003. – 187 с.
3. Романов В. В. «Основы индустрии гостеприимства» / Учебное пособие: – Издательство Дашков и Ко, 2009г., 248с.
4. Сорокина А.В. «Организация обслуживания в гостиницах и туристских комплексах» / Учебное пособие, – Издательство «Альфа - М», «Инфра - М», 2007г. 304с.
5. <http://www.horeca-magazine.ru/article/1689/>

СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧЬЯ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

**Н. Е. Воинова., Д. В. Арцыбашев, Р. Е. Алюшин,
В. В. Малина**

Курский государственный университет, Россия

Аннотация: Актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем, что комплексное взаимодействие сельского и этнографического туризма может стать дополнительной «точкой роста» внутреннего туризма российских регионов. Статья направлена на определение потенциальных возможностей данных видов туризма в обеспечении устойчивого социально-экономического развития российских регионов.

Ключевые слова: сельский туризм, этнографический туризм, туристская дестинация, туристский спрос.

Конец XX – начало XXI века характеризуется усилением потребности большинства людей в общении с природой, потреблении натуральных продуктах питания, уединении и тишине вдали от крупных городских агломераций, что стало предпосылками к формированию спроса на сельский туризм. Сельский туризм занял прочные позиции в туристской индустрии. В настоящее время это направление туризма развивается активными темпами и во многих странах Европы и является основным видом туризма в формировании туристского потока. Каждая туристская дестинация благодаря природному потенциалу, традициям сельскохозяйственного производства, этнографическому наследию, особенностям национальной кухни создает индивидуальную основу развития сельского туризма.

На современном этапе в Российской Федерации сельский туризм находится на стадии формирования. Существует обширный агротуристский потенциал, появляется новый туристский продукт. Как рыночное предложение туристских предприятий, увеличивается спрос и предпочтения туристов на данный вид отдыха. В большинстве нормативно-правовых актов в сфере туризма сельский и экологический туризм определены как приоритетные виды туризма большинства субъектов Российской Федерации [12].

Развитие данного вида туризма ставит перед собой следующие задачи: формирование агротуристского продукта, обоснованное использование природного и этнокультурного наследия региона, дополнительный приток финансовых средств в экономику российских регионов, создание новых рабочих мест на селе, благоприятное сотрудничество бизнеса и сельских жителей, создание современной туристской инфраструктуры на территории сельских поселений, развитие внутреннего туризма, а также стабильное увеличение доходов и уровня жизни сельского жителя.

Положительные примеры развития сельского туризма имеются в Республиках Коми и Бурятия, Калининградской, Липецкой и Оренбургской областях.

Однако на сегодняшний день ресурсы сельского туризма используются неэффективно или не используются вообще. Инфраструктура сельского туризма оставляет желать лучшего. При этом инвестиционный климат для развития данного направления, можно оценить как неблагоприятный. [13]

По статистике Федерального агентства по туризму «объем сельского туризма в общем объеме продаж туристских услуг составляет 2%, с учетом всех существующих факторов для его развития» [13].

Сельский туризм представляет новое направление современного сектора экономики тесно связанного с культурно - историческим наследием региона, активизацией работы музейных учреждений культуры, организацией туристских выставок, развитием и сохранением ремесел, обрядов, традиций.

Цель деятельности туроператоров сельского туризма – создание агротуристического продукта с учетом культурно-исторического и природного потенциала региона. Возможный перечень услуг этого вида туризма достаточно широк, что отличает его от других сегментов туристских услуг [2].

И.В. Кривцов, оценивая потенциал развития сельского туризма в Российской Федерации отмечает: «развитие туризма, в частности в сельской местности, – это важный способ экономического подъема территорий, прекрасный стимул для материального и духовного возрождения российской глубинки и в то же время жесткий барьер на пути дальнейшей деградации местного населения, лишенного не только многих благ современного общества, но зачастую и каких-либо серьезных перспектив на будущее. Сельский туризм в представленном контексте – это хороший шанс для изменения сложившейся ситуации, путь переосмысления населением российской деревни своей роли и места в жизни страны, понимания того, что они не только безликий сырьевой придаток города, но и активные пропагандисты традиционной культуры во всех ее формах, хранители истории государства в целом и отдельных народностей в частности, т.е. люди, обогащающие Россию не только материально, но и духовно, при этом и сами получающие достойное вознаграждение за свой труд» [1].

Мировая практика сельского туризма показывает, что будучи основанным на «использовании элементов истории народной жизни как с

точки зрения получения дохода, так и обеспечения условий для воссоздания природной жизнеспособной исторической среды» [2], сельский туризм становится фактором возрождения традиционной культуры, пусть и в ее этнографической, законсервированной форме, а также государственным ресурсом социально-экономического, основанного на балансе интересов городского и сельского населения возрождения регионов.

Разновидностью сельского туризма как определяет А.Б. Здоров, является «агротуризм – туристская деятельность, организуемая на сельских территориях, с услугами проживания, организацией отдыха и питания, экскурсионному обслуживанию, с возможностью рыбалки, охоты, сбора урожая, лесных ягод и грибов, т.е. использование ресурсов сельских территорий с целью создания агротуристского продукта» [2].

Аналитики отмечают спонтанность развития агротуризма, поскольку туристские хутора, гостевые дома, агротуркомплексы возникают спонтанно, как «инициатива снизу»: местного населения, предпринимателей, сельских муниципальных образований. В России действует более двух тысяч объектов сельского туризма в Краснодарском и Алтайском краях, Иркутской, Вологодской, Ивановской, Калужской, Воронежской, Калининградской и Ленинградской областях.

К сожалению, массовым сельский туризм назвать нельзя даже условно: его развитию препятствует неразвитость сельской инфраструктуры, плохие дороги, недостаток средств размещения туристов, отсутствие квалифицированных кадров в данной сфере, отсутствие нормативной базы и законодательных основ организации данного вида отдыха.

Существующие нормативные акты в данной сфере предусматривают:

- развитие социальной инфраструктуры села;
- пропаганда престижности труда сельского жителя и сельского туризма;
- четкую демографическую политику государства;
- разработка региональных концепций развития сельского туризма.[4].

В настоящее время, большинство экспертов туристской индустрии определяют следующие факторы (компоненты) сельского туризма:

- размещение туристов в сельской местности в различных объектах размещения;
- питание с элементами местной кухни, с использованием экологических продуктов;
- различные мероприятия досугового характера в сельской местности;
- повышение образовательного уровня и получение дополнительной информации о специфике национальной культуры и традиционного быта;
- занятие традиционными ремеслами и обрядами, а также иные варианты предпринимательской деятельности;
- отдых туристов на природе с непосредственным контактом с окружающей средой.

Анализ показывает, что сельский туризм может эффективно функционировать на таких территориях, как:

- особо охраняемые природные территории;
- сельские территории;
- фермерские организации;
- дачные товарищества;
- природные феномены;
- монастырские подворья;
- малые города и исторические поселения;
- объекты этнографического туризма; [2].

На современном этапе развития сельского туризма активными темпами развивается строительство русских агроусадьб в районах Севера, Великого Волжского пути, Золотого кольца России, что способствует восстановлению национальной культуры, инновационным способам земледелия, зодчеству. Такой подход влияет на развитие экономики регионов и способствует появлению дополнительных финансовых вливаний в туристскую отрасль, так как, например, иностранные туристы не знают об уникальности российского турпродукта глубинки, наличия бескрайних просторов Сибири, Урала.

По мнению Бутузова А.Г. «Большая часть культурно-исторического наследия России, а также ее экзотических уголков уже принадлежит или может потенциально принадлежать российскому агропромышленному комплексу (АПК)».

Россия в настоящее время может иметь позитивный опыт развития сельского туризма, успешно реализуя десятки таких проектов, как: «тур с проживанием в кочевом традиционном жилище», «национальная деревня», «сельская гостиница», «гостевой дом», агроферма и т.д. Актуальным является появление ассоциаций, практическая деятельность которых направлена на работу в сфере агротуризма, способствующие расширению сотрудничества с различными организациями и учреждениями, налаживанию личных и деловых контактов с агротуристическими и крестьянско-фермерскими хозяйствами, проведению «экспедиций» в сельские гостевые дома и фермерские хозяйства, с целью изучения и анализа опыта работы и участия в региональных и столичных российских выставках, в том числе и туристической направленности.

Одной из основных проблем сельского туризма является проблема формирования конкурентоспособности агротуризма на российском рынке туристских услуг, на основе использования ее связи с проблемами геоэкологии и развития коммерческого рынка экологически чистых товаров. По мнению Хачатурова А.Е., который долгое время подробно изучал проблемы российского экологического маркетинга, «в хозяйственном механизме предприятий сферы агротуризма паритет между бизнес-интересами и экологическими потребностями туристов и общества достигается на основе взаимодействия системы экологического менеджмента и экологического маркетинга. При этом экологический маркетинг (и, как следствие, ускорение формирования рынка экологически чистых товаров) ориентируется как на интересы туристов, так и на прибыльность аграрных предприятий, частных ферм или садово-огородных хозяйств» [14].

Делая общий вывод из вышесказанного, мы не можем заметить, что одни природные ресурсы не могут в полном объеме обеспечить стабильного притока туристов и экскурсантов на территорию сельской местности. Путешествующим всегда интересно приобщение к местной самобытной истории и культуре, традиционному быту и возродившимся ремеслам, что практически всегда выводит на передний план культурно-познавательную составляющую регионального продукта, этнографический потенциал региональных территорий.

Мы можем отметить, что за последнее время вырос интерес к эколого-этнографическому туризму или эколого-этнографическим путешествиям, предпринимаемым с целью приобщения к самобытной культуре этно-территориальных сообществ в привычной им среде обитания [10].

В последние годы в России происходит осознание того, что сохранение и возрождение этнокультурного наследия является важным элементом развития любого региона. Туристский регион, располагающий интересными этнокультурными традициями может приобщить туристов к культуре разных народов [15].

Развитию этнографического туризма в России в последние годы уделяют большое внимание, оценивая его потенциал для внутреннего и въездного туризма. Проводятся конференции и круглые столы, встречи и выставки, различные фестивали.

Так, например, на Международной конференции «Этнографический туризм как способ возрождения и сохранения этнокультурного наследия», при анализе сложившейся модельной системы региональной этнотуристической практики в качестве основных были определены следующие приоритеты:

- «создание и развитие центров традиционных промыслов и ремесел (создание рабочих мест для местного населения, сохранение традиционной хозяйственной деятельности, формирование и распространение новых этнокультурных брендов);
- создание этнических стойбищ-музеев и музеев «под открытым небом» (популяризация традиционной этнической культуры);
- охотничий и рыболовный этнотуризм;
- фольклорный и событийный этнотуризм (в целях сохранения и развития родных языков, сохранения устного народного творчества);
- создание экодеревень (в целях сохранения и популяризации систем традиционного жизнеобеспечения, народной медицины)» [11].

Воинова Н.Е. выявляя возможности развития этнографического туризма в России пришла к выводу, что «в Центральном федеральном округе создаются этнографические комплексы «Плес» (Ивановская область), «Государыня Кострома» (Костромская), «Елец» (Липецкая область), этнографическая деревня «Кострома» (Белгородская область), национально-туристский комплекс «Русское подворье "Савчино"» (Брянская область), туристский центр «Старинный город» (Тверская область), туристско-паломнический центр «Коренная пустынь» (Курская область) и некоторые

другие. В Брянской области, у пересечения границ России и Беларуси (до 2014 г. и Украины), проводится фестиваль молодежных фольклорных коллективов «Красная горка» и «Славянское единство». Центром России по развитию народных художественных промыслов становится Ивановская область, основой этнографического интереса к которой стали 10 бережно сохраняемых традиционных ремесел» [18].

Появляются и другие формы региональных этнографических центров. В Волгоградской области это этнографический музей-заповедник «Казачий курень» с интерактивными программами «Посвящение в казаки» и «Казачья свадьба», в котором гостей приветствуют старинными песнями и угощают казачьим блюдом – пышками с медом и каймаком. В Ханты-Мансийском АО стали традиционными праздники «День оленевода», культовый праздник «Медвежья игрища», посвященный почитанию медведя, «Вороний день», посвященный вороне, приносящей весну.

Достаточным потенциалом для развития сельского и этнографического туризма обладает и Курская область. Курский край располагается в центре европейской России, и всегда занимал в ее истории особое место. Это связано с выгодным географическим положением, особенностями народной культуры, наличием многочисленных памятников истории, архитектуры, природы. У путешественников этот регион вызывает ассоциации с ароматной антоновкой и голосистыми соловьями, богатейшими запасами железных руд Курской магнитной аномалии и исторически значимой Курской Коренской ярмаркой, грандиозной Курской битвой и уникальным Центрально-Черноземным биосферным заповедником [20].

По мнению Воиновой Н.Е. «благодаря своему географическому положению и природно-ресурсному потенциалу территория современной Курской области на протяжении многих веков была местом развития культур и традиций многих народов. Это создает условия для развития этнографического туризма. Долгие годы территория современной Курской области была приграничьем, окраиной то Киевской Руси, то Черниговского и Смоленских княжеств, то Московского государства. Раннее заселение и освоение территории Курского края можно проследить благодаря многочисленным памятникам археологии» [19].

В последние годы в области предпринята попытка создания этнодеревни с русским колоритом. Такой объект туристского интереса появился в Большесолдатском районе [19].

В настоящее время в России реализуются проекты по сближению представителей разных культур и конфессий. Так в рамках реализации федеральной целевой программы был создан «уникальный калужский «Этномир», представляющий народы мира посредством воссозданного этноподворья. На территории этнокомплекса располагаются дома-гостиницы, ремесленные мастерские, музеи, рестораны традиционной кухни, сувенирные магазины. В Ростове-на-Дону работают программы ознакомления туристов с историей возникновения и особенностями культовых сооружений (православного собора, старообрядческой церкви, иудейской синагоги,

армянского храма, мусульманской мечети и католического костела), а также традициями богослужений конфессий, представители которых издавна проживали на территории края» [12].

Таким образом, Россия, обладая разнообразным природным и этнокультурным потенциалом, имеет все предпосылки для развития сельского и этнографического туризма.

Литература

1. Кривцов И.В. Этнографический потенциал развития сельского туризма в Волгоградской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.naselo.ru/news/id21667> (дата обращения: 12.03.2017).
2. Здоров А.Б. Организационно-экономические основы развития аграрного туризма. Автореф. дисс... докт. эконом. наук. М., 2011.
3. Уланов Д.А. Туризм на сельских территориях: опыт, проблемы, перспективы // Молодой ученый. 2013. №53. С. 455 – 459.
4. О федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года»: постановление Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 598. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/41d47baf642258e68c1b.pdf> (дата обращения: 23.04.2017).
5. Туризм на сельских территориях: опыт, проблемы, перспективы: сб. трудов III Международной научно-практической конференции, 13 мая 2014 г. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2014. 308 с.
6. Особенности развития и роль аграрного туризма в структуре региональной экономики, [Электронный ресурс]. URL: <http://infopedia.su/10x7465.html> (дата обращения: 02.05.2017).
7. Здоров А.Б. Экономика туризма: Учебник. М.: Финансы и статистика. 2004. 272 с.
8. Бутузов А.Г. Этнокультурный туризм в России: теоретические и практические аспекты изучения: Сборник трудов V Международной научно-практической конференции «Туризм и рекреация». М.: МГУ, Географический факультет, 2010. С.57 – 60
9. Гаврилов А.Ю. Роль этнокультурного фактора в развитии въездного и внутреннего туризма в Российской Федерации. Доклад на Международной конференции «Этнографический туризм как способ возрождения и сохранения этнокультурного наследия». – М. 2014.
10. Трофимов Е.Н. Развитие этнографического туризма в России. Вестник РМАТ. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-etnograficheskogo-turizma-v-rossii> (дата обращения 23.04.2017).
11. Сельский туризм. Материал из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wikicite_note-1 (дата обращения 05..06.2018)
12. Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011 - 2018 годы)». Федеральное агентство по туризму. Министерство культуры Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russiatourism.ru/content/2/> (дата обращения: 26.05.2017).
13. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Динамика спроса на туристские услуги в России. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. Выпуск №19, ноябрь 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/11063.pdf> (дата обращения: 27.05.2017).
14. Хачатуров А. Е. Экологический маркетинг. Маркетинг в России и за рубежом №4, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://ecoline.ru/environmental-marketing/> (дата обращения: 26.05.2017).

15. Инвестиции в туризм. К концу 2018 года в Центральном федеральном округе появится 8 туристско-рекреационных кластеров. 21 Августа, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusturinvest.ru/article/k-koncu-2018-goda-v-centralnom-federalnom-okruga-p-3859.html> (дата обращения: 26.05.2017).

16. Арцыбашев Д.В., Воинова Н.Е., Шеставина А.А. Формирование имиджа туристских дестинаций приграничных территорий (на примере Курской области) Сборник научных статей I региональной научно-практической конференции «Развитие индустрии туризма и гостеприимства: опыт, проблемы, перспективы».– Курск: Изд-во ООО «Издательство РИТМ», 2017. – с. 80-86

17. Воинова Н.Е., Худякова Т.М. Курская область как туристская дестинация (статья) Сборник научных статей V межд.научно-практической конференции «Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования». – Москва: Изд. МГУ, 2010. – С. 208-211

18. Воинова Н.Е., Цуканов М.В., Палевая Е.Н. Возможности развития этнографического туризма в России (статья) Сборник научных статей I Межд.научно-практической конференции «Проблемы и перспективы развития регионального туризма». – Курск: Изд. ООО «Планета», 2011. – С.38 – 44

19. Воинова Н. Е. Агротуризм как перспективное направление развития сельских территорий // Известия Саратовского госуниверситета. 2016. С . 78 – 81.

20. Воинова Н. Е. Перспективные возможности развития агротуризма Курской области // Известия Саратовского госуниверситета. 2016. С.76 – 78.

21. Арцыбашев Д.В., Алюшин Р.Е. Воинова Н.Е. Предпосылки развития агротуризма на территории Курской области // В сборнике: Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке. Сборник статей по материалам 8 международной практической конференции .2017. С.25 – 31

ПРОПАГАНДА ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ НА ТЕРРИТОРИИ ГОСТИНИЧНОГО КОМПЛЕКСА «АКВАМАРИН» КУРСКОГО ПОРУБЕЖЬЯ

Д.М. Конорева, М.С. Бондарева, Н.Е. Воинова
Курский государственный университет, Россия
e-mail: dariakonoreva@mail.ru

Аннотация: Актуальность темы данной работы обусловлена увеличением количества услуг, которые готовы предоставлять современные отели. Потребности современного человека, как среднестатистического, так и гостя прибывшего из-за рубежа включают в себя регулярные спортивные мероприятия. Спортивные занятия в современном мире необходимы и в связи с этим желание заниматься спортом, посещая гостиничные предприятия, возрастает. Напряженный ритм жизни постоянные стрессы и малоподвижный образ жизни заставляют каждого человека заботиться о своем здоровье и красоте.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, туризм, фитнес, гостиничный комплекс, порубежье.

В современном мире сложно себе представить гостиницу высокого уровня без фитнес-центра или тренажерного зала. Для гостей в отеле обычно очень важен и принципиален уровень сервиса предприятия.

Как известно наличие тренажерного зала обусловлено не только просьбами и пожеланиями клиентов, но и многими международными стандартами и рекомендациями Всемирной туристской организации (ВТО).

Актуальность данной статьи, заключается в том, что спектр сервиса современных отелей имеет тенденцию к расширению. Потребности нашего современника, как иностранных гостей, так и российского потребителя включает в себя занятия спортом как неотъемлемой частью образа жизни. Поэтому многие люди желали бы, продолжить занятия физической культурой будь то по бизнесу или туристическая поездка.

В данной статье будут рассматриваться, как общие вопросы устройства и организации спортивного зала в составе гостиничного комплекса, так и некоторые детали основной спортивной составляющей спортивной деятельности оздоровительных подразделений гостиниц [1].

Гостиница – имущественный комплекс (здание, часть здания, оборудование и иное имущество), предназначенное для предоставления услуг.

В соответствии с государственными стандартами ГОСТ Р-50645-94 «Туристско-экскурсионное обслуживание. Классификация гостиниц». Под гостиницей понимается предприятие, предназначенное для временного проживания туристов в отеле [4]. Тем не менее, кроме временного проживания – основной профильной услуги проживания гостиничные предприятия предоставляют дополнительные услуги исходя их возможностей отеля, а также учитывая клиентуру отеля. Круг таких дополнительных услуг в сфере гостиничной индустрии всегда должен расширяться. Именно поэтому гостиничном комплексе «Акварин» стал вопрос о расширении спектра дополнительных услуг. Гости приезжающие в гостиничный комплекс все чаще обращают внимание на отсутствие фитнес-центра и создание фитнес-центра послужит в расширении клиентской базы отеля.

Для гостиничных предприятий популярностью в оборудовании в основном пользуется кардиооборудование (беговая дорожка, эллиптические и гребные тренажеры и т.д.). Кардиотренажеры очень удобны в использовании в связи с тем, что занимают совсем немного места это удобно для залов, где территория весьма небольшая. Силовые тренажеры тоже необходимы, хотя они и пользуются меньшей популярностью. Важно, чтобы в спортивном помещении где будут проходить занятия спотом также была и небольшая зона для отдыха. Особое внимание важно обратить на организацию работы персонала, как гостиницы, так и фитнес-центра. При открытии фитнес-зала в ГК «Акварин» планируется разработать пошаговую систему работы, как для сотрудников, так и для бушующих гостей фитнес-центра «Акварин». Для поддержания уровня гостиничного комплекса в фитнес-центре сотрудники предприятия должны иметь физкультурное образование.

К сожалению, на территории отеля «Акварин» в данный момент нет фитнес-центра в связи с недостаточной площадью отеля. Безусловно,

руководство предприятия работает и планирует в будущем в отдельном помещении создание тренажерного зала с крытым переходом соответствующий всем европейским и мировым стандартам, чтобы гости отеля могли качественно проводить свой досуг не только на территории ресторана и спа-центра гостиничного комплекса.

Спортивно-оздоровительные мероприятия в гостевой индустрии просто необходимы в современном мире. Собственникам предприятий не стоит забывать о том, что фитнес-центр на территории предприятия может служить источником дополнительной прибыли, особенно если на территории отеля существует система подарочных сертификатов как и в ГК «Аквамарин», на данном этапе работы предлагаются подарочные сертификаты на услуги спа-центра, в будущем планируется также реализовать подарочные сертификаты для фитнес-центра «Аквамарин». В данный период времени ведется тщательная разработка бизнес-плана по созданию, нового подразделения и нового спектра дополнительных услуг, который позволит гостиничному комплексу выйти на новый уровень гостиничной индустрии города Курска. Создатели данной инициативы надеются, что данные полученные в результате долгих наработок, консультаций с профессионалами в данной сфере смогут создать еще более стабильный и качественный продукт дополнительных услуг, который как следствие будет приносить предприятию стабильный доход и прибыль для предприятия.

Литература

1. «Библиофонд» 2003 - 2016. <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=800332>
2. <http://www.atletiko.ru/trenajernyi-zal-v-gostinice>
3. Федеральный Закон «Об организации страхового дела в Российской Федерации» ст. 10 п. 4.
4. ГОСТ Р 50645 - 94 «Туристско-экскурсионное обслуживание. Классификация гостиниц»
5. <http://www.delinform.ru/article.php?numn=3033>.
6. <http://www.amhotel.ru>

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ТУРИЗМЕ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

М.А. Степанов

Курский государственный университет, Россия

e-mail: yondaime-13@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается нематериальное культурное наследие восточных славян, раскрывается его понятие, рассматриваются международные и российские проекты и программы по сохранению и популяризации НКН. Было осуществлено исследование имеющегося нематериального культурного наследия Курской области.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, туризм, наследие, культура, народное творчество, Курская область.

Объекты нематериального культурного наследия – это проявления обычаев, формы выражения и представления знаний и навыков, связанные с ними предметы, инструменты, артефакты и культурные пространства, которые признаны таковыми сообществами, представляющие культурную и историческую значимость [1].

На территории РФ носителями нематериального культурного наследия (далее НКН) являются этнические коренные сообщества, определенные группы, а также отдельные лица, которые имеют значительный вклад в его создании и сохранении. НКН имеет различные формы, такие как обычаи, обряды, устные формы выражения традиции (сказания, сказки, былины), навыки и знания по традиционным ремеслам [2].

Нематериальное культурное наследие не статично – оно динамично развивается, так как происходит постоянное обогащение унаследованных обрядов и традиций прошлого современными нематериальными аспектами культуры последующих поколений. Такие изменения могут оказать и крайне неблагоприятный эффект, создавая совершенно новый объект культуры и традиций, постепенно утрачивая исконные корни. В настоящее время угрозы НКН исходят и от таких процессов как глобализация и урбанизация. Во всем мире принимаются меры по сохранению и актуализации нематериального культурного наследия для подрастающих поколений. Для этого мировое сообщество инициировало ряд проектов, среди которых выделим:

- дополнение на 32-й Генеральной конференции ЮНЕСКО в 2003 г. принятой в 1972 г. программы «Конвенция по вопросам охраны нематериального культурного наследия»;

- программа ЮНЕСКО, принятая в 2001 г. «Шедевры устного и нематериального культурного наследия», которая постоянно пополняется;

В этих международных программах от Российской Федерации представлены:

- 1) культурное пространство и устное творчество староверов Забайкалья;

- 2) Якутский героический эпос «Олонхо».

Если в мировом масштабе от нашей страны включено только два объекта, то в аналогичных национальных программах – более ста.

Учитывая зарубежный опыт и опираясь на данные программы в РФ были разработан и утвержден в 2008 г. свой проект по сохранению НКН - «Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации».

Зарубежные и российские программы и законодательные акты в области НКН направлены на их охрану и сохранение, на формирование национальной идентичности, духовному и патриотическому воспитанию народов, сохранению их культуры и самобытности.

Этническая самобытность и культурное разнообразие – важные факторы для развития туризма, ведь в процессе познания туристами чужой культуры возникает межкультурное взаимопонимание между людьми, у

местных жителей появляется осознание ценности своего культурного наследия, чувство гордости и патриотизма.

В результате развития туризма увеличиваются доходы в смежных областях экономики, растет уровень жизни населения, повышается интерес к традициям, обычаям и культуре, что ведет к их возрождению и привлечению валютных инвестиций. Следует отметить и отрицательное воздействие туризма на НКН – когда культурное наследие «монетизируется» для извлечения максимальных доходов, превращая наследие в товар, утрачивается самобытность и уникальность.

В результате данного процесса во многих туристских дестинациях нарушается процесс производства сувенирной продукции (используются другие материалы, технология, изменяется первоначальный вид). Поэтому крайне важно минимизировать негативное влияние туризма на НКН:

- выделить приоритетным направлением сохранение нематериального культурного наследия в первоначальном виде;
- реклама и продвижение различными способами (печатная продукция, СМИ, соц.сети, «сарафанное радио», стенды, баннеры и др.);
- культурно-патриотическое воспитание молодежи;
- государственная поддержка региональных домов народного творчества;
- привлечение инвестиций.

Территория Курской области богата на народно-поэтические, неповторимые музыкальные и песенно-хореографическиетрадиции. Систематизацией, исполнением программ государственной политики в области культуры в регионе занимается ОБУК «Курский областной Дом народного творчества».

Основными задачами данного учреждения являются:

- сохранение аутентичного, исконно курского этнографического наследия;
- привлечение интереса населения области к нематериальному культурному наследию региона;
- воспитание у молодежи бережного отношения к традиционной художественной народной культуре;
- возрождение и создание колоритного народного творчества.

Курский областной Дом народного творчества ежегодно формирует и осуществляет ряд мероприятий, задачи которых дублируют основные задачи учреждения (рис.1).

К сожалению, сохранность нематериального культурного наследия зависит не только от учреждений, но и от поддержки конкретных личностей, являющихся носителями культуры и традиций. Для этого в районах с НКН созданы филиалы ОБУК «Курский областной Дом народного творчества»:

- Суджанский центр народных промыслов и ремесел, г. Суджа, Суджанский р-н;
- Пристенский центр народной культуры, пос. Пристенъ, Пристенский р-н;

- Саморядовский дом ремесел, с. Козыревка, Большесолдатский р-н;
- Глушковский центр художественных промыслов и ремесел, пос. Глушково, Глушковский р-н.

1943, 2019 75 ЛЕТ КУРСКАЯ БИТВА		КУРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА	
областной фестиваль тематических программ «МИР, КОТОРЫЙ МЫ ТВОРИМ»		в течении года	
областная социально – культурная акция по работе с понижалими людьми «СЛАВЕН ВОЗРАСТ ЗОЛОТОЙ»		в течении года	
областной фестиваль тематических программ по профилактике наркомании и пропаганде здорового образа жизни «ЗДОРОВАЯ МОЛОДЕЖЬ, ЗДОРОВАЯ НАЦИЯ»		в течении года	
заключительный концерт победителей областного конкурса детских и молодежных фольклорных коллективов «СОЛОВУШКА»		январь	
областной конкурс оркестров и ансамблей народных инструментов, исполнителей народной песни и танца «СУДАРУШКА»		май	
посвященный 75-летию народного артиста РФ В.Ф. Гридина областная культурно – патриотическая акция «ПОДВИГОМ СЛАВИТСЯ НАША ЗЕМЛЯ»		январь – август	
областной конкурс лирико – патриотической песни «ПАМЯТЬ СЕРДЦА»		январь – июль	
заключительный концерт победителей областного конкурса духовых оркестров «СЕРЕБРЯНЫЕ ТРУБЫ»		февраль	
областного конкурса хореографических коллективов «МЫ СЛАВИМ ТЕБЯ, РОССИЯ!»		февраль	
областной фестиваль народных театров «КУРСКАЯ РАМПА»		февраль – июнь	
областной фестиваль детских театров кукол «КУКЛЫ ГОВОРЯТ»		март – май	
зональный конкурс танцевальных коллективов сельских учреждений культуры «КУРСКИЙ КАБЛУЧОК»		апрель	
VIII межрегиональный детский конкурс глиняной игрушки «ЗАЙГРАЙ, МОЯ ИГРУШЕЧКА» , в рамках празднования 145 – летию со дня рождения Н.Д. Бартрама		май	
торжественные мероприятия, посвященные 73 – й годовщине Победы в Великой Отечественной войне		май	
культурная программа XVIII межрегиональной «Универсальной ярмарки – розничной ярмарки» «КУРСКАЯ КОРЕНСКАЯ ЯРМАРКА – 2018»		июнь	
праздничные мероприятия, посвященные 75-й годовщине Победы в Курской битве «ГЕРОИЧЕСКИЙ СЕВЕРНЫЙ ФАС»		июль – август	
XXXII областной мараф – парад духовых оркестров «ФАНФАРЫ ПОБЕДЫ»		август	
культурная программа областной ярмарки «КУРСКИЙ МЁД – 2018»		август – сентябрь	
VIII Всероссийский фестиваль исполнителей народной песни имени Надежды Плевицкой «СОЛНЦЕ РОССИИ»		октябрь	
IV Российский фестиваль – конкурс детских фольклорных коллективов «ДЕЖИHN КАРАГОД»		ноябрь	
IX областной конкурс профессионального мастерства специалистов учреждений культуры – досугового типа «КЛУБНЫЙ МАСТЕР – 2018»		ноябрь	
VII межрегиональная научно – практическая конференция «ИСТОКИ»		декабрь	
зональные фестивали – конкурсы хоровых коллективов и вокальных ансамблей сельских учреждений культуры «КУРСКИЕ ЗОРИ»		декабрь	

КАЛЕНДАРЬ ОСЕННЕ-ЗИМНИХ ДЕРЕВЕНСКИХ ПРАЗДНИКОВ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ОБЛАСТИ		
«Глубинкою жива Россия» Сохранение культурной среды – задача не менее важная, чем и сохранение окружающей природы» Д.С. Волынов		
НАИМЕНОВАНИЕ МЕРОПРИЯТИЯ	МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ	МЕСЯЦ ПРОВЕДЕНИЯ
«Осенний» праздник народного календаря	Шумковский ДК, Курский район Суботинский СДК, Солнцевский район	сентябрь
«Праздник русской каши»	Бобрышевский ЦСДК, Пристенский район	сентябрь
«Щедрые дары осени» праздник осеннего урожая	Свиницкий СДК, Мантуровский район Глазковский СДК, Хомутовский район	сентябрь
«Рыбиники» праздник народного календаря	Петропавловский ЦСДК, Советский район	сентябрь
«Фестиваль колпачковой игрушки»	Центр народных традиционных промыслов, Курчатовский район	сентябрь
«Никитин – Гуситин» праздник села	Газовский клуб досуга, Медвенский район	сентябрь
«Успасная расспуха» праздник – ярмарка картошки	Успенский ЦСДК, Обоянский район	сентябрь
«Люблю тебя мое село» престольный праздник села	Щемкинский СДК, Рыльский район	сентябрь
«Русское гостепримство» театрализованый праздник	Ольпийский ДК – филиал Красноармейского СДК, Касторенский район	сентябрь
«Живи, цвети, мое село» праздник села	Васильевский ЦСДК, Коньшевский район	сентябрь
«Тыквенный рай» театрализованый народный праздник	Корочанский ЦСДК, Беловский район Костельевский СДК, Курчатовский район	сентябрь
«Праздник добрых соседей»	Дубовицкий СДК, Хомутовский район	октябрь
«И будет хлеб, и будет теплый кров, и светлый Богородицы Покров» престольный праздник села	Бесердинский ЦСДК, Курский район Борщевский ЦСДК, Большесолдатский район Ворожбанский СДК, Октябрьский район	октябрь
«Ярмарка мастеров» праздник народной культуры	Панинский СДК, Медвенский район	октябрь
«Платочной радуги узоры» праздник русского платка	Крутовский СДК, Щигровский район	октябрь
«Калуста-калустовка» фольклорный театрализованый праздник	Разветьевский ЦСДК, Железнодорожный район	октябрь
«Славянский базар» театрализованый праздник – ярмарка	Михайловский СДК, Черемисиновский район	октябрь
«Праздничная «Гарбузия» праздник русской народной кухни	Березовский СДК, Поньровский район	октябрь
«Рыбиники» народный престольный праздник села	Молотычевский СДК, Фатежский район	ноябрь
«Куриние именины» театрализованый народный праздник	Игичевский СДК, Поньровский район	ноябрь
«Пирожковая страна» театрализованое представление	ДК «Эдельвейс», Касторенский район	ноябрь
«Иванская икона Божией Матери – баба заступница» праздник православного календаря	Леженский СДК, Тимский район	ноябрь
«Я здесь живу, и край мне этот дорог!» праздник села	Казанский ЦСДК, Золотухинский район	ноябрь
«Здравствуй, новый человек!» праздник новорожденных детей	Солдатский ЦСДК, Горшеченский район	декабрь
«Гусиные бои» народный праздник	Алексеевский СДК, Глушковский район	январь
«Праздник русского валенка» театрализованое представление	Сейский СДК, Мантуровский район	январь
«Щедры вечер» праздник народного календаря	Звановский СДК, Глушковский район	январь
«Святочные гуляния»	Брусковский СДК, Поньровский район	январь
«От Рождества до Святого Крещения» театрализованый праздник	Толстоподецкий СДК, Черемисиновский район	январь
«На святки пришли колпаки» фольклорно-обрядовый праздник	Новославский ЦСДК, Золотухинский район	январь
«Гус лапчатый» народный праздник	Кореневский СДК, Кореневский район	февраль
«Чайные забороники» праздник чая	Зареченский СДК, Мантуровский район.	февраль
«Масленица озорная, раздольная» праздник народного календаря	Гуевский СДК, Суджанский район	март
«Широкая Масленица!» народное гуляние	Ивановский СДК, Рыльский район ЦСДК с/поборы Рыбинские Буди, Обоянский район	март
«Проводы русской зимы» народное гуляние	Кудиновский ЦСДК, Пыговский район	март

Рис.1. Календари основных мероприятий Курского областного Дома народного творчества, проводимых на территории Курской области в 2018 г

На территории Курской области можно выделить 7 основных объектов нематериального культурного наследия, представленные в таблице 1. Из таблицы 1 можно заметить, что значительное число объектов НКН сконцентрировано в Большесолдатском районе, а также Суджанском и Беловском районах. На остальной же территории Курской области объекты нематериального культурного наследия отсутствуют (рис.2).

Данный факт объясняется тем, что данные народные промыслы были исторически распространены на территории, ранее входившие в состав Суджанского и Обоянского уездов Курской губернии, в настоящее время расположенные в Обоянском, Пристенском, Медвенском, Суджанском,

Беловском и Большесолдатском районах Курской области, Ракитянского и Ивнянского районах Белгородской области.

Таблица 1

Объекты нематериального культурного наследия Курской области

№	Название	Район	Вид
1	«Тимоня»	Суджанский, Беловский, Большесолдатский	Музыкально-хореографический
2	Исполнительская традиция села Плехово	Суджанский	Музыкально-хореографический
3	Вожделение танков в селе Сторожевое	Большесолдатский	Хореографический
4	Свадебный обряд села Белица	Беловский	Обрядовый
5	Свадебный обряд села Марица и хутора Николаевка	Льговский	Обрядовый
6	Технология изготовления веревочных лаптей в селе Саморядово	Большесолдатский	Прядение и ткачество: пеньковое плетение
7	Технология изготовления тканых рушников	Большесолдатский	Прядение и ткачество

Составлено автором по данным [3]

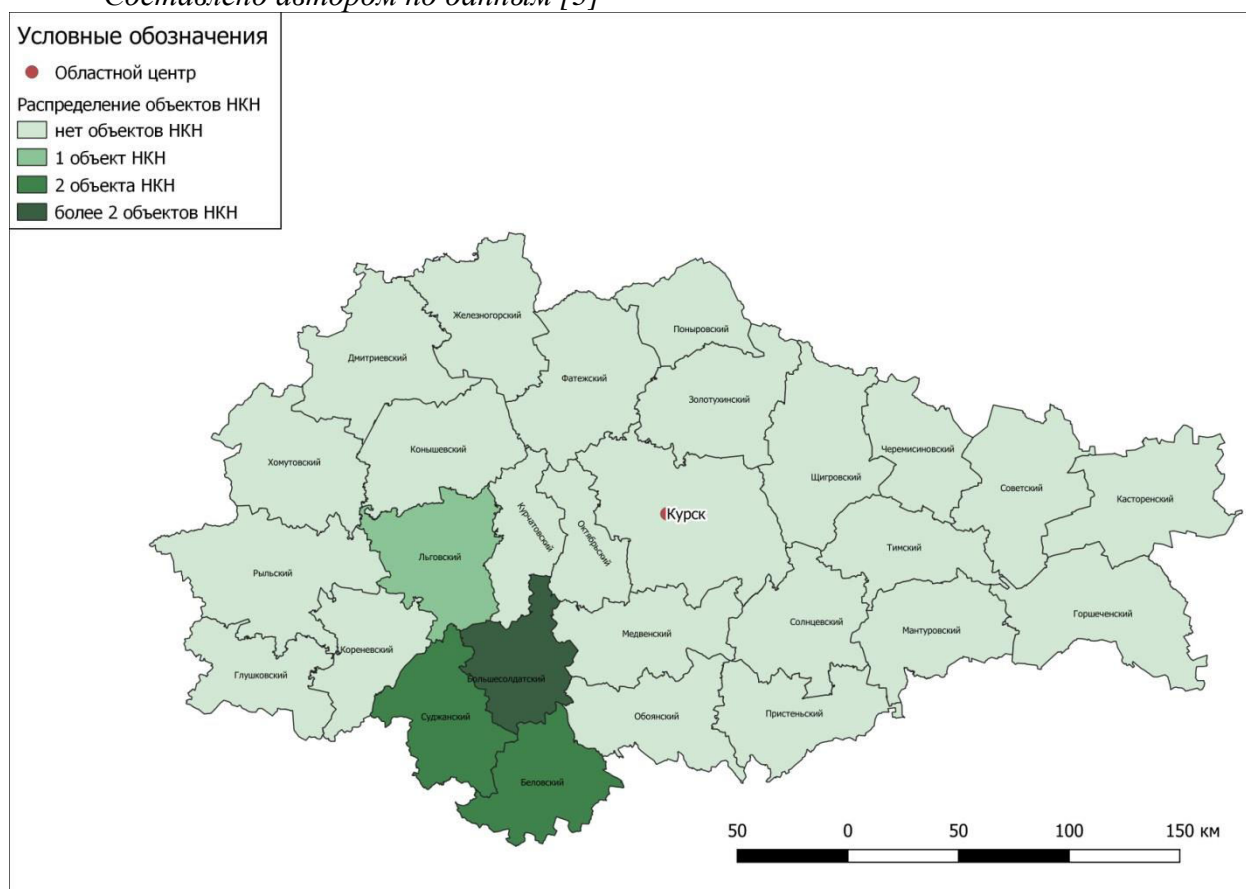

Рис.2. Территориальное распределение объектов нематериального культурного наследия Курской области

Развитие этнографического туризма, создание и продвижение брендов на базе НКН позволит обеспечить узнаваемость региона, сформировать дружелюбный и благоприятный образ дестинации. Включение НКН в план развития туристско-рекреационной территории будет способствовать их взаимному обогащению, как с финансовой стороны, так и с культурной.

Курская область имеет все предпосылки, для развития этнографического туризма на базе имеющихся объектов нематериального культурного наследия. Важно отметить, что в настоящее время необходимо принять ряд мер, таких как разработка и принятие нормативно-правовых актов в сфере защиты и сохранения НКН; обучение квалифицированного персонала, таких как аниматоры и экскурсоводы, и привлечение их в районы с объектами НКН; обновление материально технической базы и туристской инфраструктуры; вовлечение местного населения и туристов в народные промыслы и праздники, фестивали; грамотная политика в сфере рекламы и PR.

Литература

1. Жиленко В.Ю. Нематериальное культурное наследие Белгородской области: проблемы вовлечения в сферу туризма / В.Ю. Жиленко //Современные проблемы сервиса и туризма. Черкизово: РГУТС, 2016 №3(10), с.55-63. ISSN: 1995-0411
2. Житенёв С.Ю. Управление объектами культурного наследия: научные, методологические, практические аспекты // Вопросы культурологии. 2015. № 7. С. 18 – 28.
3. Сайт ОБУК «Курский областной дом народного творчества» [Электронный ресурс]. – URL: <http://odnt-kursk.ru/>, (дата обращения 07.10.18 г.)

СКАНСЕНЫ КАК ТУРИСТСКИЙ РЕСУРС ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ

М.А. Степанов

Курский государственный университет, Россия

e-mail: yondaime-13@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается особый тип туристско-рекреационных объектов, этнографические и исторические музеи под открытым небом – скансены. Они рассмотрены как аттрактивные объекты, способные привлечь туристов, путешествующих с культурно-познавательными и рекреационными целями. В работе приведена классификация.

Ключевые слова: туризм, скансен, музей под открытым небом, Центральное Черноземье

Роль скансенов в сфере туризма, популяризации и сохранении культуры, быта и истории народов сложно переоценить. Они способствуют необходимости сохранения памятников архитектуры, помогают в возрождении ремесел и промыслов, демонстрируют в виде абстрактной комплексной модели среду, в прошлом территорию которой населяли определенные этнические, профессиональные или социальные группы [2]

В настоящее время все чаще упоминается важность возрождения истории, культуры и традиций этнических групп, населявших определенный исторический период город, область и страну в целом. Набирает свою популярность и культурно-познавательный туризм в целом, забирая небольшую долю потенциальных рекреантов у традиционно популярного пляжного отдыха. Ярким примером туристско-рекреационных объектов, которые занимаются проблемами воспроизведения и сохранения исторических типов регионального природопользования, являются этнографические музеи. Этнографические музеи – это исторические музеи, которые изучают, собирают, экспонируют и сохраняют этнографические коллекции, фиксируют документально процессы этногенеза, культуру и быт различных этнических объединений [6]. Скансены – это распространенная форма этнографических музеев, которые создаются с помощью музеефикации объектов материального этнокультурного наследия и показательных фрагментов этноландшафтной среды. По-другому скансен – это этнографический музей под открытым небом. Они, как правило, делятся по способу формирования на:

- стационарные – недвижимые исторические и культурные памятники в их природном окружении (музеефицированы на месте);

- транслированные – перенос культурно-исторических объектов на специально подготовленную территорию из других мест (т.н. «перевезенные»);

- музеи смешанного типа составляют значительную часть среди всех и представляют собой, памятники как перевезенные, так и музеефицированные;

- реконструкции.

В своей статье «Особенности формирования экспозиции русских и европейских Скансенов» А.Б. Пермиловская выделяет три типа музеев под открытым небом [3]:

- 1-й тип – это собирательный образ страны;

- 2-й тип – это собирательный образ определенной территории;

- 3-й тип – это специфичные архитектурные комплексы и ансамбли.

По своему значению скансены также можно дифференцировать на локальные, областные, региональные и национальные.

С географической точки зрения каждый элемент культурно-исторического и этнографического наследия имеет локальный характер.

Города, входящие в состав Центрального Черноземья, упоминаются в исторических источниках почти с самого начала основания Руси как самостоятельного государства. К сожалению, значительную часть времени регион подвергался нападением внешних соседей, было уничтожено множество культурно-исторических памятников. Тем не менее в настоящее время на территории областей Центрального Черноземья можно выделить объекты, подходящие под описание «скансен». В данной работе автором были выделены наиболее крупные и популярные у туристов объекты. Также

стоит отметить, что в настоящее время в России отсутствует общепринятая точка зрения определения термина «скансен». Музеи под открытым небом Центрального Черноземья попадают в классификацию скансенов, что предложил В.В. Тихонов [4, 5], из пятнадцати типов на территории региона представлены семь:

Таблица 1

Скансены Центрального Черноземья

№	Тип скансена	Название	Форма	Значение	Область
1	Военно-исторические комплексы	Музей-заповедник «Прохоровское поле»	Смешанный	Национальное	Белгородская, п. Прохоровка
2	Археологические комплексы, музеефицируемые как резерваты	«Дмитриевское городище»	Стационарный	Национальное	Белгородская, с. Дмитриевка
		«Дивногорье»	Стационарный	Национальное	Воронежская, Лискинский р-н
3	Парки развлечений и досуга, созданные на исторической основе	«Кудыкина гора»	Реконструкция	Региональное	Липецкая, с. Каменка
4	Дворцовые и дворцово-парковые комплексы, имеющие историческое и архитектурное значение	Дворец князей Юсуповых	Смешанный	Региональное	Белгородская, п. Ракитное
		Дворец Ольденбургских	Смешанный	Областное	Воронежская, п.г.т. Рамонь
5	Этнографические комплексы	«Деревенька XVII — XIX веков»	Реконструкция	Локальное	Воронежская, Г. Эртиль
		Водяная мельница Баркова	Стационарный	Областное	Белгородская, с. Новоивановка
6	Музеефицируемая среда (деревенская или городская) как архитектурно-исторический комплекс	Станция «Лев Толстой»	Смешанный	Региональное	Липецкая, п. Лев Толстой

7	Мемориальные комплексы усадебного типа	Усадьба Лосевых – Шатиловых – Сталь фон Гольштейн	Смешанный	Областное	Воронежская, Г. Воронеж
		Усадьба Веневитинова	Смешанный	Национальное	Воронежская, п. Новоживотинное
		Дом Асеева	Смешанный	Национальное	Тамбовская, г. Тамбов
		Усадьба Марьино	Смешанный	Национальное	Курская, п. Марьино
		Музей-усадьба Фета	Смешанный	Областное	Курская, дер.1-ая Воробьевка

*составлено на основе исследований автора

В типологии Тихонова есть еще тип, который распространен на всей территории областей региона наиболее широко – религиозные историко-архитектурные комплексы, музеефицированное или сохраняемое в конфессиональном управлении сакральное пространство. В данной работе мы рассматривать его не будем, так как ряд авторов выделяют религиозные историко-культурные комплексы в отдельную категорию, не включая их в традиционное понятие «скансен» [1].

На территории региона присутствуют объекты культурно-исторического наследия федерального значения. В классификации, приведенной в таблице 1, это комплексы, имеющие национальное значение (рис.1).

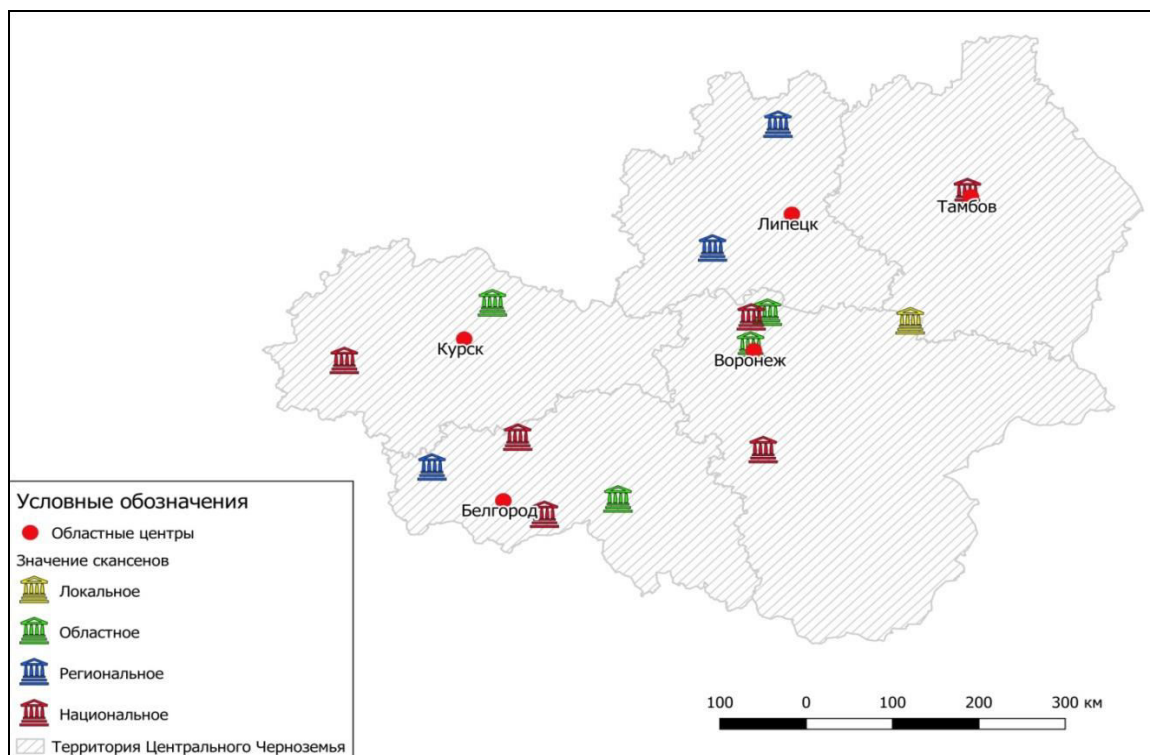

Рис.1. Классификация скансенов по значению на территории Центрального Черноземья

Туристско-рекреационные объекты, представленные в таблице 1, не все являются классическими скансенами – этнографическими музеями под открытым небом. «Деревенька XVII-XIX веков» Воронежская область, г. Эртильи «Кудыкина гора», Липецкая область, с. Каменка – наиболее подходящие объекты под это определение, но не являются музеями, представляя собой этнографическую деревню и парк развлечений соответственно. В остальном они выполняют все функции скансена: сбор, изучение и демонстрация культуры, традиций и архитектуры прошлых поколений, формирует представления об основных видах природопользования. При этом все комплексы включают архитектурные объекты культурно – исторического значения, присутствует внутренняя «наполненность» предметами быта. Скансены Центрального Черноземья представляют различные исторические эпохи и многообразие социальных слоев населения. Важно отметить, что, среди изучаемых объектов имеются комплексы, которые были построены относительно недавно – «Деревенька XVII–XIX веков» в 2015 г. и «Кудыкина гора» в 2007 г. и являются реконструкциями. Каждый представляет свою временную эпоху и позволяет туристам окунуться в культуру и быт прошлых поколений. Остальные объекты представляют собой или стационарные скансены или смешанного типа, так как, несмотря на то, что представляют собой недвижимые исторические комплексы, либо подвергались неоднократным перестройкам, либо реконструировались и/или дополнялись своими предметами и экспозициями. По своему техническому состоянию скансены Центрального Черноземья сильно различаются – от относительно хорошего, особенно у

заново воссозданных, до пребывающих в удовлетворительном состоянии (Водяная мельница).

Территориально значительная часть скансенов региона расположена в Воронежской и Белгородской областях, что обусловлено историческими причинами (большое количество дворцов и усадеб было построено в 18-19 в; сохранившиеся в неплохом состоянии археологических комплексы – «Дивногорье», «Дмитриевское городище»).

Скансены имеют значительный аттрактивный потенциал для туристов, пребывающих в регионе. К сожалению, существует целый ряд проблем, которые не позволяют динамично развиваться культурно-познавательному туризму в Центральном Черноземье. Одними из наиболее актуальных являются: недостаточная маркетинговая политика на туристическом рынке; нехватка информационных и рекламных материалов; отсутствие интернет-рекламы в популярных в настоящее время социальных сетях; ограниченная поддержка региональных властей. Слабое анимационное сопровождение на территории культурно-исторических комплексов – еще одна важная проблема, что особенно актуально для скансенов, отличающихся своей «живой» историей. Эти проблемы характерны для большинства скансенов России, что обуславливает необходимость создания сетевых образовательных и досуговых программ для различных категорий населения, активизироваться в интернет рекламе и PR.

Литература

4. Афанасьев О.Е., Вольхина В.В. Роль, значимость и функции скансенов как туристского ресурса территории и репрезентантов народных традиций природопользования / О.Е. Афанасьев, В.В. Вольхина // Современные проблемы сервиса и туризма. Черкизово: РГУТС, 2015 №4 (9), с.12 – 22.
5. Гнедовский Б.В. Методические рекомендации для подготовки предпроектной документации и проектирования музеев под открытым небом: История создания и общая методика. / Б.М.Гнедовский, // М.: Ликбез, 1981. 18 с.
6. Пермиловская А.Б. Особенности формирования экспозиции русских и европейских Скансенов /А.Б. Пермиловская//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практикиТамбов: Грамота, 2014 № 5 (43): в 3-х ч. Ч. I. С. 144-146. ISSN 1997-292X.
7. Тихонов В.В. Историко-культурное наследие Предбайкалья и перспектива его сохранения методом этнографических музейных комплексов под открытым небом/ В.В. Тихонов // Иркутск, 2013. 364 с.
8. Тихонов В.В. Практика создания зарубежных и российских этнографических музеев под открытым небом / В.В. Тихонов // Вестник ЗабГУ. 2012. № 9 (88). С. 3 – 8.
9. Юренева Т.Ю. Музееведение / Т.Ю. Юренева // М.: Академический проект, 2006. 560 с.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ, КАК РЕКРЕАЦИОННЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ СЕЛА ШЛЯХОВО КОРОЧАНСКОГО РАЙОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

С.И. Филиппова, А.А. Сенькина, И.А. Киреева-Гененко

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия

e-mail: 943512@bsu.edu.ru, 940030@bsu.edu.ru, genenko@bsu.edu.ru

Аннотация: В статье рассматривается рекреационный аспект общественного природопользования сельской территории. Дана краткая характеристика населенного пункта. Представлены результаты исследования, полученные на основе социологического опроса жителей села Шляхово Корочанского района Белгородской области. Определены доминирующие виды общественного природопользования и территории, используемые населением для рекреации.

Ключевые слова: общественное природопользование, рекреация, сельская территория.

Актуальность данной темы обусловлена заинтересованностью общества в улучшении и сохранении качества окружающей природной среды и природных ресурсов. Нерациональное использование природных ресурсов ведет к ухудшению качества окружающей природной среды, которое сопровождается загрязнением, истощением, нарушением экологического баланса.

Исследование по данной тематике проводилось на территории села Шляхово Корочанского района Белгородской области, которое включает: составление визитной карточки населенного пункта, обзор социальных, географических и экологических аспектов, анализ взаимодействия жителей населенного пункта с окружающей средой, рассмотрение вопросов современного развития социально-экономических и экологических аспектов.

Общественное природопользование – это формы взаимодействия населения с окружающей средой не опосредованное производственной деятельностью.

Село Шляхово расположено в 35 км от районного центра – города Короча, в 23 км от областного центра – города Белгорода. На территории сельского поселения 230 хозяйств, из них содержат скот и птицу 110 хозяйств. Основное производство в селе – Экономика поселения представлена ЗАО «Рыбхоз Корочанский», ООО «МК «Северский Донец», ИП, выращивающими с/х культуры, цветы [1].

В рекреационном аспекте село Шляхово имеет высокий ресурсный потенциал: наличие водных и лесных ресурсов; благоприятное экологическое состояние; аттрактивность территории, отсутствие на территории крупных отраслей промышленных [2, 3].

Динамика численности населения села изменяется на протяжении многих лет. В настоящее время проживает 238 человек (на 01.01.2018).

Население современного Шляхово многонационально, из них наибольшая часть русские жители. Преобладает рабочее население.

В ходе проведенного социально-географического исследования в населенном пункте, а анкетировании приняли участие 150 респондентов: 46% мужчин и 54% женщин.

Анализ полученных данных в социальном аспекте населения респондентов распределилось так: 21,5% – учащиеся, среди студентов приняли участие 4,5%, 51,6% – трудоспособное население, 22,4%, жители села пенсионного возраста.

В селе Шляхово представлена большая номенклатура видов общественного природопользования используемых жителями (табл. 1).

Таблица 1

Виды общественного природопользования, используемые населением сельской территории

Вид общественного природопользования	Количество респондентов, %
Рыбалка	21,5
Отдых в лесу	18,2
Прогулка	14,4
Купание на водоеме	12,0
Сбор грибов	7,7
Сбор ягод	5,7
Приусадебное хозяйство	5,3
Работа на дачном участке	3,8
Сбор лекарственных трав	3,3
Охота	2,9
Выпас скота	2,9
Сенокос	2,4
Всего	100

В селе Шляхово доминирующими видами общественного природопользования являются:

- рыбалка (21,5%), этому виду способствует река «Разумная», которая протекает недалеко от населенного пункта;

- отдых в лесу (18,2%), жители предпочитают посещать леса: «Шляховское», «Рукавное»;

- прогулка (14,4%), в основном в окрестностях населенного пункта.

Наиболее часто посещаемые территории жителями села Шляхово являются: окрестности сельской территории (собственный дом, приусадебное хозяйство, дачные участки вблизи села); река «Разумная» (рыбалка); лес

«Шляховский» (сбор грибов, рекреация), лес «Фомино» (рекреация), поле «Рукавное» (сбор лекарственных трав).

Среди редко посещаемых территорий жителей привлекают лесные массивы за пределами населенного пункта, используемых в рекреационных целях.

На основе полученных данных, полученных в ходе исследования была составлена картосхема отрасли природопользования на территории села Шляхово Корочанского района Белгородской области (рис. 1).

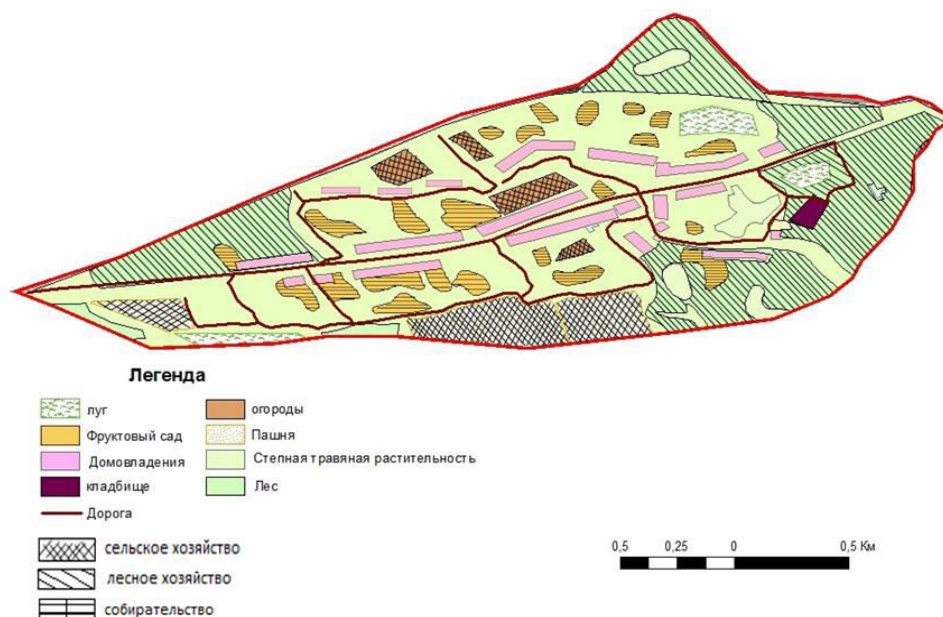

Рис. 1. Картосхема «Отрасли природопользования села Шляхово Корочанского района Белгородской области»

На картосхеме отражены отрасли природопользования, присутствующие на территории в села Шляхово:

1. Сельское хозяйство – это комплексная отрасль, где важной задачей является рациональная эксплуатация сельскохозяйственных объектов. Отрасль является одной из важнейших.

2. Лесное хозяйство. Одно из ведущих отраслей, где особое внимание уделяется лесовосстановлению и лесоразведению.

3. Собирательство. Отрасль, занятая сбором, заготовкой, консервированием ягод, грибов, орехов, пищевых и лекарственных растений.

Подводя итог, можно сказать, что жители села Шляхово предпочитают такие виды общественного природопользования, как рыбалка и отдых в лесу.

В рекреационном аспекте село Шляхово имеет хороший потенциал. В ходе проведенного исследования мы выявили, что на сельской территории имеется все необходимое для организации и улучшения рекреационных условий.

Литература

1. Корочанский район Официальный сайт органов местного самоуправления муниципального района «Корочанский район» Белгородской области. Шляховское сельское поселение. [Электронный ресурс]. – URL : <http://korocha.ru/poselenii/poseleniya/shlyahovskoe-selskoe-poselenie/> (дата обращения 02.09.2018).
2. Промежуточные результаты изучения общественного природопользования на примере Корочанского района Белгородской области Киреева-Гененко И.А., Сенькина А.А. в сборнике: научный взгляд на современное общество сборник статей международной научно-практической конференции. Ответственный редактор: Сукиасян А.А. 2015. с. 131.
3. О разработке базы данных рекреационной нагрузки местной и региональной системы населенных пунктов Киреева-Гененко И.А., Лопина Е.М. проблемы региональной экологии. 2013. № 4. С. 190 – 195.

ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Т.М. Худякова, Н.Е. Воинова

*Воронежский государственный педагогический университет, Россия
Курский государственный университет, Россия*

Аннотация: В статье рассматриваются возможности развития различных видов туризма в Курской области и их роль в привлечении туристов в регион. Анализ спроса туристического рынка показывает, что на данный момент наблюдается рост интереса к российским туристическим дестинациям. Начинают развиваться новые виды туризма, для Курской области это событийный туризм.

Ключевые слова: туризм, туристский потенциал, туристский рынок, туристская дестинация.

В последние годы экономическое развитие России характеризуется не только привлечением инвестиций в различные отрасли хозяйства, но и ориентацией на использование своих собственных внутренних ресурсов. Развитие сферы туризма и повышение его доли в социально-экономическом развитии регионов, вовлечение в этот сектор необходимых трудовых и материальных ресурсов, комплексное и эффективное использование природного и культурно-исторического потенциала является реальным источником экономического роста региона. Туризм можно рассматривать как одно из перспективных направлений регионального развития. Во многом благодаря туризму растет интерес к различным дестинациям. Практически каждая территория имеет возможность для развития того или иного вида туризма. Туристская привлекательность территории характеризуется определенным наличием природного и культурно-исторического потенциала. Под туристским потенциалом нами понимается совокупность природных, культурно-исторических и социально-экономических условий и предпосылок для организации туристской деятельности на определенной территории. Туристский потенциал территории очень изменчив и зависит от

особенностей политической, экономической и социальной обстановки региона, в пределах которого она расположена.

В туристский потенциал территории входят не только точечные объекты – памятники архитектуры, истории, природы, но и целые территории – исторические, ландшафтные. Социальная направленность в деятельности российского государства выражается в расширении исследований туристского потенциала приграничных территорий. Большие возможности туризма как отрасли экономики, сферы досуга, средства духовного развития личности, способа сближения и взаимопонимания людей в современном мире.

Курская область располагается в центре европейской России и всегда занимала в ее истории особое место. Это связано как со спецификой экономико-географического положения, так и с особенностями народной культуры и традициями духовной жизни, наличием многочисленных памятников истории, архитектуры, природы.

Благоприятное географическое положение и наличие природно-ресурсного потенциала на территории современной Курской области послужило развитию здесь многих народов. Курская область долгие годы была приграничьем, окраиной то Киевской Руси, то Черниговского и Смоленских княжеств, то Московского государства. Раннее заселение и освоение территории Курского края можно проследить благодаря многочисленным памятникам археологии. Так, в Хомутовском районе имеется 8 памятников археологии, в том числе – городище Голубовка, курганный могильник Голубовка (III – II тысячелетия до н.э.), курганный могильник Красный курган (VIII – X в.в.), городище Луговое (X – XVII в.в.), селище Луговое (X в.), курган Мухино, курган Шатуновка (VIII – X в.в.), поселение Шатуновка (VIII – X в.в.). В числе памятников истории – ансамбль усадьбы Левшиной (Шауфус) – «Белый дом» – (XVIII – XIX в.в.) с парково-прудным комплексом, ансамбль усадьбы Нелидовых (середина XIX века, с.Гламазино).

В начале 90-х годов прошлого века в связи с распадом Советского Союза Курская область вновь стала приграничной – на юго-западе области проходит протяженная граница с Сумской областью Украины. Приграничными районами стали Хомутовский, Рыльский, Глушковский, Кореневский, Суджанский и Беловский административные районы.

Туристский потенциал данных районов обладает определенной привлекательностью и прежде всего объектами природы. Так, уникальный объект природы гладиолусовые луга находятся у села Карыж Глушковского района. Этот редкий для Курской области природный уголок расположен в пойме реки Сейм. Произрастают там дикие гладиолусы. Здесь же на берегу Сейма расположено Урочище «Дмитрова хата», окруженное смешанным лесом.

В Кореневском районе природным объектом туристской привлекательности является озеро Маковье – старица реки Сейм. Оно расположено в 4 км от п. Коренево Кореневского района. Восточный его

берег занят лесным урочищем, западный – луговой поймой. Не менее привлекателен дендрарий Краснооктябрьского леса, в котором наряду с обычными деревьями растут желтая сосна, черная австрийская сосна, североамериканская узкоконическая сосна, красный дуб, скумпия и пробковое дерево, заросли эндемичных растений по берегам озер Маковье и Старич. Все это – памятники природы.

В Коньшовском районе имеются живописные природные места: сосновый бор на изгибе р. Сейм в хуторе Серебряный, смешанный лес с растениями, занесенными в Красную книгу близ деревни Семеновка. Слияние реки Свапы и Сейма, место соединения трех районов – Коньшовского, Хомутовского, Льговского (по мнению археологов) – место следования былинного богатыря Ильи Муромца.

Большие возможности есть в районе для развития водного туризма по рекам Сейм и Свапа. Наиболее популярен маршрут Железногорск – Рыльск с остановками д. Семеновка, х. Комаровка, х. Жилище.

Через Суджанский район протекает река Псел. Это хорошее место для рыбной ловли, отдыха, сплава на байдарках. Также в районе находится памятник природы – озеро Клюквенник. Такое название оно получило в связи с тем, что на его берегах растет много вкусной клюквы.

Большой туристический потенциал имеет Рыльский район. Археологический памятник гора Иоана Рыльского, с вершины которой открывается великолепный вид на город. «Липки» – полуостров на р. Сейм в левобережной части города Рыльска это живописный природный ансамбль, сочетающий дубовую и липовую рощу с луговыми цветами и травой. «Лавочное» - лесной массив из лиственных деревьев, окруженный холмами, покрытыми луговыми цветами и травой. Расположен к югу от Рыльска, с левой стороны от трассы «Рыльск – Глушково». В лесном массиве имеется родник.

«Жемчужиной курской земли» называют дворцово-парковый ансамбль Марьино. История отвела периоду усадебной культуры всего один век, в течение которого русская дворянская усадьба стала культурным центром, включавшим в себя традиции рода, культуру дворянскую и крестьянскую, культуру города и провинции, культуру России и Запада.

Тысячи русских усадеб исчезли без следа. Курские усадьбы принадлежали Шереметевым, Юсуповым, Долгоруковым, Толстым, Нелидовым. Усадьба Марьино – жемчужина в ожерелье русского дворцово-паркового искусства – принадлежала древнему богатому и знатному роду князей Барятинских. Знаменитый полководец А.Барятинский взял в плен вождя горцев Шамиля, который бывал в Марьино в качестве гостя – пленника.

Дворцово-парковый ансамбль Марьино был построен во втором десятилетии XIX века в стиле позднего классицизма, занял видное место среди великолепных загородных дворянских усадеб, построенных лучшими зодчими. История этого памятника архитектуры многогранна и неисчерпаема. Марьяинский дворец был широко известен в России не столько

своей архитектурой, сколько роскошью внутреннего убранства, коллекциями произведений искусства, а также аристократичностью, атмосферой праздника. Великолепие дворца немисливо воспринимать отдельно от живописной природы. Нарядная декоративная архитектура сливается с вековым парком, с тенистыми аллеями, раздольными полянами, системой прудов с уединенными островками, причудливыми мостиками над каналами.

Не менее интересно село Калиновка – старейшее село Хомутовского района. Но никогда оно не было так широко известно, как в период правления знаменитого выходца из здешних мест Никиты Сергеевича Хрущева, Героя Советского союза. И местное хозяйство в то время достигало особенных результатов. Рекордные урожаи давала кукуруза, которую Хрущёв заслужено, называл «королевой полей». Приезды на малую родину руководителя советского государства всегда вызывали огромный интерес земляков. В селе установлен бюст Хрущеву Н.С.

Точкой роста туризма может быть не только объект туристского интереса, но и привлекательное событие. Популярными мероприятиями событийного туризма в Курской области являются ежегодная Курская Коренская ярмарка и Среднерусский экономический форум, музыкальные фестивали «Джазовая провинция» и «Соловьиная трель». Эти мероприятия имеют возможность сформировать стать «визитными карточками» Курской области в сфере событийного туризма.

Поэтому новым направлением развития туристской сферы становится в Курской области событийный и гастрономический туризм. Так визиткой карточкой Суджанского района стал межрегиональный фестиваль «Гончары России», который успешно прошел в мае этого года. Курчатовский район представил бренд козлянской игрушки «Фестиваль народных умельцев». Особым событием в Фатежском районе стал «Праздник духовной музыки, посвященный памяти святителя Луки Крымского». Рыльский район представил экспозицию, посвященную 270-летию русского исследователя, мореплавателя, первооткрывателя Аляски Г.И. Шелехова.

Таким образом, Курская область как приграничная территория, обладает широкими возможностями развития культурно-познавательного, паломнического и религиозного, экологического, событийного и гастрономического туризма.

ПРИНЦИПЫ ИНТЕГРАЛЬНОГО РЕКРЕАЦИОННОГО РАЙОНИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ

Шакле Суара Саид Ахмед

Курский государственный университет, Россия

e-mail: suara.shakiri@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются принципы интегрального рекреационного районирования территории, в основе которых лежат три основополагающих критерия. Первый и базовый критерий включает оценку природных и культурно-исторических

рекреационных ресурсов территории с определением их балльной оценки. В качестве второго важного критерия рассматриваются рекреационные потребности населения. Сопоставление первого критерия со вторым даёт степень использования рекреационного потенциала и определяет структуру предприятий организации отдыха. Перевод качественных характеристик в количественные позволяет провести объективное рекреационное районирование территории.

Ключевые слова: рекреационное районирование, критерии, природные рекреационные ресурсы, культурно-исторические рекреационные ресурсы, рекреационные потребности

Обеспечение единства в планировании, прогнозировании и развитии рекреационной деятельности возможно путём изучения закономерностей функционирования территориальных рекреационных систем (ТРС) организации отдыха. Организация территориальных рекреационных систем предполагает познание как внутрисистемных, так и внешних связей с другими хозяйственными системами, обеспечиваемое научно обоснованным рекреационным районированием.

Исследованием вопросов теории рекреационного районирования занимались многие авторы [1, 2, 3, 5, 6, 7]. Однако наиболее полная её разработка на основе теоретических обобщений и практического применения осуществлена в работе Н.С. Мироненко и И.Т. Твердохлебова [4], дающей достаточно полное представление как о подходах к районированию территорий различного ранга, так и конкретном содержании самого понятия.

В основе предпринятой нами попытки рекреационного районирования лежит тезис о необходимости «изучения районообразующих процессов, определяемых объективными условиями: с одной стороны, рекреационными потребностями людей, количественно и качественно дифференцированными по территории, а с другой стороны, условиями природной и социокультурной среды [4, с. 232-233]. Кроме того, попытка рекреационного районирования региона объясняется социальной природой процесса рекреации в целом, а также характером рекреационных систем исследуемой территории.

Социологизация рекреационных процессов проявляется во всех звеньях ТРС, в том числе рекреационных ресурсах, как условия, принятом нами в ландшафтной его интерпретации в качестве одного из районообразующих. Значимость учёта данного условия определяется уже тем, что опора на него может служить основой целого класса районирования. Этот класс рассматривается нами в качестве первой необходимой ступени социально-географического рекреационного районирования. Он, как правило, содержит рекреационную оценку ландшафтов с выделением благоприятных, малоблагоприятных и неблагоприятных условий развития рекреации.

Следующим звеном социально-географического рекреационного районирования явилось изучение проявлений непосредственно элементов социального порядка. Анализ рекреационных потребностей населения на основе исследования социально-демографических характеристик позволил выделить группы, различающиеся по условиям формирования потребностей

в отдыхе. Территориальная дифференциация таких групп позволила рассмотреть социально-демографический фактор в качестве второго районообразующего. Распределение носителей социально-демографических характеристик позволило выделить группы с высоким, средним и низким уровнем условий формирования рекреационных потребностей.

Характеристика рекреационных процессов и возможности практического использования результатов районирования были бы неполными без учёта структуры реально сложившегося отдыха, т.е. степени использования рекреационных ресурсов района при определённом уровне спроса. Поэтому в качестве третьего районообразующего фактора была принята структура организации отдыха.

Таким образом, районирование проведено с учётом трёх разных по весу и значению критериев: рекреационно-ресурсного потенциала, уровня его использования, рекреационных потребностей населения различных социально-демографических групп.

Литература

1. Веденин Ю.А. Динамика территориальных рекреационных систем. – М., 1982.
2. Зорин И.В., Преображенский В.С, Веденин Ю.А. Разнообразие территориальных рекреационных систем и их типизация // Теоретические основы рекреационной географии. – М., 1975.
3. Мажар Л.Ю. Территориальные туристско-рекреационные системы: Монография. – Смоленск: Универсум, 2008.
4. Мироненко Н.С., Твердохлебов И.Т. Рекреационная география. – М.: Изд-во Московского университета, 1981
5. Мироненко Н.С. Смена парадигм в рекреационной географии//География международного туризма. – М., 2003
6. Рекреационные системы / Под ред. Н.С.Мироненко, М. Бочварова. – М., 1986.
7. Родоман Б.Б. География, районирование, картоиды: Сборник трудов. – Смоленск: Ойкумена, 2007.

THE FUTURE INVESTMENT OF CULTURAL HERITAGE IN SYRIA

M. A.Alghafri, M.A.Mohammad

*Kursk State University, PHD Student, Faculty of Economy and Management
Far Eastern Federal University, PHD student, School of Economy and
Management*

e-mail: alghafari.mahmoud@gmail.com , mohannadtourism84@gmail.com

Abstract:The investment of cultural heritage is necessary to achieve local economic development. The paper aims to evaluate the present situation of the cultural heritage investment in Syria. This paper attempts to present of cultural heritage in investment projects. Its tries to explore the importance of cultural heritage investment to raise economic development. But many investment projects in Syria are not include the cultural heritage sites, on another hand Investors are afraid to make deals that concern heritage and the difficulty of the Syrian investment law.

Keywords: investment, tourism, Cultural Heritage, development, Syria.

Introduction. It is generally accepted, that Culture – in particular, the cultural capital of every country – is directly connected with sustainable development. That is because through the improvement of the quality of life, the cultural resources contribute decisively to the creation and establishment of a general climate that is favorable to growth. During the last decade, the concept of economic sustainability has developed wider anthropological and anthropocentric parameters, which until recently were overlooked by traditional economic thought. This is also reflected in all recent reports of international organizations such as the UNESCO, the OECD, and the Council of Europe that fully recognize the socioeconomic value of cultural heritage [21]. Cultural heritage stands at the core of reflections on sustainable economic development. The rising importance of cultural heritage, both tangible and intangible, stems from its place in local, regional, and national economies and especially from the turnover of construction, real estate, and tourism sectors and their respective contribution to job creation and growth. It is also related to the overall externalities and spill-over effects caused by the expanding Cultural and Creative Sector in Europe, which equally embraces the new digital economy.

As far as Syria is concerned, the undeniably rich and exceptional cultural heritage -the monuments, the archaeological sites, the museums, and the cultural landscape- in general are among the fundamental resources, upon which the country's efforts to regain its prior financial and social stature and achieve future sustainable development are based. The constant care and concern of the Syria State for the protection, preservation, and further enrichment of these cultural assets led the Ministry of Culture and Tourism to devise and set in motion a long-term and multilevel program of investment on Culture that relies on the best possible use of the financial tools and opportunities provided.

Cultural heritage is extremely powerful, a factor of strategic and critical importance to the progress and development of the country. It is also a field where Syria can excel on a global scale as a key player [12].

In 2000-2011 period, Syria State implemented through the Ministry of Culture and Tourism with EU funds more than 950 Culture and tourism projects all over Syria, with a total budget of over 2.2 billion Euros [13].

The projects planned and completed concern the following:

1. Preservation, restoration and enhancement of the extremely wealthy cultural heritage of the country;
2. Construction of new museum buildings, the expansion and improvement of existing ones, the addition of new exhibitions and modernization of the old;
3. Establishment and operation of basic infrastructures to serve contemporary cultural activities;
4. Development of digital tools for the promotion of the history and cultural heritage of Greece.

Interventions were dictated primarily by the vital needs of the monuments themselves. The wishes of the local communities were also seriously considered,

as well as each project's potential for the development of the surrounding area and the broader region. Available resources were utilized to serve the needs and boost growth opportunities in every part of the country.

This planning was based on two key principles:

1. Culture is a social and public good;
2. Culture is a constituent of growth. It is one of the four pillars of sustainable development, in fact it is the main cohesive element, the one that brings and keeps the other three – environmental, social and economic growth – together. Culture's catalytic contribution comes through the improvement of the quality of life, and the consolidation of a positive attitude and atmosphere that encourages progress and growth. Culture creates the necessary conditions for good physical and social health, meaningful education, sustainable urban, local and regional development, by producing essential and tangible benefits [6].

Culture is a major development tool, which has a lot to offer, especially in regional growth. Individual sites and wider areas are truly reformed and regenerated around the axis of diachronic cultural creation, through the aesthetic quality of material goods and services that constitute the broader cultural capital. Cultural property contributes not only to symbolic values, but to real growth values as well, that is, to actual economy. In the vicinity of archaeological sites and monuments important economic activities are born and flourish. This sets a new perspective in our dealing with cultural goods, and the adoption of a sustainable development model based on the holistic and balanced management of the natural and cultural environment.

Over the last years, Syria has been facing an unprecedented financial, economic, and social crisis. The ever-deepening recession must be countered through new, powerful and dynamic development initiatives. It is becoming apparent that the potential contribution of Culture – in synergy with other dynamic sectors such as

Tourism – to the country's economic recovery and growth can prove catalytic [10- 16].

It is generally agreed that even though tourism is a fragile sector – usually the first to suffer in times of unrest – it is also among those that can rapidly contribute to economic recovery. In Syria, tourism consistently contributes more than 15% of the GDP, and makes up for almost a third of the trade deficit. Tourism also brings in much needed income to the local and regional economy, generates growth, and fosters employment and job creation. Recent data seem to justify these decisions: After the 2006-2010 decline, museum visitation and revenue statistics for 2009 display considerable increase by 17.5% and 3.9% respectively. In May 2010, museum visitation was up by a further 12.3%, site visitation by 25.5%, and revenue by 13.2%. The upward trend continued in the following years. In 2009 the visitation of museums increased by 17.2 % compared to 2008, in 2010 increased by 23% over the previous year, while statistic figures of 2009 show an increase of 12.4%. Respectively, for the archaeological sites, visitation increased in 2010 by 28.7 % over the previous year, in 2010 by 21.7% compared to 2009 and 2011 increased by 12.8% over 2010.

The establishment of new and the promotion of existing cultural poles can produce:

1. The diversification and enrichment of the tourism product through the specialized and alternative forms of tourism such as cultural tourism;
2. The mitigation of the seasonality of tourism;
3. The decentralization of development and the moderation of spatial concentration;
4. The regeneration of the urban fabric;
5. Job creation.

According to the World Tourism Organization cultural tourism accounts for 37% of global tourism, and furthermore affirms that it will continue to grow 15% each year. In Greece – as everywhere else in that matter – overall quality improvement and the diversification of the tourism product are the main desiderata. Recent research in this field has shown that regions characterized by natural and cultural wealth, that is, an appealing environment and landscape, interesting heritage sites, modern and innovative museums, abundance of contemporary cultural events and activities, constitute considerably more attractive and dynamic and tourist destinations[8]. Cultural tourism is in its own right an important policy of great potential, presenting unique development opportunities and prospects [4].

Interventions in the cultural sector thus improve the country's attractiveness to various investment initiatives. Investors benefit from the existence of significant economic externalities, which rely precisely on the existence and effective utilization of "cultural deposits".

In areas with developmental handicaps and evident impediments and weaknesses in the main sectors of economic activity, cultural projects contribute immensely to the remedy of peripheral inequalities. The protection, conservation and overall enhancement of cultural heritage assets can truly help balance out other deficiencies, and achieve growth that can withstand present and future challenges and remain viable not just economically, but also socially and environmentally.

Within this context of fundamental principles and assumptions, our strategy and consequent project policy targeted:

1. The advancement of cultural poles in established tourist destinations of major significance with emphasis laid not only on the archaeological sites themselves, but also on the featuring of individual satellite monuments, as well as on the regeneration and upgrade of urban centers in close proximity to the main pole.
2. The strengthening and further development of new and emerging tourist destinations.
3. The upgrade and overall improvement of public space in urban centers and the emergence of new cultural poles in order to develop civic tourism.
4. The promotion of important sites and monuments in mountainous or remote areas with the aim of developing specialized types of tourism, such as religious tourism.

5. The establishment and networking of major poles along specific cultural routes. More specifically, Further development of major, already established cultural poles. These are major tourist attraction poles of international renown, including World Heritage Monuments with premium cultural and tourist the ancient city of Aleppo and Damascus. Interventions there comprise integrated conservation programs, improvement of services, and the development of site and tourist management plans. The aim is to give new life to major landmarks, improve their integrity, and enhance their authenticity in accordance with established principles of conservation and management of monuments and archaeological and historical sites [17].

Improvement of City Tourism infrastructures. This objective entails the creation of recognizable “brand names” for cities, and the implementation of major urban rehabilitation programs in all heritage cities in Syria.

It goes without saying that all the above mentioned interventions are not addressed merely to tourists, but aim profoundly at improving the lives of the city’s inhabitants as well. Besides, it is impossible to perceive a successful cultural tourism project, which is completely irrelevant to or ignorant of the social and economic circumstances and needs of the local population.

Development of the islands, mountainous and other remote areas by creating local and regional poles, and connecting them through a carefully designed network of cultural itineraries. The interventions aim at the socioeconomic development of these areas. Statistics show that in the last 20 years touristically developed areas of Syria have significantly increased their population, and preserved their social fabric, while less developed ones suffered from unemployment and migration .

Conservation and rehabilitation works on the historic citadel of Aleppo by Agh Khan company of culture and GTZ. Project for the Rehabilitation of the Old City, are characteristic examples of successful projects.

In the case of Syria, the establishment of cultural routes is the most suitable way to showcase places, sites and monuments in their spatial and temporal relation. At the same time, the dialogue and planning required to create a cultural route, the cooperation on the interdisciplinary scientific level as well as on the level of local stakeholders and entire sectors of the economy, shows the way to a new kind of cultural entrepreneurship closely linked with the cultural reserve. Under the “Economy of Experiences” [18] cultural routes can “fill old wineskins with new wine”, give new meanings and interpretations to familiar monuments, rescue and promote aspects of intangible heritage, network sites and people, produce jobs for creative people and opportunities for innovative in the broader cultural and creative sectors, including tourism and gastronomy. In the long run, they set a broader and stronger foundation for sustainable development, and in doing so they are directly linked with the biggest stake of our time: the bonding of culture with viable environmental, economic and social growth; growth, we have been developing a decentralized planning model, which is based on the diffusion of infrastructures and activities and their interconnection through a system of networks.

Museums play a key role in our planning, despite the fact that according to statistics visitors prefer open air archaeological and historical sites at a 2:1 ratio. This planning, applies mainly to the 35 state museums, and private museums currently under official accreditation procedure. Within the framework of strategic planning, our museum policies aim, of course, to attract more tourists, but also to provide education and entertainment to the local communities. As part of the quality upgrade, we are applying modern ideas, standards and methods to the organization and operation of museums and exhibitions, by combining historical accuracy with stimulating presentation, cutting edge information technologies, pleasing environment, and attractive amenities.

References

1. Assaf, A. G. Mike, T. The estimation and decomposition of tourism productivity // *Tourism Management*. 2018. V. 56. P. 131 – 142.
2. Centre for Strategy and Evaluation Services, Study on the Contribution of Culture to Local and Regional Development – Evidence from the Structural Funds, Case Studies, Part 1 – 2, March 2010 and Final Report, September 2010.
3. Cities, U. and L. Governments. Culture: fourth pillar of sustainable development. Policy Statement approved by the UCLG Executive Bureau in
4. Council of the European Union (20/5/2014). Conclusions on cultural heritage as a strategic resource for a sustainable Europe www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/.../en/.../142705.pdf [4/8/2014 Cultural and Creative Industries (CCI). 2010. P. 8.
5. Csapo, J. The role and importance of cultural tourism in modern tourism industry. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.intechopen.com/books/strategies-for-tourism-industry-micro-and-macroperspectives/the-role-and-importance-of-cultural-tourism-in-modern-tourism-industry>. [accessed: 05.09.18].
6. Darmer, P. and J. Sundbo. Entrepreneurs in music: The passion of experience creation. (2008) *Creating experiences in the experience economy*. 2008. P.111 – 133.
7. huaxia, Syria's tourism sector shows improvement in past three years [Electronic resource]. Access mode: http://www.xinhuanet.com/english/2018-05/10/c_137168033.htm [accessed: 10.09.18].
8. Jeannotte, M.S. and D. Stanley. How Will We Live Together? // *Canadian Journal of Communication*. 2002. 27(2/3). p.133 – 140.
9. José L.G. María, S.G. The destruction of cultural heritage and international tourism: The case of the Arab countries // *Journal of Cultural Heritage*. 2018. V. 33. P. 285- 292.
10. Lazaretou, S. The smart economy: cultural and creative industries in Greece: can they be a way out of the crisis? // *Economic Bulletin*. 2014. (39). P. 73 – 103.
11. Luke, T.W. Corporate social responsibility: an uneasy merger of sustainability and development // *Sustainable Development*. 2013. 21(2) p. 83 – 91.
12. Mendoni, L. A new journey to Ithaca, EU Presidency Conference “Heritage first! Towards a Common Approach for a Sustainable Europe”, Athens, 6-8 March. 2014.
13. Mendoni, L. *Public Works and Archaeology in Greece. From the Site to the Landscape / Paysages et Memoire*, Paris. 2006. P. 445 – 465.
14. Mexico City, in website The Global Network of Cities Local and Regional Governments.
15. Midel east, Syria Preparing Several Projects to Attract Russian Investors [Electronic resource]. Access mode: <https://sputniknews.com/middleeast/201708231056724915-syria-tourism-investment/> [Accessed 10/09/18].

16. NGA Center for Best Practices, Arts and the Economy. Using Arts and Culture to Stimulate State Economic Development, 2008.
17. Richards, G. Tourism trends: tourism, culture and cultural routes. Cultural tourism trends in Europe: a context for the development of Cultural Routes. In: Khovanova-Rubicon-do, K.(ed.) Impact of European Cultural Routes on SMEs' innovation and competitiveness, Strasbourg: Council of Europe Publishing. 2011. P.21-39.
18. Sneddon, C. R.B. Howarth and R.B. Norgaard // Sustainable development in a post-Brundt land world. Ecological economics. 2006. 57(2), p. 253 – 268.
19. Throsby, D. and C.D. Throsby. Economics and culture. Cambridge University Press. 2001.
20. Tweed, C. and Sutherland. M. Built cultural heritage and sustainable urban development // Landscape and urban planning. 2007. 83(1). p.62 69.
21. UNESCO (2013). Introducing Cultural Heritage into Sustainable Development Agenda. www.unesco.org/new/fileadmin/.../HQ/.../CulturalHeritageFinalENG.pdf [4/8/201].
22. World Travel Tourism Council. Travel & Tourism Economic Impact Syria, London, 2018, p. 1 – 24.
23. World Travel Tourism Council. Travel & Tourism Economic Impact, London, 2010, p. 4 – 20.

THE IMPACT OF TERRORISM ON TOURISM AND HOSPITALITY SECTOR

S.Y. Shomul, M. A. Alghafri

Damascus University, Syria; Kursk State University, Russia

Master's student, Faculty of Tourism, PHD Student, Faculty of Economy and Management

e-mail: Tarashomul@gmail.com, alghafari.mahmoud@gmail.com

Abstract: The concepts of terrorism, political trouble and war seem unrelated to tourism, but a careful examination of the points of convergence and impact on tourism reveals otherwise. Recently, the tourism sector in Syria faced many difficulties during the crisis, which eventually led to the deterioration of the sector due to terrorist acts. This research deals with the literature that focuses on the relations between these phenomena. The research topics that arise from the available studies include the effects of terrorism and political instability on tourist demand and the motives of terrorists in targeting tourists, in addition the use of tourism as a political tool, the effects of political violence on tourist destinations, crisis management and marketing efforts to revitalize damaged tourist destinations. This research seeks to consolidate what is known about the relationship between the terrorism, political instability and tourism Furthermore, discuss of terrorism as a tourism crisis. On the other hand highlight the characteristics of the tourist environment and the role of terrorism in reducing of the benefits and gains that can be achieved from the tourism industry, further to providing suggestions for the management of demand for tourist destinations during the tourism crises.

Keywords: Terrorism, Political instability, Syrian crisis, International tourism, Destination image, Crisis Management, Recovery Marketing.

Introduction. Despite of the apparent economic success of international tourism, this did not protect it from the power of terrorism. While many natural and human disasters can have a major impact on the flow of tourism, the danger associated with terrorism or political unrest tends to intimidate potential tourists

more severely[2]. Fear of indiscriminate terrorist violence is not new, but scientists interest in this issue has only begun since the last few years. There are several key points to explore the relationship between terrorism and tourism, including: terrorist motives to target tourists or tourism industry; the effects of terrorism on tourism demand; and possible solutions for tourists to help reduce their risks. Often well-known examples of terrorism or political conflict involving the tourism industry are often referred to as studies that, although useful in dating the relationship, offer few solutions. However, there are still many important questions that have not been answered enough [6], for example: how do political tourism destinations deal with negative images? How does the tourism industry manage the crisis of terrorism or political conflict? How can tourist destinations become safe from the effects of terrorism and political problems?.

After the occurrence of terrorism, the tourist destination becomes difficult not only at the level of crisis management, but also in the performance of tourism operators and decision-makers for their responsibility to protect tourists, and the mismanagement of the crisis can simply destroy the safety image of the destination and thus may turn into a long-term crisis of the tourism industry[12,13]. Where the distorted image can threaten the sustainability of tourism and, in turn, could jeopardize the economy of the region as a whole in the long term[19]. This paper aims to achieve the objectives: discusses the terrorism as a tourism crisis, and to explain the characteristics of the tourism environment and the role of terrorism in reducing the benefits and gains that can be achieved from the tourism industry. The descriptive and analytical approach was adopted in writing this paper through the available books and specialized studies to cover the theoretical side, in addition to analyzing the data related to tourism and economic variables in the case of a group of countries' experiments to cover the applied side of the research.

Terrorism as a tourist crisis. Negative publicity is the most characteristic of the post-disaster period, which continues until full recovery is achieved and the pre-disaster conditions are restored [5]. This period for the tourist destination represents the tourism crisis, which can threaten the normal operation and behavior of tourism-related business [8]. It also threatens the reputation of the tourist destination as a safe destination as well as its beauty and well-being through the negative impact on visitors' perceptions of destination. And impedes the continuity of business operations in relation to the local tourism and travel industry, as a result of the decrease in the number of incoming tourists and thus the reduction of their expenses [9]. The problem is that negative publicity is formed around a specific destination. Regardless of whether the tourism crises are caused by natural disasters or are caused by humans, travelers will avoid the disaster areas. Will suffer a decline. As a result, the negative image of the disaster will continue to be more than direct physical damage, so the tourism industry should find ways to manage the aftermath [11]. Terrorism may sometimes target tourism specifically when tourism activity is seen as a movement of foreign visitors, a form of neo-colonialism or a threat to established social norms, traditions and religious beliefs. The more conservative local population may feel that they need radical action to prevent They consider it a threat to their national culture, traditions and religious

beliefs, and in some cases the desire to protect sacred beliefs through the practice of terrorism may be manifested [7].The literature suggests that tourism can be a message as well as the means of communication initiated by terrorists, where tourism can inspire terrorist violence by fueling political, religious, social, economic or cultural resentment and its use as a cost-effective tool to deliver a wider message of ideological / political opposition [16].

The impact of terrorism on the tourist environment.The interest of researchers in the elements or entities of that environment has led to the emergence of the concept of systems where the tourism organization could be seen as a system whose resources are derived from inputs from the surrounding environment, to provide them on the other hand as outputs in the form of tourism and hotel services.There may also be opportunities for the organization to obtain from the environment in which it operates and the threats or constraints it may face. This requires the need for pre-management readiness and the development of appropriate management strategies and policies to deal with them [20].

The concept of the environment in a comprehensive manner is "all relevant forces outside the boundaries of the tourist organization" [3], and here are the forces relevant to all variables or entities that affect the performance of the tourism organization.The tourism environment is influenced by different environmental entities, such as the competitive environment, the economic environment, the political environment, the natural environment, the technological environment, the analysis of opportunities and threats, and the social and cultural environment. Figure 1- shows the classification of the tourist environment into two basic types:

1-Private environment: Harmonized circles with the organization, and show the pattern of direct impact on them (customers, competitors, government, lobbying, suppliers, globalization).

2-The general environment: includes economic conditions, political and social conditions, cultural and technical conditions and natural conditions [10].

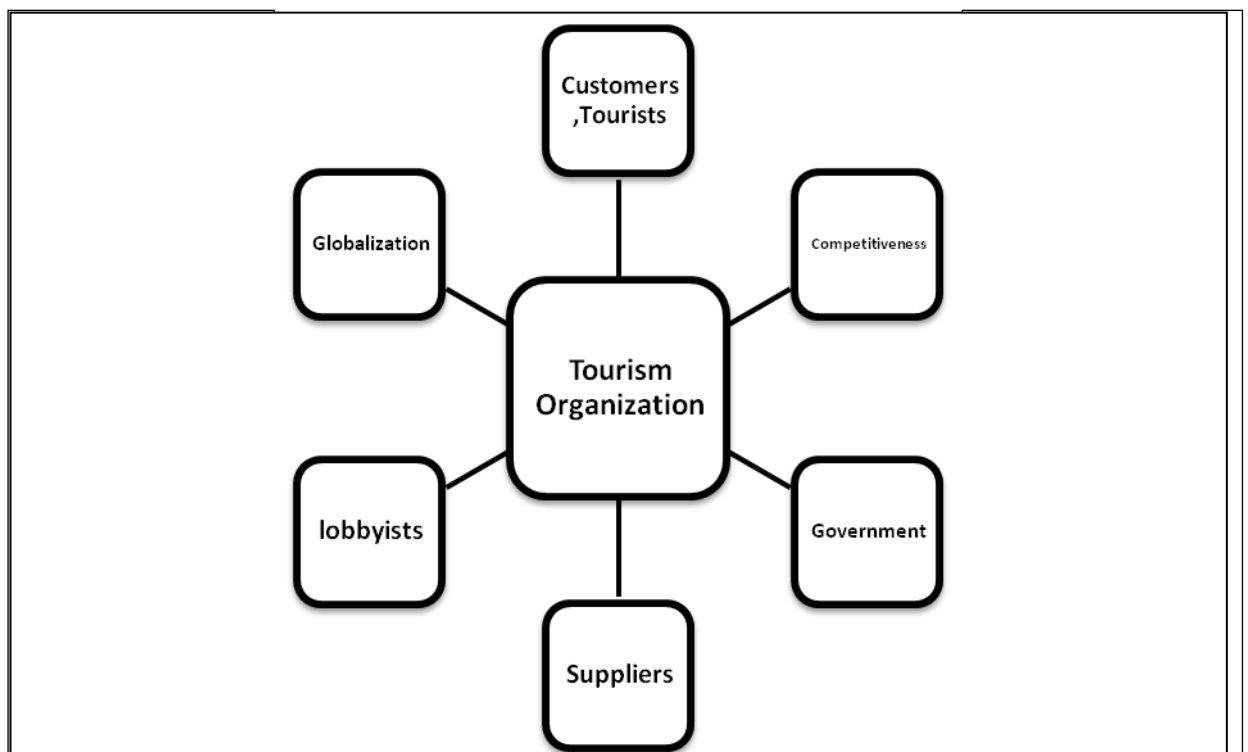

Figure 1. Private and public tourism environment [by authors]

The terrorist acts have negative effects on all parties involved in tourist activity and therefore negatively affect all tourism variables (demand and tourism supply) and their negative impact on tourism income and tourism revenues, employment and Figure 1- Private and public tourism environment [by authors]

The terrorist acts have negative effects on all parties involved in tourist activity and therefore negatively affect all tourism variables (demand and tourism supply) and their negative impact on tourism income and tourism revenues, employment and employment opportunities, development of regions, development of tourism related industries, local tourism investment opportunities Foreign, sustainable and balanced development, and public and tourism infrastructure), which appear through the extent of the repercussions of terrorism on all parties involved in and benefiting from tourism work (Figure 2) (individuals, institutions and industries linked to tourism) and As a result of the destruction of all elements of human and natural tourism and all the basis of the sector of tourism services and facilities [15].

Terrorism crisis management in tourist destinations. The crisis of terrorism requires a lot of international and regional efforts to confront and prevent them through coordination between the countries and the relevant agencies to combat terrorism in the framework of security cooperation, exchange of information, standardization of procedures, enactment of deterrent laws and public awareness of the danger of terrorism [22].

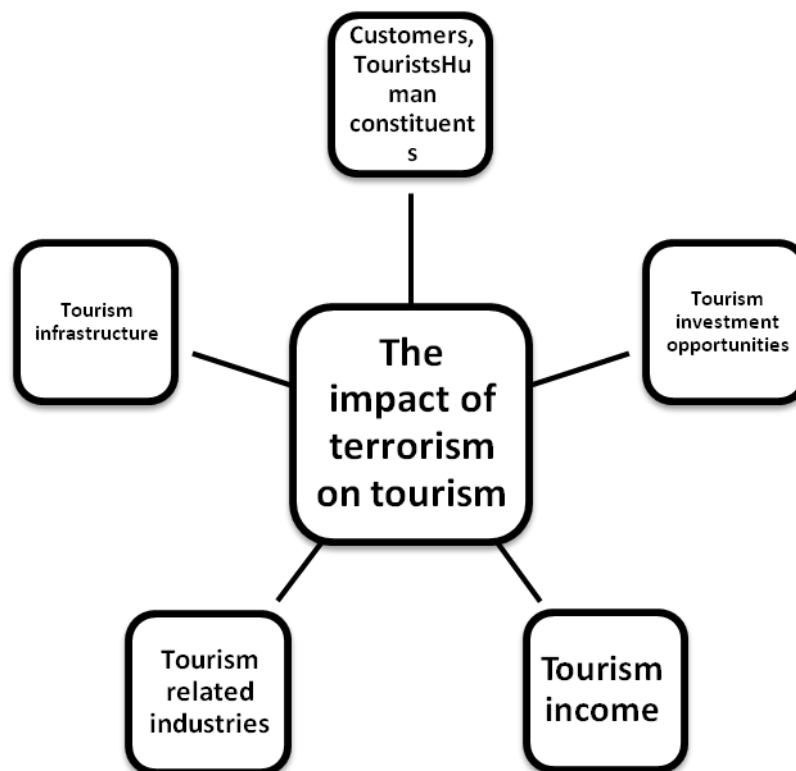

Figure 2. The reflections of terrorism on all parties involved in tourism work [by authors]

The media and communications also play a fundamental role in refuting the rumors accompanying the crisis Especially when the crisis or danger becomes a serious turning point and an unstable period due to abnormal conditions that pose a serious threat to the entire tourism sector of any country as they occur [4]. In this regard, some ways are proposed to address and manage the crisis of terrorism by taking each responsible party, whether individuals, families, media institutions, educational and educational institutions, schools and universities, tourism authorities (decision-makers and all tour operators) with strong political will of the government to support terrorism. Adopting a model strategy to confront the crisis of terrorism and its repercussions on the future of the Arab tourism market in order to achieve security requirements for tourists, investors and workers in the tourism sector and to protect sites and tourist facilities. In addition to the development of plans to manage the crisis of tourism, especially the face of violence and terrorism within a team of skilled and technical expertise and security to address the crisis and mitigate the negative [17]. The important way in the world of information revolution is to exchange information, where sophisticated information systems are available, and new and innovative technologies are used to anticipate all risks and plan for emergency and anticipated response.

The case studies.China's experience: As the world saw, the Chinese authorities attacked the protesting students in Tiananmen Square; on July 4, 1989, the initial news of the descent of the tanks, which coincided with the opening of the People's Republic of China to international tourism, gave rise to a negative global outlook on the Chinese government. Hotel occupancy in Beijing has fallen below 30%, bookings and trips for nearly 300 tour groups have been canceled, tourism revenues have dropped by долл. 430 million in 1989 [18].

Egypt Experience: A radical Islamist group interested in overthrowing President Hosni Mubarak and replacing him with an Islamic rule became active in the late 1970s. The group targeted attacks on tourist groups to damage Egypt's tourism industry since 1992 and carried out more than 120 attacks on tourists between In 1992-1995, causing more than 13 deaths. These events have led to a drop of 22% in tourist arrivals, a 30% fall in the number of tourist nights and a 43% increase in tourist arrivals. This nation has caused Egypt to be removed from the global tourism operations program. It took place in April 1996, killing 18 Greek tourists in Cairo [5,10].

Experience of Slovenia: The Yugoslav army attacked Slovenia in July 1991 and continued for ten days before the conflict moved to Croatia in 1991 and Bosnia and Herzegovina in 1992. As a result, the Yugoslav tourism sector lost more than one million tourist reservations in 1991 [4].

Recommendation and conclusions. In this paper, some ways are proposed to deal with the crisis of terrorism and its management by taking every responsible party to protect the tourism sector in any country in the world.

- Agreement on the enactment of deterrent laws for perpetrators of terrorist operations, especially at the regional and international level and all are committed to implement it.

- Open all channels of mass communication (television, newspapers, public lectures and classes in intellectual and cultural institutions) [21] .
- The purpose of this dialogue is constructive, especially with the young people because all the actions that emanate from the human being emanate from their beliefs and the current generation of youth lacks the cultural and religious depth. For several reasons and factors that helped, the calm and objective dialogue encourages them not to fall into the trap of terrorism.
- Addressing social and economic conditions that are a powerful driver of violence and terrorism (poverty, unemployment, disease, deteriorating services and low standards of living) all make the disadvantaged a terrorist environment.
- Cooperation and coordination in monitoring procedures for sources of funding for terrorism, whether through means and methods of donation, money laundering, banks and companies through a joint international mechanism.
- The radical revision of curricula from kindergartens to universities in order to raise the awareness of children and young people of the importance of homeland and citizenship, the importance of joint living, human participation, knowledge of rights and duties and the true belonging to the stability and development of the country.
- Planned plans to protect public gatherings from people in sporting, religious and recreational activity to monitor emerging threats and provide protection against traditional and non-traditional attacks in these gatherings.
- Monitor and prevent audio, video and print media and the Internet networks from supporting terrorist organizations and instigating sedition and violence with a framework of regional or international security cooperation.
- Holding international conferences and symposia to agree on a joint mechanism of action for preventing and combating terrorism and clarifying the means of activating the procedures to confront the terrorist acts and the ideas calling for them.

References

1. Abdulkarem, M. Archaeological Heritage in Syria during the Crisis: 2011-2013 / M. Abdulkarem, DGAM, 2013. P.26.
2. Anshul, G. Terrorism - A threat to endurance of Tourism and Hospitality Industry in Indian Sub-Continent Region / Taylor's University College. 2015. p. 4 – 5.
3. Avraham, E. Destination image repair during crisis: Attracting tourism during the Arab Spring uprisings // *Tourism Management*. 2015 (47), P.224 – 232.
4. Benjamin. K. James, L. G. The Effect of Terrorism: Evaluating Kenya's Tourism Crisis // *e-Review of Tourism Research*. 2004. Vol. 2. No. 4. p. 88 – 95.
5. Caroline M. D. Terrorized Tourists: A Study of the Impact of Terrorism on Tourism / The University of Southern Mississippi. 2015. p. 6 – 11.
6. Charfeddine, L., Mohamed, G. Tourism, terrorism and political violence in Tunisia: Evidence from Marko switching models // *Tourism Management*. 2019. (70). p. 404–418.
7. David Mc. Baker, A. The Effects of Terrorism on the Travel and Tourism Industry // *International Journal of Religious Tourism and Pilgrimage*. 2014. Vol. 2. Issue. 1. p. 68 – 67.

8. Eric D. Olson, Kelly R.B. "Pre-topsurgery, the body scanning machine would most likely error: "Transgender and gender nonconforming travel and tourism experiences // *Tourism Management*. 2019. (70). p.250 – 261.
9. Harb, A. Impact of War And Terrorism on Tourism and Hospitality Sector in Lebanon // *Annual of Sofia University "St. Kliment Ohridski"* , 2016. 109. (2). p 339 – 355.
10. Joan C. Henderson, C., Lee H. and Lee L.X. Tourism and Terrorism: a Hotel Industry Perspective // *Journal of Tourism, Hospitality & Culinary Arts*. 2010. (4). p. 33- 46.
11. José Francisco, R. Ana, R. and others. Effects of political instability in consolidated destinations: The case of Catalonia (Spain) // *Tourism Management*. 2019. (70). p. 134 – 139.
12. Jovanka B. Aleksandar, T. Risk management and Customs performance improvements: The case of the Republic of Macedonia // *Social and Behavioral Sciences*. 2012. 44.p. 301 – 313.
13. Koroma, A. The Ongoing Effect of Terrorism on The Hospitality & Tourism Industry / master dissertation. Ball State University Muncie, Indiana. 2011. p. 17 – 22.
14. Krishna, R. Effects Of Terrorism In Tourism Industry A Case Study of 9/11 Terrorist Attacks in World Trade Center / central university of applied sciences. 2015. p. 13- 21.
15. Lababidi, R. The international protection of cultural heritage in times of conflict: efficient or deficient. [Electronic resource]. <https://www.iiconservation.org/node/5494>. // [accessed: 25/2018].
16. Ligu, W. Yukio, Y. Conflict in tourism development in rural China // *Tourism Management*.2019. (70). p. 188–200.
17. Lugassy, V. Frank, L. *Managing Disaster Risks for World Heritage*. / V. Lugassy, L. Frank, UNESCO, France, 2010. p. 9.
18. Marcus, C., Noreen, B., Sally, D. Development of a conflict management model as a tool for improved project outcomes in community based tourism // *Tourism Management*. 2019. (70). p. 341 – 354.
19. Melih, M. Michael, D. O. Francis A. K. The Impact of Terrorist Bombings on the Market Values of Hospitality and Tourism Enterprises: GLOBAL Evidence from Turkey, Spain and Indonesia // *Journal of Hospitality Financial Management*. 2010. Vol.15. Issue 2. p. 7 – 14.
20. Tsung, H. L. Fen,H. J. Can community-based tourism contribute to sustainable development? Evidence from residents' perceptions of the sustainability // *Tourism Management*. 2019. (70). p. 368 – 380.
21. UNESCO. Regional training on Syrian cultural heritage: addressing the issue of illicit trafficking, Amman, 10-13 February 2013. p. 6 – 7 – 10.
22. UNESCO. Second Protocol to the Hague Convention of 1954 for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict The Hague, 26 March 1999.

РАЗДЕЛ 5. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИГРАНИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ЗОНИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ СУДЖАНСКОГО РАЙОНА

Е.А. Батраченко, Н.О. Полякова

Курский государственный университет, Россия
e-mail: ostkat@yandex.ru, natashapolyak@yandex.ru

Аннотация. Культурный ландшафт представляет собой специфическую категорию объектов в иерархии ландшафтных единиц. Формирование культурных ландшафтов сопряжено с коренными преобразованиями естественных условий ландшафтного пространства.

Ключевые слова: культурный ландшафт, селитебный ландшафт, функциональное зонирование.

Культурный ландшафт – это специфическое природно – культурное территориальное образование, которое возникло в результате эволюционного воздействия человека на природу, а именно его разнонаправленной деятельности и характерных сочетаний их компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности. С точки зрения классического ландшафтоведения, культурный ландшафт является частным случаем антропогенного ландшафта. В свою очередь, антропогенный ландшафт – это видоизменённый под влиянием антропогенного воздействия природно-территориальный комплекс (ПТК). Согласно современной концепции культурного ландшафта (Кулешова М.Е., Веденин Ю.А., Туровский Р.Ф.) существует определенная типология культурных ландшафтов, в основу которой положены особенности антропогенной деятельности на данной территории (таблица 1).

Таблица 1

Типология культурных ландшафтов

Критерии выделения	Типы культурных ландшафтов
1. По степени сформированности	Целенаправленно созданные, естественно развивающиеся, ассоциативные
2. По типу исторической деятельности	Сельский, селитебный, сакральный, индустриальный, заповедный, мемориальный
3. По индивидуальной специализации	Усадебный, дворцово-парковый, монастырский, ландшафты полей – сражений, архаичный сельский, городской, историко-археологический

Для Суджанского района формирование культурных ландшафтов связано с комплексом природных и социально-экономических факторов, определяющих его развитие. Современный облик района и г. Суджи имеют

свои особенности функциональной структуры, территориального планирования и отличаются разнообразием культурных ландшафтов. Наиболее распространены сельские и городские селитебные ландшафты, выделяемые по степени сформированности и типу исторической деятельности. Особенности и специфика структуры городских и сельских селитебных ландшафтов Суджанского района диагностируются при анализе их с позиций функционального зонирования. Размещение функциональных зон, их конфигурация определены на основе перспективной структуры района в соответствии с конкретным размещением основных и планировочных элементов.

Сельский селитебный ландшафт – это природно-антропогенное образование, обусловленное особым типом расселения. Последние десятилетия характеризуются деградацией данного вида культурных ландшафтов. С одной стороны, это ведет к упрощению структуры агроландшафтов, с другой, увеличивается нагрузка на городской ландшафт за счет населения из сельской местности. Проведенное функциональное зонирование сельских ландшафтов определило сложную систему сельских поселений. Суджанский район включает в себя несколько таких поселений: Ивница, Киреевка, Погребки, Малая Локня, Казачья Локня, Новоивановка, Русское Поречное, Черкасское Поречное, Лебедевка, Свердликово, Мартыновка, Гuevo, Плехово, Борки, Уланок и Воробжа. Территориальная структура здесь состоит из простых форм: жилые одноэтажные застройки, сельскохозяйственные угодья, сакральные объекты, в некоторых поселениях селитебные типы ландшафтов сочетаются с монастырскими (с. Гuevo), усадебными (с. Гuevo) ландшафтами, а также памятники природы (с. Куриловка).

Городской селитебный ландшафт на территории города Суджа имеет более дифференцированную структуру, наряду с другими типами культурных ландшафтов. По характеру градостроительной и хозяйственной деятельности в пределах городских ландшафтов выделяются основные типы функциональных зон:

Зоны интенсивного градостроительного освоения территорий: в этой зоне сконцентрирована градостроительная активность, поэтому они выполняют роль, так называемых «точек роста», способствуют повышению качества организации жилой и рекреационной среды, что способствует в итоге росту экономики города. Также для них характерно активное строительство и реконструкция старых строений.

В свою очередь, зоны интенсивного градостроительного освоения дифференцированы на подзоны:

Подзоны транспортно – коммуникационных коридоров. Это территории, наиболее перспективные для будущего экономического развития города. Важным для города и для всего района является центральный широтный транспортно – коммуникационный коридор – ось Коренево – Суджа – Обоянь, который подкреплён участком железной дороги Курск – ст. Готня и предназначен для размещения промышленно – производственных

зон и зон роста сельских населенных пунктов, агропромышленных производств. Второй по значимости для данной территории меридиональный транспортно – коммуникационный коридор регионального значения – Курск – Суджа – Сумы. В настоящее время все связи района и города обеспечиваются железнодорожным (в меньшей мере) и автомобильным транспортом. Уровень развития автотранспортной инфраструктуры является конкурентным преимуществом города. Несмотря на это, необходимо его системное развитие для обеспечения эффективного функционирования и улучшения транспортной ситуации, а также для улучшения жизни населения (обеспечения доступности социальных услуг, повышения трудовой мобильности) и для формирования конкурентоспособной бизнес – среды в городе.

Селитебная подзона: включает жилые, общественно – деловые, а также объекты озеленения. Жилые районы состоят из одноэтажных, многоэтажных домов и частого сектора. Сюда относятся также общественно – торговые центры. Ярко выраженных центров в городе нет, но территория насыщена значительным количеством торговых объектов. Кроме того, к селитебной территории необходимо отнести здание районной администрации и ряд зданий, имеющих для населения города важное значение (больница, районный суд, почта, пенсионный фонд, налоговая инспекция и прочие). В последние годы объекты озеленения (парк им. Щепкина, сквер в память погибших в Афганистане, Чечне, в локальных боевых действиях и техногенных катастрофах, парк 350-летия г. Суджи) интенсивно реконструируются, и на наш взгляд могут быть выделены в отдельную ландшафтно-рекреационную зону.

Промышленные и коммунально-складские подзоны или производственные центры. На территориях промышленного строительства (в настоящее время, как в центре, так и на окраине города) некоторые здания требуют реконструкции (например, жилой двухэтажный дом на ул. Щепкина). Площади недействующих или заброшенных ферм предполагается использовать под размещение коммунально – складских объектов с размером санитарно – защитной зоны 50 м.

Таким образом, культурные ландшафты Суджанского района разнообразны по типологии и функциональной структуре. Систематизация и выявление качественного состояния существующих культурных ландшафтов, исследование взаимосвязи с современными процессами антропогенного воздействия позволит спрогнозировать особенности их динамики и проектировать оптимизационные мероприятия.

Литература

1. Культурный ландшафт как объект наследия. Под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. – М.: Институт Наследия; СПб., 2004. – 620 с.

ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО ЛАНДШАФТНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КАРКАСА НА ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

И.А. Гонеев

Курский государственный университет, Россия

e-mail: goneev@gmail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности формирования ландшафтно-экологического каркаса на территории Курской области в приграничной зоне с целью создания устойчивого ландшафта для сохранения особенностей природы области.

Ключевые слова: ландшафт, ландшафтно-экологический каркас, устойчивое развитие.

В современных условиях постоянно изменяющихся ландшафтов очень важно сохранить природные объекты, которые могут выступить как устойчивые участки, определяющие экологическое разнообразие территории. В условиях трансграничного переноса различных веществ, немаловажным аспектом устойчивости выступает создание ландшафтно-экологического каркаса на приграничных территориях. При этом экологическая функция элементов каркаса заключается в сохранении природной или природно-антропогенной среды в определенных, приемлемых для жизнедеятельности пределах. Природные и искусственно озелененные ландшафтные комплексы являются средоопределяющей основой ландшафтно-экологического каркаса.

Некоторые ученые из числа биологов, экономико-географов, ландшафтоведов, ландшафтных архитекторов понимают ландшафтно-экологический каркас как систему естественных и полуприродных сохраняемых, специально созданных или оставшихся при освоении участков покрытых растительностью, соединенных разнообразными зелеными коридорами. Эти природные и полуприродные структуры должны поддерживать благоприятную экологическую обстановку и биоразнообразие в приграничных регионах.

К важным элемента ландшафтно-экологического каркаса (ЛЭК) должны быть отнесены узлы пересечения различных линий перегибов рельефа, выпуклые вершинные поверхности возвышенностей, днища западин, долины в местах слияния рек. Также к узловым элементам относятся места пересечения лесополос и лесных массивов. Такие узловые структуры характеризуются высоким геоэнергетическим и биоэкологическим потенциалом и часто несут в себе функции связующих и барьерно-распределительных элементов, но могут выполнять и функции рефугиумов - местных убежищ.

В качестве узловых средообразующих и буферных структур каркаса могут выступать и территориальные целостные ареальные комплексы (крупные лесные или лесоболотные массивы).

Таким образом, ландшафтные геоэкосистемы, относящиеся к элементам ландшафтно-экологического каркаса, могут быть

дифференцированы в соответствии с ландшафтными классификациями по преобладающим процессам на транзитные, аккумулятивные и элювиально-денудационные. Элементы ландшафтно-экологического каркаса часто организуются в парагенетические ландшафтные геосистемы, ориентированные однонаправленными потоками вещества и энергии (речными водотоками, преобладающими направлениями ветров). Благодаря им происходит самоочищение ландшафтов и активная нейтрализация загрязнителей [1].

В упрощенном варианте все элементы ландшафтно-экологического каркаса можно свести к трем функциональным категориям:

- узловые структуры или ядра, оказывающие влияние на значительные прилегающие территории, выполняющие средообразующие и стабилизирующие функции, поддерживающие экологический баланс и биоразнообразие;

- транспортные экокоридоры или каналы миграции и мосты;
- буферные зоны.

Буферные структуры широко представлены обычно на низших региональных, местных и локальных уровнях организации ландшафтно-экологического каркаса.

Полученная схема ЛЭК характеризуется четкими, обоснованными границами, иногда нормативно закрепленными законодательством, с контурами, имеющими разные функционально-экологические специализации и природоохранные рекомендации либо уже установленные нормативные ограничения на природопользование. Такой алгоритм выделения базовых элементов применим к территориям любого масштаба.

Природный комплекс любой современной территории включает в свой состав элементы различного генезиса и возраста, что во многом определяет их средостабилизирующую способность и функции в формируемом ландшафтно-экологическом каркасе. На наш взгляд, основными элементами устойчивой модели ЛЭК района и области являются особо охраняемые природные территории, которые составляют опору для всех его зональных связей.

При этом главная проблема в ландшафтном планировании на уровне районов заключается в сохранении ключевых участков ландшафтно-экологического каркаса, представленных различными природными территориями, в том числе особо охраняемыми. При разработке ландшафтного плана необходимо определение комплекса мер по их обустройству, поиску организационно-правовых форм их сохранению и развитию. Ослабить антропогенное воздействие на природные комплексы и установить компромисс между природным и антропогенным каркасом поможет сохранение ландшафтно-экологического каркаса территории, который мы понимаем как территориальную компенсационную систему, состоящую из непрерывной сети участков с различным режимом природопользования в условиях приграничья.

Западные районы Курской области, уникальны в плане представленных

ландшафтов и вопросы ландшафтного планирования на их территории должны решаться с учетом всех особенностей данного района. Расположен он на юго-западе Средне-Русской возвышенности в бассейне верховьев рек Сейма, Псла и Ворсклы [2].

В ландшафтном плане на приграничной территории Курской области можно выделить следующие участки. Плакорный тип местности отличается полого-волнистой поверхностью, которая формируется под влиянием глубоко вдающихся на водоразделы балок и ложбин стока. Урочища пологих склонов, полностью освоенные человеком, отличаются друг от друга характером почвенного покрова, экспозицией и степенью плодородия.

Участки, непосредственно примыкающие к правобережьям реки Псел, отличаются повышенным процентом приречного типа местности. Урочищами-доминантами этого типа местности являются придолинные и прибалочные склоны, балки и нагорные дубравы. Прибалочные склоны имеют сравнительно небольшую крутизну (от 3 до 5°). По сравнению с другими районами Средне-Русской возвышенности они отличаются пониженной скоростью эрозионных процессов. Поэтому большая часть их распаханна. Заняты они преимущественно выщелоченными черноземами и серыми лесными почвами [3].

Балки, относящиеся к сложному типу урочищ, занимают значительную часть площади приречного типа местности. Протяженность их достигает нескольких километров. Пологие, хорошо задернованные склоны и широкие днища балок нередко распахируются. В балках с близостью грунтовых вод к поверхности располагаются байрачные леса.

Верхние надпойменные террасы, где господствуют урочища с черноземными почвами на суглинках, почти полностью заняты пашней. Суходолы используются под выгоны.

На юге области, распространены меловые обнажения, но в их растительном покрове отсутствуют, как отмечает типичные меловые формы соседнего Поосколья и Северного Донца.

Плакорный и надпойменно-террасовый типы местности занимают 60,51% общей площади, а общая распаханность территории составляет 68,8%. Следовательно, в полевые севообороты вовлечены земли, относящиеся к приречному типу местности, которые требуют противоэрозионных мероприятий. Пологие склоны речных долин и балок успешно могут осваиваться под сады. Большие богатства заключают в себе пойменные земли, 30,1% их площади занято сенокосами. Среди заливных сенокосов заочкарено и закустарено 30,7% их общей площади, а среди заболоченных сенокосов под кустарниками находится 70,5% площади [1].

Для сохранения разнообразия ландшафтов на данных территориях необходимо выделить участки, которые выполняя функции ландшафтно-экологического каркаса будут сохранять природное разнообразие Курской области. Определенные территории следует перевести в ранг особо охраняемых с целью уменьшения антропогенного воздействия на них. Как

природно-антропогенные геосистемы эти особо охраняемые территории будут функционировать и развиваться со значительным участием человека.

Для сохранения устойчивого ландшафтно-экологического каркаса территории, на наш взгляд, должны быть предприняты шаги по максимально быстрому включению перспективных ООПТ в перечень охраняемых территорий для создания более равномерной сети природных объектов на которые будет опираться ландшафтный план районов.

Таким образом, использование ландшафтного планирования в сохранении экологического каркаса должно быть направлено на структурирование пространственной непрерывности природного каркаса за счет создания и выделения ООПТ как основы этой структуры. Необходимой мерой является на наш взгляд присвоение каждому конкретному объекту ландшафтно-экологического каркаса определенного режима использования посредством выделения его в определенную функциональную зону на приграничной территории.

Литература

1. Батраченко Е.А. Ландшафты особо охраняемых природных территорий как основа экологического каркаса Суджанского района Курской области // Е.А. Батраченко, И.А. Гонеев, И.Ю. Сошникова, Г.В. Козлова, Н.В. Озерова / Известия Самарского научного центра Российской академии наук/ – Самара: Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Том 18, №2, 2016. С 43 – 46

2. Батраченко Е.А. Роль ландшафтного планирования в сохранении устойчивости экологического каркаса урбанизированной территории // Е.А. Батраченко, И.А. Гонеев, О.П. Лукашова, И.Ю. Сошникова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук/ – Самара: Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Том 16 №1 (3), 2014. С 607 – 611

2. Гонеев И.А. Оценка основных морфометрических характеристик рельефа для дифференциации ландшафтов / И.А. Гонеев, Ковтунова И.Н. // Студенческий научный поиск – науке и образованию XXI века. Материалы VI-й межрегиональной студенческой научно-практической конференции СТИ – Рязань, СТИ, 2012. – С. 328 – 330.

3. Озерова И.Ю. Антропогенное воздействие на особо охраняемые природные территории Курской области // Автореферат дисс. на соискание к.г.н. Курск, 2004. – 24 с.

ПОДХОДЫ К СОЗДАНИЮ ОПОРНОЙ СЕТИ ПО НАБЛЮДЕНИЮ ЗА ДИНАМИКОЙ РАЗВИТИЯ ОВРАГОВ В КУРСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ

В. Б. Горин, С. В. Харченко

Курский государственный университет, Россия

Московский государственный университет

имени М.В.Ломоносова, Россия

Институт географии РАН, Россия

e-mail: gorvlad51@mail.ru, har4enkkoff@yandex.ru

Аннотация: В работе рассмотрены основные факторы и условия развития овражной эрозии на территории Курской области. Представлены показатели, определяющие интенсивность роста оврагов. Подробно описаны достоинства и недостатки полевого и камерального методов учета овражной эрозии. Схематично описан возможный алгоритм по организации в Курской области сети наблюдений за динамикой овражных процессов. Основа этого алгоритма: периодическое обновление данных по морфологии рельефа отдельных эталонных оврагов, находящихся в тех или иных природно-климатических условиях. Приведен пример программного кода для автоматизированной обработки результатов GNSS-съемки бровок и тальвега оврага. Выдвинута идея о необходимости создания веб-сервиса, куда, во-первых, исследователи-любители (например, школьные учителя с наиболее интересующимися учениками) могли бы загружать результаты своих наблюдений за оврагами, пополнять базу наблюдений, а во-вторых пользоваться ГИС-инструментарием сервиса для визуализации и численного анализа результатов их собственных измерений.

Ключевые слова: овражная эрозия, динамика, мониторинг, автоматизированная обработка данных, GNSS-съемка, язык программирования R

Основная идея и разработка тематики, связанной с созданием опорной сети по наблюдению за развитием оврагов в Центральном Черноземье, принадлежат доктору сельскохозяйственных наук Александру Георгиевичу Рожкову.

Интенсивное снеготаяние и ливневые дожди в сочетании с очень высокой распаханностью и низкой водопроницаемостью мёрзлых почв создают благоприятные условия для развития эрозионных процессов на склоновых землях. Наряду со смывом почвы территория Курской области в значительной степени подвержена овражной эрозии. За период активного сельскохозяйственного освоения территории области со склонов тальми и ливневыми водами смыто 1200 млн тонн почвы, а выносы из оврагов составили 250 млн тонн, хотя площадь оврагов в 35 раз меньше площади эродированных почв [1].

Овражной эрозии характерны практически все отрицательные последствия, обусловленные поверхностным смывом почвы. Кроме того, процесс размыва, так называемая глубинная эрозия, характеризуется своими особенностями, которые приводят к еще худшим последствиям, чем смыв почвы. Основные из этих особенностей следующие: полное уничтожение плодородного слоя почвы; иссушение почвы (сдувание снега с полей в

овраги, понижение уровня грунтовых вод); снижение плодородия почвы в поймах рек в процессе их заиления и заболачивания; расчленение поверхности на более мелкие участки, усложнение их конфигурации и, как следствие, сокращение площади пашни.

Отсутствие данных о возникновении оврагов и их динамике не позволяет объективно ответить на главный вопрос: с какой интенсивностью проявляется овражная эрозия в современный период (затухает или ускоряется). Без ответа на этот вопрос невозможно оценить экологический и экономический ущерб, запланировать средства для закрепления оврагов, разработать прогноз развития овражной эрозии и решать ряд других научных и практических задач.

Интенсивность роста оврагов определяют такими показателями, как прирост в длину, ширину, по площади и объёму. В каждом из этих показателей различают прирост разовый (за один ливень), сезонный (от стока талых вод и за ливневый период), годовой и среднегодовой.

Методы учета разделяют на полевой, камеральный и комбинированный. При полевом методе прирост оврага по тому или иному показателю определяют непосредственно в натуре (в поле), при камеральном – по топокартам разного срока издания и крупномасштабным разновременным аэроснимкам, а при комбинированном – путем использования первого и второго методов с использованием аэроснимков или топокарт только одного срока исполнения [2].

Основные достоинства полевого метода: высокая точность; возможность изучения динамики роста за любой период времени; определение прироста по всем показателям – в длину, ширину, глубину, по площади и объёму; возможность проведения попутных наблюдений, относящихся к механизму роста и эволюции оврагов.

Главный недостаток полевого метода – значительная трудоемкость, причем такие показатели, как прирост по площади и объёму оврага не всегда легко определить. Пожалуй, только этим можно объяснить такие факты, как очень малая продолжительность наблюдений (материалы наблюдений от одного до 3 лет), некомплексность этих наблюдений (определяют прирост по одному – двум показателям), небольшое число оврагов, которые учитывали и измеряли. Полевым методом очень сложно определять интенсивность нового оврагообразования. Для этого необходимо, чтобы одни и те же объекты наблюдали десятилетиями.

Камеральный способ изучения прироста оврагов позволяет при незначительных затратах труда и средств получать массовые данные за тот или иной интервал времени (за 10, 20, 30 лет и более), если имеются соответствующие задачам исследования планово-картографические материалы и крупномасштабные аэросъемки. Особенно эффективен этот способ при определении среднегодового прироста оврагов в длину и по площади, интенсивности образования новых оврагов и промоин, разрушенной площади пашни и ряда других характеристик по трансформации земельных угодий. Однако этим способом невозможно

определить сезонный или разовый прирост оврагов в длину, ширину, глубину и т. д., а для получения данных о приросте за год необходимо проводить аэросъемку, что связано с дополнительными расходами. Кроме того, очень трудно даже по крупномасштабным аэроснимкам или топокартам (без выезда в поле) получить точное представление о процессах, формирующих тот или иной овраг, и их динамике по сезонам года.

С появлением высокоточных спутниковых приемников, позволяющих получать в режиме реального времени 3-х мерные координаты объектов, полевой метод изучения и наблюдения за оврагами получил новые возможности. Процесс определения морфометрических характеристик оврага заметно упростился. При благоприятных условиях (отсутствие густой лесной растительности) время на определение пространственных координат пикета составляет несколько секунд, что позволяет вести съёмку оврага в высоком темпе и практически с любой густотой пикетов. Это делает возможным получать высокоточную цифровую модель рельефа оврага за очень короткое время. Измеряя эту модель, получаем точные данные о морфометрических характеристиках оврага. Кроме того, во многих ГИС-продуктах легко проводить разнообразный анализ рельефа оврага путем построения различных профилей.

Думается, алгоритм построения опорной сети изучения овражной эрозии в Курской области мог бы быть следующим:

1) создание каталога типовых активных (по наличию стенки вершинного перепада) оврагов, географически расположенных в разных инженерно-геологических и региональных климатических условиях. Так, на большей части площади региона вершины оврагов прорезают, прежде всего, субаэральные лессовидные суглинки. Однако, их мощность не значительна, поэтому потребуется учет и дочетвертичных пород. Оцифровка и взаимное наложение (overlay) карт геологических и четвертичных отложений (масштаба 1 : 200 000) позволит идентифицировать участки с однородным или неоднородным строением верхних метров разреза отложений. Кроме того, в пределах региона, вытянутого с запада на восток, сильно отличаются и общее количество осадков, и режим их выпадения / стока (например, доля осадков, выпадающая в виде ливней, длительность периода внутрисуточного перехода температуры через 0°C). Поэтому выбираемые эталонные овраги желательно избирать в некоторой окрестности от действующих метеорологических станций. Это дает возможность сопоставлять «моментальные» импульсы роста оврагов с ходом погодных условий. И, пожалуй, третьим из важнейших параметров ландшафта, определяющих темпы роста оврагов, является преобладающий тип ПТК (в особенности, растительного покрова). Менее пятой части региона, в основном, северо-запад, – область распространения лесной растительности. Все эти отличия не могут не сказываться на интенсивности процессов линейной эрозии.

2) Сбор фондовых данных по мониторингу овражной сети, поиск местоположения существующих реперов. Это позволит продлить ряд наблюдений за счет материалов других исследований. В качестве основных

хранилищ фондовых материалов в отношении овражного процесса в Курской области следует рассматривать архивы ККГРЭ (по оврагам сохранены результаты исследований А.И. Скоморохова) в с. Черницыно Курской области и ФГБНУ «ВНИИЗиЗПЭ» в г. Курск.

3) Первичная рекогносцировка эталонных оврагов, со съемкой плано-высотного положения бровок оврага (от устья к вершине), его тальвега (рис.1). Обновление и совершенствование сети реперов, создание плано-высотного обоснования для возможных более детальных съемок оврага с использованием электронных тахеометров или лазерных сканеров, а также съемки с помощью беспилотных летательных аппаратов (для получения качественной цифровой модели местности по парам снимков необходимо иметь т.н. «твердые точки», с известными координатами, определенными с высокой точностью).

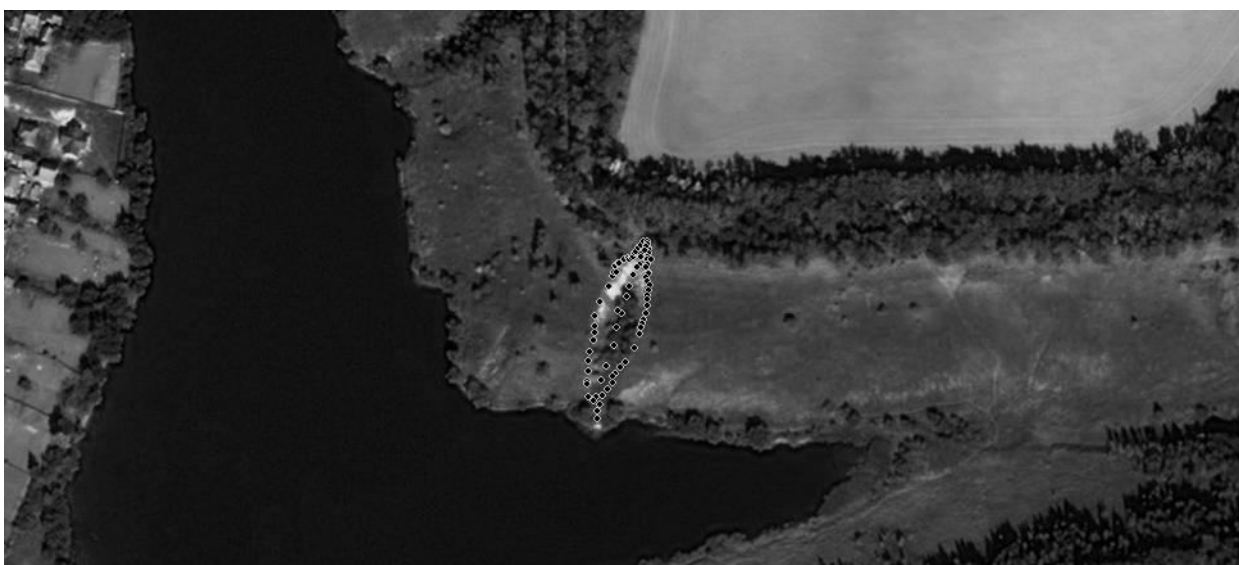

Рис.1. Растущий овраг на окраине г. Дмитриев Курской области. Точки – GPS-пикеты по бровкам, тальвегу и в вершине оврага.

4) Регулярный мониторинг эталонных оврагов с выбранной периодичностью. Нерегулярный мониторинг по факту экстремальных метеособытий, например, после сильных ливней, или на редкость дружного снеготаяния.

5) Набор ряда наблюдений и измерений, их ГИС обработка (рис.2) и содержательная интерпретация. В качестве направлений автоматизации обработки результатов измерений следует выделить построение трехмерных моделей рельефа оврага в статике и, что более важно, в динамике, возможность наблюдений за ходом изменения продольного профиля оврага, а также его поперечных профилей в разных частях и т.д. Это дает редкую возможность посмотреть на процесс линейной эрозии не в линейном смысле (измеряем только положение вершины), а через призму сложных взаимодействий объемного процесса эрозии в вершине, днище, подмыве стенок и их моделировке гравитационными процессами.

На рис.2. показан результат построения гипсометрической схемы оврага, показанного на рис.1. Вся процедура, от сохранения данных с GPS-контроллера до их преобразования в GRID-модель высот, реализована на языке R и занимает несколько секунд. Фрагмент кода с комментариями приводим здесь:

```
#####
library(rgdal) # загружаем библиотеку для чтения и записи
                пространственных форматов
points.tab <- read.table(choose.files(), header = F, sep = ",", dec = ".")[,1:4]
# считываем данные. В диалоговом окне потребуется выбрать файл GPS-
# контроллера.
prj <- "+proj=tmerc +lat_0=0 +lon_0=35.483333333333 +k=1
+x_0=1250117 +y_0=-5312900.566 +ellps=krass +units=m +no_defs " #
определяем параметры проекции (МСК-46)
points <- SpatialPoints(coords = points.tab[,c(3,2)]) # превращаем таблицу
координат в точки
crs(points) <- prj # приписываем этим точкам ранее определенную
проекцию
pointsдолл.id <- points.tab[,1] # записываем в точечный слой
порядковые номера точек
pointsдолл.Н <- round(points.tab[,4], 1) # записываем в точечный слой
высоты точек
writeOGR(points, "GPS_points.shp", "GPS_points.shp", "ESRI Shapefile")
# записываем shp-файл точек в исходной местной системе координат
points.LL <- spTransform(points, "+proj=longlat +ellps=krass
+towgs84=0,0,0,0,0,0,0 +no_defs") # перепроецируем точки в географическую
систему координат
writeOGR(points.LL, "GPS_points.LL.shp", "GPS_points.LL.shp", "ESRI
Shapefile") # записываем shp-файл точек в географической системе координат
Визуализация модели высот проведена в программе Surfer.
```

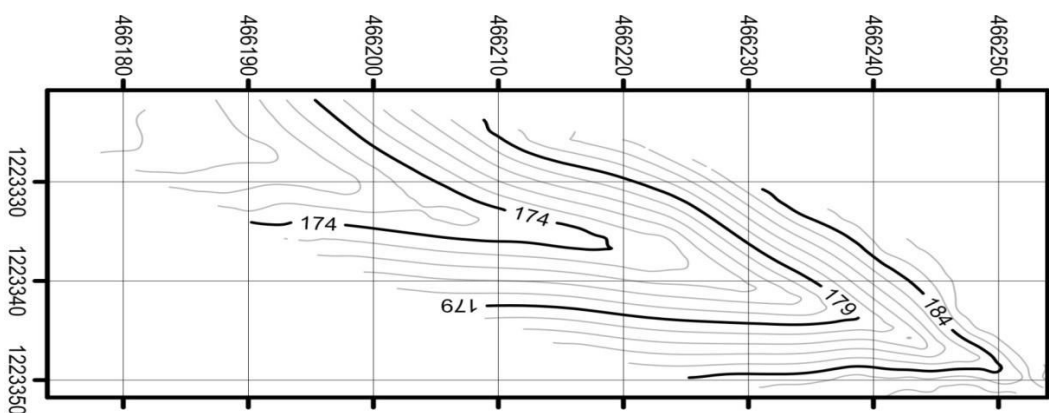

Рис. 2. Пример построения гипсометрической схемы оврага

Резюмируя, отметим следующее: сравнивая разновременные модели одного и того же оврага, можно получать помимо линейного прироста оврага

его площадные и объемные изменения. В перспективе планируется создать сеть опорных пунктов по наблюдению за динамикой развития действующих оврагов в различных административно-территориальных районах и природно-территориальных зонах Курской области. Обработка данных мониторинга уже сейчас максимально возможным образом перекладывается на «плечи» автоматики, реализуется это нами в виде скриптов на языке R. Все это (использование новых технологий съемки и обработки данных) позволит получить информацию о реальном масштабе овражной эрозии в Курской области.

В качестве перспективного вектора развития можно было бы предложить веб-сервис, куда бы через специальные формы любой желающий мог загрузить актуальную информацию о наблюдаемом овраге. Такой сервис, видимо, должен предоставлять пользователям, не владеющим специализированным ПО, возможность обрабатывать, агрегировать и визуализировать результаты их измерений. При достаточно продолжительной работе такого сервиса возможно построение беспрецедентной базы данных по объектам овражной эрозии.

Литература

1. Рожков А. Г. Потери почвы от эрозии в Курской области. Сб. «Приемы повышения урожайности сельскохозяйственных культур на почвах лесостепи ЦЧЗ». Курск, 1989 с.7 – 9.
2. Рожков А. Г., Горина Н. Д. Интенсивность роста оврагов и разрушения пашни в современный период // Сельскохозяйственное использование заовраженных земель. М., 1989, с.16 – 33.

О ВЛИЯНИИ ТРАНСГРАНИЧНОГО АЭРАЛЬНОГО ПЕРЕНОСА ВЕЩЕСТВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГЕОХИМИЧЕСКОГО СПЕКТРА ПОЧВ

В.В. Дьяченко, И.Ю. Матасова

*Новороссийский политехнический институт (филиал)
ФГБОУ ВО Кубанский государственный университет, Россия
e-mail: v-v-d@mail.ru, semigorie@mail.ru*

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы влияния трансграничного аэрального переноса вещества на формирование геохимического спектра почв геохимических ландшафтов юга России в условиях все возрастающей антропогенной нагрузки и изменения климата.

Ключевые слова: аэральный перенос, почвы, геохимический ландшафт, аридная и антропогенная трансформация, эоловая дифференциация

Юг России – один из важнейших регионов в стране, характеризуется высочайшей степенью антропогенного преобразования, приведшего в ряде районов к деградации земель. В некоторых регионах (Ростовская и Волгоградская области, Ставропольский край) естественных ландшафтов

практически нет, а распаханность равнинных территорий достигает 80-90%. Также важным фактором развития региона является изменение климата и сопряженная трансформация экосистем, что приведет к перестройке глобальных и региональных биогеохимических потоков.

Аридная и антропогенная трансформация ландшафтов тесно связаны между собой, так как, многие аспекты деятельности человека усиливают аридизацию ландшафтов или, точнее, аридную деградацию. Для юга России эта проблема особенно остра ввиду его географического положения, климата, низкого процента лесопокрытой площади и высокой степени распаханности. Анализ многочисленных прогнозов свидетельствует о высокой вероятности повышения среднегодовой температуры на 0,9-1,5⁰ к 2030 и на 2,5-3⁰ к 2050 годам. Это может привести к увеличению количества осадков на 5 или 10-15% соответственно. Однако, данная «компенсация» проявится лишь в прибрежных районах и на островах. Перенос влаги во внутриконтинентальные области значительно ослабеет из-за уменьшения величины меридионального градиента температур. Уже в конце прошлого века отмечено 20% сокращение внутриконтинентального стока и увеличение стока островов на 12%.

Одним из следствий антропогенной и аридной деградации ландшафтов, может стать резкое усиление дефляции почв в Предкавказье. Благодаря развитому на Северном Кавказе «восточному процессу» ветровая эрозия «двинется» на запад, не только разрушая почвы, но и погребая их под менее плодородными и засоленными продуктами дефляции, усиливая заиление рек, лиманов, водохранилищ, что значительно обострит проблемы загрязнения и эвтрофикации аквальных ландшафтов.

В геоэкологическом плане фактор эоловой дифференциации особенно заметен в перераспределении Pb (фоновое содержание в различных ландшафтах отличается в 1,8 раза), W (в 1,5 раза), Zn, Cr, Ge и Sr (в 1,3 раза) и т.д. (таблица 1). Влияние эоловой дифференциации проявляется не только в изменении геохимического фона почв крупных ландшафтов, но и в формировании геохимических барьеров, с еще более контрастным изменением концентраций химических элементов. На Северном Кавказе выявлены две таких зоны интенсивной эоловой геохимической дифференциации ландшафтов. Одна из них находится на севере Краснодарского края. Вторая охватывает ландшафты, развитые вдоль южной границы Краснодарского и Ставропольского краев. Эоловые процессы привели к формированию в почвах этих районов аномально высоких содержаний Pb, Mo, Zn, а также зон повышенных и пониженных концентраций других химических элементов.

Таблица 1

Среднее содержание химических элементов ($n \cdot 10^{-3} \%$, с вероятностью 95%) в почвах ландшафтов с различным проявлением аэральской миграции

Характеристика ландшафтов	Кол-во ландшафтов	Кол-во проб	Zn	Pb	W	Co	Cr	Ge	Sr
не подверженные ветровой эрозии	7	59 2	10,94 ± 0,59	3,72± 0,32	0,26± 0,03	2,12± 0,11	11,45 ± 0,83	0,22 ± 0,01	20,4± 0,6
подверженные ветровой эрозии	7	32 1	9,07± 1,49	3,58± 0,31	0,24± 0,03	2,06± 0,06	11,84 ± 0,81	0,21 ± 0,02	17,2± 1,2
с современным отложением эолового материала	6	18 4	8,21± 0,29	2,08± 0,22	0,17± 0,02	1,97± 0,03	15,18 ± 2,30	0,17 ± 0,03	15,9± 0,7

Имеющиеся данные позволяют предположить, что на территории Северного Кавказа обнаруживаются два вида геохимических барьеров, формирующихся под воздействием интенсивной аэральской миграции. В первом случае их возникновение и дифференциация вещества являются следствием неоднородности и разгрузки трансграничных воздушных потоков в результате постепенного ослабления, а во втором – в результате действия ярко выраженного механического барьера в виде Ставропольского поднятия.

Вследствие эоловой дифференциации содержание свинца в почвах районов с современным отложением материала может снижаться до 10-15 мг/кг, а в зоне активной дефляции или действия геохимических барьеров повышаться до 90 мг/кг, при региональном фоне 35 мг/кг. Таким образом, игнорирование геохимических последствий эоловой дифференциации может привести к выделению ложных аномалий, неправильной оценке состояния биосферы, факторов ее трансформации и деградации.

Для определения особенностей эоловой трансформации региона, необходимы специально спроектированные исследования, включающие опробование, зондирование, мониторинг и моделирование переноса частиц почво-ветровым потоком в различных ландшафтно-геохимических условиях и районах Северного Кавказа. Полевые исследования в данной области не обновлялись с семидесятых годов и были основаны на использовании специальных ловушек для поднятых ветром частиц. Очевидная сложность их монтирования, невозможность оперативных замеров в различных районах во время пыльной бури, ограничивают количество измерений, затрудняют получение фактического материала.

Современный уровень развития техники позволяет построить приборы, способные достаточно точно и динамично производить необходимые наблюдения. Основой их может быть лазерная система или ветровой аэрозольный лидар. С их помощью можно оперативно определять объем, скорость, размерность и массу частиц, переносимых на различных высотах при различной силе ветра и в различных условиях, что создаст базу данных, необходимую для формирования региональной динамической модели массопереноса и геохимического прогноза результатов эоловой трансформации ландшафтов региона.

Изменение климата постепенно приведет не только к трансформации экосистем и ландшафтов, но и к изменению региональных закономерностей размещения и сопряжения основных эпигенетических процессов, классов водной миграции, типов почв, геохимической трансформации глобальных миграционных потоков и, в конечном итоге, баланса стока в бассейнах южных морей. В настоящее время на Северном Кавказе распространены два основных комплекса эпигенетических процессов – западнокавказский и восточнокавказский. Поскольку современная граница между ними близка к транскавказскому поднятию, играющему роль глобального водораздела, формируются и два типа естественного стока – Каспийский и Азово-Черноморский. Нарушение гидротермического режима региона приведет к расширению восточнокавказского комплекса эпигенетических процессов и сокращению западнокавказского.

Некоторое представление о геохимических последствиях может дать сравнение содержаний химических элементов в почвах лесных ландшафтов с луговостепными и полупустынными, которые их вытеснят в случае аридизации климата (табл. 2).

Таблица 2

Среднее содержание (X , $n \cdot 10^{-3} \%$) и коэффициент вариации (V , %) химических элементов в почвах ландшафтов Юга России

Элемент	Характеристика ландшафтов						Изменение концентраций химических элементов	
	Лиственные леса		Степи и остепненные луга		Сухие и опустыненные степи			
	X	V	X	V	X	V	относительное	т/км ²
Cu	4,70	12	4,66	13	4,23	19	1,11	-141
Zn	11,00	23	9,12	25	10,89	46	1,01	-33
Pb	3,80	15	3,07	18	3,19	15	1,24	-219
Ag	0,0102	18	0,0088	13	0,0076	12	1,34	-0,78
Sn	0,54	10	0,53	10	0,48	20	1,13	-18
Mo	0,30	28	0,30	30	0,43	87	0,7	+39
W	0,24	19	0,18	24	0,13	17	1,85	-33
Ba	67	14	69	11	85	26	0,79	+5400
Co	1,95	12	1,94	10	1,80	11	1,1	-45
Ni	4,56	23	4,55	11	4,30	17	1,06	-78
Mn	103	18	82	20	75	9	1,37	-8400
Ti	525	5	484	6	450	16	1,17	-22500

V	12,92	13	12,1	14	11,82	11	1,09	-330
Cr	10,87	17	10,4	18	10,42	18	1,04	-141
Ga	1,84	5	1,80	7	1,59	21	1,16	-75
Ge	0,21	11	0,20	8	0,21	4	1	0
P	87	13	83	12	73	29	1,19	-3600
Li	5,44	7	5,50	6	4,89	7	1,11	-165
Sr	23,2	42	22	31	30,97	46	0,74	+2691
Y	2,06	7	1,84	6	1,71	11	1,2	-105
Yb	0,26	12	0,23	10	0,19	15	1,37	-21
Nb	1,93	9	1,64	11	1,44	18	1,34	-147
Sc	0,97	13	0,87	12	0,90	16	1,08	-21
Zr	17,92	10	14,6	15	12,65	6	1,42	-1581
Be	0,41	13	0,33	14	0,29	14	1,41	-36

Примерный расчет только на 20-ти сантиметровой слой почвы показывает, что в случае смены ландшафтов в высотном интервале 150-200 м, в активный биогеохимический круговорот на суше и в приемные водоемы поступят дополнительно десятки тысяч тонн Ti, Mn, P, Zr. Тысячи тонн Pb, Li, Nb, Cr, Y. Сотни тонн Ni, Ga, Co. И, наоборот, из активного стока будут извлечены и накоплены почвами громадные объемы Ba, Sr и Mo.

Закономерность и неизбежность этой трансформации подчеркивается последовательным характером изменения концентраций химических элементов в почвах различных биоценозов аридной «сукцессии».

Интенсивность развития этих процессов может быть не очень велика и растянута на десятилетия, а скорее столетия. Но вынос металлов может стать более масштабным за счет дефляции почв, так как в условиях аридной деградации ландшафтов водная миграция будет усиливаться аэральная.

Литература

1. Дьяченко В.В., Матасова И.Ю. Фоновое содержание химических элементов в почвах физико-географических областей юга России // Проблемы региональной экологии – 2012. – № 4. – С. 148 – 154.
2. Дьяченко В.В., Матасова И.Ю. Карта геохимических ландшафтов юга РФ // Геохимия ландшафта и география почв. Материалы конференции. Москва. – 2012. С. 324 – 332.
3. Дьяченко В.В., Матасова И.Ю. Ландшафтно-геохимическая дифференциация юга России // Геохимия ландшафтов [Электронный ресурс]: (к 100-летию А. И. Перельмана): доклады Всероссийской научной конференции - Москва: ИГЕМ РАН, 2016. – С. 355 – 358.
4. Дьяченко В.В., Матасова И.Ю. Региональные кларки химических элементов в почвах юга европейской части России // Почвоведение. – 2016. – № 10. – С. 1159 – 1166.
5. Дьяченко В.В., Матасова И.Ю. Загрязнение и динамика микроэлементов в почвах юга России // Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геоэкология. Москва, №4, 2015 С. 324 – 332.
6. Дьяченко В.В., Дьяченко Л.Г., Малыхин Ю.А., Матасова И.Ю. Эколого-геохимические последствия техногенной трансформации ландшафтов юга РФ // Современная Экология: Образование, Наука, Практика: материалы международной научно-практической конференции – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2017. С. 269 – 276.

ОПАСНЫЕ ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ КАК ФАКТОР РИСКА КЛИМАТИЧЕСКОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ И СУМСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

О.П. Лукашова

Курский государственный университет

e-mail: olga_lukashova@mail.ru

Аннотация: Опасные природные явления становятся ограничивающими факторами природопользования. В условиях планетарных климатических изменений усиливается проявление и опасных метеорологических явлений. Это требует особой изученности для регионов, где аграрный сектор экономики играет значительную роль.

Ключевые слова: опасные природные явления, климат, климатические ресурсы, климатическое природопользование

Климатические изменения на планете Земля характеризуются определенной ритмичностью. Сегодня ученые констатируют не только нарастающие температурные климатические изменения, но и увеличение вариативности гидрометеорологических характеристик на разных уровнях пространственной локализации, в том числе между приграничными районами разных стран. Это отражается на динамике и состоянии природных, природно-антропогенных и культурных ландшафтов. Изменение природно-климатических условий приводит к трансформации в различных сферах природопользования, в том числе в сельском хозяйстве, дорожно-транспортной сфере, лесозаготовках, электроэнергетики и др.

Климатические ресурсы являются важной составной частью ресурсов атмосферы. Они относятся к группе неисчерпаемых и могут быть использованы многократно. В тоже время, их изменчивость делает интенсивность использования этих ресурсов зависимой от степени полноты их потенциала. К основным принципам рационального природопользования климатических ресурсов относят: 1) учет природно-климатических условий при формировании структуры хозяйственной деятельности; 2) учет особенностей климатических ресурсов региона при выборе приоритетных направлений его развития.[5]

Для выработки путей сохранения эффективности природопользования необходима надежная информация об изменениях климата и анализ рисков, обусловленных природно-климатическими особенностями конкретных территорий, особенно с учетом специфики их экономического развития.

Согласно современным представлениям, под рисками природопользования понимается «вероятность угрозы бедствия или катастрофы, ведущая к значительному социально-экономическому ущербу»¹. Безусловно, негативные природно-климатические факторы в форме опасных

¹Волкова Е. С., Невидимова О. Г., Мельник М. А. Комплексный риск-анализ природопользования на территории Томской области. // География и природные ресурсы, №2, 2011г., С. 39 – 46.

природно-метеорологических явлений способны в значительной мере осложнить природопользование на определенных территориях.

В то же время и социально-экономическая ситуация определяет формы использования природных ресурсов. Так на территории Курской области уже более 200 лет ведется интенсивное землепользование. Чуть меньший срок воздействия на природные ландшафты характерен и для приграничной с Курской областью – Сумской области. Поэтому особенно актуальной является задача объективной оценки проявления опасных природных явлений для разных видов природопользования с учетом природной и экономической составляющих.

Оценка воздействия опасных природных явлений для различных сфер природопользования подразумевает определение превышения значений исследуемых гидроклиматических параметров надвеличинами, установленными соответствующими справочными документами, в данном случае – климатические справочники. На основе анализа многолетних данных (с начала 21 столетия) были проанализированы повторяемость и интенсивность рассматриваемых природных явлений.

Одной из особенностей Курской и Сумской областей является не только большая неустойчивость в распределении осадков в разные годы, но и в течение года. В годовом режиме осадков наблюдается максимум в летние месяцы, а минимум – в переходный период от зимних к весенним месяцам. В течение самого лета распределение осадков не равномерно. Большая их часть (по средним многолетним значениям), приходится на июнь и первую половину июля. В то время как к концу лета их количество снижается. Ливневый характер осадков проявляется именно в начале летнего периода. В этот период только начинает усиливаться вегетационная активность, значительные площади сельскохозяйственных ландшафтов характеризуются еще слабым развитием корневой системы. В связи с этим ливневая деятельность (30,5% (Курская обл.) и 27,3% (Сумская обл.)) оказывает большое влияние на развитие эрозионных и оползневых процессов, на формирование поверхностного плоскостного стока. По данным метеорологических наблюдений в Курской области (до 1976 года) выделяли одну территорию с проявлением интенсивной ливневой деятельности (с максимумом в районе с. Бакчар) [3]. В настоящее время интенсивный характер ливневых осадков характерен как для южных, так и для северных районов Курской области. Зарегистрированы такие метеорологические опасные явления и в районе метеостанции Шостки. Также увеличилось общее количество дней с ливнями в разных районах двух областей.

Как уже отмечалось, около 60-70% годовой нормы осадков приходится на теплый (вегетационный) период года. Однако, в последние годы, в период проведения посевных работ часто устанавливается аномально теплая сухая погода. Так, например, в 2016–2017 гг. количество осадков в апреле-начале мая не превышало 15 мм, что приводило к иссушению верхнего слоя почвы и снижению урожайности сельскохозяйственных культур. Малые месячные суммы осадков (менее 10 мм) наблюдались и в зимний период, что

приводило к промерзанию почвы. Также в теплый период года случаются засухи.

Анализ климатических данных за последние 18 лет позволяет определить динамику микроклиматических показателей, от которых в конечном итоге зависит состояние ландшафта и его устойчивость к антропогенным воздействиям. Среди них соотношение аномальной жары, почвенной и атмосферной засухи и сильных ливневых осадков. Для Курской области (рис. 1–3) наблюдался рост количества дней с сильной жарой, увеличение числа дней с почвенной и атмосферной засухой. С другой стороны наблюдалось снижение дней с ливневыми осадками, но интенсивность их была выше.

Рис.1. Количество дней с сильной жарой для Курской области

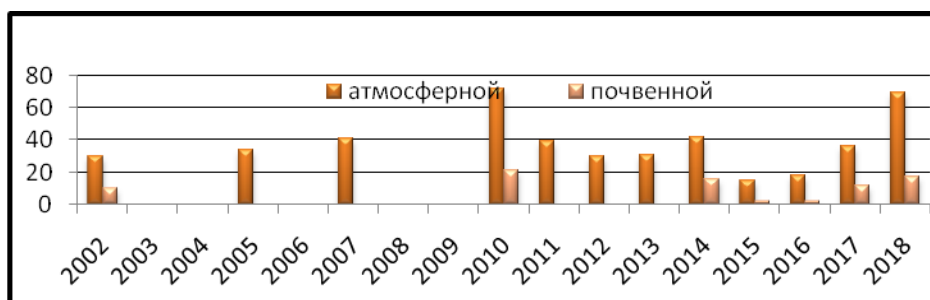

Рис. 2. Количество дней с засухой для Курской области

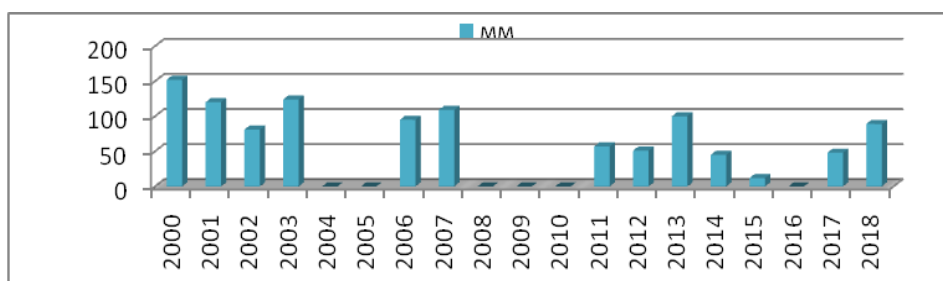

Рис.3. Количество осадков (мм), выпавших в виде ливней для Курской области

Для приграничных районов Сумской области Украины, по данным метеостанции Шостка, картина в целом сходная. Однако, более западное положение сказалось на тенденции роста дней с аномальными проявлениями

погоды. Она оказалась пониженной. При общей тенденции роста температуры, количество дней с атмосферной и почвенной засухой было меньше. Количество дней с ливневыми осадками, напротив – было больше, чем по станции Курск.

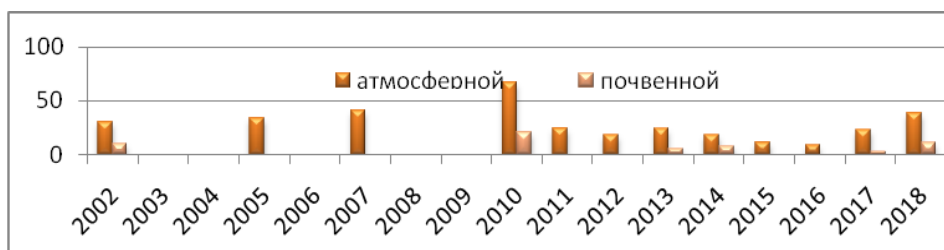

Рис. 4. Количество дней с засухой для Сумской области

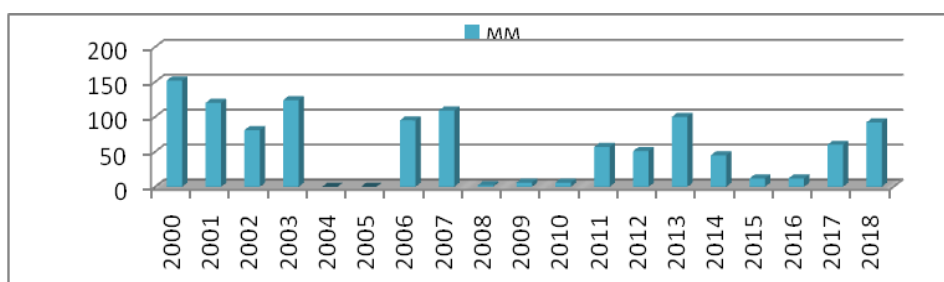

Рис.5. Количество осадков (мм), выпавших в виде ливней для Сумской области

Таким образом, анализ повторяемости опасных метеорологических явлений в пределах Курской области (Россия) и сопредельной территории Сумской области (Украина) позволяет говорить, что в настоящее время климатические риски не создают катастрофических условий для традиционных видов землепользования. Однако наметившиеся тенденции, при условии их дальнейшего роста и углубления проявления, могут вызвать погодно-климатические ситуации, приводящие к нарушению имеющих место видов природопользования в изучаемых регионах.

Литература

1. Волкова Е.С., Невидимова О.Г., Мельник М. А. Комплексный риск-анализ природопользования на территории Томской области. // География и природные ресурсы, №2, 2011г., С. 39 – 46. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.izdatgeo.ru/pdf/gipr/2011-2/39.pdf> (дата обращения: 1.10.2018г)
2. Глобальное изменение климата и экономическое развитие. Учебное пособие. Электронный ресурс. Режим доступа - <http://www.studfiles.ru/preview/3300649/> (дата обращения: 25.09.2018 г).
3. Лебедева М.Г., Крымская О.В. Экология региона. Ч.3. Экологическая климатология и климатические ресурсы Центрально-Черноземного региона. Учебное пособие. /Под ред. А.Н.Петина. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – 196 с.
4. Goneev I.A., Lukashova O.P., Bogatyreva M.A. Changes of modern Central Russian Upland landscapes caused by natural factors (through the example the Kursk region). The collection includes the 3d International Scientific-Practical Conference on the Humanities and the Natural Science by SCIEURO in London, 2015 – P. 144-154.

5. Особенности рационального использования климатических ресурсов. Электронный ресурс. Режим доступа - https://studwood.ru/1328710/ekologiya/osobennosti_ratsionalnogo_ispolzovaniya_klimaticheskikh_resursov (дата обращения 25.09.2018г)

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАГРЯЗНЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕК АЗЕРБАЙДЖАНА

Н. А. Мустафаева

*Государственная Академия правления при Президенте Азербайджана,
г. Баку, Азербайджан
e-mail:soilnur@yahoo.com*

Аннотация: В данной статье анализируется современное состояние и уровни загрязнения основных трансграничных рек Азербайджана. Увеличивает значимость исследования трансграничных рек Азербайджана их значение в водоснабжении страны. Основной экологической проблемой современности является использование и охрана водных ресурсов речного бассейна Кура-Аракс. При разрешении которой станет возможным посредством международного и регионального сотрудничества стран.

Ключевые слова: трансграничные реки, речной бассейн, экологические проблемы, мониторинг, источники загрязнения, биогенные вещества

Проблема пресной воды на Земле с каждым годом становится все более актуальной. Основная проблема ресурсов пресной воды заключается в том, что не происходит восполнение водных ресурсов. Запасы ресурсов пресной воды на Земном шаре все больше и больше уменьшаются, и если не искоренить экстенсивный путь траты водных ресурсов, то это может привести к дефициту пресной воды в большинстве регионов, а затем – к глобальной экологической катастрофе. Увеличивается население планеты, растет промышленное производство, а вслед за ними значительно возрастает потребление пресной воды.

Азербайджан, как и большинство стран мира, сталкивается с экологическими проблемами разного характера. В современном мире глобальной проблемой является сохранение экологического равновесия, рациональное использование запасов, а также охрана воды, воздуха, земли от загрязнения. Несомненно, что решение этих проблем является одной из стратегических задач стоящих и перед Азербайджаном, для решения которых требуются программы плановой и долгосрочной деятельности, крупные государственные и международные инвестиции.

Распределение и потребление водных ресурсов Азербайджана неравномерно, количество их незначительны, и потери этого ценнейшего природного ресурса очень высоки. Известно, что поверхностные водные ресурсы Азербайджана составляет 32 млрд м³, а в засушливые годы их объем уменьшается до 23 млрд м³ [1, 4]. Именно на территориях сопредельных государств формируется около 70% из всего объема водных ресурсов. Самая большая река республики является Кура, которая является основным

бассейном Южном Кавказа. Бассейн данной реки протяженностью основного русла составляет 1515 км. Кура начинается в Турции, течет через Грузию и Азербайджан, впадает в Каспийское море в районе Нефтчала (Азербайджан). Множество малых, средних и крупных притоков, включая трансграничных, впадают в реку Кура на территории Грузии и Азербайджана. Водный бассейн реки Куры и ее притоки составляет 80% водных ресурсов страны.

Река Араз является второй по величине водной артерией Азербайджана, длиной 1070 км. Река Араз берет начало на территории Турции. До впадения реки в Сабирабаде (Азербайджан), река вниз по течению образует границу между Арменией, Ираном и Азербайджаном.

Специфическая характеристика водных ресурсов Азербайджана

- ограниченность;
- распределение водных ресурсов внутренних рек неравномерно;
- формирование примерно 70% водных ресурсов (поверхностных) на территории приграничных стран;
- большая загрязненность речных вод уже при втекании на территорию Азербайджана.

Основными трансграничными реками являются Кура; Араз; Ганых (Алазань); Самур; а Габырры [1].

Известно, что вода является одной из предпосылок, как укрепления здоровья людей, так и устойчивого развития необходима для поддержания жизни. Территория Азербайджанской Республики, в частности ее географическое расположение таково, что есть множество условий для того что бы приграничные страны могли бы загрязнять трансграничные реки. Например, Грузия и Армения могут загрязнять реки, идущие в Азербайджан, если в этих странах стоки не очищаются. С этой целью министерство экологии и природных ресурсов Азербайджана часто проводит мониторинг воды в трансграничных реках, таких как Кура и Араз (Аракс), и каждый раз выясняется, что эти реки втекают на территорию Азербайджана сильно загрязненными с территории соседних стран.

Главными факторами загрязнения водных ресурсов бассейна Кура-Аракс являются сельскохозяйственные дренажные воды, коммунальные, бытовые, промышленно-технические сточные воды. Как известно, коммунально-бытовые сточные воды поступают из жилых, общественных зданий, прачечных, столовых и других сфер услуг и деятельности человека. В содержании этих вод имеются микроорганизмы, которые могут способствовать вирусным загрязнениям [5]. Во время загрязнения источников коммунально-бытовыми сточными водами наблюдается, критическое снижение кислорода в составе водных ресурсов. Отходы животноводческих хозяйств, стекающие в воды, способствуют резкому отмиранию фауны рек. Это дает толчок не только к асфиксии, но и к отравлению ядовитыми продуктами разложения органических веществ [5, 1].

В современном мире сточные воды подвергаются очистке (биологической, химической) в особенности, коммунально-бытовыми

отходами. Только после этого они втекают в поверхностные водные ресурсы. На данный момент на территории речного бассейна Кура-Аракс почти не имеется водно-очистительных станций. Со времён СССР на сохранившихся станциях проводят всего лишь механическую очистку воды

Для исследования уровня загрязнения трансграничных рек таких как, Кура и Араз в 2005 году были созданы лаборатории в Газахе (Кура и ее притоки) и Бейлягане (Араз). На данных станциях ежедневно проводятся химико-физические анализы с помощью современного оборудования. Результат химико – физических исследований отправляется в "Азерсу", в том числе исполнительным органам власти отдельных регионов. На данный момент ведутся работы для постоянного отображения данных веб-сайте данного министерства в социальных сетях и прессе. Большое волнение вызывает водохранилище Сарсанг, которое находится на оккупированных территориях Азербайджана. Около 400 тыс. населения, проживающее вниз по течению реки Тертер, находится под угрозой из-за той самой высокой в стране плотины (726 м) с общим объемом 565 млн куб. метров

По итогам анализа ЕС приграничных рек, в том числе и Куры, оказалось, что во всех странах проводится первичное, механическое фильтрование. Как известно, механическое фильтрование сточных вод – это фильтры с решетками размером 20 на 20 см внутри труб, которые просто не допускают ход по трубам мусора больше данных размеров. Данное фильтрование осуществляется только в больших населённых районах

Для поддержания контроля за состоянием водных ресурсов сотрудники Национального департамента мониторинга окружающей среды Министерства экологии и природных ресурсов Азербайджана постоянно осуществляют мониторинг водных ресурсов. Во время процесса выяснилось что, воздействия неотфильтрованных бытовых отходов, втекающих в Куру на территориях Грузии и Армении, а также сточных вод промышленных предприятий, количество биогенных веществ намного превысило предельную норму (ПН). Соединения фенолов и меди, специфических загрязнителей воды, превысило допустимые нормы. Так, в пунктах Шыхлы - 2 фенолы превысили предельную норму в 4 раза, а соединения меди – в 3 раза, в Агстафае соединения меди – в 3 раза, фенолы – в 4 раза, в водохранилище Агстафачай фенолы и соединения меди превысили предельные нормы в 3 раза. Объём расхода воды в приграничной с Арменией реке Аракс составил почти 5 кубометра в секунду [2]. В пункте Горадиз соединения меди превысили норму – в 4 раза, фенолы в 3 раза, в пункте Шахсевен I фенолы и соединения меди – в 3 раза, в пункте Бахрамтепе – соединения меди превысили норму в 2 раза, а фенолы в 3 раза. Причиной такого дисбаланса способствовали стоки загрязнённых вод с территории Армении. Кислородный режим воды во всех пунктах колебался в пределах санитарной нормы. Были обнародованы итоги мониторинга Национального департамента мониторинга окружающей среды Министерства экологии и природных ресурсов Азербайджана по уровню загрязнённости трансграничных рек Кура и Араз.

Из года в год в сводках министерства фиксируются примерно идентичные результаты мониторинга загрязненности этих трансграничных рек, имеющих огромное значение в экономической, социальной, экологической жизни страны. Только Баку обеспечивают питьевой водой два водопровода – Кура-1 и Кура-2. Огромная территория, которая используется в сельскохозяйственных целях орошается из этой реки [7]. На "силе" куринской воды работает самая крупная в стране гидроэлектростанция, от этой реки зависит экосистема значительной части страны. Водоснабжение Баку осуществляется путем подачи как поверхностных (реки Самур и Кура), так и подземных (Шоллар) вод. По действующим на современном этапе правилам, крупные города должны иметь несколько независимых источников водоснабжения. Поэтому согласно распоряжению президента страны для водоснабжения города Баку в данный момент проектируется новый водопровод (длина – 300 км, диаметр трубы – 2 метра, расход воды – 5 куб. м/с). Исполнение которого возложено на акционерное общество "Азерсу".

Бассейны крупных рек (Кура, Араз и т.д.) страдают от поступления в речной поток многочисленных вредных примесей, содержащих более 40 тыс. органических веществ. Влияние сбросов сказывается незаметно, но их разрушительное воздействие на организм человека действует на генном уровне, что передается по наследству.

Чрезвычайно высокие уровни меди и молибдена обнаружены около границы с Арменией в Шафайлы (приблизительно в 1000 раз превышение ПДК для меди и в 2000-3000 раз для молибдена) и уровня pH – 2,4 наблюдались на трансграничной реке Охучай – притоке Куры. В этих условиях практически все представители местной флоры и фауны гибнут. Муниципальные и промышленные источники загрязнения и сельскохозяйственные пестициды, используемые в Азербайджане, что в значительной степени усугубляют проблему. В связи с этим, вода в реке Кура не соответствует стандартам питьевой воды даже после нормальной водной обработки. Учитывая то обстоятельство, что Кура является главным источником питьевой воды в Азербайджане, складывается критическая ситуация [6].

Защита водных ресурсов Куры очень большая проблема, требующая объединения усилий трех стран – Турции, Грузии, Ирана и Азербайджана. Для реализации предложенной программы и плана действий по совместной защите рек, необходимо вложить крупные средства в строительство новых очистительных систем и притоков. В, частности, в Грузии приступили к реализации проекта «Кура без сточных вод», осуществление которого началось осенью 2013 г. В рамках проекта ведется разделение систем сточных вод и канализации, строятся новые коммуникации, реконструируются старые каналы и присоединяются к новым действующим каналам. В частности, предполагается направить сточные воды Тбилиси в коллектор, находящийся в Гардабани, который также будет реконструирован в рамках проекта "Кура без отходов", что позволит значительно снизить

загрязненность реки жидкими бытовыми отходами. Все строительные, ремонтно-реконструкционные работы по прекращению сливов сточных вод в Куру должны завершиться к концу 2018 г. При этом, Кура, достигнув границ Азербайджана, проходит этап само очистки, при котором определенная часть био- и неорганических загрязнителей оседает на дно. Поэтому у границ Азербайджана вода не столь сильно загрязнена, как, в Тбилиси или Рустави. Одно из наиболее важных и ценных свойств воды – способность к самоочищению. Процессы самоочищения происходят под влиянием солнечной радиации, деятельности микроорганизмов и водной растительности, других факторов. Следовательно, наиболее интенсивно они протекают летом. Однако самоочищение природных вод и его интенсификация не достаточны, поскольку уровень загрязнения высок и продолжителен. На территории Азербайджана Кура загрязняется стоками от сельскохозяйственного производства.

В Азербайджане ведется работа над тем, чтобы остановить слив сточных вод в реку Куру. В стране уже существуют различные программы по этому поводу. На западе страны Кура самоочищается на 30-40%, проходя каскад ГЭС на Мингячевирском и Еникенд-Шамкирском водохранилищах, но затем в Зардабском, Евлахском, Сальянском, Ширванском районах река вновь загрязняется. Снижение уровня воды в реке приводит к повышению концентрации загрязненности, и наоборот, чем больше воды, тем ниже загрязненность. Но в любом случае в соседних странах по-прежнему сливают в реку сточные воды.

Грузия в скором времени присоединится к конвенции о трансграничных реках [4]. Это связано с тем, что она проводит курс на евро интеграцию, и европейские структуры помогают Грузии в решении вопроса охраны экологии трансграничных рек. Эта страна получила немало средств для выполнения условий конвенции и присоединения к ней. В некоторых региональных проектах Азербайджан и Грузия вместе осуществляют меры по защите экологии куриной воды. Практически завершена подготовка проекта грузино-азербайджанского межправительственного соглашения "Сотрудничество по устойчивому использованию и защите водных ресурсов Куры", проект, которого сейчас находится на рассмотрении МИД Азербайджана. Данное соглашение будет подписано к концу 2018 года. Соглашение между правительствами Азербайджана и Ирана "О строительстве и эксплуатации Ордубадской и Маразадской гидроэлектростанций", подписанного в апреле 2014 г., явилось плодотворным сотрудничеством между двумя странами по использованию реки Араз. В 2016 году соглашение было ратифицировано парламентами Ирана и Азербайджана. Основными вопросами данного соглашения были охрана биоресурсов Каспийского моря, сохранение в чистоте морской воды, вопросы совместного использования экологической среды реки Араз и Каспийского моря, играющих важную роль в экономике обеих стран.

Известно, что международным документом, регулирующим проблемы связанные с межграничными водами, является Водная Рамочная Директива

(ВРД) ЕС, которая еще не подписана ни одним южно-кавказским государством. Для разрешения проблемы загрязнения трансграничных рек в контексте международного права Республика Азербайджан присоединилась к Хельсинской конвенции «По охране и использованию водных стоков и международных озер, проходящих границу» в 2000 г. Из стран СНГ только Украина и Казахстан являются членами этой конвенции [4].

Так как соседние кавказские республики (Грузия и Армения) не подписали данную конвенцию, Азербайджан не имеет прямых рычагов влияния на эти страны. По условиям конвенции подписавшие страны, берут на себя обязательства по фильтрованию приграничных водных ресурсов, чтобы не способствовать загрязнению общих вод с соседними странами. В силу благоприятного географического положения Азербайджана не позволяет стране загрязнять воды соседних стран.

На территориях стран проводятся глобальные экологические проекты. В рамках проектов ООН Азербайджан составляет отчеты о состоянии региональных рек.

На данный момент проблема питьевой воды является глобальной перед мировым сообществом. За XX столетие использование водных ресурсов увеличилось во много раз. Критически истощаются запасы пресной воды на всем Земном шаре. Всемирная метеорологическая организация опубликовала отчет, в котором говорится что, приблизительно в 2020 году почти все население планеты столкнется с дефицитом питьевой воды. Земной шар имеет достаточное количество водных ресурсов, но они распределены неравномерно. 22 марта – международный день водных ресурсов. Рациональное потребление водных ресурсов требует значительного сокращения расходов водных ресурсов.

По исследованию ученых, в перспективе государства будут считаться экономически суверенными, не за счет ресурсов, таких как, нефть и газ, а за счет ресурсов пресной воды. На Земном шаре появится новый режим – режим «жидкого дефицита».

Литература

1. Алекперов А.Б., Алиев Ф.Ш., Исрафилов Ю.Г. Гидрогеология. Т. VIII. Баку: Нафта-Пресс, 2008. 380 с.
2. Будагов Б.А., Микаилов А.А., Ализаде Э.К. Особенности морфоструктур восточной части Большого Кавказа по материалам дешифрирования космических снимков // Геоморфология. 1988. № 4. С. 35 – 43.
3. Вердиев Р.Г. Водные ресурсы рек Восточного Кавказа в условиях изменения климата. Баку, 2002. 224 с.
4. Иманов Ф.А. Карта экологического стока рек Азербайджана // Национальный Атлас Республики Азербайджан. Баку, 2014. 175 с
5. Кумсиашвили Г.П. Гидроэкологический потенциал водных ресурсов. М.: ИКЦ «Академкнига», 2005. 270 с.
6. Никитина О.И. Экологический сток и его значение для пресноводных экосистем. Экологический сток в бассейне Амура // Всемирный фонд дикой природы (WWF) России. (Отчет). М., 2015. 97 с.

ПОДХОДЫ К ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ СТЕПНЫХ ТРАВЯНИСТЫХ СООБЩЕСТВ КУРСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

С.Г. Сапронова, И.П. Балабина

Курский государственный университет, Россия

e-mail: sapronova-sv@rambler.ru

Аннотация: Описываются работы, проведенные по изучению экологической природы видов, произрастающих в лугово-степных фитоценозах Курской области. Дается характеристика выявленных эколого-фитоценологических групп в ходе полевых исследований данных травянистых сообществ.

Ключевые слова: травянистые сообщества, экологический анализ, эколого-фитоценологическая группа, экологические.

Степные травянистые сообщества с давних пор были объектом проведения исследований многих геоботаников, вследствие их уникальности и оригинальности, а так же близкого расположения от путей сообщения. Глубокие исследования по изучению степных участков курского приграничья начались благодаря деятельности В.В. Алехина. Именно он первым открыл и описал исключительное своеобразие лугово-степных сообществ, обратил внимание на необходимость изучения травянистых фитоценозов в зависимости от природных условий.

Нормальный рост и развитие растений возможен лишь при оптимальном соотношении экологических факторов, которые и определяют приуроченность представителей к конкретным местообитаниям. Несмотря на то, что многие ученые (В.Н. Голубев, Г.И. Дохман, М.И. Падеревская и др.) проводили работы по изучению экологической природы растений, произрастающих на территории северной лесостепи, экологическая классификация видов разработана очень слабо. [1, 2].

На основе экологических свойств конкретных видов растений, реакции растений на разные экологические факторы, составлены экологические шкалы. Наиболее популярными работами в данной области явились труды Т.А. Работнова, Л.Г. Раменского и др. [4]. Последним были предложены стандартные шкалы по таким факторам как увлажнение, засоленность, аллювеальность, пастбищной нагрузке и т.д. Экологический анализ позволяет объединить виды в экологические группы. Ряд авторов И.С. Михайловская, А.О. Тарасов в своих трудах говорят о том, что экологические типы растений (мезофиты, ксерофиты, гигрофиты) сформировались под влиянием воды на растительные организмы [3, 5].

Нами были проведены исследования по выявлению приспособленности травянистых растений, зафиксированных в фитоценозах Курской области к экологическим условиям и определено их отношение к экологическим типам.

Они включают в себя следующие типы: настоящие ксерофиты, эфемерные ксерофиты, эфемероидные ксерофиты, ксеромезофиты и мезоксерофиты, мезофиты.

Наибольшее количество травянистых растений в степных сообществах относятся к ксеромезофитам – 33,4%. Это виды степных экосистем, произрастающие в небольших понижениях рельефа, в западинах, на восточных и северных склонах балок, иногда встречающиеся на опушках. Представители данного типа чаще всего относятся к степно-луговой эколого-фитоценотической группе. Среди них преобладают виды палеарктического или паннонско-палеарктического центра происхождения, которые проникли из западных более влажных степей.

На втором месте находятся мезоксерофиты, представленные 26,7%. Это степные растения относительно ксерофильного характера, по сравнению с ксеромезофитами, распространенные на плакорных участках степи, часто на остепненных песках, южных склонах балок, остепненных лугах. Своим происхождением они связаны с более южными степями и характеризуются наличием приспособлений для защиты в более жестких условиях, по сравнению с типичными мезофитами.

Третье место в процентном отношении типов занимают мезофиты (25,4%). Присутствие их в степных фитоценозах возможно благодаря проникновению их из суходольных лугов, которые располагаются вблизи, луговых растительных сообществ склонов балок. Так же происходило переселение в степные экотопы и видов, относящихся к опушечно-лесной мезофитной группе, и частично сорных растений, представленных на протоптанных тропинках, сбитых пастбищах. Климатические условия также способствуют выработке форм мезофитной экологической группы. На местах где сложились более влажные условия, произрастают виды данной группы, так как они наиболее благоприятны для их вегетации. В ряде случаев возможно даже их замещение аборигенных представителей.

Незначительную часть в травянистых сообществах составляют ксерофиты (9,1%). К ним относятся виды, приспособленные к произрастанию в сухих экотопах и связанные по происхождению с пустынями, полупустынями. Настоящие ксерофиты представлены рядом типичных псаммофитов. В группу были отнесены и кальцефиты, произрастающие на меловых субстратах.

Однолетние растения с коротким циклом вегетации относятся к группе эфемерных ксерофитов и составляют 3,9%. Такой небольшой процент в степных фитоценозах можно объяснить неблагоприятными климатическими условиями степных экотопов для развития именно этих представителей. Кроме того, их обильному произрастанию препятствует и высокое проективное покрытие в вегетационных период которое в ряде случаев может достигать 95-100 % за счет задернованности злаками. Поэтому озимые эфемеры развиваются в массовом количестве на участках, где произошло оголение почвы по различным причинам. Все эти факторы приводят к

незначительной представленности группы в степных травянистых сообществах.

Наименьший процент приходится на эфемероидные ксерофиты (1,5%), к которым относят луковичные и клубневые коротковегетирующие растения. Для данных видов характерно нахождение луковиц и клубней на небольшой глубине, около 10 см от поверхности почвы. Данный горизонт почвы занят многочисленными корнями злаков и двудольных растений, которые являются конкурентами для эфемероидов. Именно плотной занятостью этой экологической ниши другими экологическими формами объясняется сложность как произрастания так размножения и расселения в стесненном пространстве задернованного поверхностного слоя почвы многолетниками. В этих условиях затруднено и семенное возобновление растений.

Проведенный экологический анализ травянистых растительных сообществ курского приграничья выявил, что на данной территории сложились благоприятные условия для развития ксеромезофильных и мезоксерофильных экологических форм.

Литература

1. Голубев В.Н. Эколого-биологические особенности травянистых растений и растительных сообществ лесостепи. – М.: Наука, 1965. – 267 с.
2. Дохман Г.И. Лесостепь европейской части СССР. – М.: Наука, 1968. – 271 с.
3. Михайловская И.С. Строение растений в связи с условиями жизни. 2-е изд., – М.: Просвещение, 1977. – С. 7 – 70.
4. Раменский Л.Г. и др. Экологическая оценка кормовых угодий по растительному покрову. М.: Сельхозгиз, 1956. – 472 с.
5. Тарасов А.О. Экология и охрана природы: Учебное пособие. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1990. – 248 с.

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ПРИРОДНОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ, НЕГАТИВНО ВЛИЯЮЩИЕ НА ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

И.С. Семенова

*Российский государственный гидрометеорологический университет
(РГГМУ), г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: is_semenova@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена экологически обусловленной заболеваемости населения Мурманской области.

Ключевые слова: Заполярье, Мурманская область, городская среда, экологические факторы, заболеваемость.

Географическое положение Мурманской области, большая часть которой находится за Полярным кругом, само по себе обуславливает целый ряд природных факторов вредных и опасных для здоровья человека. К ним относятся: долгая холодная зима, короткое прохладное сырое лето, сильные ветра и высокая влажность воздуха, усиливающие ощущение холода, смена

полярного дня и ночи, длительный период биологических сумерек, частые и сильные геомагнитные возмущения, бедность витаминами пищевой продукции местного производства, низкое содержание кислорода в воздухе, острый недостаток микроэлементов в питьевой воде и многое другое [1].

Следствием этого являются повышенные показатели общей заболеваемости взрослого населения и детей. Особенно распространены болезни органов дыхания, кровообращения, пищеварительной и эндокринной систем и обменные нарушения, в том числе тяжелые [2].

Суровые природно-климатические условия, практически полностью исключающие развитие растениеводства в открытом грунте, а также богатство территории минеральными, лесными и другими природными ресурсами вкупе с важным геополитическим и стратегическим положением этой приграничной территории обусловили специфику ее освоения и во много предопределили отраслевую структуру хозяйства и систему расселения населения.

Практически полное отсутствие здесь сельскохозяйственного производства и его абсолютная нерентабельность обусловили резкое доминирование городских поселений и повышенную по сравнению с другими регионами РФ долю городского населения. В 2016 г. городское население Мурманской области составляло 92,4% против 74,3% по стране [3].

Отдельную и весьма многочисленную категорию жителей Мурманской области составляют военнослужащие многочисленных воинских частей, дислоцированных на территории области, вместе с членами семей.

Хозяйственная специализация Мурманской области весьма характерна для Северных и Восточных районов нашей страны, где закономерно преобладают отрасли, связанные с добычей и первичной переработкой минерального сырья, а также заготовкой лесных ресурсов.

Преобладание в экономике «нижних» этажей добывающей промышленности и тяжелых, зачастую вредных производств по первичной переработке сырья заметно сужает выбор мест приложения труда для местного и пришлого населения. Большинство мурманчан занято на тяжелой, вредной, а подчас и просто опасной работе, которая оказывает очень сильную, многогранную, постоянно действующую нагрузку на организм.

В таких условиях особое значение приобретают жилищные условия. Суровый климат и тяжелый труд требуют более просторного и благоустроенного жилья. Однако в последние годы (с 2010 г.) жилищное строительство в Мурманской области практически не ведется. По вводу в действие жилых домов на 1000 человек населения в 2016 г. область занимала 83 место среди 85 субъектов Российской Федерации [3].

Несколько лучше дело обстоит с жилобеспеченностью на душу населения в м². Однако незначительное увеличение жилплощади на душу (с 23,2 м² в 2005 г. до 25,1 м² в 2016 г.) происходит исключительно в связи с убылью населения как за счет стойкого преобладания смертности над рождаемостью, так и с постоянным миграционным оттоком населения. На 1

января 2016 г. численность населения области по сравнению с аналогичным показателем 2015 г. сократилась на 0,6% или на 5 тыс. жителей [3].

Одновременно происходит увеличение доли ветхого и аварийного жилья, причем в основном за счет аварийного. Наблюдаемое в последние годы сокращение ветхого жилья объясняется переводом многих ветхих домов в категорию аварийных, что совершенно недопустимо, особенно в условиях Севера [3].

Весьма значительный вклад в ухудшение здоровья населения вносит экологическое неблагополучие многих территорий Мурманской области. Основными источниками загрязнения воздушного, водного бассейнов, а также почв и грунтов являются «Кандалакшский алюминиевый завод», «Кольская горно-металлургическая компания», «Мурманский траловый флот», «Оленегорский ГОК», Северный флот России, Кольская АЭС, Апатитская ТЭЦ, Мурманская ТЭЦ и другие [4].

Неудивительно, что загрязнения вод, почв и воздуха выбросами промышленных предприятий наиболее характерны для поселка Никель (Печенгский район), городов Заполярный, Мончегорск, Апатиты и Мурманск.

Основными загрязняющими веществами для воздушного бассейна здесь являются оксиды азота, диоксид серы, взвешенные вещества, бензол, формальдегид, бенз(а)пирен, фенол, никель, свинец. На загрязненных ими территориях наблюдается повышенная заболеваемость болезнями органов дыхания, глаз, крови и кроветворных органов, эндокринной системы и связанными с ними нарушениями обмена веществ [2].

Питьевые воды загрязнены никелем и алюминием, причем к химическому загрязнению часто прибавляется биологическое. Это приводит к учащению заболеваний болезнями крови и кроветворных органов, нервной системы и новообразованиям [2].

Загрязнение почв химическими компонентами вызывают болезни кожи и подкожной клетчатки [2].

Особого упоминания заслуживают такие факторы техногенной среды как электромагнитное загрязнение, шум и вибрация. От них в наибольшей степени страдают работники соответствующих производств, где преобладают мужчины трудоспособного возраста. Среди них повышены показатели заболеваемости с временной утратой трудоспособности, злокачественными новообразованиями. Для них же характерны снижение средней продолжительности жизни и повышенная смертность от болезней системы кровообращения и злокачественных новообразований [2].

Ситуацию заметно усугубляет низкий уровень реальных денежных доходов большинства населения. По величине среднедушевых денежных доходов населения в 2016 г. Мурманская область занимала 13 место среди субъектов РФ, а по величине прожиточного минимума 10 место. Для Северных регионов страны вообще характерно заметное удорожание жизни населения. Прожиточный минимум в них заведомо выше, чем на Юге и даже

в Средней полосе. В 2016 г. 13% населения Мурманской области имело денежные доходы ниже официального прожиточного минимума [3].

При этом следует учитывать практически полную невозможность получения дополнительных доходов в неденежной (натуральной) форме. По причинам природно-климатического характера на территории области практически отсутствуют приусадебные хозяйства и др. Возможности сбора грибов, ягод и других даров леса также во многом лимитированы экологическим неблагополучием пригородных территорий, особенно в окрестностях «грязных» производств.

В сложившейся ситуации особое значение приобретает возможность получения полноценного отдыха в период отпуска и в течение года. Однако для подавляющего большинства населения поездки на зарубежные и даже российские курорты остаются недоступной роскошью.

В 2016 г. в турпоездки по России смогли отправиться лишь 4,9 тыс. мурманчан, а за границу выехали 11,4 тыс. человек, т.е. всего 16,3 тыс. человек (2,1% населения области) [3].

Отсутствие полноценного отдыха способствует более быстрому износу всех органов и систем организма, появлению синдрома хронической усталости, снижению иммунитета, в том числе неспецифического. Итогом всех этих негативных изменений становится повышенная заболеваемость, преждевременное старение и сокращение общей продолжительности жизни.

В качестве вывода можно сказать, что Мурманская область обладает характерным для Заполярья сочетанием неблагоприятных, вредных и опасных для человека факторов природной и социально-экономической среды. И если первые нам неподвластны, то вторые можно и нужно сводить к минимуму за счет усилий государства и бизнеса [5].

Природоохранные и социальные проекты дороги и в большинстве своем заведомо некупаемы. Однако помимо экологических и этических соображений следует учитывать и тот факт, что экономия на социальных и природоохранных мероприятиях в долговременной и даже в среднесрочной перспективе неминуемо обернется не только обострением экологических и социальных проблем, но и весьма внушительными финансовыми издержками. При этом убытки в разы превысят суммы, необходимые для поддержания экологического равновесия и жизнеспособности ранимых тундровых, лесотундровых и северотаежных экосистем Европейского Севера, а также охраны здоровья населения.

Литература

1 Семенова И.С. Экологические факторы, действующие на организм человека в высоких широтах. Герценовские чтения. Факультет географии РГПУ им. А.И. Герцена. (Краткое содержание докладов) /под ред. д.г.н., проф., чл.-кор. РАН В.А. Румянцева – СПб.: Тесса, 2005. – С.95 – 96.

2 Доклад о состоянии и об охране окружающей среды в Мурманской области в 2017 году. – Мурманск: Министерство природных ресурсов и экологии Мурманской области, 2018. [Электронный ресурс]. – URL: <https://gov-murman.ru> (дата обращения: 24.08.2018).

3 Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. Статистический сборник. – М.: Статистика, 2017. [Электронный ресурс]. – URL:<http://gks.rureg-pok17.pdf> (дата обращения: 02.08.2018).

4 Васильева В.Н., Жигунова Г.В. Экологическая ситуация на территории Мурманской области: региональные проблемы и перспективы их решения в условиях информационного общества. 2017 [Электронный ресурс]. – URL: <http://fikio.ru/?p=2736> (дата обращения: 27.07.2018).

5 Семенова И.С. Демографические проблемы Арктического региона. Учебное пособие. – СПб.: РГГМУ, 2012. – 230 с.

ОСОБЕННОСТИ УНИКАЛЬНЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

И.Ю. Сошникова

Курский государственный университет, Россия

E-mail: irina-ozeroва@yandex.ru

Аннотация: Уникальные и особо охраняемые природные территории играют важную роль в сохранении биоразнообразия. Особое значение роль в решении данной проблемы возлагается на пригородные природные территории, испытывающие значительное антропогенное воздействие. Изучение естественных биогеоценозов, являющихся индикаторами экологического состояния природы, позволяет не только сохранить природную среду, но и осуществлять контроль за изменением природных компонентов в различных сферах.

Ключевые слова: уникальная природная территория, почвенный покров, антропогенное воздействие.

История уникальной природной территории Знаменская роща в городе Курске насчитывает почти 300 лет. В 1722 г. Курский Знаменский мужской монастырь приобрел себе большое урочище с вековыми деревьями у реки Кур в северной стороне от Курска. Урочище по имени монастыря получило название Знаменская роща. Монастырь владел конным двором, огородом и лесом. Густой лес начинался на равнинной части водораздела и спускался широким языком с горы в долину, к низовью реки Кур.

С 1833 года в этом урочище размещалась летняя резиденция священнослужителей и небольшой монастырь. Благодаря заботе служителей монастыря были посажены и возвращены великолепная дубрава, богатейший фруктовый сад с ягодниками, обустроен скотный двор. У реки Кур выкопано несколько прудов, которые были полны разнообразной рыбы. На берегу пруда стояла мельница. Священнослужители проложили липовую аллею, которая сохранилась до сегодняшнего дня [6].

В Знаменской роще росли в 18 веке и сохранились до наших дней дуб, ясень, клен остролистный, яблоня лесная, ива серая, клен полевой, тарник, лещина, калина, бересклет, бузина черная, крушина. Священники проложили липовую аллею, которая сохранилась до сих пор. Сейчас это насаждение дает представление о состоянии курских лесов в прошлом.

Священнослужители ушли из Знаменской рощи, прожив здесь более века. С того времени с этим уголком природы были связаны самые смелые планы различных организаций. Во время Первой мировой войны в загородном архиерейском доме был устроен госпиталь для раненых. После Октябрьской революции в здании бывшей архиерейской дачи располагался губернский отдел социального обеспечения. В конце двадцатых годов здесь размещалась опытная сельскохозяйственная станция имени Октябрьской революции, а позже – плодово-ягодный техникум [6].

С образованием в 1934 году Курской области это красивое и благоустроенное урочище облюбовало высокое областное начальство, устроив себе дачи. Роща стала недоступна для простых курян.

Во время Великой отечественной войны зимой 1942 года в овраге Знаменской рощи оккупанты расстреляли сотни жителей города и военнопленных. В годы хрущёвской «оттепели» роща вновь стала доступна курянам – здесь несколько лет работал детский санаторий. В пятидесятые годы в Знаменке проводились все лыжные соревнования [2].

В 1977 году парк «Знаменская роща» был объявлен государственным памятником природы местного значения, а в 1990 году Знаменская роща была объявлена заповедным парком. С 1991 года по 2000 год здесь находился санаторий матери и ребёнка «Знаменская роща», в котором лечили заболевания опорно-двигательного аппарата и нервной системы у детей [6].

В октябре 2001 года Знаменская роща была возвращена Русской Православной Церкви. 6 июля 2009 года вышло постановление администрации Курской области №218, согласно которому из 80 особо охраняемых природных территорий сохранили свой статус только четыре. Статус памятника природы потеряло и урочище Знаменская роща [1].

Сейчас список памятников природы Курской области формируется заново (с подготовкой всех необходимых документов и проведением мероприятий). В 2012 году администрацией Курской области принято Постановление об утверждении Схемы развития и размещения особо охраняемых природных территорий в Курской области на период до 2020 года [2].

В Перечне планируемых к созданию до 2020 года особо охраняемых природных территорий регионального значения – памятников природы – отмечено и урочище Знаменская роща как Парк «Знаменская роща». Обоснование создания этого памятника природы – сохранение разнообразия растительного и животного мира.

На сегодня законодательно еще не решен вопрос придания урочищу Знаменская роща статуса памятника природы.

На протяжении нескольких лет продолжается работа по изучению почвенного и растительного покровов данной территории.

Почвенный покров играет огромную роль в формировании природно-территориального комплекса. Важнейшим фактором, влияющим на формирование растительного покрова, является плодородие почвы. Особенности формирования почвенного покрова небольших территорий, в

т.ч. Знаменской рощи, во многом связаны с влиянием свойств пород и рельефа на характер растительности и почвообразование.

Почвенный покров Знаменской рощи представлен серыми лесными почвами. Гранулометрический состав почвы урочища Знаменская роща последовательно изменяется от легкосуглинистого до тяжелосуглинистого с востока на запад. На дне высохшего пруда почвы легкосуглинистые.

Структура оказывает большое влияние на плодородие почв. Почвы урочища характеризуются хорошим и отличным структурным состоянием. При этом самый высокий показатель выявлен на площадке 1 и составляет $K_{ст}=4,81$ (табл. 1).

За период наблюдения с 2006 по 2017 г.г. произошли некоторые качественные изменения в почвенном покрове урочища.

Так, содержание гумуса в почвенных образцах урочища за весь период наблюдения составляет 5,4.

Таблица 1

Результаты структурного анализа почвы урочища «Знаменская роща»
по И. Савинову (сухое просеивание)

Нумерация исследуемой точки	Коэффициент структурности	Содержание агрегатов 0,25 - 10 мм, % от массы воздушно-сухой почвы	Оценка структурного состояния
1	4,81	82,79	отличное
2	1,90	65,52	хорошее
3	1,74	63,56	хорошее
4	2,75	73,33	хорошее
5	1,75	63,65	хорошее

Наименьшее количество гумуса отмечается в 2006 году (4,9%), к 2017 г. его количество увеличилось в среднем на 16% (рис. 1). Следует отметить, что именно в центральной части Знаменской рощи, где наблюдается интенсивное рекреационное использование территории, количество гумуса составляет 2,67% [3]. В общем, верхний десятисантиметровый слой по содержанию гумуса является среднегумусированным.

Таблица 2

Изменение показателей состояния почвенного покрова
урочища «Знаменская роща»

Год	Показатели состояния почвенного покрова (среднее)					
	гумус, %	кислотность	среднее содержание Ca^{2+} , мг экв на 100 г почвы	среднее содержание Mg^{2+} , мг экв на 100 г почвы	среднее содержание фосфора, мг-экв на 100 г почвы	среднее содержание минерального азота, мг-экв на 100 г почвы
2006	4,9	6,1	18,32	3,44	18,5	4,05
2012	5,5	5,72	18,48	3,98	18,04	4,67
2014	5,9	5,50	19,84	4,52	17,88	5,63
2017	5,8	5,32	19,02	4,63	17,81	5,64

Почвы урочища относятся к слабокислым. На дне высохшего пруда - почвы кислые. Подкисленные почвы на дне пруда обусловлены интенсивным ростом древесной растительности (ивы), которая предполагает кислые почвы и способствует подкислению.

Значение показателя рН почвы за период наблюдения уменьшился в среднем на 9,8%, что свидетельствует об увеличении кислотности почвы. Увеличение кислотности может быть связано с кислыми атмосферными осадками, образующимися в результате растворения в атмосферной влаге окислов азота и серы, содержащихся в газовых выбросах промышленных предприятий и транспорта.

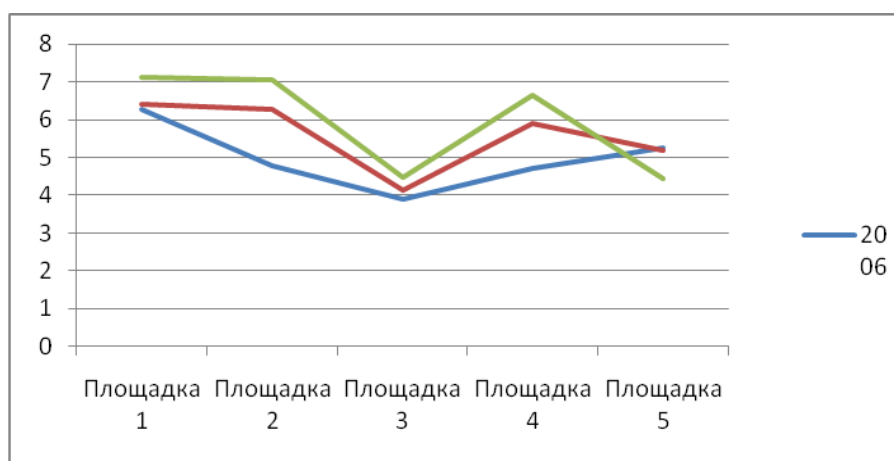

Рис. 1. Динамика количества гумуса в почвенном покрове урочища «Знаменская роща»

Почва Знаменской рощи характеризуется высоким и очень высоким содержанием обменного кальция. Элементы распределены по территории приблизительно равномерно, без резких скачков, незначительное увеличение наблюдается только в южной части парка, в районе жилых построек (24,8-26,8 Са мг-экв на 100 г почвы) [3]. С 2006 года его содержание в почве в среднем увеличилось на 5,5% (табл. 1).

Содержание обменного магния варьирует от среднего (1,8мг экв на 100 г почвы) до очень высокого (7,8 мг экв на 100 г почвы). За период наблюдения содержание магния на площадках 1, 2, 4 увеличилось 44,3%, а на площадках 3 и 5 уменьшилось на 19,1% (рис.2).

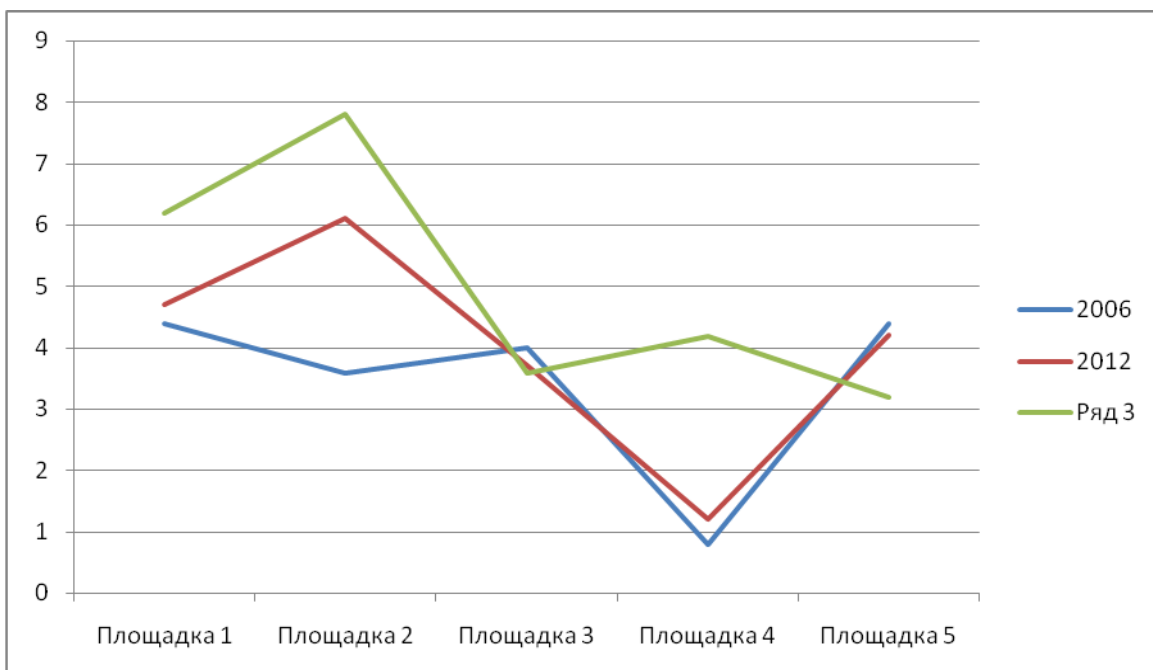

Рис. 2. Изменение содержания магния в почвенных образцах урочища «Знаменская роша» (мг экв на 100 г почвы)

Среднее содержание подвижных форм фосфора (P_2O_5) в почвах очень сильно колеблется в пределах урочища. Так, в центральной части характерно низкое и среднее содержание (3,5-8,0 мг/100г) и резко возрастает на территории вблизи построек – 24 мг-29,5 мг на 100 г почвы [3]. С 2006 года количество фосфора изменилось незначительно (табл.3).

Содержание минерального азота в целом достаточно для роста и развития растений и составляет 3,61 мг до 4,85 мг/100 г почвы.

В результате исследования растительного покрова урочища можно отметить увеличение количества засохших и упавших деревьев. Одной из причин большого количества засохших деревьев является изменения микроклимата, вследствие высыхания пруда на территории урочища. Вторая причина это предельный возраст деревьев, так как Знаменская роша является довольно древней природной территорией. Также в роше увеличилось количество подроста клена платановидного и дуба черешчатого.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о благоприятном состоянии почвенного и растительного покрова урочища «Знаменская роша», которое на протяжении 8 лет сохраняется стабильным.

Тем не менее, значительное количество бытового мусора на территории урочища, места кострищ, колея автомобильных дорог не только являются дополнительными источниками загрязнения, но и резко снижают эстетические качества данной территории. В связи с чем, необходима разработка и выполнение ряда мероприятий для поддержания экологического состояния данного уникального объекта г. Курска.

Литература

1. Кадастровый отчет по ООПТ памятник природы регионального значения «Парк Знаменская роша». Кадастровый отчет составлен ИАС «ООПТ России» 31.03.2015.

2. Постановление администрации Курской области от 20 июля 2012 г. N 607-па об утверждении Схемы развития и размещения особо охраняемых природных территорий в Курской области на период до 2020 года.
3. Сошникова И.Ю. Результаты исследования почвенного покрова памятника природы «Урочище Знаменская роща» // Геоэкологические исследования и их отражение в географическом образовании: Сборник статей по материалам Международной науч.-практ. конф. – Курск, Курск. гос. ун-т, 2007. – С.108 – 113.
4. Сошникова И.Ю. Динамика содержания тяжелых металлов в почвах уникальных природных территория Курской области // Теоретические и практические аспекты науки и образования: Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конф. – Волгоград: СМИ «Научный руководитель», 2014. – С.23 – 26.
5. Сошникова И.Ю., Комарова Я.Н. Особенности состояния почвенного покрова урочища «Знаменская роща» // Современное общество, образование и наука: Сборник научных трудов по материалам международной науч.-практ. конф. – Тамбов, 2015. – С. 128 – 130.
6. <http://old-kursk.ru/book/stepanov/ptv3-21.html> - Степанов В. Знаменская роща. (дата обращения: 15.09.2015).

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НА АДМИНИСТРАТИВНЫХ ГРАНИЦАХ СУБЪЕКТОВ РФ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ И БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

А.А. Чернышев, С.Г. Казаков

Курский государственный университет, Россия
e-mail: *planetograph@yandex.ru, kazaks@rambler.ru*

Аннотация: Внутренние административные границы между субъектами РФ зачастую выполняют такую же «барьерную» функцию, как и самые неблагоприятные участки границы государственной. Слабая «проницаемость» административных границ вызвана не только отсутствием трансграничных коммуникаций (за исключением крупных федеральных трасс, все прочие типы автомобильных дорог у границы «обрываются»), но и существенными различиями в региональных законодательствах, что нередко приводит к значительным экологическим проблемам.

Ключевые слова: бассейн реки Псел, Курско-Белгородская административная граница, животноводческие комплексы, свекловичное производство, гибель ихтиофауны, проблемы административного деления.

Административное деление России в значительной степени является наследием советского принципа национального строительства и создания национальных автономий. Это не единственный фактор, который разделил крупнейшую страну на внутренние регионы. План ГОЭЛРО и создание сетки экономических районов так же во много предопределили административное районирование.

Однако и у первого, и у второго способа существуют, как показало время, огромные недостатки. Выделение национальных образований чревато подогреванием сепаратистских и центробежных процессов. А ориентация на крупный экономический центр и его «хинтерланд» в вопросах административного деления, по прошествии нескольких десятилетий, может

привести к коллизии подобной истории с г. Иваново. Сразу после революции 1917г. крупное промышленное село Иваново-Вознесенское сперва сделали городом и губернским центром, а затем при «закате» текстильной промышленности в конце XX века оказалось, что в областном центре депопуляция и экономический кризис настолько велики, что «тянут» за собой вниз весь регион. Город, который на сегодняшний момент является лидером экономического роста, совсем необязательно останется таковым спустя какое-то время.

Кроме социально-экономических критериев для выделения административных границ со временем стали предлагаться и другие варианты, особенно в связи с «экологизацией» общества, а вернее, с попыткой решения проблем природоохранного характера.

Это тем более оказалось актуальным, когда повсеместно создаваемые Красные книги областного значения должны были обеспечить охрану на незначительной по площади территории живых организмов, характерных для двух, а то и трех разных природных зон, как например в Курской области.

Одним из возможных решений является проведение административных границ по водоразделам крупнейших рек - в этом случае регион будет совпадать с территорией речного бассейна [1]. Однако на деле такая реформа неизбежно столкнется с сопротивлением национальных элит и местных «экономических кланов». Есть еще одна опасность такого подхода – вся современная транспортная инфраструктура приспособлена к существующим связям в системе «областной центр – периферия». При укрупнении регионов до речного бассейна, неизбежно изменится административный центр, что нарушит сложившиеся каналы управления и диффузию инноваций. Тем не менее, бассейновый подход при административном делении может положительно сказаться на экологическом и природоохранном развитии регионов, поскольку исчезнут проблемы межрегионального взаимодействия в этих вопросах.

Пока же в пограничном разделении субъектов и государств чаще всего используются не водосборы, а русла рек. В этом имеется своя логика - удобство и четкость в восприятии границы, а при разделении государств - естественный природный рубеж. Но, при различных видах природопользования данное разграничение приводит к серьезным проблемам [2].

Рассмотрим для примера левый приток реки Псел - реку Пена. По ее устьевой части проходит граница между Курской и Белгородской областью (от с. Пены до с. Хомутцы). При этом правобережная часть поймы не выражена и практически сразу подходит к коренному берегу, а левобережье представляет мощную заболоченную пойму, являющуюся прекрасным водно-болотным комплексом.

По абсолютно непонятным причинам, открытие летне-осенней охоты на птицу в Белгородской и Курской области отличается на недельный срок. В связи с чем на левобережной пойме, территориально относящейся к Курской области, но из-за сильной заболоченности не имеющей четкой границы,

охота «открывается» дважды. При этом представители Белгородской области чаще всего не соблюдают никаких правил, особенно в нормативах отстрела. Принцип очень прост: при проявлении органов курского охотнадзора достаточно пройти 100-200 метров и оказаться на неподведомственной им территории [3].

Определенные трудности испытывают и законопослушные охотники. Сбитая птица может упасть на территорию соседней области, куда доступ охотнику уже запрещен, в связи с чем резко увеличивается количество пропавшей зря дичи.

Но куда более серьезной проблемой является охрана рыбных запасов. Причем кроме фактов варварского браконьерства, опять-таки никак не пресекаемого из-за пограничного, а, следовательно, спорного ведомственного подчинения, ежегодно стали отмечаться массовые летние заморы рыб, по всем признакам вызываемые сбросами с сельхозпредприятий.

Так, в начале августа (10-12.08) 2017 года в реке Илек на территории Курской области был отмечен массовый замор рыбы. По данным лаборатории филиала «ЦЛАТИ по Курской области», в воде было зарегистрировано превышение ПДК по марганцу в 260 раз, ПАВ превышали в 110 раз, концентрация кислорода ниже нормы в 6 раз [4].

Гибель рыбы была зарегистрирована практически на всем протяжении реки по Курской области, т.е. более 25 км. Попадание отравленных вод в Псел было предотвращено только мощной системой биофильтрации, возникшей из-за осушения Илька в 1960-65 годах. Вместо одно русла здесь имеется сильно заросшая сеть мелиоративных каналов, которая замедлила прямой сброс. Но отравленные воды не «дошли» до Псла всего 2-3 км.

В качестве основного источника сброса был выявлен сахарный завод в п. Красная Яруга, находящийся на территории Белгородской области, поэтому не относящийся к юрисдикции прокуратуры Курской области. Дело оказалось в конечном итоге закрытым. Официальная информация о виновных в массовой гибели рыбы не поступила.

В июле 2018 года (21-24) была отмечена массовая гибель рыбы в реке Псел от г. Обоянь до с. Бушмено, т.е. практически на территории 2/3 Обоянского района. В первую очередь пострадал участок ЦЧЗ им. В.В. Алехина «Пойма Псла» [5].

Сотрудники заповедника в течении недели тщательно выявляли степень нанесенного ущерба и, главное, причины гибели рыбы, для чего 29.07. 2108 была создана комиссия с участием сотрудников заповедника, работников Росприроднадзора и сотрудников Курского государственного университета. Комиссия определила следующее.

Гибель рыбы несла массовый характер, как минимум в течение 4-6 дней; пострадали практически все виды рыб, ранее отмечавшиеся в Псле на данном участке (сотрудниками ЦЧЗ совместно с преподавателями КГУ совсем недавно были проведены двухлетние исследования ихтиофауны).

Максимально пострадали ценные промысловые виды, такие как щука, линь. Только с площади 0,4 га акватории Псла было собрано для

фиксирования более 20 экземпляров щуки (*Esox lucius*), имеющих уже промысловые размеры общей массой более 17 кг. При этом большое количество шук (до 75-80 особей) возраста 1-2 года и сеголетков (учету не поддающихся) не собиралось.

Погибшие лини (*Tinca tinca*) достигали размера до 35 см, значительная часть уже разложившиеся. Также отмечены в большом количестве погибшие плотва (*Rutilus rutilus*), красноперка (*Scardinius erythrophthalmus*), укляя (*Alburnus alburnus*), густера (*Blicca bjoerkna*), окунь (- *Perca fluviatilis*) и другие виды. У всех отмеченных рыб жаберные лепестки черного цвета, что является типичным признаком гибели от нехватки кислорода в воде, т.е. явления замора.

Вода покрыта пеной и радужной пленкой, прозрачность минимальная. Вода на ощупь имеет ощущение мыльной и издает запах гниения белковых тел. На песчаном дне виден типичный буровато-красный осадок.

Попытки органов Росприроднадзора представить это как естественный замор, вызванный попаданием в Псел загнивших вод с заболоченных мелководий, не выдерживают никакой критики. Такие явления действительно иногда имеют место. Например, в 2004 году наблюдалось частичное угнетение рыб и речного рака на месте залитых летним паводком луговин в пойме р. Илек и даже заморное пятно в устье р. Псел площадью около 20-25 м². Но этому способствовал ряд следующих факторов: подъем воды на высоту 1,2 метра по пойме р. Илек с подтоплением площади до 4 км²; высокие температуры (ср. суточная доходила до 24° С) в течении 10-12 дней после прекращения дождей, когда был отмечен стабильно высокий уровень паводковых вод. Но гибель рыбы носила буквально единичный характер, только на ограниченной площади в р. Илек (не более 2 га), и практически не отмечена в русле Псла.

На момент начала замора в реке Псел в 2018 году, уровень паводковых вод не превышал норму даже на 1 м, т.е. потенциальная площадь подтопления была незначительна. Среднесуточные температуры воздуха по метеостанции «Обоянь» не превышали 20°С (20,4). С учетом длительного дождливого периода, интенсивно насыщавшего воду кислородом, вода на мелководьях не загнивала. Но даже при совокупности всех неблагоприятных факторов, гибель рыб в таком объеме и на таком протяжении была бы невозможна. Необходимо отметить, что ниже по течению г. Обоянь в Псел впадает большое количество правобережных притоков: Трубеж, Усланка, Туровка, Каменка, Рыбинка, которые в данном конкретном случае улучшали кислородный режим.

Прекращение гибели рыбы в Псле было отмечено только после прохождения вод через мощную систему плавневой зоны на границах Обоянского и Беловского районов (от устья Пены до устья Рыбинки).

Не вызывает сомнений антропогенный фактор, приведший к гибели животных в реке Псел, в том числе и на территории ООПТ, входящего во

Всемирную сеть биосферных резерватов и имеющий международный Сертификат биосферного резервата ЮНЕСКО [6].

Скорее всего, ливневые потоки (по метеостанции «Обоянь» с 12.07. по 23.07 выпало до 160 мм осадков) спровоцировали смыв агрессивной среды. Потенциально сюда входят отходы сахарных заводов, фекальные массы животноводческих комплексов, минеральные удобрения и ядохимикаты.

По характеру гибели рыбы, содержанию кислорода в воде (1 часть при ПДК 6), цвету воды и пены на ней, было очень схоже с попаданием в воду фекальных масс с животноводческих комплексов.

При изучении расположения данных объектов в бассейне Псла была выявлена следующая ситуация. В Пристенском районе, на водосборе системы правых притоком Псла (Пселец-Запселец) было отмечено минимум 6 комплексов, из которых 2 представляют максимальную опасность. Они расположены на вершине водораздела Псла и Сейма, на высотах около 240 м, практически в отрогах оврагов, дающих начало Псельцу.

Отстойники этих комплексов выходя сразу в овражно-балочную систему. Т.е. при любой аварийной ситуации, сброс осуществляется в реки. Учитывая абсолютную высоту, падение рек в данном месте составляет до 0,4 м/км, что приведет к максимальному по скорости сбросу агрессивной среды до главной речной системы – Псла.

На водосборе р. Псинка, правого притока р. Псел, протекающей через с. Ракитинка, также расположено три комплекса на высотах до 240 м, при крутизне склонов до 4°.

Аналогичная картина отмечена и на территории Белгородской области. В верховьях некрупных водотоков (левобережные притоки Псла), устья которых впадают в Псел между с. Пересыпь и с. Шипы находится пять животноводческих комплексов.

Такая высокая плотность животноводческих комплексов не соответствует принципам обоснованного сочетания земледелия и животноводства, которые необходимо строго соблюдать при организации сельскохозяйственного производства.

Нарушение имеющихся нормативов ухудшает условия для воспроизводства плодородия почвы, а при перегрузке поголовья на единицу земельной площади нерационально используются органические удобрения, обостряется экологическая ситуация в результате загрязнения почвы и водных источников. Кормовая база при этом не может удовлетворить запросы животноводства.

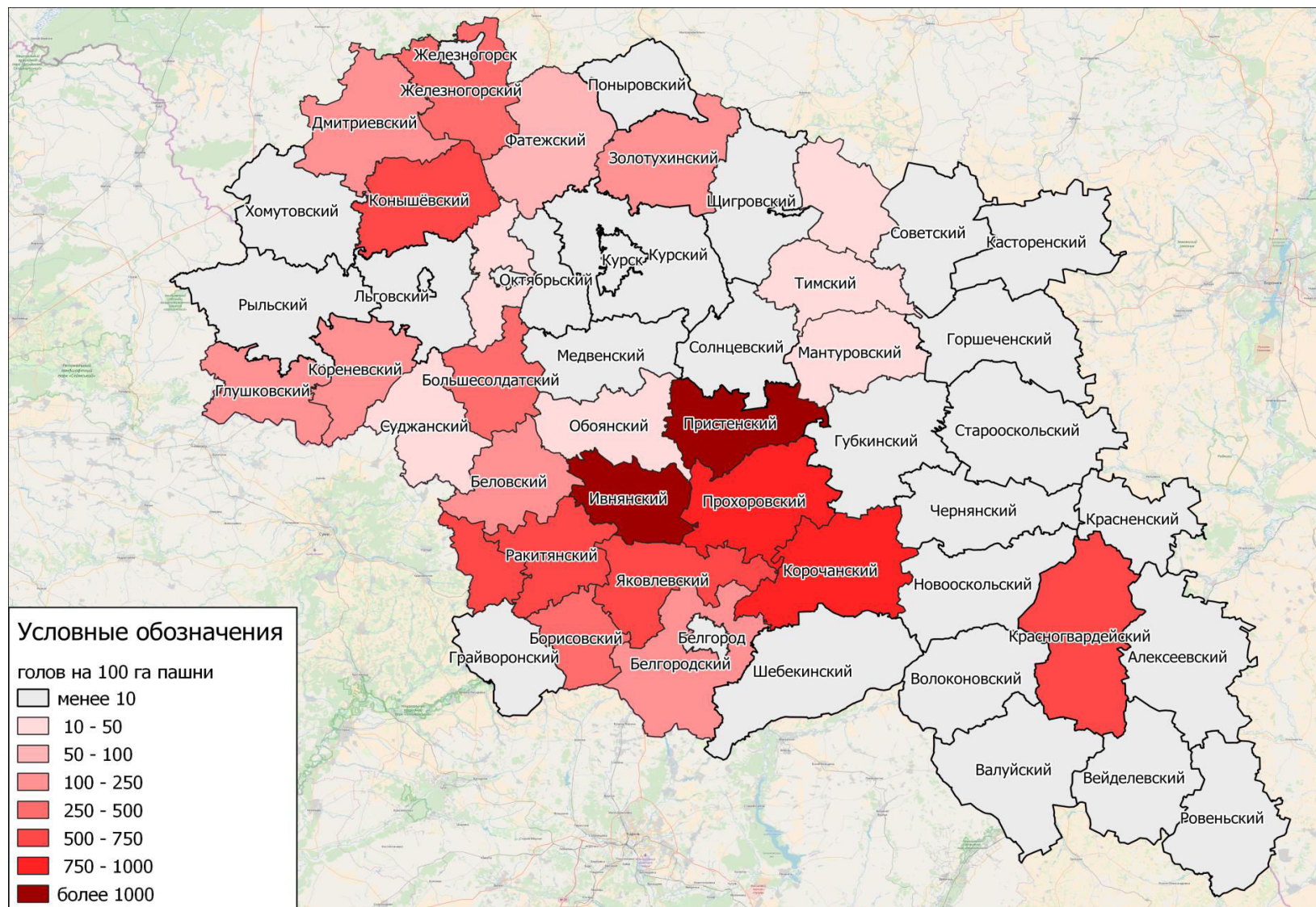

Рис. 1. Плотность поголовья свиней в Курской и Белгородской областях (в сельхозорганизациях), 2017 г.

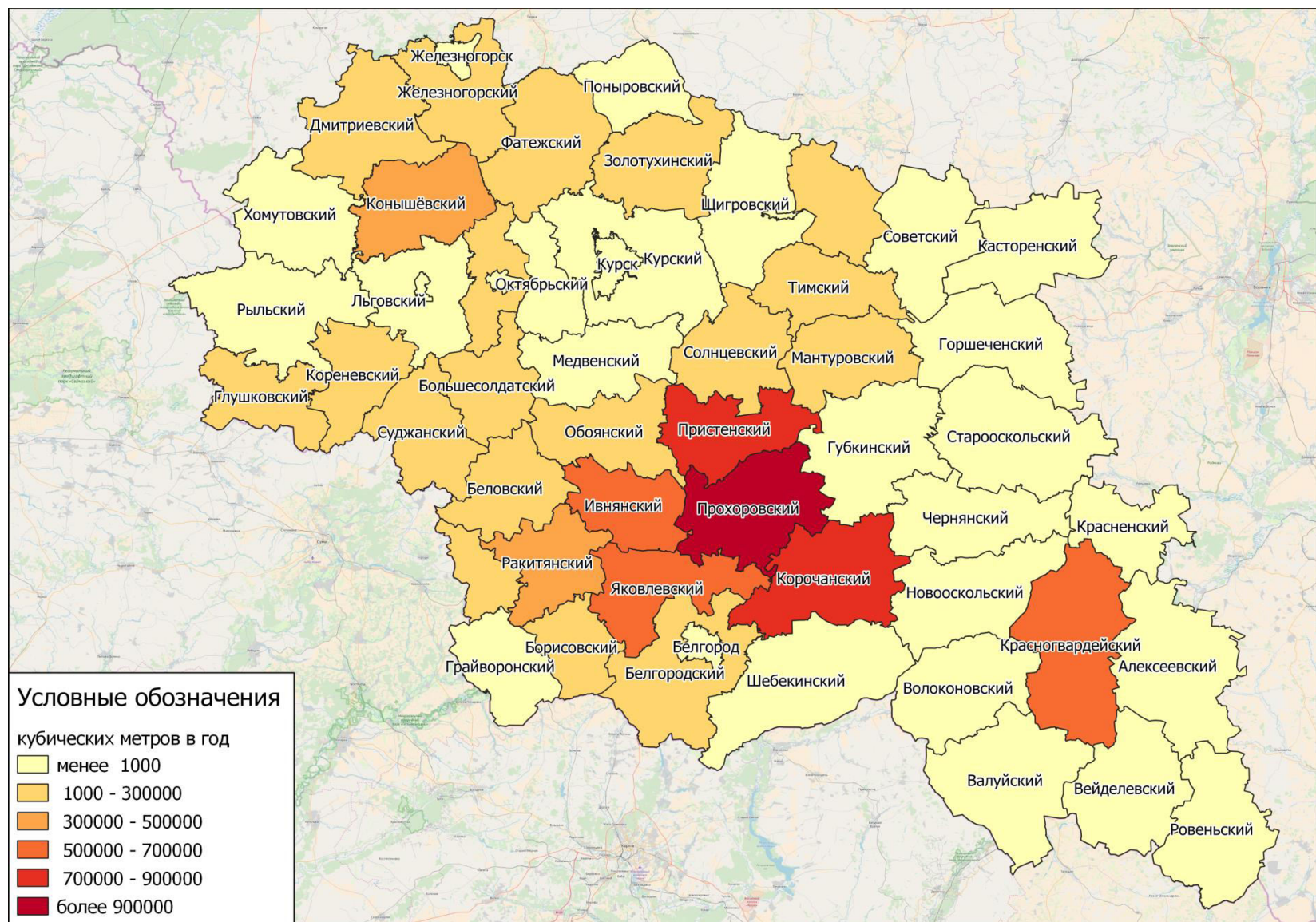

Рис.2. Объем накопленного навоза в среднем за год на свиноплодках Курской и белгородской областей, 2017 г.

Существует научно обоснованный показатель расчет плотности поголовья скота на единицу площади сельскохозяйственных угодий. Для поголовья свиней (учитывая особенности кормовой базы и типов содержания этих животных) такой показатель рассчитывается на 100 га пашни. Плотность поголовья свиней, естественно будет зависеть от уровня урожайности зерновых культур.

В последние годы средняя урожайность зерновых в Курской и Белгородской областях колеблется в пределах 50-65 ц/га (в зависимости от агроклиматических условий района).

Исходя из этого показателя для обеспечения экологической устойчивости территории плотность поголовья свиней не может превышать 600-650 голов на 100 га пашни. В Курской области это значение близко к максимальному или значительно выше нормы в двух административных районах (Пристенском и Коньшевском), а в Белгородском – в шести (Прохоровском, Ивнянском, Яковлевском, Корочанском, Ракитянском и Красногвардейском) (рис. 1).

При столь высокой численности поголовья, появляется очень важный вопрос о складировании и утилизации фекальных масс. Объем навоза, генерируемого одной свиньей весом 100 кг, составляет 1 куб. м/год, но это при технологии водосберегающего смыва, когда навоз удаляется с комплекса струей воды под большим давлением

Если же смывают просто большим количеством воды, то объем жидкой фракции непредсказуем и может варьироваться от 1 до 16 л стоков навоза, средний показатель – 7 л/день на животное, таким образом, в год получается около 2,56 куб. м на ското-место. Как правило, на большинстве свинокомплексов используют как раз такую технологию (рис.2).

Но, при имеющемся расположении комплексов в Пристенском, Прохоровском и Ивнянском районах, и пограничном положении Псла определить степень опасности каждого конкретного комплекса при массовом сбросе агрессивной среды, крайне затруднительно, так как всегда всегда имеется возможность перевести свою вину на другую область. Ситуация осложняется относительной малодоступностью на этом участке как самого Псла, так и его притоков для надзорных органов. Сильно заросшая за последние 20 лет пойма, узкое заболоченное русло, отсутствие дорог и мостов явились поводом Росприроднадзору для практически полного прекращения выявления причин гибели рыбы.

Юридическая ответственность за экологические нарушения на трансграничных реках является плохо проработанным вопросом даже на межгосударственном уровне. Обычно соседние государства специально оговаривают условия возмещения убытков и порядок их взыскания в специальных межправительственных договорах. Это чаще всего характерно в случае прохождения реки по территории нескольких стран. Для Европы самым ярким примером таких договоренностей служат «Дунайские страны», которые выработали юридические механизмы ответственности за экологические нарушения в бассейне р. Дунай. Однако, когда дело касается

внутренних административных границ (например, границ субъектов РФ) зачастую приходится сталкиваться с проблемами юрисдикции региональных прокуратур, когда предприятие виновник загрязнения и пострадавшая сторона находятся по разные стороны границы и возникают сложности в возбуждении процессуальных действий.

Отсутствие согласования рационального природопользования между административными субъектами различных уровней, располагающихся на территории однородных природно-территориальных комплексов (в том числе речных бассейнов) ставит под угрозу нормальное существование представителей ихтиофауны, которые являются одним из важнейших биологических ресурсов России.

Литература

1. Смолянинов В.М., Овчинникова Т.В. Бассейновый подход при землеустроительном проектировании в регионах с интенсивным проявлением природных и техногенных чрезвычайных ситуаций. Эколого-географические исследования в речных бассейнах. Мат. Третьей между. Науч.-практ. конф. - Воронеж, ВГПУ, 2009. с. 21 - 24.

2. Чернышев А.А., Чернышова М.Н. К вопросу о проблемах мониторинга состояния водно-болотных комплексов речных бассейнов в пограничных районах Курской области // Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации. Материалы 2-ой международной научно-практической конференции. Курск, 2015. (режим доступа). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25083450>

3. Чернышев А.А. Орнитофауна водно-болотных угодий Центральной лесостепи: проблемы и перспективы. - Курск, изд-во КГУ, 2010. – 228 с.

4. В Курской области в реке Илек погибло более четырех тысяч рыб [Электронный ресурс] / АиФ Черноземье. – Режим доступа: http://www.chr.aif.ru/kursk/incidents/v_kurskoj_oblasti_v_reke_ilek_pogiblo_bolee_chetyreh_tysyach_ryb, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

5. Куда ведет след курского рыбомора? [Электронный ресурс] / МКгу Черноземье. – Режим доступа: <https://chr.mk.ru/incident/2018/08/16/kuda-vedet-sled-kurskogo-rybomora.html>, свободный. – Загл. с экрана.– Яз. рус.

6. Центральное-черноземный государственный заповедник имени профессора В.В. Алехина [Электронный ресурс] / Официальный сайт ЦЧБЗ. – Режим доступа: <http://zapoved-kursk.ru/o-zapovednike/konvencii/unesco-mab.html>, свободный. – Загл. с экрана.– Яз. рус.

Научное издание

Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации

Сборник статей

Статьи публикуются в авторской редакции

КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
г. Курск, Радищева, 33